

ISSN 2307-2539

№1 (21) • 2018

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2018

Главный редактор:

А.А. Тишкин, д-р ист. наук, профессор

Редакционная коллегия:

В.В. Горбунов (зам. главного редактора),
д-р ист. наук, доцент;
С.П. Грушин, д-р ист. наук, доцент;
Н.Н. Крадин, д-р ист. наук, чл.-кор. РАН;
А.И. Кривошапкин, д-р ист. наук, профессор;
А.Л. Кунгуров, канд. ист. наук, доцент;
Д.В. Папин (отв. секретарь), канд. ист. наук;
Н.Н. Серёгин (отв. секретарь), канд. ист. наук;
С.С. Тур, канд. ист. наук;
А.В. Харинский, д-р ист. наук, профессор;
Ю.С. Худяков, д-р ист. наук, профессор

Редакционный совет журнала:

Ю.Ф. Кирюшин (председатель), д-р ист. наук,
профессор (Россия);
Д.Д. Андерсон, Ph.D., профессор
(Великобритания);
А. Бейсенов, канд. ист. наук (Казахстан);
У. Бросседер, Ph.D. (Германия);
А.П. Деревянко, д-р ист. наук, профессор,
академик РАН (Россия);
Е.Г. Дэвлет, д-р ист. наук (Россия);
И. Фодор, д-р археологии, профессор
(Венгрия);
И.В. Ковтун, д-р ист. наук (Россия);
Л.С. Марсадалов, д-р культурологии (Россия);
Д.Г. Савинов, д-р ист. наук, профессор
(Россия);
А.Г. Ситдиков, д-р ист. наук (Россия);
Т. Шу, профессор (Япония);
Л. Чжан, Ph.D., профессор (Китай);
Т.А. Чикишева, д-р ист. наук (Россия);
М.В. Шуньков, д-р ист. наук, чл.-кор. РАН
(Россия);
Д. Эрдэнэбаатар, канд. ист. наук, профессор
(Монголия)

Адрес: 656049, Барнаул, пр-т Ленина, 61,
каб. 211, телефон: 8 (3852) 291-256.
E-mail: tishkin210@mail.ru

Журнал основан в 2005 г.
С 2016 г. выходит 4 раза в год

Учредителем издания является
Алтайский государственный
университет

Утвержден к печати Объединенным
научно-техническим советом АГУ

Все права защищены.
Ни одна из частей журнала либо
издание в целом не могут быть
перепечатаны без письменного
разрешения авторов или издателя

Печатное издание «Теория и практи-
ка археологических исследований»
© Алтайский государственный уни-
верситет, 2005–2018.
Зарегистрировано Комитетом РФ
по печати. Свидетельство
о регистрации ПИ №ФС 77-65056.
Дата регистрации 10.03.2016.

ISSN 2307-2539

№1 (21) • 2018

**THEORY AND PRACTICE
OF ARCHAEOLOGICAL
RESEARCH**

Barnaul

Altai State
University Press
2018

Editor in Chief:

A.A. Tishkin, Doctor of History, Professor

Editorial Staff:

V.V. Gorbunov (Deputy Editor in Chief),
Doctor of History, Associate Professor;
S.P. Grushin, Doctor of History, Associate Professor;
N.N. Kradin, Doctor of History, Corresponding
Member, Russian Academy of Sciences;
A.I. Krivoshekin, Doctor of History, Professor;
A.L. Kungurov, Candidate of History;
D.V. Papin (Assistant Editor), Candidate of History;
N.N. Seregin (Assistant Editor), Candidate
of History;
S.S. Tur, Candidate of History;
A.V. Kharinsky, Doctor of History, Professor;
J.S. Khudyakov, Doctor of History, Professor

Associate Editors:

J.F. Kiryushin (Chairperson), Doctor of History,
Professor (Russia);
D.D. Anderson, Ph.D., Professor (Great Britain);
A. Beisenov, Candidate of History (Kazakhstan);
U. Brosseder, Ph.D. (Germany);
A.P. Derevianko, Doctor of History Academician,
Russian Academy of Science (Russia);
E.G. Devlet, Doctor of History (Russia);
I. Fodor, Doctor of Archaeology,
Professor (Hungary);
I.V. Kovtun, Doctor of History (Russia);
L.S. Marsadolov, Doctor of Culturology (Russia);
D.G. Savinov, Doctor of History (Russia);
A.G. Sitdikov, Doctor of History (Russia);
T. Shu, Professor (Japan);
L. Zhang, Ph.D., Professor (China);
T.A. Chikisheva, Doctor of History (Russia);
M.V. Shunkov, Doctor of History, Corresponding
Member, Russian Academy of Sciences (Russia);
D. Erdenebaatar, Candidate of History,
Professor (Mongolia)

Address: office 211, Lenin av., 61, Barnaul,
656049, Russia, tel.: (3852) 291-256.
E-mail: tishkin210@mail.ru

The journal was founded in 2005.
Since 2016 the journal has been
published 4 times a year.

The founder of the journal
is Altai State University

Approved for publication by
the Joint Scientific and Technical
Council of Altai State University

All rights reserved.
No publication in whole or in part
may be reproduced without the
written permission of the authors or
the publisher

Print Edition of "The Theory and Prac-
tice of Archaeological Research"

© Altai State University, 2005–2018.

Registered with the RF Committee
on Printing. Registration certificate
PI №FS 77-65056. Registration date
10.03.2016.

СОДЕРЖАНИЕ

РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

<i>Ковалевский С.А.</i> Формирование концептуальных подходов в изучении ирменских древностей (середина 1950-х – 1960-е гг.)	7
<i>Кунгуров А.Л., Папин Д.В., Федорук А.С.</i> Коллекция каменных изделий поселения Ульяновка 3 (Алтайский край)	17
<i>Миклашевич Е.А.</i> Наскальные изображения горы Туран на Среднем Енисее	24
<i>Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В.</i> Рога животных в обрядах населения степной и лесостепной Евразии эпохи бронзы	40
<i>Сотникова С.В.</i> К вопросу о культе предков в алакульском обществе (по материалам нарушенных погребений)	52
<i>Тишкин А.А., Кирюшин К.Ю., Шмидт А.В.</i> Техника первичного расщепления камня на поселении Рубцовское (юг Западной Сибири)	68
<i>Шалагина А.В., Боманн М., Колобова К.А., Кривошапкин А.И.</i> Костяные иглы из верхнепалеолитических комплексов Страшной пещеры (Северо-Западный Алтай)	89

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫХ МЕТОДОВ В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

<i>Грушин С.П., Сосновский И.А.</i> Фотограмметрия в археологии – методика и перспективы	99
<i>Новикова О.Г., Марсадолов Л.С., Тишкин А.А.</i> Китайские лаковые изделия в Забайкалье и на Алтае в хуннское время	106

ЗАРУБЕЖНАЯ АРХЕОЛОГИЯ

<i>Дмитриев Е.А., Жусупов Д.С.</i> Тюркские ограды могильника Танабай в контексте исследований раннесредневековых памятников Центрального Казахстана	144
<i>Колобова К.А., Кривошапкин А.И., Шнайдер С.В., Шалагина А.В.</i> Обоснование возраста ранних геометрических микролитов в западной части Центральной Азии	155
<i>Табарев А.В., Патрушева А.Е.</i> Неолит островной части Юго-Восточной Азии: особенности, гипотезы, дискуссии	165

ИЗ МУЗЕЙНЫХ КОЛЛЕКЦИЙ

<i>Серегин Н.Н., Леонов А.С.</i> Тюркские изваяния из Музея археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета	180
<i>Список сокращений</i>	188
<i>Сведения об авторах</i>	189

CONTENTS

RESULTS OF STUDYING OF MATERIALS OF ARCHAEOLOGICAL RESEARCH

<i>Kovalevsky S.A.</i> Formation of Conceptual Approaches in Studying Irmen Antiquities (mid-1950s–1960s)	7
<i>Kungurov A.L., Papin D.V., Fedoruk A.S.</i> Collection of Stone Products of the Ulyanovka 3 Site (Altai Territory)	17
<i>Miklashevich E.A.</i> Rock Art of the Turan Mountain at the Middle Yenisey	24
<i>Podobed V.A., Usachuk A.N., Tsimidanov V.V.</i> Horns of Animals in the Ceremonies of Bronze Age Tribes in Steppe and Forest-Steppe Eurasia	40
<i>Sotnikova S.V.</i> To the Issue About the Cult of Ancestors in the Alakul Society (on materials of the violated burials)	52
<i>Tishkin A.A., Kiryushin K.Yu., Schmidt A.V.</i> Technology of Primary Splitting of the Stone in the Rubtsovskoe Settlement (south of Western Siberia)	68
<i>Shalagina A.V., Baumann M., Kolobova K.A., Krivoshapkin A.I.</i> Bone Needles from Upper Paleolithic Complexes of the Strashnaya Cave (North-Western Altai)	89

USE OF NATURAL-SCIENTIFIC METHODS IN ARCHAEOLOGICAL RESEARCH

<i>Grushin S.P., Sosnovsky I.A.</i> Photogrammetry in Archaeology – Possibilities and Methods	99
<i>Novikova O.G., Marsadolov L.S., Tishkin A.A.</i> Chinese Lacquer Products in Transbaikalia and in Altai in the Xiongnu Time	106

FOREIGN ARCHAEOLOGY

<i>Dmitriev E.A., Zhusupov D.S.</i> Turkic Fences of the Tanabai Burial Ground in Context of Research of Early Middle Ages Sites in Central Kazakhstan	144
<i>Kolobova K.A., Krivoshapkin A.I., Shnaider S.V., Shalagina A.V.</i> The Justifications for the Early Geometric Microlyts Age in Western Central Asia	155
<i>Tabarev A.V., Patrusheva A.E.</i> Neolithic of the Insular Southeast Asia: Peculiarities, Hypothesis, Discussions	165

FROM MUSEUM COLLECTIONS

<i>Seregin N.N., Leonov A.S.</i> Turkic Statues from the Museum of Archaeology and Ethnography of Altai of Altai State University	180
<i>Abbreviations</i>	188
<i>Authors</i>	189

РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

УДК 902«637»(571.1)

С.А. Ковалевский

Кузбасский государственный технический университет, Кемерово, Россия

ФОРМИРОВАНИЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ПОДХОДОВ В ИЗУЧЕНИИ ИРМЕНСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ (середина 1950-х – 1960-е гг.)

Данная работа посвящена рассмотрению исследовательских концепций, сложившихся в середине 1950-х гг. – 1960-е гг. и посвященных реконструкции культурно-исторических процессов на юге Западной Сибири в период поздней бронзы. Нами показано, что формирование концепций происходило в период начала расцвета сибирской археологии, на основе увеличения источникового фонда, широкомасштабных раскопок как в ранее известных регионах (Алтайское, Новосибирское, Томское Приобье, Нижнее Притомье), так и на новых территориях (Кузнецкая котловина, Бараба, лесостепное Прииртышье). Изучение трудов М.П. Грязнова, Н.Л. Членовой, М.Ф. Косарева, Т.Н. Троицкой и других авторов дало возможность провести их сравнительный анализ, выявить общее и особенное, показать пути эволюции представлений исследователей по таким вопросам, как происхождение культуры, ее компонентный состав, хронология и периодизация, взаимодействие с другими культурными образованиями, территориальные границы, локальные различия, исторические судьбы, а также реконструкция социальных процессов и хозяйственной деятельности. Это позволило выявить особенности восприятия специалистами ирменских древностей, характерные именно для данного этапа развития археологии Сибири.

Ключевые слова: концепция, сибирская археология, карасукская эпоха, ирменская культурно-историческая общность, поселения, погребально-поминальные памятники.

DOI: 10.14258/tpai(2018)1(21).-01

Введение

Ирменская культурно-историческая общность (в традиционном понимании культуры. – С.К.) достаточно хорошо изучена специалистами. За более чем 100-летнюю историю исследования ее материалов было высказано большое количество точек зрения по ключевым вопросам культурогенеза. Формировались и различные научные концепции, рассматривающие изучаемые памятники в рамках карасукской культуры или эпохи, еловско-ирменской, а также собственно ирменской культуры. Подробный анализ существующих концепций проведен нами в рамках диссертационного исследования [Ковалевский, 2016]. Формирование новых концептуальных подходов стало возможным благодаря тому, что к середине 1950-х гг. были исследованы достаточно показательные поселенческие и погребально-поминальные памятники периода поздней бронзы на Верхней Оби (Ближние Елбаны-IV, Ирмень-I) и Нижнем Притомье (Басандайка). В общей сложности к этому времени было открыто и в разной степени изучено более 30 памятников (преимущественно на территории Верхнего Приобья). Эти материалы позволили М.П. Грязнову, Н.Л. Членовой, М.Ф. Косареву, Т.Н. Троицкой и другим специалистам разработать и предложить свои концепции культурогенеза, объясняющие процессы, происходившие в период поздней бронзы на территории Западносибирской лесостепи. Оформление этих концепций следует считать началом нового этапа изучения ирменских древностей, продолжавшегося до рубежа 1960-х –

1970-х гг. Анализ концептуальных подходов, сложившихся на этом этапе, и является целью данной работы.

Середина 1950-х гг. воспринимается сегодня как время начала расцвета сибирской археологии, что во многом было связано с происходившими в СССР социально-политическими процессами. Это дало возможность ученым дискутировать по проблемам развития древнего и средневекового общества, высказывать различные точки зрения. Именно в это время был создан Институт истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР (1966 г.), а также появились специалисты-археологи (А.П. Окладников, А.П. Уманский, В.И. Матющенко, А.И. Мартынов, Т.Н. Троицкая и др.) [Китова, 2014, с. 29–30].

В данный период значительно расширился и круг учреждений, занимавшихся археологическими изысканиями. Такие исследования на протяжении всего периода осуществлялись как центральными (Институт археологии АН СССР) и местными музейными учреждениями, так и специализированными подразделениями вузов. Полевые работы проводились археологическими экспедициями Барнаульского, Новосибирского, Кемеровского педагогических институтов, Томского государственного университета, Уральской археологической экспедицией.

Методы, материалы и результаты исследований

В течение данного периода, несмотря на увеличение количества открытых и полностью изученных памятников периода поздней бронзы (либо раскопанных значительными площадями), их число оставалось небольшим. Среди наиболее крупных полевых работ этого периода следует выделить раскопки таких памятников, как Пьяново, Иваново-Родионово и Тарасово (Кузнецкая котловина), Плотинная-I, Суртайка-I и Камышенка (Алтайское Приобье), Еловское поселение и ЕК-II могильник (Томское Приобье), поселений Красный Яр-IV, Умна-I, Камень-II, Чучка-VII (Новосибирское Приобье), Черноозёрье-VIII, городищ Розановское и Большой Лог (Омское Прииртышье).

Введение в научный оборот новых материалов, а также анализ ранее исследованных памятников позволили специалистам предложить собственные концептуальные подходы, посвященные процессам культурогенеза в эпоху поздней бронзы. На протяжении предшествующего периода изучения материалы позднего бронзового века лесостепной части Западной Сибири отождествлялись учеными с древностями карасукской культуры. В середине 1950-х гг. известный советский археолог М.П. Грязнов обобщил результаты изучения карасукских памятников (поселения Ирмень-I, Дальние Елбаны-I, Енисейское, могильники Ближние Елбаны-IV, Долгая Грива, Змеёвка) на территории Верхнего Приобья.

По его мнению, племена карасукского времени Казахстана и Сибири, в отличие от андроновских племен, не обнаруживают единства и их следует рассматривать в рамках не культуры, а «карасукской эпохи» (в виде шести самостоятельных вариантов, с перспективой выделения еще четырех). Были намечены и примерные границы расселения верхнеобских и новосибирских племен, а также их этнографическое своеобразие. Выделенные варианты были сопоставлены с отдельными этническими (племенными) группами. Сложение карасукского населения Верхней Оби (верхнеобский и новосибирский варианты) происходило, как считал специалист, на рубеже II–I тыс. до н.э. на основе предшествующей андроновской культуры, при определенных контактах с племенами Енисея. Была обозначена и динамика развития материальной культуры

верхнеобского карасукского населения, проявившаяся, по наблюдению исследователя, в эволюции керамической посуды. В частности, им были выделены ранний (гладкостенный) и поздний (воротничковый) типы керамики.

Развитие карасукского типа культуры на Верхней Оби завершалось перерастанием его в конце VIII – начале VII в. до н.э. в большеереченский этап большеереченской культуры. Специалист продемонстрировал преемственность в керамической посуде (форма и орнаментация) между памятниками карасукского и большеереченского времени, отметив, что переходный период от одной культуры к другой был кратким. Говоря о хозяйственных занятиях карасукского населения Верхней Оби, М.П. Грязнов предполагал их пастушеско-земледельческий характер (как и в андроновское время), при незначительной роли охоты и рыболовства [1956а, с. 27–42; 1956б, с. 26–43].

Концептуальные положения, высказанные М.П. Грязновым, были в целом приняты такими сибирскими специалистами, как У.Э. Эрдниев, А.И. Мартынов, А.П. Уманский, Т.Н. Троицкая, работавшими в различных региональных научных центрах (Сталинск, Кемерово, Барнаул, Новосибирск). Уральские специалисты во главе В.Ф. Генингом также руководствовались данной концепцией при изучении материалов периода поздней бронзы.

Сотрудником сталинского городского краеведческого музея У.Э. Эрдниевым в первой половине 1950-х гг. были проведены раскопки на городище Маяк. Полученные материалы были отнесены им к карасукской эпохе и датированы XII–VIII вв. до н.э. [Эрдниев, 1960, с. 15–17].

Кемеровским археологом А.И. Мартыновым на основании материалов трех раскопанных в первой половине 1960-х гг. курганных могильников периода поздней бронзы в долине р. Иня (Кузнецкая котловина) был выделен новый инской вариант карасукской культуры. Его происхождение связывалось специалистом с андроновскими древностями. Допускалось и воздействие минусинского карасукского компонента. Исследованные могильники, на основании того, что вся посуда из погребений и насыпей курганов относилась к гладкостенному типу (по классификации М.П. Грязнова), были отнесены А.И. Мартыновым [1964, с. 122–133; 1966, с. 164–182] к раннему периоду существования карасукской культуры.

Барнаульский археолог А.П. Уманский, раскопавший в 1968–1971 гг. грунтовый могильник Плотинная-I, также первоначально отождествил полученные материалы с верхнеобским вариантом карасукской культуры, выделенным ранее М.П. Грязновым. Формирование карасукских древностей Алтая А.П. Уманский связывал с андроновской культурой. Опираясь на периодизацию М.П. Грязнова, он датировал данный памятник карасукско-каменоложским временем (в пределах XI–X вв. до н.э.) [Уманский, 1972, с. 22–26].

Новосибирский археолог Т.Н. Троицкая, изучавшая материалы периода поздней бронзы достаточно продолжительное время, на основании целого ряда исследованных памятников (поселения Ирмень-I, Красный Яр-IV, Умна-I, Камень-II, Чучка-VII, Батурино-I, -III, Берёзовый остров, курганы в могильниках Ордынское-I, Милованово-I, Камень-I, Красный Яр-Ig и др.) реконструировала культурно-исторические процессы, протекавшие на территории Новосибирского Приобья в древности.

Достоинством научной работы Т.Н. Троицкой, написанной в 1967 г., а изданной в 1974 г., является не только количество привлеченных для анализа источников,

но и то, что она творчески подошла к их анализу. Придерживаясь в целом концепции М.П. Грязнова о карасукской принадлежности памятников Новосибирского Приобья, Т.Н. Троицкая отождествила понятия «эпоха» и «культура». Под карасукской культурой она понимала общность, которая состоит из групп населения со своей этнической спецификой, различиями в хозяйственной деятельности, материальной культуре.

Детально проведенный анализ керамики карасукских поселений Новосибирского Приобья позволил ей говорить о трех группах таких памятников. Орнаментация выделенных групп была сопоставлена с предшествующими андроновскими и последующими завьяловскими материалами. Результатом стало выделение Т.Н. Троицкой трех последовательных этапов эволюции карасукской культуры на изучаемой территории. Соответственно была предложена и достаточно «длинная» хронология, нижняя граница которой определялась завершением андроновской и формированием карасукской культуры (XII–X вв. до н.э.), а верхняя – перерастанием «карасука» в древности завьяловского типа (VIII–VII вв. до н.э.).

В этой связи Т.Н. Троицкой были высказаны критические замечания о достаточно поздней датировке ирменской культуры, предложенной Н.Л. Членовой [1955]. Т.Н. Троицкая справедливо полагала, что население периода поздней бронзы прошло достаточно долгий путь развития и его культура никак не могла сформироваться в VIII в. до н.э. Вместе с тем Т.Н. Троицкая выступила и против точки зрения М.Ф. Косарева [1964а, с. 85] о происхождении ирменских памятников от еловской культуры. Она считала, что еловская керамика не предшествует ирменской, а одновременна ей. Происхождение карасукской культуры Новосибирского Приобья рассматривалось Т.Н. Троицкой как результат взаимодействия андроновского и «лесного» компонентов.

Достаточно традиционно, в русле концепции М.П. Грязнова, рассматривалась и хозяйственная деятельность карасукского населения, определявшаяся как примитивное пастушеское скотоводство с зимним содержанием скота в жилищах. Предполагалось наличие мотыжного земледелия, подсобной роли охоты и рыболовства, а также домашних ремесел (обработка металлов, ткачество, производство костяных изделий). Социальные отношения были определены как патриархальный родовой строй, а религиозные – как культ огня и домашних духов [Троицкая, 1974, с. 32–46].

В конце 1960-х гг. Т.Н. Троицкой на основании исследований поселений Завьялово-I, V была пересмотрена схема М.П. Грязнова об автохтонной линии развития племен Верхней Оби. Было высказано предположение о перерастании карасукской культуры не в большереченскую, а в так называемый завьяловский тип, сформировавшийся как результат взаимодействия карасукской и северной таяжской традиций. По мнению Т.Н. Троицкой, завьяловский керамический комплекс обнаруживает большее сходство с карасукской керамикой, чем с большереченской. Исходя из этого завьяловский тип керамики был отнесен к последнему этапу эпохи бронзы [Троицкая, 1968, с. 99–104; 1972, с. 3–35].

Стоит отметить, что определенное возвращение к идеям, высказанным в 1967 г. Т.Н. Троицкой, произошло уже в 1980-е гг., когда на более широкой основе ее ученики Е.А. Сидоров и А.В. Матвеев разработали свои концепции развития ирменской культуры.

В русле концепции М.П. Грязнова о карасукской принадлежности памятников периода поздней бронзы сформулировали свои выводы и уральские археологи во главе

с В.Ф. Генингом, работавшие в 1961–1969 гг. на территории Омского Прииртышья. Согласно разработанной специалистами схеме культурно-исторического развития этого региона, период поздней бронзы представлен здесь поселениями трех основных типов. Эти типы были соотнесены с тремя хронологическими этапами: черноозерским (андроновским), розановским (карасукским) и большеложским (нач. I тыс. до н.э.).

Розановский этап был выделен специалистами на основе раскопок и изучения материалов Розановского городища и Черноозерского поселения. Данные памятники, на основании сравнительного анализа с материалами Новосибирского Приобья (домостроительные традиции, керамика), были отнесены к кругу культур карасукского типа. При этом отмечалось, что памятники розановского типа из Омского Прииртышья являются северо-западной периферией распространения в последней четверти II тыс. до н.э. на гигантской территории от Минусинской котловины до водораздела Иртыша и Ишима общекарасукских форм. Вместе с тем исследователи писали, что формирование населения розановского этапа происходило на местной андроновской основе, а пришлый, карасукский компонент не был слишком значимым.

Говоря о взаимодействии розановского и сузгунского населения, специалисты фактически отвергли высказанные ранее точки зрения об участии еловско-десятовского (М.Ф. Косарев) и лесного (Н.Л. Членова) компонентов в формировании ирменской культуры. Происхождение большеложского типа, завершающего эпоху бронзы в Омском Прииртышье, исследователи выводили из розановского типа, подвергнувшись сильному воздействию со стороны потомков местных черноозерских племен, а также некоего степного влияния [Генинг и др., 1970, с. 12–51].

В середине 1950-х гг. Н.Л. Членова, используя материалы нескольких поселений лесостепной части Западной Сибири, выделила ирменскую археологическую культуру [Членова, 1955, с. 38–57]. Основой выделения новой культуры стали, главным образом, материалы поселения Ирмень-I, раскопанного М.П. Грязновым в первой половине 1950-х гг. Вместе с тем Н.Л. Членова не согласилась со специалистом, относившим материалы этого памятника (и ряда других) к карасукской эпохе. Критериями единичности изученных Н.Л. Членовой поселений выступили сходство морфологии и декора керамики (геометрическая орнаментация, а также использование мотивов «жемчужник» и «сетка»). Стоит отметить, что в число ирменских тогда попали как достаточно поздние (находки у д. Осинцевой, Большой Лог, Кузнецк), так и инокультурные памятники (находки с горы Изых). Вероятно, это отчасти объясняет отнесение исследователем этих памятников к предскифскому времени и достаточно позднюю датировку культуры в рамках VIII в. до н.э. Вместе с тем ирменские памятники, раскопанные М.П. Грязновым на территории Барнаульского Приобья, в эту сводку не попали и рассматривались Н.Л. Членовой как карасукские. Так, приступая в конце 1960-х гг. к полевым исследованиям курганных могильников Суртайка-I и Камышенка, а также поселения на Долгой Гриве, исследователь относила их первоначально к карасукской эпохе [Членова, 1969, с. 1, 25, 26]. Фактически только с 1970-го г. Н.Л. Членова стала рассматривать памятники лесостепного Алтая в рамках ирменской культуры.

Культура была названа по наиболее полно изученному памятнику (Ирмень-I). Происхождение вновь выделенной культуры связывалось Н.Л. Членовой с андроновским и «лесным» компонентами. Было признано и определенное карасукское (минусинское) влияние. В числе родственных ирменской Н.Л. Членовой были названы

культуры Алтайского Приобья, Восточного и Центрального Казахстана, также сформировавшиеся на андроновской основе и определенного карасукского воздействия.

Формирующаяся концепция Н.Л. Членовой не была поддержана в изучаемый период большинством сибирских специалистов и до начала 1970-х гг. оставалась «вещью в себе». Вместе с тем уже в 1960-е гг. эту концепцию во многом принял и развил московский археолог М.Ф. Косарев, а затем и томский специалист В.А. Посредников.

М.Ф. Косаревым в первой половине 1960-х гг. для территории Обь-Иртышья были выделены две новые археологические культуры: еловская и молчановская. В то же самое время специалист выступил против отнесения М.П. Грязновым и его последователями ирменских памятников к различным вариантам карасукской культуры или общности. По мнению ученого, сходство культурных образований Западносибирской лесостепи, отмеченное М.П. Грязновым, действительно существует. Но в основе этого сходства лежит не принадлежность к единой культурной общности, а общность происхождения, единый тоболо-иртышский (екатерининский) субстрат.

Поддержав выделение Н.Л. Членовой ирменской культуры для территорий Ново-сибирского Приобья и Притомья, М.Ф. Косарев отнес исследованные материалы южной части Среднего Приобья к так называемому басандайско-ирменскому типу. Стоит отметить, что отдельные положения концепции Н.Л. Членовой были подвергнуты М.Ф. Косаревым критике. Так, он выступал против недооценки Н.Л. Членовой роли карасукского и переоценки андроновского и «лесного» компонентов в генезисе ирменской культуры. Также М.Ф. Косарев не считал правильным широко распространять территорию расселения ирменского населения за пределы Новосибирско-Томского Приобья.

Интересно, что памятники ирменской и молчановской культур М.Ф. Косарев относил в 1960-е гг. не к периоду поздней бронзы, а к переходному периоду от бронзового века к железному. В отличие от других специалистов, связывавших происхождение ирменской культуры с андроновским субстратом, М.Ф. Косарев проследил генетическую связь керамики басандайско-ирменского типа с еловско-десятовской. Были предложены и даты: для еловской культуры – XII–X вв. до н.э., а для ирменской – IX–VIII вв. до н.э. На основании этих наблюдений был сделан вывод о происхождении басандайско-ирменского населения южной части Среднего Приобья от еловской культуры. Этот вывод фактически поддержал В.А. Посредников [1969, с. 171]. Стоит отметить, что точка зрения М.Ф. Косарева подвергалась критике [см. напр.: Троицкая, 1974, с. 42]. Тем не менее, уже в 1970-е гг. она была принята большинством специалистов.

В качестве катализатора ирменского культуругенеза на территориях Нижнего Притомья и Приобья М.Ф. Косаревым признавалось значительное воздействие на еловско-десятовское население минусинского карасукского компонента, проявившееся в орнаментации керамики и массовом распространении карасукских бронзовых вещей, повлиявшем на «подавление» местной андронидной металлургии.

Значительное внимание в своих исследованиях тех лет М.Ф. Косарев уделял вопросам реконструкции хозяйственной деятельности древнего населения, а также влиянию роли экологического фактора в культурно-исторических процессах, происходивших на территории Западной Сибири в изучаемый период. Основываясь на выводе М.П. Грязнова о пастушеско-земледельческом типе хозяйства ирменского населения, М.Ф. Косарев показал некоторое повышение роли скотоводства от еловской культу-

ры к ирменской, что объяснил воздействием минусинского карасукского населения, практиковавшего скотоводческое хозяйство. На основании использования почвенного метода реставрации ландшафтных зон, а также привлечения археологических и палеогеографических данных М.Ф. Косаревым были сделаны выводы о распространении степных ландшафтов и, соответственно, степного населения далеко на север в еловское время и об обратном наступлении леса на степь в переходное время от бронзового века к железному, что привело к миграциям на юг северных таежных племен и формированию культуры молчановского типа [Косарев, 1964б, с. 9–11; 1964в, с. 37–44; 1964г, с. 169–175; 1966, с. 24–32].

Томские археологи В.И. Матющенко и Л.Г. Игольникова на основании анализа материалов Еловского поселения сделали вывод об особой культуре (отличной от ирменской), существовавшей на территориях Томского Приобья и Нижнего Притомья в X–VII вв. до н.э. и сложившейся на базе томской культуры, при незначительном воздействии южносибирских племен [Матющенко, Игольникова, 1966, с. 183–195]. Фактически же исследователи объединили тогда в рамках единой культуры материалы двух различных культурных образований (еловского и ирменского). При этом еловские и ирменские материалы не разделялись в культурном и хронологическом отношении. Впоследствии В.И. Матющенко [1974] предложил концепцию единой еловско-ирменской культуры, состоящей из двух последовательных этапов: еловского и ирменского, что уже, в свою очередь, не нашло поддержки у специалистов.

Заключение

Таким образом, во второй половине 1950-х – 1960-е гг. благодаря исследованиям В.Ф. Генинга, А.И. Мартынова, В.И. Матющенко, М.Ф. Косарева, В.И. Стефанова, Т.Н. Троицкой, А.П. Уманского, Н.Л. Членовой и других специалистов значительно увеличился источниковый фонд памятников периода поздней бронзы. Масштабные работы были проведены на территориях Алтайского, Новосибирского и Томского Приобья. Началось изучение Кузнецкой котловины, Барабинской лесостепи, лесостепного Прииртышья.

Данный период знаменуется, с одной стороны, завершением многолетних исследований памятников периода поздней бронзы М.П. Грязновым, что воплотилось в виде концепции формирования на территории Западной Сибири различных вариантов карасукской эпохи (культуры). Данный концептуальный подход получил признание и дальнейшее развитие в трудах сибирских и уральских археологов, занимавшихся данной проблематикой (А.И. Мартынов, А.П. Уманский, Т.Н. Троицкая, В.Ф. Генинг, В.И. Стефанов). С другой стороны, Н.Л. Членовой была предложена альтернативная концепция развития самостоятельной ирменской культуры, не получившая в тот период столь широкой поддержки. Вместе с тем М.Ф. Косаревым и В.А. Посредниковым ирменская культура была признана уже в 1960-е гг. В эти же годы формировалась концепция еловско-ирменской культуры В.И. Матющенко, получившая развитие в 1970-е гг.

На рубеже 1960–1970-х гг. происходит определенная смена приоритетов. Представления о карасукской принадлежности памятников юга Западной Сибири становятся частью истории. Утверждается концепция ирменской культуры, получившая в 1970–1980-е гг. поддержку абсолютного большинства специалистов, занимавшихся археологией Сибири (в том числе рассматривавших ранее ирменские памятники в рамках карасукской культуры).

Библиографический список

- Генинг В.Ф., Гусенцова Т.М., Кондратьев О.М., Стефанов В.И., Трофименко В.С. Периодизация поселений эпохи неолита и бронзового века Среднего Прииртышья // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1970. С. 12–51.
- Грязнов М.П. К вопросу о культурах эпохи поздней бронзы в Сибири // КСИИМК. 1956а. №64. С. 27–42.
- Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1956б. 163 с. (МИА, №48).
- Китова Л.Ю. К вопросу о становлении сибирской археологии и критериях периодизации ее истории // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. №3 (59). Т. 2. С. 24–30.
- Ковалевский С.А. Ирменские древности юга Западной Сибири: история изучения и исследовательские концепции : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Барнаул, 2016. 43 с.
- Косарев М.Ф. Десятовское поселение // КСИА. 1964а. Вып. 97. С. 82–87.
- Косарев М.Ф. Бронзовый век среднего Обь-Иртышья : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1964б. 15 с.
- Косарев М.Ф. Бронзовый век лесного Обь-Иртышья // Советская археология. 1964в. №3. С. 37–44.
- Косарев М.Ф. О происхождении ирменской культуры // Памятники каменного и бронзового веков Евразии. М. : Наука, 1964г. С. 169–175.
- Косарев М.Ф. Некоторые проблемы древней истории Обь-Иртышья // Советская археология. 1966. №2. С. 24–32.
- Мартынов А.И. Новый район карасукской культуры // Советская археология. 1964. №2. С. 122–133.
- Мартынов А.И. Карасукская эпоха в Обь-Чулымском междуречье // Сибирский археологический сборник. Новосибирск : Наука, 1966. С. 164–182.
- Матющенко В.И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). Еловско-ирменская культура // Из истории Сибири. Вып. 12. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1974. 196 с.
- Матющенко В.И., Игольникова Л.Г. Поселение Еловка – памятник второго этапа бронзового века Средней Оби // Древняя Сибирь. Вып. 2. Новосибирск : Наука, 1966. С. 183–195.
- Посредников В.А. Томское Приобье в карасукское время // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1969. С. 171.
- Троицкая Т.Н. Поселение VII–VI вв. до н.э. у с. Завьялово Новосибирской области // КСИА. 1968. Вып. 114. С. 99–104.
- Троицкая Т.Н. Новосибирское Приобье в VII–VI вв. до н.э. // Вопросы археологии Сибири. Вып. 38. Новосибирск : Новосиб. гос. пед. ин-т, 1972. С. 3–35.
- Троицкая Т.Н. Карасукская эпоха в Новосибирском Приобье // Бронзовый и железный век Сибири. Древняя Сибирь. Вып. 4. Новосибирск : Наука, Сибирское отделение, 1974. С. 32–46.
- Уманский А.П. Могильник карасукского времени у ст. Плотинная по аварийным раскопкам 1968 года // Археология и краеведение Алтая. Барнаул : Алтайское кн. изд-во, 1972. С. 22–26.
- Членова Н.Л. О культурах бронзовой эпохи лесостепной зоны Западной Сибири // Советская археология. 1955. №23. С. 38–57.
- Членова Н.Л. Отчет о работах Алтайского отряда Западно-Сибирской экспедиции. Раскопки курганов у д. Камышенка в 1969 г. // Архив ИА РАН, Р-1, №4020, 4020а. М., 1969.
- Эрдниев У.Э. Городище Маяк. Научно-популярный очерк. Кемерово : Кемеровское кн. изд-во, 1960. 68 с.

References

- Gening V.F., Gusencova T.M., Kondrat'ev O.M., Stefanov V.I., Trofimenko V.S. Periodizacija poseleńij jepohi neolita i bronzovogo veka Srednego Priirtysh'ja [Periodization of the Settlements of the Neolithic and Bronze Age of the Middle Irtysh Region]. Problemy hronologii i kul'turnoj prinadlezhnosti arheologičeskikh pamjatnikov Zapadnoj Sibiri [Problems of Chronology and Cultural Affiliation of Archaeological Monuments of Western Siberia]. Tomsk : Izd-vo Tom. un-ta, 1970. Pp. 12–51.

Grjaznov M.P. K voprosu o kul'turah pozdnej bronzy v Sibiri [On the Question of the Cultures of Late Bronze in Siberia]. KSIIMK. 1956a. №64. Pp. 27–42.

Grjaznov M.P. Istorija drevnih plemen Verhnej Obi po raskopkam bliz sela Bol'shaja Rechka [The History of the Ancient Tribes of the Upper Ob River in the Excavations near the Bolshaya Rechka Village]. M. ; L.: Izd-vo AN SSSR, 1956b. 163 p. (MIA, №48).

Kitova L.Ju. K voprosu o stanovlenii Sibirskoj arheologii i kriterijah periodizacii ejo istorii [On the Question of the Formation of Siberian Archeology and the Criteria for the Periodization of its History]. Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Kemerovo State University]. 2014. №3 (59). Vol. 2. Pp. 24–30.

Kovalevskij S.A. Irmenskie drevnosti juga Zapadnoj Sibiri: istorija izuchenija i issledovatel'skie koncepcii : avtoref. dis. ... doc. Istor. Nauk [Irmenski Antiquities of the south of Western Siberia: the History of Study and Research Concepts : the synopsis of dis. ... Dr. Hist. Sciences]. Barnaul, 2016. 43p.

Kosarev M.F. Desjatonvskoe poselenie [Desyatovskoye Settlement]. KSIA. 1964a. Issue 97. Pp. 82–87.

Kosarev M.F. Bronzovyy vek srednego Ob'-Irtys'h'ja : avtoref. dis... kand. ist. Nauk [Bronze Age of the Middle Ob-Irtys'ha Area : Synopsis of the Dis. ... Cand. Hist. Science]. M., 1964b. 15 p.

Kosarev M.F. Bronzovyy vek lesnogo Ob'-Irtys'h'ja [Bronze Age of the Forest Ob-Irtys'ha Area]. Sovetskaja arheologija [Soviet Archaeology]. 1964v. №3. Pp. 37–44.

Kosarev M.F. O proishozhdenii irmenskoj kul'tury [On the Origin of the Irmenskaya Culture]. Pamjatniki kamennogo i bronzovogo vekov Evrazii [Monuments of the Stone and Bronze Ages of Eurasia]. M. : Nauka, 1964g. Pp. 169–175.

Kosarev M.F. Nekotorye problemi drevnej istorii Ob'-Irtys'h'ja [Some Problems of the Ancient History of the Ob-Irtys'ha Area]. Sovetskaja arheologija [Soviet Archaeology]. 1966. №2. Pp. 24–32.

Martynov A.I. Novyy rajon karasukskoj kul'tury [New Area of Karasukskaya Culture]. Sovetskaja arheologija [Soviet Archaeology]. 1964. №2. Pp. 122–133.

Martynov A.I. Karasukskaja jepoha v Ob'-Chulymskom mezhdurech'e [Karasuk Era in the Ob-Chulym Interfluve]. Sibirskij arheologicheskij sbornik [Siberian Archaeological Collection]. Novosibirsk : Nauka, 1966. Pp. 164–182.

Matjushhenko V.I. Drevnjaja istorija naselenija lesnogo i lesostepnogo Priob'ja (neolit i bronzovyy vek). Elovsko-irmenskaja kul'tura [Ancient History of the Forest and Forest-Steppe Population of the Ob Region (Neolithic and Bronze Age). Elovo-Irmenski Culture]. Iz istorii Sibiri [From the History of Siberia]. Issue 12. Tomsk : Izd-vo Tom. un-ta, 1974. 196 p.

Matjushhenko V.I., Igol'nikova L.G. Poselenie Elovka – pamjatnik vtorogo jetapa bronzovogo veka Srednej Obi [The Elovka Settlement – a Site of the Second Stage of the Bronze Age of the Middle Ob River]. Drevnjaja Sibir'. Vyp. 2 [Ancient Siberia. Issue 2]. Novosibirsk : Nauka, 1966. Pp. 183–195.

Posrednikov V.A. Tomskoe Priob'e v karasukskoe vremja [The Tomsk Ob Region in the Karasuk time]. Proishozhdenie aborigenov Sibiri i ih jazykov [Origin of the Aborigines of Siberia and Their Languages]. Tomsk : Izd-vo Tom. un-ta, 1969. 171p.

Troickaja T.N. Poselenie VII–VI vv. do n.je. u s. Zav'jalovo Novosibirskoj oblasti [Settlement of the 7th – 6th Centuries BC near the Zavyalovo village of the Novosibirsk Region]. KSIA. 1968. Issue 114. Pp. 99–104.

Troickaja T.N. Novosibirskoe Priob'e v VII–VI vv. do n.je. [Novosibirsk Ob Region in the 7th–6th centuries BC]. Voprosy arheologii Sibiri. Vyp. 38 [Questions of Archaeology of Siberia. Issue 38]. Novosibirsk : Novosib. gos. ped. in-t, 1972. Pp. 3–35.

Troickaja T.N. Karasukskaja jepoha v Novosibirskom Priob'e [Karasuk Era in the Novosibirsk Ob Area]. Bronzovyy i zheleznyj vek Sibiri. Drevnjaja Sibir'. Vyp. 4 [Bronze and Iron Age of Siberia. Ancient Siberia. Issue 4]. Novosibirsk : Nauka, Sibirskoe otdelenie, 1974. Pp. 32–46.

Umanskij A.P. Mogil'nik karasukskogo vremeni u st. Plotinnaja po avarijnym raskopkam 1968 goda [The Burial Ground of the Karasuk Time near the Plotinnaya Station. Based on Emergency Excavations in 1968]. Arheologija i kraevedenie Altaja [Archaeology and Local History of Altai]. Barnaul : Altajskoe kn. izd-vo, 1972. Pp. 22–26.

Chlenova N.L. O kul'turah bronzovoj jepohi lesostepnoj zony Zapadnoj Sibiri [On the Cultures of the Bronze Age in the Forest-Steppe Zone of Western Siberia]. Sovetskaja arheologija [Soviet Archaeology]. 1955. №23. Pp. 38–57.

Chlenova N.L. Otchet o rabotah Altajskogo otrjada Zapadno-Sibirskoj jekspedicii. Raskopki kurganov u d. Kamyshenka v 1969 g. [Report on the Work of the Altai Detachment of the West Siberian Expedition. Excavations of Mounds near the Kamyshenka Village in 1969]. Arhiv IA RAN, R-1, №4020, 4020a [Archive IA RAS, R-1, No. 4020, 4020a]. M., 1969.

Jerdniev U.Je. Gorodishhe Majak. Nauchno-populjarnyj ocherk [The Site of Ancient Settlement Lighthouse. Popular Science Essay]. Kemerovo : Kemerovskoe kn. izd-vo, 1960. 68 p.

S.A. Kovalevsky

Kuzbass State Technical University, Kemerovo, Russia

**FORMATION OF CONCEPTUAL APPROACHES
IN STUDYING IRMEN ANTIQUITIES
(mid 1950s – 1960s)**

This paper studies the research concepts that developed in the mid 1950 – 1960 and related to the reconstruction of cultural and historical processes that took place in the territory of the south of Western Siberia during the Late Bronze Age. We have shown that the development of concepts took place at the beginning of the flowering of siberian archaeology on the basis of an increase in the source fund, large-scale excavations in previously known regions (Altai, Novosibirsk, Tomsk Ob River, Lower Pritomye) and in new territories (Kuznetsk Basin, Baraba, forest-steppe Priirtyshye). Analysis of the works of M.P. Gryaznov, N.L. Chlenova, M.F. Kosareva, T.N. Troitskaya and other authors made it possible to conduct their comparative analysis, to reveal the general and specific features, to show the ways of evolution of the views of researchers on such issues as the origin of culture, its component composition, chronology and periodization, interaction with other cultural entities, territorial boundaries, local differences, historical fate, as well as the reconstruction of social processes and economic activities. This made it possible to identify the peculiarities of the perception by the specialists studying the Irmen antiquities, characteristic precisely for this stage in the development of the archaeology of Siberia.

Key words: concept, siberian archaeology, Karasuk era, Irmen cultural and historical community, settlements, burial monuments.

А.Л. Кунгуров¹, Д.В. Папин^{1,2}, А.С. Федорук¹

¹Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;

²Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия

КОЛЛЕКЦИЯ КАМЕННЫХ ИЗДЕЛИЙ ПОСЕЛЕНИЯ УЛЬЯНОВКА 3 (Алтайский край)

Несмотря на то, что Алтай является одним из мировых центров в современном палеолитоведении и в его исследовании отмечаются значительные достижения, территория северного фаса Алтайских гор до сих пор остается практически не изученной. В результате проведенных археологами Алтайского государственного университета осенью 2017 г. охранных полевых раскопок на памятнике Ульяновка 3 в окрестностях Белокурихи открыта новая стоянка каменного века, давшая выразительный каменный инвентарь. В статье рассматривается геоморфологическое положение объекта археологического наследия, стратиграфическая позиция, дается подробное описание групп инвентаря, анализируется типологический состав каменной индустрии, отдельно рассматривается орудийный набор. Комплекс демонстрирует технику расщепления призматической направленности, орудия на пластинах и бифасы. Представленный набор артефактов позволяет сделать вывод о верхнепалеолитическом облике полученных материалов и об их принадлежности к кругу памятников нижнекатунской верхнепалеолитической культуры (по А.Л. Кунгурову). Полученные данные впервые описывают древнейшую историю региона.

Ключевые слова: предгорный Алтай, каменный век, поселение, каменная индустрия, финальный палеолит.

DOI: 10.14258/tpai(2018)1(21).-02

Введение

В настоящее время находки, датируемые каменным веком, представлены на северном фаса Алтайских гор крайне неравномерно. В пределах Алтайского края достаточно хорошо изучены долина р. Катунь, Рудный Алтай, Алтайский район, но практически неизвестны материалы из окрестностей Белокурихи. На восполнение этого пробела и направлена данная публикация.

Несмотря на то, что изучение предгорной зоны Алтая насчитывает более чем столетний период, эта территория слабо обследовалась профессиональными археологами. С началом активного процесса инфраструктурного освоения туристического субкластера Белокуриха II начались активные археологические изыскания. В 2015 г. археологами ООО «Наследие Сибири» при обследовании линии предполагаемого строительства магистрального газопровода на окраине Белокурихи было обнаружено и обследовано поселение Ульяновка 3 [Мамадаков, Бородаев, Белоусов, 2017]. В 2017 г. археологи Алтайского государственного университета, в рамках обследования участка, отводимого под строительство ЛЭП-110, выполнили работы по определению границ памятника «Ульяновка 3, поселение и могильник» и провели спасательные раскопки участка, попадающего под установку опоры ЛЭП.

Материалы и методы

Памятник расположен на границе юго-восточного участка Предалтайской равнины, представленной рыхлой толщей субаэрального и аллювиально-озерного происхождения (лессовидные суглинки и супеси с горизонтами погребенных почв, пески, илы, глины, иногда с включением щебня). Равнина граничит со скальными выходами интрузивного характера девонского возраста – граниты (юго-восточнее памятника

в 2,3 км расположена знаменитая гранитная гора Церковка высотой 801 м), кварцевые диориты, плагиограниты. Невысокие гранитные останцы распространены и севернее Белокурихи.

В орографическом отношении район расположения памятника относится к северным пониженным отрогам Чергинского хребта. По физико-географическому районированию местность приурочена к границе Белокурихинского района Северо-Алтайской провинции (южная зона) и Нижнекатунскому району Северо-Предалтайской провинции (северная зона) Алтайской области страны Горы Южной Сибири [Алтайский край. Атлас, 1978].

Для Предалтайского участка рассматриваемой территории характерны низменные дренированные степные ландшафты. Распространены плосковолнистые лесовые древнеаллювиальные равнины и террасы с богаторазнотравно-ковыльными степями на обыкновенных, местами выщелоченных черноземах. Долины рек, пересекающих рыхлые лессовые толщи равнины преимущественно в северном направлении с отклонениями к западу и востоку, имеют недренированный гидроморфный характер с луговыми пойменными ландшафтами. Это, прежде всего, пойменные песчано-галечниковые террасы с разнотравно-злаковыми лугами и кустарниковыми зарослями тальника, боярышника и жимолости, иногда с приречными лесами на слоистых аллювиальных почвах.

Южнее расположены низкогорные эрозионно-денудационные лесные ландшафты. Они представлены крутосклонными среднерасчлененными низкогорьями с мало-мощным суглинисто-щебнистым покровом и скальными выходами. Распространены сосновые, березово-сосновые и березовые леса на горно-лесных серых почвах. Обычны V-образные скалистые лесо-лугово-степные долины с водотоками различного характера.

Памятник Ульяновка 3 расположен в 300 м к западу–юго-западу от окраины с. Ульяновка на кромке лессовой террасы правого берега р. Березовка (рис. 1). При исследовании аварийных участков многослойного поселения на разных уровнях толщи культурного слоя (преимущественно на нижних горизонтах) встречены каменные изделия раннего облика.

В раскопе 2017 г. эти материалы были приурочены к подошве горизонта выщелоченного типичного чернозема и кровле подстилающего его слоя серого с желтыми включениями лессовидного суглинка. Планиграфически они локализовались преимущественно в южной части квадратов №5, 7, что позволяет предположить наличие к югу от раскопа, на краю террасы, стоянки позднепалеолитического времени.

Полученные результаты и анализ

Всего к раннему комплексу относится 35 изделий (по подсчетам А.Л. Кунгурова). Пластины (8) и пластинчатые отщепы (2), нуклевидные изделия (1), нуклеус (1) и реберчатые сколы (3) демонстрируют технику расщепления призматической направленности. Отходы производства представлены мелкими (5), средними (1) и крупными (1) вторичными отщепами, полупервичным (1) и первичным (1) отщепами, крупным галечным сколом (1) и обломком кварцита (1). Имеется также один обушковый скол типа «цитрон». Орудия представлены острием (1), скребками (3) и бифасиальными изделиями (4).

Пластины (крупные – 1, средние – 4, мелкие – 3). Без обработки оставлены дистальный фрагмент изделия средних размеров (рис. 2.-3) и мелкая усеченная пластина (рис. 2.-7). Остальные пластины обработаны. Крупный артефакт из темно-серого кварцита представляет собой выразительное комбинированное орудие (рис. 2.-1). Оба про-

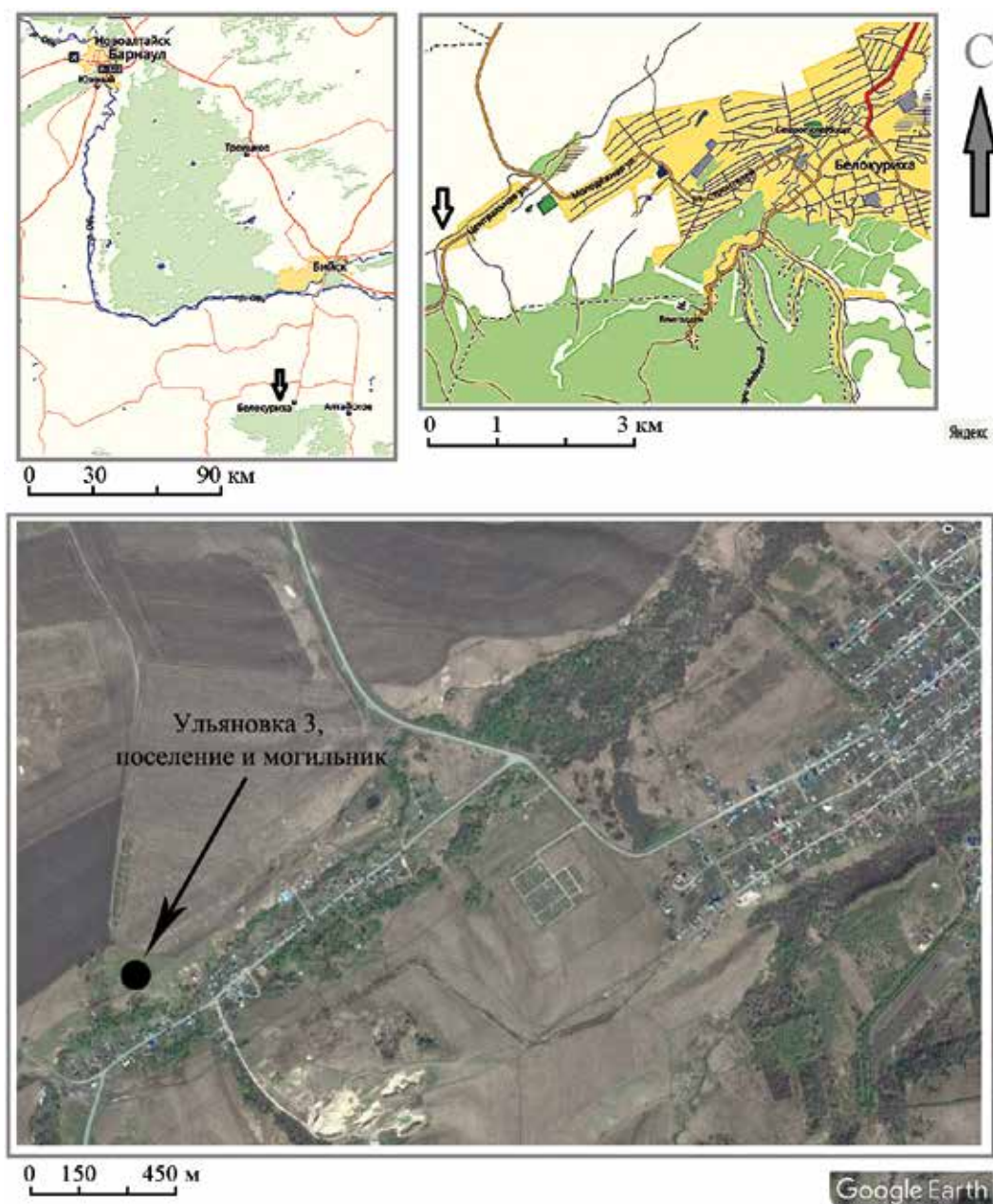

Рис. 1. Местоположение памятника Ульяновка 3

дольных края обработаны эпизодической разнофасеточной ретушью с вентральной стороны. Также на вентрале оформлен небольшой анкош. На проксимальном торце имеется острие с обломленным окончанием, выделенное двумя анкошами с вентральной и дорсальной стороны. На левом дистальном углу имеется боковой резцовый скол. Средняя пластина «конвергентных» очертаний (расширяется к дистальному оконча-

нию) имеет обработанный с дорсала левый край, оббивку и ретушь мелкой притупляющей ретушью по 2/3 длины дорсальной кромки правого края. Ретушь регулярная, мелкая, притупляющая. Проксимальная треть правого края оформлена мелкими сколами и ретушью в пологую выемку. Поперечный дистальный торец транкирован (рис. 2.-2). Усеченная с дистального края средняя массивная пластина модифицирована эпизодической нерегулярной ретушью на левом крае и разнофасеточной зубчатой притупляющей ретушью с правого края (рис. 2.-5). Ближе к проксималу оформлена не-

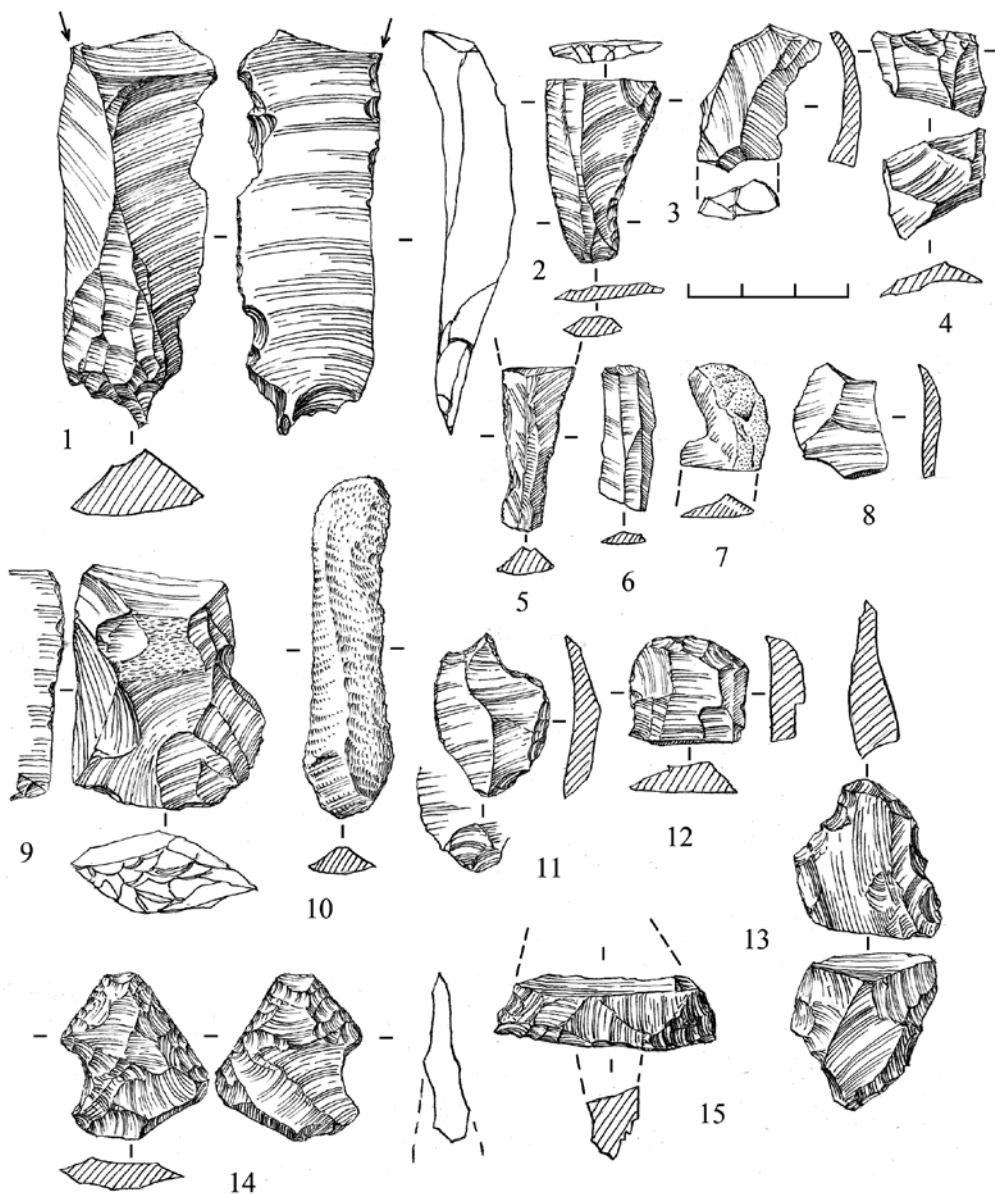

Рис. 2. Каменные изделия с поселения Ульяновка 3

большая, но выразительная ретушная выемка. Вся обработка дорсальная. Полная пластина средних размеров из слабоструктурированного кремнистого песчаника имеет сильно выветренную поверхность (рис. 2.-10).

На пластинчатом отщепе средних размеров в процессе утилизации были обколоты края (рис. 2.-8). Крупный скол этого типа обработан по левой кромке прерывистой мелкой разнофасеточной ретушью с вентрала. На данном изделии также фиксируется остаток фасетированной ударной площадки (рис. 2.-9).

Кроме пластин, пластинчатых отщепов и отходов производства, технику первичного расщепления Ульяновки 3 иллюстрируют также нуклевидное изделие небольших размеров (рис. 3.-4), реберчатые сколы, один из которых имеет обработанный левый край (ретушь крупная притупляющая зубчатая разнофасеточная дорсальная) (рис. 3.-5).

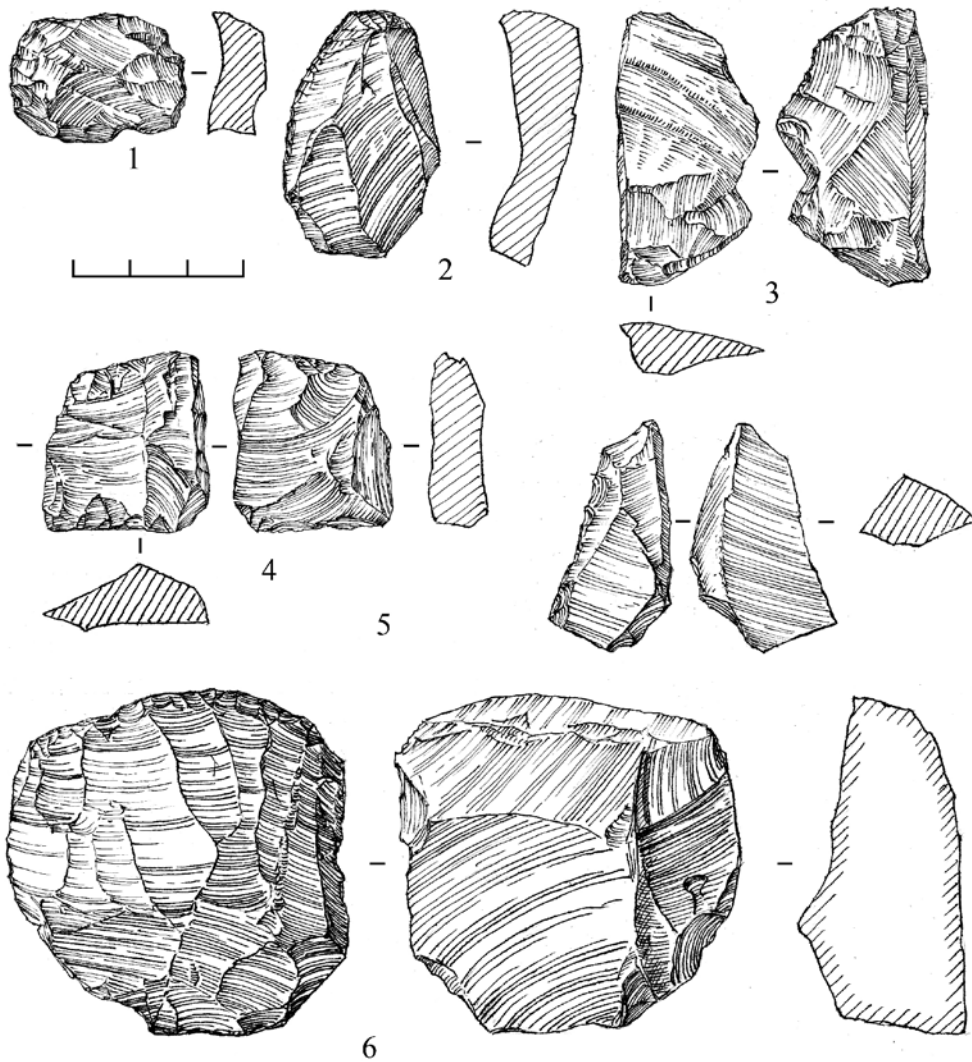

Рис. 3. Каменные изделия с поселения Ульяновка 3

Выразительный **нуклеус** всего один. Это изделие плоскостного принципа утилизации продольно-поперечное трехплощадочное. Площадки: две противоположные на одной плоскости со снятием заготовок во встречном направлении; перпендикулярная (правая) площадка имеет выход фронта на противоположную плоскость со снятием заготовок справа-налево. Сырье – темно-серый криптокристаллический кварцит (рис. 3.-б).

Достаточно устойчивой серией для такой небольшой коллекции артефактов являются скребки и бифасиальные изделия.

Скребки представлены тремя экземплярами, все концевые на укороченных массивных заготовках пластинчатых пропорций. Форма высокая (рис. 2.-12; 3.-1, 2). Рабочие края обработаны сколами и регулярной притупляющей ретушью. Зачастую обработаны и продольные кромки.

Бифасы. Изделия, обработанные с двух сторон, составляют группу из четырех предметов различного назначения. Наиболее выразительны обушковый и двулезвийный ножи. Первое изделие изготовлено из бурой яшмы. Боковые плоскости обработаны широкими модифицирующими сколами. Режущая кромка сформирована мелкой прерывистой приостряющей зубчатой ретушью. Обушок образован продольными сколами (рис. 3.-3). Второй артефакт небольших размеров представляет собой или обломок орудия, или скол с двусторонней оббивкой. Возможно, это разовый инструмент или нож, предназначенный для вставления в рукоять (рис. 2.-13). Достаточно выразителен обломок бифасиального режущего инструмента, скорее всего, ножа. Боковые кромки обработаны уплощающими сколами, рабочее лезвие – мелкой зубчатой ретушью (рис. 2.-14). Последний предмет представляет собой «базу» треугольного изделия, похожего на «рубильце». Подобные орудия интерпретируют как вставки ударно-дробящего орудия типа клевца. Обработка осуществлялась оббивкой различных параметров, преимущественно модифицирующей. Фасетки образуют рельефную зубчатую грань орудия. Сырье – темно-бурая яшма.

Единично представлено острие на дистальном окончании пластинчатого отщепка средних размеров (рис. 2.-11). Левый край обработан с дорсала регулярной мелкой приостряющей ретушью. Торцовый скол и овальный выступ правого края обработаны микросколами. Выступ – острие оформлено двумя ретушными выемками. Вся модификация дорсальная. Поверхность артефакта патинирована. Патина (корка выветривания) беловато-серая. На кромке есть «свежий» скол, позволяющий определить сырье как желтовато-серый кремний.

Заключение

Большая часть изделий изготовлена из криптокристаллического серого и темно-серого полосчатого кварцита. Сырьевой ресурс имеет «валунно-галечное» происхождение и подбирался мастерами камнеобработки в руслах рек Песчаной, Ануя и их притоков.

Характер и облик инвентаря соответствуют типонабору памятников нижнекатунской верхнепалеолитической культуры. Наиболее известные комплексы этого типа – Сростки, Урожайная и Талицкая, Красная гора. На данный факт указывают, прежде всего, характерные бифасиальные изделия и характер сколов и нуклеусов [Кунгуров, 1988; 2015].

Библиографический список

Алтайский край. Атлас. М. : Глав. управ. геодезии и картографии при Совете министров СССР, 1978. 222 с.

Кунгуров А.Л. Верхний палеолит предгорий Алтая // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1988. С. 16–18.

Кунгуров А.Л. Палеолитическая стоянка Урожайная в предгорьях Алтая // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XXI. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2015. С. 133–141.

Мамадаков Ю.Т., Бородаев В.Б., Белоусов Р.В. Археологическая разведка в Смоленском районе Алтайского края весной 2015 г. // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XXIII. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2017. С. 123–125.

References

Altajskij kraj. Atlas [Altai Region. Atlas]. M. : Glav. uprav. Geodezii i kartografii pri Sovete ministrov SSSR, 1978. 222 p.

Kungurov A.L. Verhnij paleolit predgorij Altaja rov [Upper Paleolithic of Altai Foothills]. Hronologija i kul'turnaja prinadlezhnost' pamjatnikov kamennogo i bronzovogo vekov Juzhnoj Sibiri [Chronology and Cultural Affiliation of the Stone and Bronze Ages Sites of Southern Siberia]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1988. Pp. 16–18.

Kungurov A.L. Paleoliticheskaja stojanka Urozhajnaja v predgor'jah Altaja [The Uroshaynaya Paleolithic Site in the Foothills of Altai]. Sohranenie i izuchenie kul'turnogo nasledija Altajskogo kraja. Vyp. XXI [Conservation and Study of the Cultural Heritage of the Altai Territory. Issue. XXI]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2015. Pp. 133–141.

Mamadakov Ju.T., Borodaev V.B., Belousov R.V. Arheologicheskaja razvedka v Smolenskom rajone Altajskogo kraja vesnoj 2015 g. [Archaeological Exploration in the Smolensk Region of the Altai Territory in the Spring of 2015]. Sohranenie i izuchenie kul'turnogo nasledija Altajskogo kraja. Vyp. XXIII [Conservation and Study of the Cultural Heritage of the Altai Territory. Issue. XXIII]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2017. Pp. 123–125.

A.L. Kungurov, D.V. Papin, A.S. Fedoruk

Altai State University, Barnaul, Russia;

Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS

COLLECTION OF STONE PRODUCTS OF THE ULYANOVKA 3 SITE (Altai Territory)

In spite of the fact that Altai is one of the world centers in modern paleolithology and significant achievements are noted in its research, the territory of the northern front of the Altai Mountains still remains practically unexplored. As a result of excavations conducted by archaeologists of Altai State University in the autumn of 2017, a new Stone Age site was discovered on the Ulyanovka 3 site situated in the vicinity of Belokurikha, which presents an impressive stone inventory. The article deals with the geomorphological position of the object of archaeological heritage, stratigraphic position, gives a detailed description of the inventory groups, analyzes the typological composition of the stone industry, separately considers the tool set. The complex demonstrates the technique of splitting the prismatic orientation, tools on the plates and bifacies. The presented set of artifacts allows drawing a conclusion about the Upper Paleolithic appearance of the received materials and their belonging to the circle of monuments of the Lower Katun Upper Paleolithic culture (according to A.L. Kungurov). The obtained data for the first time describe the most ancient history of the region.

Key words: Altai Foothills, Stone Age, settlement, stone industry, final Paleolithic.

Е.А. Миклашевич

*Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия;
Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия;
Музей-заповедник «Томская Писаница», Кемерово, Россия*

НАСКАЛЬНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ ГОРЫ ТУРАН НА СРЕДНЕМ ЕНИСЕЕ *

С горой Туран на правом берегу Енисея связан один из археологических микрорайонов Минусинской котловины, насыщенных памятниками разных типов и эпох. Затопление части его прибрежной территории Красноярским водохранилищем и почти полное отсутствие публикаций по исследовавшимся памятникам привели к недооценке значимости этого микрорайона в археологии Южной Сибири. Статья посвящена одному из типов памятников – изображениям на скалах, написана с целью ознакомить коллег с историей исследования писаниц Турана и представить его как комплекс местонахождений наскального искусства, достойный занять соответствующее место среди других крупных памятников Минусинской котловины. Известная по работам А.В. Адрианова 1904 г., Туранская писаница на береговых скалах утрачена, но, как оказалось, она – не единственное скопление наскальных рисунков, тамг и рунических надписей на Туране. Суммируя данные о работах разных лет, включая собственные полевые исследования, автор вводит в научный оборот ранее не публиковавшиеся архивные и новые материалы, приводит план локализации местонахождений, дает общую характеристику основных культурно-хронологических групп наскальных рисунков Турана. Публикация этих данных свидетельствует о высоком научном потенциале пока мало изученного района и призвана стимулировать интерес к его дальнейшему исследованию.

Ключевые слова: Минусинская котловина, наскальное искусство, руника, петроглифы, тамги, А.В. Адрианов, Туранская писаница.

DOI: 10.14258/tpai(2018)1(21).-03

Введение

Туран – один из тех крупных горных массивов, которые расположены на обоих берегах Енисея в его среднем течении и хорошо известны в археологии Южной Сибири благодаря большому количеству связанных с ними разновременных и разнотипных памятников. Он расположен на правом берегу Енисея (ныне Красноярского водохранилища) между его крупными притоками Тубой и Сыдой (рис. 1). Ниже по течению от Турана находится устье небольшой речки Биря. Напротив Турана, на левом берегу Енисея, расположена северная часть горного массива Оглахты, выше по течению на правом берегу возвышается Тепсей, а ниже – гора Унюк. Административно Туран находится в Краснотуранском районе Красноярского края, между селами Восточное и Лебяжье (до затопления водохранилища ориентирами были деревни Бузунова и Соркина, а также Саргов улус на противоположном берегу).

В отличие от своих знаменитых «соседей» – Тепсея и Оглахты, – Туран не входит в число признанных комплексов наскального искусства, которыми так богата Минусинская котловина. Туранская писаница на береговых скалах, о существовании которой было известно по работам А.В. Адрианова [Адрианов, 1904, с. 30; Архив МАЭС ТГУ. Д. 55. Л. 50–57], исчезла еще до затопления водохранилища, и рисунки ее, кроме самого Адрианова, никто из исследователей больше не видел. Открытие петроглифов на других участках горы в 1977 г. Б.Н. Пяткиным и В.Ф. Капелько не было зафиксировано ни в одной публикации. Памятники археологии, связанные с этим горным мас-

* Работа выполнена в рамках госзадания Министерства образования и науки РФ №33.2597.2017/ПЧ.

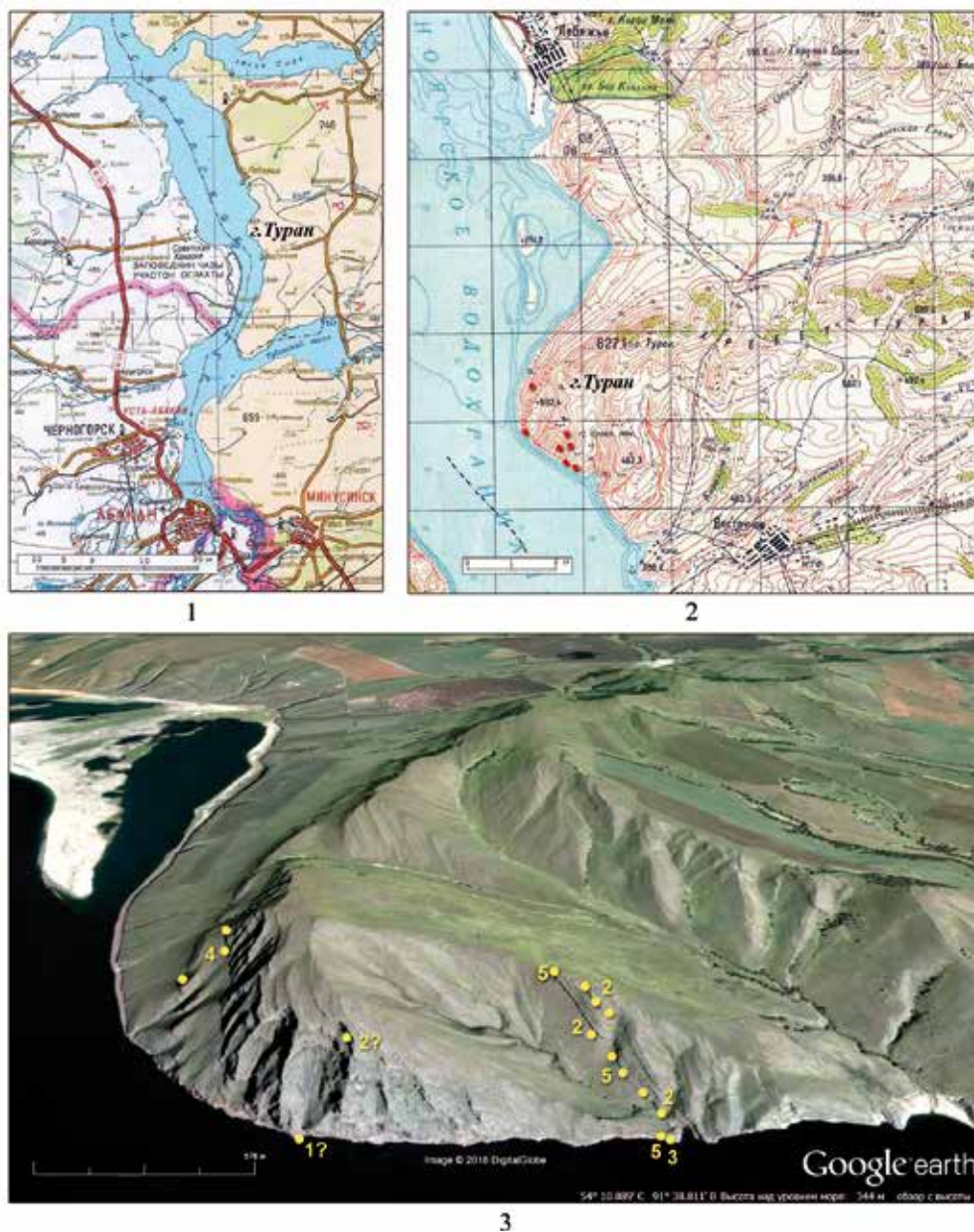

Рис. 1. Гора Туран: 1 – расположение на карте относительно городов Абакан и Минусинск; 2 – карта с указанием основных местонахождений наскальных рисунков; 3 – вид в аксонометрии на спутниковом снимке Google Earth с указанием основных местонахождений наскальных рисунков: 1 – Туранская писаница Адрианова (предположительно), 2 – петроглифы, обнаруженные Б.Н. Пяткиным и В.Ф. Капелько в 1977 г.; 3 – петроглифы, обнаруженные под водой в 1984 г.; 4 – петроглифы, обнаруженные А.С. Техтеревым и А.К. Слодейниковым в 2014 г.; 5 – петроглифы, обнаруженные автором и Л.Л. Бове в 2015–2016 гг.

сивом, вообще очень мало представлены в литературе. До сих пор остаются практически неопубликованными результаты раскопок курганов и сборов подъемного материала с размытых поселений. Больше «повезло» курганным рисункам, которые публиковались в ряде статей [Савинов, 1976, рис. 2–8; Пяткин, 1977, рис. 6, 7; Миклашевич и др., 2016, рис. 8, 9; Миклашевич, Бове, 2016, рис. 2], но и это совсем небольшая доля того богатства, которое представлено на плитах курганов туранских могильников. Наши архивные изыскания и полевые исследования показывают, что Туран – такой же интересный и насыщенный памятниками археологический микрорайон [Миклашевич, Бове, 2016], как и окружающие его Суханиха, Оглахты, Тепсей, Куны, Унюк, Бычиха, Бояры-Абакано-Перевоз и др. Несмотря на то что прибрежная часть этой территории почти полностью разрушена в результате затопления Красноярского водохранилища, в архивах и музеях сохранились коллекции и документы о проведенных здесь работах; остальная часть горного массива и прилегающие территории еще ждут своих исследователей.

Настоящая публикация посвящена обзору имеющихся данных об одном из типов археологических памятников горы Туран – рисункам на скалах.

Материалы и методы исследования

Данные по истории исследования памятников наскального искусства горы Туран получены нами в результате поиска и анализа архивных документов (из архивов Музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета, Музея археологии, этнографии и экологии Сибири Кемеровского государственного университета, Финского общества антиквариев в библиотеке Национального комитета древностей в Хельсинки), музейных коллекций (Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН) и опубликованной литературы. Для исследования самого публикуемого местонахождения применялись методы полевого обследования (разведка; выявление, фотофиксация и документирование обнаруженных плоскостей с наскальными изображениями) и картографирования.

Полученные результаты и их обсуждение

Первое упоминание об изобразительных памятниках Турана встречается в работе И.Т. Савенкова [1886, с. 69], который сам на этой горе не был, но привел сведения «лоцмана парохода», который «обнадеживал, что на Туране, на перевалах, можно найти камни с письменами». В этот же период сибирские ученые, помогавшие сведениями о памятниках руководителю финской экспедиции по изучению памятников рунической письменности в Сибири И.Р. Аспелину [Тишкин, 2000], сообщают ему в числе прочего, что «по дороге из Бузуновой в Абаканск на 7-й версте (это у северного подножия горы Туран. – *Е.М.*) с правой стороны дороги большой камень с изображением разных фигур»; «по той же дороге на 9-й версте, с левой стороны дороги лежит большая каменная плита с разными фигурами» (И.Т. Савенков, «Распросные сведения по археологии Минусинского округа» [SMY. Jenisei, Aspelin. Д. HI-1. Л. 72]), а также что «на горе Туран, между Бузуновой и Абаканском, находится плита с разными изображениями (Н.М. Мартынов, «сведения от священника Стефана Смирнова из с. Абаканского» [SMY. Jenisei, Aspelin. Д. HI-1. Л. 85]). Во всех этих случаях речь идет о рисунках (и, возможно, эпиграфике) не на скалах, а на плитах, по всей вероятности, курганных.

Первое исследование изображений на скалах Турана осуществлено было в 1904 г. А.В. Адриановым по заданию Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отно-

шениях. По всей вероятности, он обнаружил их раньше, в 1902 или 1903 гг., во время своих археологических экспедиций в Минусинском уезде. Знал Адрианов [1904, с. 25] и об изобилии рисунков на курганных плитах Турана и собирался их также обследовать в 1904 г., но на это времени ему не хватило. Рисунки же на береговых скалах были тщательно документированы – найдены, описаны, сфотографированы и скопированы методом эстампажа. А.В. Адрианов [1904, с. 30] отмечает, что «писаницы тянутся здесь на протяжении нескольких десятков саженей и состоят из 182 фигур выбитых (в числе фигур есть рыбы), 29 знаков, 37 руноподобных букв, разбитых на 2 группы, по 2 строки в каждой». Всего на памятнике было изготовлено 34 эстампажа (бумажных оттиска) и снято 6 фотографий [Архив МАЭС ТГУ. Д. 55. Л. 50]. В полевом дневнике зарисованы рунические знаки и многочисленные тамги [Архив МАЭС ТГУ. Д. 76/1. Л. 96–104]. Дневник экспедиции 1904 г. и отчет А.В. Адрианова «Писаницы Енисейской губернии» содержат детальные описания как всего местонахождения в целом, так и каждой грани и каждой фигуры.

Эта удивительно подробная и точная документация интереснейшего памятника наскального искусства и сам памятник имеют печальную судьбу. Перед затоплением Красноярского водохранилища, в водах которого предстояло навсегда скрыться многочисленным могильникам и поселениям у подножия горы, рисункам на курганных плитах и нижних ярусах береговых скал, поиски Туранской писаницы предпринял руководимый Я.А. Шером отряд Красноярской экспедиции ЛО ИА АН СССР. Ни в 1963, ни в 1966 г. отыскать ее им не удалось, поэтому было сделано предположение, что Туранская писаница разрушена карьером [Шер, 1980, с. 59]. В 1967 г. в поисках принял участие известный тюрколог С.Г. Кляшторный, так как наибольший интерес исследователей вызывали рунические надписи Турана, известные по зарисовкам в рукописи отчета А.В. Адрианова. Но и ему не удалось найти памятник, и он предположил, что Туранская писаница уничтожена камнепадом [Кляшторный, 1976, с. 69]. Вскоре после этого произошло наполнение водохранилища, и Туранская писаница (или то место, где она была) стала окончательно потерянной для науки. Если петроглифы на затопленных скалах в самой южной части водохранилища (Оглахты, Тепсей/Усть-Туба) еще иногда выходят из воды при снижении ее уровня и, следовательно, могут быть изучены на современном уровне, то надежды на обнаружение Туранской писаницы в таких условиях практически нет. Адрианов писал о том, что большинство скопированных им плоскостей находится у самой воды, низко, так что даже приходилось откапывать некоторые плоскости от ила и песка. До естественного уровня Енисея уровень водохранилища в районе Турана, находящегося более чем в 60 км от его верхней части, никогда не падает. Правда, грани с руникой и гравировками были расположены, как пишет Адрианов, «на значительной высоте». «Чтобы сделать эстампаж, а тем более фотографию, пришлось устанавливать в воду козлы и делать на них настил, так как утес в этом месте спускается в воду» [Архив МАЭС ТГУ. Д. 55. Л. 51]. Все же этой высоты недостаточно, чтобы надеяться когда-нибудь найти хотя бы остатки писаницы. Фотографии и эстампажи А.В. Адрианов отсылал в Петербург, в Русский комитет, на средства которого производились работы. После прекращения работы комитета в 1920-е гг. эти материалы поступили на хранение в Музей антропологии и этнографии (Кунсткамеру). К сожалению, среди сотен сохранившихся эстампажей со многих памятников нет эстампажей именно Туранской писаницы. Во всяком случае, пока они

нами не обнаружены. Зато в фондах МАЭ в 2013 г. была выявлена коллекция стеклонегативов А.В. Адрианова 1904 г. (сохранилось 108 шт.) со снимками писаниц и памятников рунической письменности. Среди них имеется 5 (!) фотографий Туранской писаницы (1 стеклонегатив утрачен). Это была необыкновенная удача, так как эти фотографии – сейчас единственные источники визуальной информации о петроглифах исчезнувшего памятника (рис. 2). Остается некоторая надежда найти и эстампажи, по которым было бы возможно с наибольшей точностью реконструировать изображения.

Изучение фотографий и описаний говорит о том, что на береговых скалах Турана некогда находилась одна из интереснейших писаниц Минусинской котловины. Здесь можно выделить петроглифы древнейшего пласта (крупные реалистичные фигуры лосей, быков-туров и других животных, а также рыб), тагарской культуры (силуэтные изображения оленей с подогнутыми ногами и контурные изображения копытных в позе внезапной остановки с завитками внутри контура), хунно-сяньбийского времени (всадники и антропоморфные фигуры с оружием, олени, козлы и другие животные), эпохи раннего средневековья (тонкие изящные гравировки бегущих оленей, коня, всадника и др.). Немало было и изображений нового времени, частично испортивших более древние рисунки.

А.В. Адрианов большое внимание уделил разнообразной технике нанесения рисунков Туранской писаницы. Он зафиксировал не только хорошо заметные выбитые фигуры и описал особенности и вариации их выбивки, случаи перекрывания фигур, но также отметил и те рисунки, которые были выполнены тонкой резьбой (судя по описаниям, их было множество) и нарисованы краской. Например, выполненную выбивкой крупную фигуру лося (фото см. в: [Miklashevich, 2016, ill. 7.-1] А.В. Адрианов описывает так: «...большой олень сделан контуром, а голова и шея – сплошной выемкой. Любопытная подробность – олень по контуру обведен красной краской, которой, кроме того, наведены полосы поперек его и вдоль» [МАЭС ТГУ. Д. 55. Л. 55].

По фотографиям, на которых сняты не отдельные фигуры, а целые группы многофигурных плоскостей, невозможно воспроизвести точные очертания фигур. Однако нам удалось это сделать по тому снимку, на котором довольно крупно запечатлены рунические надписи и гравированные изображения бегущих оленей (рис. 2.-1 и 3.-1). К сожалению, на снимке представлена только правая часть композиции, которую А.В. Адрианов описывает следующим образом: «Непосредственно ниже рун ... тончайшими штрихами и не без изящества награвированы – слева конь, затем еще конь со всадником, впереди превосходно расписанный олень и правее его еще три оленя один за другим, и перед самым крайним справа начерчен знак» [МАЭС ТГУ. Д. 55. Л. 51]. Левая часть, на которой были изображены конь и конь со всадником, была снята на другую стеклянную пластинку (МАЭ, колл. №2415/104), которая, видимо, разбилась при хранении. Возможно, когда-нибудь удастся найти отпечаток с этого негатива и воспроизвести совершенно уникальную для Минусинской котловины композицию полностью.

Отдельного упоминания заслуживают рунические надписи и тамги. Поскольку и те, и другие были зарисованы А.В. Адриановым в отчете [МАЭС ТГУ. Д. 55], с которым могли знакомиться исследователи, именно они (и только они) были введены в научный оборот [Кызласов Л.Р., 1965; Кляшторный С.Г., 1976; Кызласов И.Л., 1994; 2007; и др.] и «представляли» Туранскую писаницу. В работах С.Г. Кляшторного и (вслед за ним) других тюркологов приводилась одна надпись из двух строк.

И.Л. Кызласов опубликовал и три другие строки и, проанализировав их, пришел к выводу, что это пять отдельных разных надписей; а с учетом того, что после А.В. Адрианова на Туране была обнаружена еще одна надпись на скале и две на курганных камнях, этот район предстает местом крупного скопления рунического письма, свидетельствующего «о религиозном поклонении горе Туран» [Кызласов И.Л., 2007, с. 112]. Добавим к этому еще две надписи, обнаруженные Б.Н. Пяткиным, и одну нами – на камнях других курганов могильника во внутренней части Турана. И.Л. Кызласов, испытывая понятные трудности при интерпретации отдельных знаков надписей по зарисовкам, выражал надежду: «Быть может, когда-нибудь отыщутся сделанные исследователем эстампажи и фотографии Туранской писаницы и ее камнеписных текстов» [Кызласов И.Л., 2007, с. 106]. К счастью, одна фотография с тремя надписями отыскалась. Мы приводим здесь ее (рис. 2.-1), сделанную по ней прорисовку (рис. 3.-1) и зарисовки надписей из дневника и отчета А.В. Адрианова (рис. 3.-2). Сравнение источников лишний раз свидетельствует о том, насколько точно Александр Васильевич распознавал знаки на камнях и передавал их при зарисовке. Расхождение наблюдается только в трех случаях.

Большое количество тамг – особенность Туранской писаницы. Они не все копировались на эстампажи, но все были зарисованы А.В. Адриановым в дневнике. Этот источник также уже был предметом изучения и публикации [Кызласов Л.Р., 1965]. Однако мы сочли необходимым привести туранские тамги в этой статье еще раз, так как в статье Л.Р. Кызласова [1965, рис. 3, 7, 8] они публиковались в типологических таблицах вместе с тамгами других памятников, в качестве характерных образцов. На наш взгляд, при анализе тамг крайне важно учитывать их взаимовстречаемость и ассоциации с фигуративными изображениями (контекст). И если вторая возможность потеряна с утратой памятника и копий с него, то проследить, какими группами какие тамги изображались, вполне возможно по зарисовкам А.В. Адрианова в полевом дневнике (рис. 3.-3). И, конечно, трудно переоценить значение фотографий как источника. Так, например, в типологических таблицах Л.Р. Кызласова представлена одна из туранских тамг в виде развернутой вверх дуги с крестом в центре и двумя г-образными развернутыми в разные стороны линиями под ней [Кызласов Л.Р., 1965, рис. 7.-24]. По зарисовке же в дневнике (рис. 3.-3) и особенно по фотографии (рис. 2.-2) отчетливо видно, что это две отдельные тамги (известные, кстати, и по другим памятникам).

Следующее исследование рисунков на скалах горы Туран было предпринято участниками Хакасского отряда археологической экспедиции Кемеровского государственного университета Б.Н. Пяткиным и В.Ф. Капелько в 1977 г. Основной задачей отряда было копирование рисунков на плитах курганов огромного могильника во внутренней части горы, начало исследованию которых было положено Д.Г. Савиновым [1976] еще в 1963–1964 г. Но, разумеется, такие энтузиасты наскального искусства, как Пяткин и Капелько, не могли не обследовать окружающие могильник склоны с ярусами скальных выходов и не сделать попытки поискать легендарную Туранскую писаницу. Поиски увенчались удачей: было обнаружено около сорока плоскостей на верхних ярусах береговых склонов (предположительно над тем местом, где на нижних ярусах была Туранская писаница) и на нескольких ярусах склона, расположенного к западу от большого могильника во внутренней части горы (см. рис. 1.-3(2)). Документирование осуществлялось способами (рис. 4), которые сейчас нам кажутся довольно странными

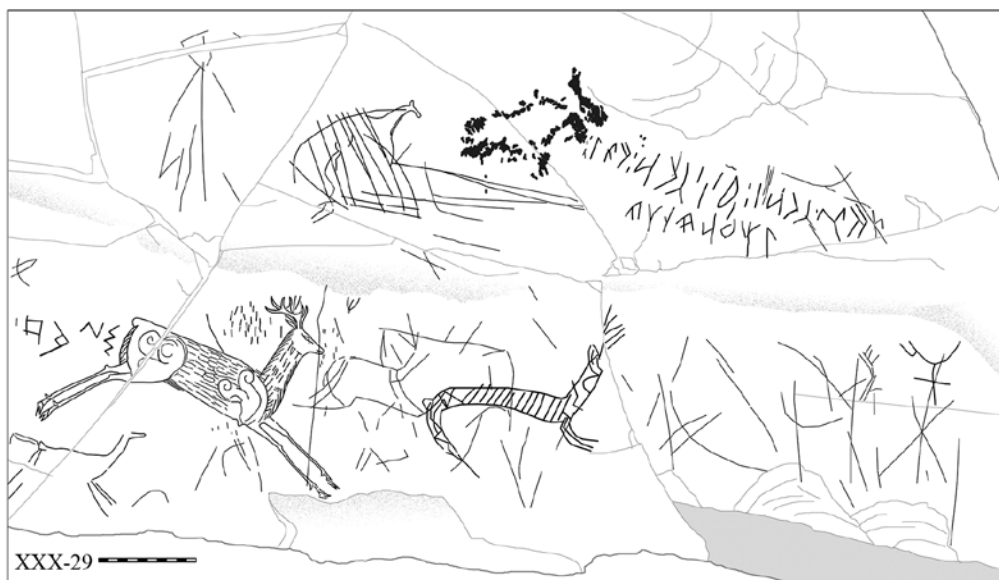

1

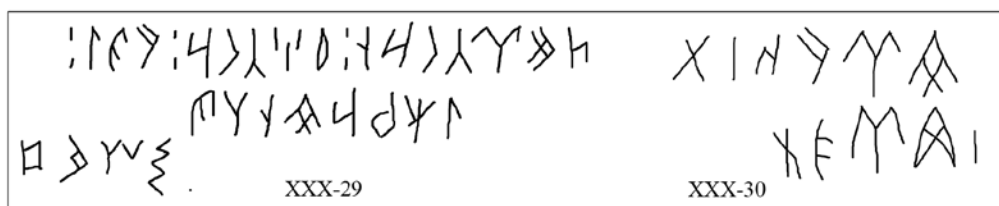

2

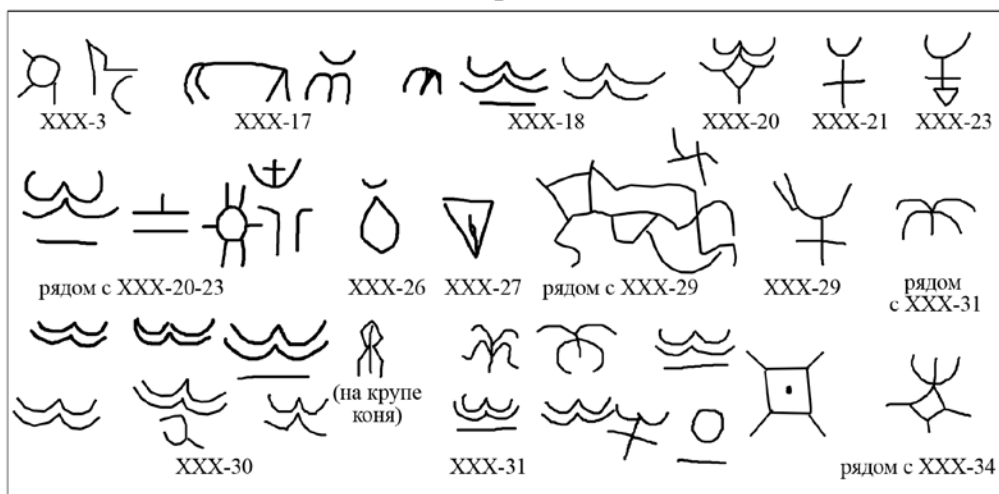
Рис. 2. Петроглифы Туранской писаницы на фотографиях А.В. Адрианова 1904 г. (МАЭ РАН. Колл. №2415/103, 105)

1

2

3

Рис. 3. Туранская писаница: 1 – прорисовка гравированных рисунков и руники по фотографии А.В. Адрианова (масштаб установлен по описанию размеров руники); 2, 3 – рунические надписи, тамги и другие знаки, зарисованные А.В. Адриановым. Обозначены шифры эстампажей (МАЭС ТГУ. Д. 55. Л. 50–57; Д. 76/1. Л. 96–104)

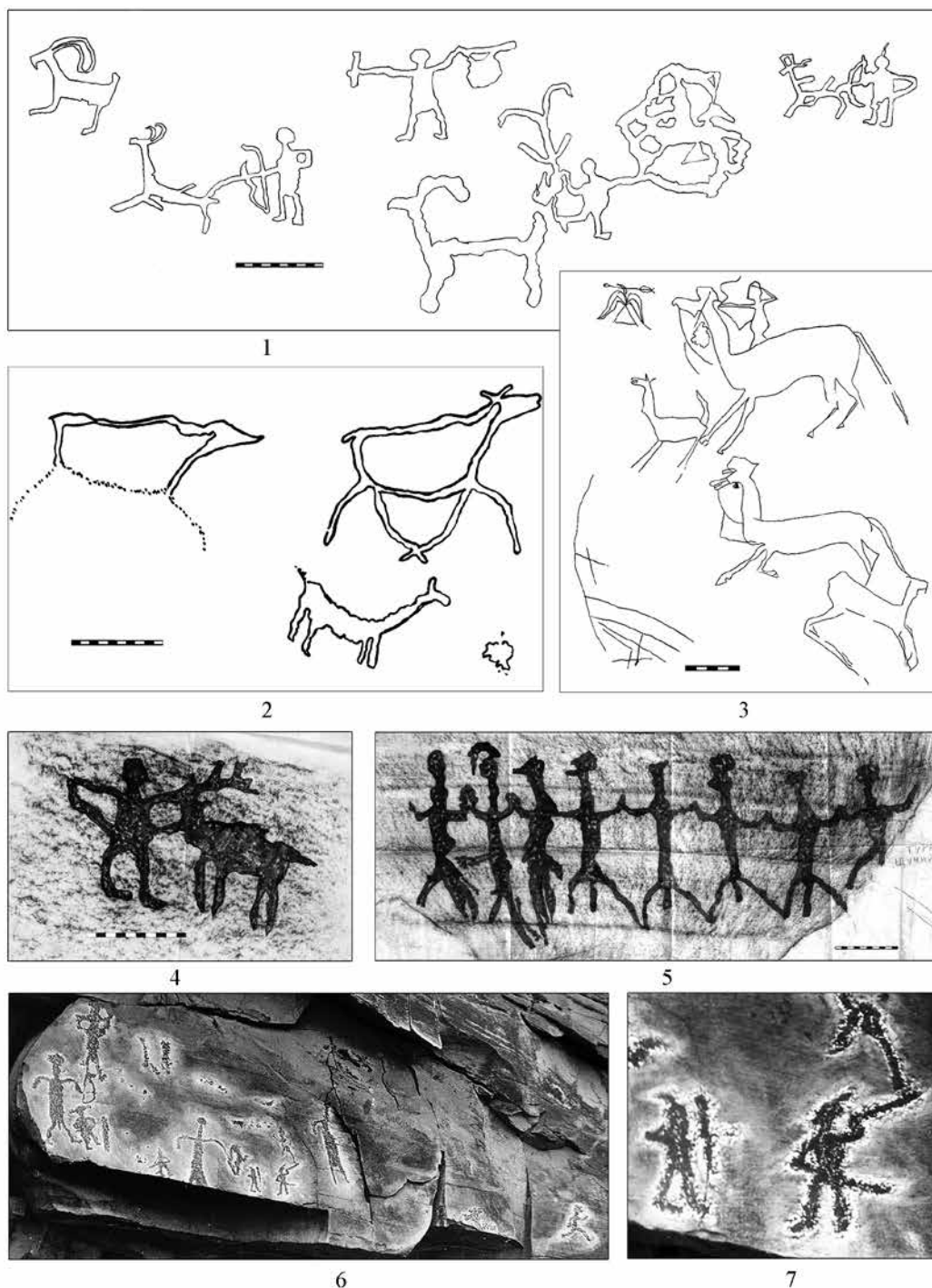

Рис. 4. Прорисовки, копии на кальке и фотографии петроглифов, обнаруженных на горе Туран Б.Н. Пяткиным и В.Ф. Капелько в 1977 г. (из архива автора)

(натирка графитом на папиросную бумагу с заливкой фигур тушью; выявление выбивки на скале с помощью мела) и уж точно менее объективными, чем те, которые применял А.В. Адрианов. Но надо учесть, что оба известных впоследствии исследователя наскального искусства в тот год были еще в самом начале своего пути в этой сфере, они только начали отработку метода микалентного копирования на Шалаболинской писанице и активно экспериментировали с разными приемами копирования и фотографирования. Тем не менее, на Туране они смогли не только отыскать и скопировать выбитые петроглифы, но и выявить целую серию тончайших гравировок и, что еще более удивительно, практически невидимых изображений, выполненных способом шлифовки («полировки», как подписано на копиях). Описания, зарисовки и планы расположения плоскостей в полевом дневнике экспедиции [МАЭЭС КемГУ. Д. 7806] позволили нам найти часть из них при обследовании склонов внутреннего лога Турана в 2015–2016 гг. По каким-то причинам ни Б.Н. Пяткин, ни (насколько нам известно) В.Ф. Капелько не продолжили исследование найденных местонахождений (хотя работы на Туранском могильнике продолжались до 1985 г.) и не зафиксировали свои открытия в каких-либо публикациях. Копии и фотографии 1977 г. достались автору по наследству от Б.Н. Пяткина, здесь впервые публикуются некоторые из них (рис. 4). По этим материалам, даже несмотря на неточности документирования, можно определить, что петроглифы относятся к нескольким периодам: изображения древнейшего пласта (лоси в ангарском стиле), хунно-сяньбийское время (многочисленные антропоморфные фигуры, с оружием и без, в группах и поодиночке, некоторые перевернуты вниз головой), таштыкская культура (гравированные изображения коней с султанами, всадников с луками, бегущих оленей и других животных, пронзенной стрелой птицы и др.).

Туранская писаница Адрианова все же не давала покоя Б.Н. Пяткину: он решил искать ее под водой и привлечь для этого аквалангистов. Особенно укрепилось это желание после того, как рыбаки из с. Восточное рассказали, что видели рисунки на скале у берега зимой, когда уровень воды в водохранилище падал, и даже показали место. В 1984 г. к экспедиции археологов присоединились члены спортивно-технических клубов аквалангистов «Наяда» из КемГУ и «СКАТ» из Томского университета. Под водой они нашли две плоскости с петроглифами! Хотя это оказались не те рисунки, которые копировал Адрианов, все же это была большая удача. В 1985 г. работы продолжали уже только томичи, причем с более подходящим оборудованием. Им удалось сфотографировать небольшими фрагментами под водой одну из найденных плоскостей (другую во второй раз не нашли) и затем сделать прорисовку всей композиции (рис. 6). Они также смогли осмотреть состояние скал под водой (уровень воды был 17 м) и сообщили, что самый нижний ярус совершенно завален обрушившимися плитами [Архив МАЭЭС КемГУ. Д. 883]. Таким образом, было обнаружено еще одно скопление петроглифов на береговых скалах (см. рис. 1.-3 (3)). Добавим, что через 30 лет мы с лодки нашли в этом же месте еще одну плоскость весной в период спада воды (рис 1.-3 (5)).

Так получилось, что на Туран после участия в работе экспедиции Б.Н. Пяткина нам удалось снова приехать лишь в 2014 г. И опять главной целью были рисунки на курганных плитах, а не на скалах. Тем не менее участники экспедиции А.К. Солодейников и А.С. Тыхтерев по собственной инициативе провели разведочное обследо-

Рис. 5. Прорисовка одной из обнаруженных в 1977 г. плоскостей
(выполнена автором статьи по фотографиям 2016 г.)

дование крутых северных склонов Турана со стороны с. Лебяжьего. Здесь ими было найдено еще одно скопление наскальных изображений (см. рис. 1-3 (4)), также отличающееся большим количеством тамг (рис. 7). Фигуративные изображения представлены образами коней, верблюда, всадников, неопределенных животных, людей в одеждах, с оружием и другими атрибутами. Многие из них представляют достаточно хорошо уже атрибутируемый пласт хунно-сяньбийского времени (тесинский?). Однако есть и фигуры, выполненные в незнакомой нам манере. Несомненно, этот участок весьма перспективен для исследования.

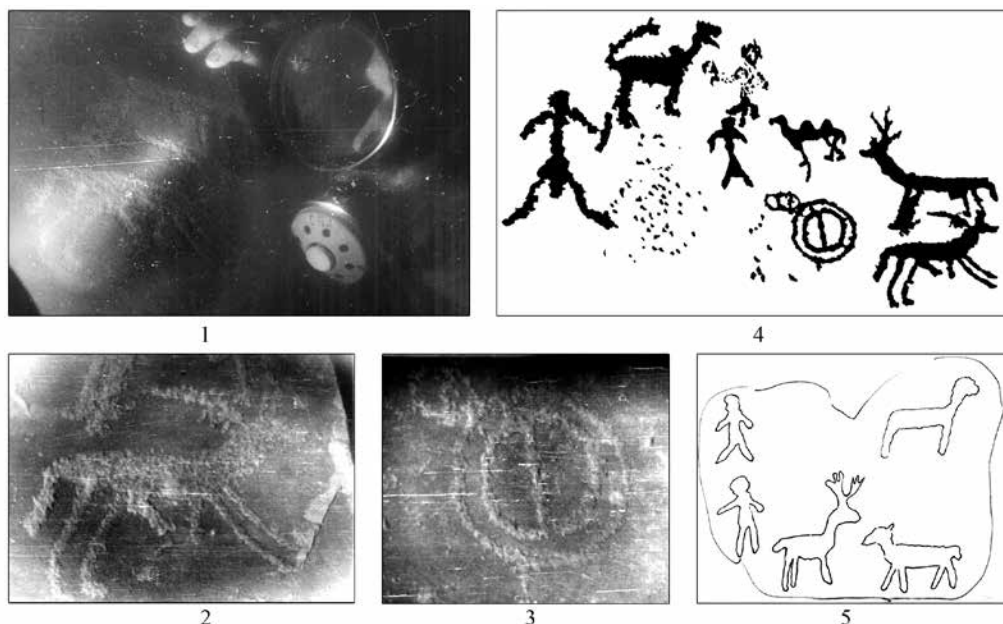

Рис. 6. Подводные исследования 1984–1985 гг.: 1–3 – фотографии, сделанные под водой, фрагменты одной из выявленных плоскостей; 4 – прорисовка этой плоскости, выполненная аквалангистами по фотографиям; 5 – зарисовка второй выявленной плоскости

Рис. 7. Изображения и тамги на северном склоне горы Туран, обнаруженные А.С. Тихтеревым и А.К. Солодейниковым в 2014 г. (фотоснимки А.С. Солодейникова)

1

2

3

4

Рис. 8. Петроглифы, зафиксированные на склонах внутреннего лога горы Туран в 2015–2016 гг. (фотоснимки Л.Л. Бове)

В 2015 и 2016 гг. нами совместно с Л.Л. Бове было предпринято обследование разных участков территории, связанной с горой Туран. Мы начали составление археологической карты комплекса [Миклашевич и др., 2015; Миклашевич, Бове, 2016], нанося на нее данные по могильникам, поселениям, курганным плитам с рисунками, местонахождениям наскального искусства и т.д. К этому времени был уже собран значительный архивный материал по работам прошлых лет, и в периоды весеннего снижения уровня воды удалось локализовать на местности многие памятники у подножия горы. В числе прочего мы занимались поиском выявленных нашими предшественниками наскальных изображений и осмотром других участков со скальными выходами. Пока удалось полностью обследовать только западные склоны горной гряды, расположенной к востоку от фронта береговых скал (см. рис. 1.-3 (5)). Здесь были найдены и документированы по современным технологиям открытые в 1977 г. плоскости (ср., напр., рис. 4.-1 и рис. 5), а кроме них обнаружено еще более десятка других плоскостей, среди которых есть очень интересные многофигурные композиции (рис. 8.-1). Большая часть петроглифов этих участков относится к хунно-сяньбийскому и более поздним периодам и представляет собой сцены с участием антропоморфных персонажей – лучников, всадников, шаманов, воинов с разнообразными атрибутами и т.д. И здесь тоже встречается много тамг (рис. 8.-3). Большой интерес представляют собой едва заметные изображения животных, выполненные прошлифовкой. Их датировка пока совершенно не ясна.

Заключение

Таким образом, результаты наших архивных изысканий и полевых исследований убеждают в том, что гора Туран была и остается (даже после утраты Туранской писаницы на береговых скалах) крупным комплексом наскального искусства, очень перспективным для исследования и нуждающимся в полном документировании. Как и на всех других горах по берегам Красноярского водохранилища, здесь погибли изображения на нижнем ярусе береговых скал. Однако немало изображений сохранилось на более высоких ярусах, а также на скальных выходах во внутренних логах. Эти труднодоступные и удаленные участки не были столь популярны у исследователей и путешественников, как скалы вдоль берега и дорог, и потому во многих случаях остаются малоизвестными или неизвестными совсем. На Туране много таких «трудных» участков, обследовать которые еще только предстоит. Кто знает, какие открытия ждут нас там? Отметим также, что особые возможности для атрибуции изображений на скалах этого микрорайона предоставляет огромное количество изображений на курганных плитах могильников (которые, в свою очередь, тоже ждут внимательного и вдумчивого исследования).

Благодарности

Автор выражает глубокую благодарность руководству Музея антропологии и этнографии РАН им. Петра Великого (Кунсткамера), Музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета, Музея археологии, этнографии и экологии Сибири Кемеровского государственного университета за содействие в работе с архивными материалами, а также Л.Л. Бове, А.К. Солодейникову и А.С. Тихомирову за помощь в проведении полевых исследований и А.Е. Рогожинскому за консультации по тамгам.

Библиографический список

- Адрианов А.В. Предварительные сведения о собирании писаниц в Минусинском крае летом 1904 г. командированным Комитетом А.В. Адриановым // Известия Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии. №4. СПб. : РКИСВА, 1904. С. 25–33.
- Кляшторный С.Г. Руническая эпиграфика Южной Сибири (наскальные надписи Тепсея и Турана) // Советская тюркология. 1976. №1. С. 66–70.
- Кызласов И.Л. Рунические письменности евразийских степей. М. : Восточная литература, 1994. 327 с.
- Кызласов И.Л. Рунические надписи горы Туран на Среднем Енисее // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Вып. 5. Горно-Алтайск : АКИН, 2007. С. 106–114.
- Кызласов Л.Р. О датировке памятников енисейской письменности // Советская археология. 1965. №3. С. 38–49.
- Миклашевич Е.А., Бове Л.Л. Исследование археологических комплексов у горы Бычиха и горы Туран на Среднем Енисее // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXII. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. С. 333–338.
- Миклашевич Е.А., Мухарева А.Н., Бове Л.Л. Исследования петроглифической экспедиции музея-заповедника «Томская Писаница» в 2015 году // Ученые записки музея-заповедника «Томская Писаница». 2016. Вып. 3. С. 30–48, 86–89.
- Пяткин Б.Н. Некоторые вопросы датировки петроглифов Южной Сибири // Археология Южной Сибири. Известия кафедры археологии. Вып. 9. Кемерово : КемГУ, 1977. С. 60–67.
- Савенков И.Т. К разведочным материалам по археологии среднего течения Енисея // Известия Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического Общества. №3–4. Т. XVII. Иркутск : ВСОРГО, 1886. С. 26–106.
- Савинов Д.Г. К вопросу о хронологии и семантике изображений на плитах оград тагарских курганов (по материалам могильников у горы Туран) // Южная Сибирь в скифо-сарматскую эпоху. Кемерово : КемГУ, 1976. С. 57–72.
- Тишкин А.А. И.Р. Аспелин – исследователь древностей Сибири (краткий библиографический очерк) // Актуальные вопросы истории Сибири. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2000. С. 66–71.
- Шер Я.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М. : Наука, 1980. 328 с.
- Miklashevich E.A. Rock Art Research in Siberia 2005–2014 // Rock Art Studies: NEWS of the World V. Oxford : Archaeopress Publishing, 2016. P. 127–150.

References

- Adrianov A.V. Predvaritel'nye svedenija o sobiranii pisanic v Minusinskom krae letom 1904 goda komandirovannym Komitetom A.V. Adrianovym. Izvestija Russkogo Komiteta dlja izuchenija Srednej i Vostochnoj Azii [Preliminary Information on the Collection of Rock Art in the Minusinsk Territory in the Summer of 1904 by A.V. Adrianov, Sent by Committee. News of the Russian Committee for the Study of Central and East Asia]. №4. St Petersburg : RCISVA, 1904. Pp. 25–33.
- Kljashornyj S.G. Runicheskaja epigrafika Juzhnoj Sibiri (naskal'nye nadpisi Tepseja i Turana). [Runic Epigraphy of Southern Siberia (rock inscriptions of Tepsei and Turan)]. Sovetskaja tjurkologija [Soviet Turcology]. 1976. №1. Pp. 66–70.
- Kyzlasov I.L. Runicheskie pis'mennosti evrazijskih stepei [Runic Writing of the Eurasian Steppes]. M. : Vostochnaya literatura, 1994. 327 p.
- Kyzlasov I.L. Runicheskie nadpisi gory Turan na Srednem Enisee [Runic Inscriptions of the Mount Turan in the Middle Yenisei]. Izuchenie istoriko-kul'turnogo nasledija narodov Juzhnoj Sibiri [Studying the Historical and Cultural Heritage of the Peoples of Southern Siberia]. V. 5. Gorno-Altajsk : AKIN, 2007. Pp. 106–114.
- Kyzlasov L.R. O datirovke pamjatnikov enisejskoj pis'mennosti. [On the Dating of the Sites of the Yenisei Writing]. Sovetskaja arheologija [Soviet Archaeology]. 1965. №3. Pp. 38–49.
- Miklashevich E.A., Bove L.L. Issledovanie arheologicheskikh kompleksov u gory Bychiha i gory Turan na Srednem Enisee [Investigation of Archaeological Complexes near the Bychikha Mountain and the Turan Mountain in the Middle Yenisei]. Problemy arheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh

territorij [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories]. T. XXII. Novosibirsk : IAET SO RAN, 2016. Pp. 333–338.

Miklashevich E.A., Mukhareva A.N., Bove L.L. Issledovanija petroglificheskoj ekspedicii muzeja-zapovednika «Tomskaja Pisanica» v 2015 godu [Studies of the Petroglyphic Expedition of the “Tomskaya Rock Art” Museum-Reserve in 2015]. Uchenye zapiski muzeja-zapovednika «Tomskaja Pisanica» [Scientific Notes of the Museum-Reserve “Tomskaya Rock Art”]. 2016. Vol. 3. 2016. V. 3. Pp. 30–48, 86–89.

Pjatkin B.N. Nekotorye voprosy datirovki petroglifov Juzhnoj Sibiri [Some Issues of Petroglyphs Dating of Southern Siberia]. Arheologija Juzhnoj Sibiri. Izvestija kafedry arheologii [Archeology of Southern Siberia. News of the Department of Archaeology]. V. 9. Kemerovo : KemGU, 1977. Pp. 60–67.

Savenkov I.T. K razvedochnym materialam po arheologii srednego techenija Eniseja [To Exploratory Materials on the Archaeology of the Middle Reaches of the Yenisei]. Izvestija Vostochno-Sibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo Obcshestva. №3–4 [Izvestiya of the East Siberian Department of the Imperial Russian Geographical Society]. Vol. XVII. Irkutsk : ESORGO, 1886. Pp. 26–106.

Savinov D.G. K voprosu o hronologii i semantike izobrazhenij na plitah ograd tagarskih kurganov (po materialam mogil'nikov u gory Turan) [To the Issue of the Chronology and Semantics of Images on the Slabs of the Fences of the Tagar Burials (based on the burial grounds at the Mount Turan)]. Juzhnaja Sibir' v skifo-sarmatskuju jepohu [Southern Siberia in the Scythian-Sarmatian Epoch]. Kemerovo : KemGU, 1976. Pp. 57–72.

Tishkin A.A. I.R. Aspelin – issledovatel' drevnostej Sibiri (kratkij biobibliograficheskij ocherk) [Aspelin – a Researcher of the Antiquities of Siberia (a Brief Biobibliographic Essay)]. Aktual'nye voprosy istorii Sibiri [Actual Questions of the History of Siberia]. Barnaul : AltGU, 2000. Pp. 66–71.

Sher Ja.A. Petroglify Srednej i Central'noj Azii [Petroglyphs of Middle and Central Asia]. M. : Nauka, 1980. 328 p.

Miklashevich E.A. Rock Art Research in Siberia 2005–2014. Rock Art Studies: NEWS of the World V. Oxford : Archaeopress Publishing, 2016. Pp. 127–150.

E.A. Miklashevich

*Kemerovo State University, Kemerovo, Russia;
Institute for Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia;
“Tomskaya Pisanitsa” Museum-Reserve Kemerovo, Russia*

ROCK ART OF THE TURAN MOUNTAIN AT THE MIDDLE YENISEY

The Turan Mountain on the right bank of the Yenisei River is associated with one of the archaeological micro regions of the Minusinsk Basin, which are so rich in the sites of different types and periods. The flooding of a coastal part of its territory by the Krasnoyarsk reservoir and lack of publications on the sites investigated led to an underestimation of the importance of this area for the archaeology of South Siberia. The paper is devoted to one of the archaeological site types – rock art. It is written to introduce the history of the study of Turan petroglyphs and to present them as a complex of rock art sites, which deserves to take its place among the other major complexes of the Minusinsk Basin. Known since A.V. Andrianov's work in 1904, “Turanskaya Pisanitsa” (Russian for “Turan rock art”) on the coastal cliffs had been lost, but as it turned out, it was not the only concentration of images, *tamgas* and runic inscriptions on the rocks of Turan. Summing up the data of investigations from different periods, including her own field research, the author introduces some hitherto unpublished archival documents and new materials into scientific circulation, presents the map of rock art locations and gives a general characteristic to the main cultural and chronological groups of the Turan rock art imagery. The publication of these data testifies the high research potential of this yet little-studied area and is intended to stimulate interest to its further investigations.

Key words: Minusinsk basin, petroglyphs, runic inscriptions, *tamgas*, A.V. Andrianov, Turan rock art sites.

В.А. Подобед¹, А.Н. Усачук¹, В.В. Цимиданов²

¹Краеведческий музей, Донецк, Украина;

²Областной краеведческий музей, Краматорск, Украина

РОГА ЖИВОТНЫХ В ОБРЯДАХ НАСЕЛЕНИЯ СТЕПНОЙ И ЛЕСОСТЕПНОЙ ЕВРАЗИИ ЭПОХИ БРОНЗЫ

Животные играли важную роль в духовной жизни населения степи и лесостепи Евразии в эпоху бронзы. Их часто приносили в жертву во время церемониальных манипуляций. Захоронение всей тушки редко практиковалось в большинстве культур. Гораздо чаще использовались какие-то части животных. Исследователи обращали на это внимание, но есть артефакты, которые еще не привлекли внимание, например – рога млекопитающих. Как правило, они являются редкими результатами в культовых комплексах. Например, среди 840 поселенческих культовых комплексов юга Восточной Европы только в пяти (0,6%) были рога животных. В 757 таких же культовых комплексах на территории Азии, учтенных авторами, рога животных встречены только в десяти (1,3%). В предложенной статье анализируются эти комплексы. На основе анализа авторы пришли к следующим выводам: в контекст обрядов включались рога различных животных; рога играли определенную роль в обрядах, связанных с почитанием огня; рога животных соотносились с водной стихией; они же были связаны с потусторонним миром. Возможно, люди, которые погребены с рогами животных, были носителями обрядовой функции.

Ключевые слова: рога животных, поселенческие культовые комплексы, обряды, эпоха бронзы.

DOI: 10.14258/tpai(2018)1(21).-04

Введение

В духовной жизни племен, населявших в эпоху бронзы степь и лесостепь Евразии, важную роль играли животные. Нередко в ходе обрядовых манипуляций их приносили в жертву. При этом захоронение целых туш в большинстве культур (за исключением разве что синташтинской) практиковалось редко. Значительно чаще это действие совершалось с частями животных. Например, в погребальных комплексах и поселенческих культовых комплексах фиксируется «текст» «череп + кости конечностей», который, скорее всего, символизировал целую тушу животного (см. например: [Подобед и др., 2014б, с. 88]). Часто встречаются в культовых комплексах и дистальные части конечностей различных животных [Подобед и др., 2014б, с. 88], астрагалы (таранные кости) мелких копытных (см., например: [Цимиданов, 2015]) и крупного рогатого скота (КРС) [Подобед и др., 2014в], путовые кости лошади (I фаланги) [Лопатин, 2010, с. 130–148], лопатки животных [Подобед и др., 2015б], их челюсти [Подобед и др., 2016]. В контекст обрядов включались также копыта [Подобед и др., 2014б] и другие части скелетов млекопитающих. Каждая из этих частей животных имела определенную знаковую нагрузку, выяснить которую подчас бывает нелегко. Отсюда – периодически вспыхивающие дискуссии между сторонниками разных трактовок тех или иных костей (см., например: [Юдин, 2009; Цимиданов, 2015]). Тем не менее двигаться в данном направлении следует. Чем больше будет предложено интерпретаций, тем все более мы будем приближаться к верному толкованию знака.

Материалы и их обсуждение

В предлагаемой работе рассматриваются артефакты, которые, насколько нам известно, еще не привлекали пристального внимания исследователей, занимающихся изучением духовной культуры племен бронзового века, – рога млекопитающих. Как

самостоятельный знак они нечасто встречаются в культовых комплексах. Так, нами учтено 281 захоронение синташтинской культуры. Рога ни в одном из них не выявлены. Та же картина – в покровской культуре (учтено 365 погребений), в доно-волжской абашевской культуре (164 погребения), ветлянской культуре (80 погребений). Среди погребений лопанской культуры только четверть (78 комплексов) содержат кости животных [Мимоход, 2013, с. 40], но рога среди этих костей [Мимоход, 2013, с. 40–41] отсутствуют. Культурный круг Бабино насчитывает не менее 3585 погребений [Литвиненко, 2009, с. 6, 8–9, 11], и только в одном из них – Оланешты (Олэнешть), курган №8, погребение 1 – за спиной умершего найден рог животного* [Яровой, 1990, с. 185]. В сводке из 8853 погребений срубной культуры лишь три содержали интересующие нас предметы (0,03%). Учтено также 840 поселенческих культовых комплексов юга Восточной Европы, но только в пяти из них (0,6%) присутствовали рассматриваемые артефакты. Применительно к Азии учтено 757 поселенческих культовых комплексов. Рога животных были только в 10 (1,3%). Таким образом, наша сводка невелика. Тем не менее она позволяет сделать некоторые наблюдения. Но сначала вкратце охарактеризуем учтенные комплексы.

На поселении *токсанбайского типа* **Токсанбай**, Мангистауская обл., РК, в заполнении исследованного в средней части останца жилища было выявлено скопление артефактов, которое включало два необработанных рога сайгака, два обработанных рога этого животного, две костяные «ложки», костяную проколку, оселок («или амулет») и фрагменты шлифованной «терки-ступки», «терки-подставки» и каменного стерженька [Самашев и др., 2009, с. 218].

На поселении *котовской культуры* **Венгерovo-2**, Новосибирская обл., РФ, в яме, выявленной в котловане 7, находились рог**, фрагменты керамики, кости животных (ниже – КЖ), в т.ч. черепа двух хищников семейства псовых, фрагменты челюстей еще трех особей данного семейства, камень, чешуя и кости рыб [Молодин и др., 2015, с. 323].

На поселении *федоровской культуры* **Васильковка-I**, Акмолинская обл., РК, на дне находившегося в жилище колодца лежали рога крупного рогатого скота. Другие артефакты из колодца – кости крупного рогатого скота (далее – КРС) и фрагменты керамики [Сакенов, 2013, с. 445; прил. I].

На поселении *саргаринско-алексеевской культуры* **Суук-Булак**, Карагандинская обл., РК, в жилище 1, в очаге, находились обгоревшие рога архара и «каблукообразное» каменное изделие, одна сторона которого вогнута и сильно заглажена.

В этой же постройке у юго-западной стенки была выявлена яма с золистым заполнением, в котором размещался обгоревший рог оленя с нарезками у основания. Как справедливо отметили авторы публикации, возможно, упомянутые рога использовались «во время совершения какого-то обряда» [Маргулан и др., 1966, с. 252].

На *саргаринско-алексеевском* поселении **Язев-1**, Курганская обл., РФ, в ямах жилища 1 были выявлены рога лося. К сожалению, автор публикации не уточняет, с какими другими артефактами они коррелировались [Потемкина, 1985, с. 38].

На поселении *бегазы-дандыбаевской культуры* **Кызыл**, Карагандинская обл., в сооружении 2 было выявлено захоронение взрослого, рядом с которым находились обработанный*** рог сайгака, сосуд и костяное пряслице [Бейсенов и др., 2014, с. 52].

* Зоологическая принадлежность автором не уточняется.

** Зоологическая принадлежность авторами не уточняется.

*** Авторы не уточняют, в чем заключалась обработка рога.

На поселении *сузгунской культуры Чудская Гора*, Тюменская обл., РФ, в жилище 2 (на границе участков В, Г/1) было выявлено скопление артефактов, включавшее рога двух особей КРС, проколку из грифельной кости лошади, костяное шило, бронзовую втулку, глиняный стержень, обломок каменного шлифованного изделия, КЖ, в т.ч. кости конечностей, зубы и лопатку КРС, зубы и кости конечностей двух особей лошади, позвонки, зубы и кости конечностей косули, лопатку и кости конечностей собаки, кости и чешую рыб [Потемкина и др., 1995, с. 24].

На поселении *позднеирменской культуры Чича-1*, Новосибирская обл., во рве А (площадка II, раскоп 13) был исследован объект 20. Он представлял собой скопление артефактов, где находились рог*, измельченные КЖ и фрагменты глиняных шаров [Молодин и др., 2004, с. 65].

На этом же поселении в яме 359 из жилища 20 (площадка II, раскоп 17) были выявлены рог козы, зооморфная фигурка с отломанными конечностями, два костяных диска, лежавшие один на одном, фрагменты керамики, КЖ и кости рыб. Добавим, что вплотную к яме примыкало погребение младенца с костями рыб и фрагментами сосудов в заполнении [Молодин и др., 2004, с. 125].

На *алакульско-срубном* поселении **Олаир**, Башкортостан, РФ, были найдены остатки колодца. После того, как колодец прекратил свое существование, он был засыпан золой. В толще золы обнаружены рог барана и фрагменты сосудов [Сунгатов, Бахшиев, 2008, с. 29].

Несколько комплексов с рогами относятся к *срубной культуре*. В частности, на перекрытии погребения из **Подстепок-III**, 1/13, Самарская обл., РФ, вместе с ребрами КРС лежал рог крупного животного с обработанным широким концом. На узком конце рога имеются отверстие и желобок для привязывания [Крамарев, 2015, с. 372].

В захоронении из **Аксая-I**, 9/5, Волгоградская обл., РФ, над тазом погребенного (старый мужчина) находился рог КРС [Дьяченко и др., 1999, с. 104]. Вероятно, первоначально он лежал на перекрытии могилы.

В погребении из **Шахаевской-I**, Ростовская обл., РФ, у правого плеча погребенного (взрослый) лежал обломок рога коровы [Федорова-Давыдова, 1986, с. 127].

На поселении **Яровая-II-западная**, Донецкая обл., Украина, в зольнике, заполнявшем котлован постройки, были найдены, наряду с прочими артефактами, в т.ч. пластинками панциря черепахи, рог тура и два обломка рогов КРС [Цимиданов, 2012, с. 372]. В связи с данными находками отметим следующее:

1. Зольники эпохи бронзы являлись «сакральными свалками» (см., например: Цимиданов, 2012, с. 372).

2. Представители крупного рогатого скота, разводимого носителями срубной культуры, являлись почти исключительно комолыми [Журавлев, 2001, с. 7; Антипина, 2004, с. 200], а потому остатки черепов рогатых животных, присутствующие в комплексе, могут быть трактованы как свидетельства ритуального характера данного объекта [Антипина, 2004, с. 198, 200].

Затронув ситуацию с зольниками, обратим внимание на поселение *культуры Ноа Бовшев-I*, Ивано-Франковская обл., Украина, где рядом с сооружением XIV (название условное, Л.И. Крушельницкая не исключает, что это – остатки зольника) была

* Зоологическая принадлежность авторами не уточняется.

обнаружена ветвь оленьего рога [Крушельницка, 2006, с. 21]*. Судя по стратиграфии, ветвь рога депонирована на уровне дневной поверхности – у основания зольника. Не исключено, что ветвь рога «открывала» культовый «текст», которым является зольник, выступая в роли своеобразного «зачина» (см., например, о культе оленя у иранских народов: [Kawami, 2005]).

На поселении *бондарихинской культуры Родной Край-1*, Харьковская обл., Украина, в постройке (раскоп 7) было выявлено «жертвенное место» с большим количеством рогов, а также челюстей, лопаток и костей конечностей животных [Буйнов, 1985, с. 263].

На городище *финала бронзового века Дикий Сад*, г. Николаев, Украина, в оборонительном рве был выявлен рог КРС [Горбенко, Смирнов, 2008, с. 388].

На поселении *кизил-кобинской культуры Уч-Баш*, Крым, Украина, в насыщенном пеплом и углями заполнении ямы 12 (раскоп II), относящейся к горизонту Ia-УБ (1-я половина X в. до н.э.), были выявлены два рога козы. Другие находки из ямы – обломки зернотерки, два фрагмента точил, каменное рыболовное грузило, подвеска из раковины сердцевидки, глиняное изделие неясного функционального назначения, керамика, в т.ч. целая чашка, развалы трех горшков, кубка, миски и более 220 фрагментов различных сосудов, шесть зерен пшеницы, 227 КЖ, кости и чешуя рыб, четыре раковины мидии, флюсовая конкреция и кусок руды [Кравченко, 2011, с. 246–247].

На этом же поселении в содержавшем много золы и углей заполнении ямы 22 (раскоп I), относящейся к горизонту II-УБ (2-я половина X в. до н.э.), залежали три рога животных**, а также обломок каменной мотыги, маленький диск, вырезанный из мергеля, фрагмент такого же диска, керамика, в т.ч. сосуд, являющийся керамическим браком, развалы горшка, двух кубков, миски, КЖ, раковины мидий, устриц и сердцевидки, кусочки краски и галька [Кравченко, 2011, с. 244].

Существует много данных, свидетельствующих о почитании и обрядовом использовании рогов животных различными народами. Так, изображения рогов вписывались в интерьеры святилищ, ими венчали божеств***, культовые сооружения (см., например: [Соколова, 1972, с. 40, 179–180; Голан, 1994, рис. 67.-4; 68.-1, 2; Kawami, 2005, р. 121; и мн. др.]). Из рогов нередко делали посуду для обрядов. Наиболее интересны в этом плане сосуды, встречающиеся в погребениях пазырыкской культуры. Они изготовлены из полого рога различных животных. Производство такой посуды было очень сложным технологическим процессом [Бородовский, 2000, с. 144–157; 2007, с. 90–95]. Возможно, такие сосуды были сугубо сакральными предметами [Полосьмак, 2001, с. 192, 193; Очир-Горяева, 2015, с. 229]. Использование рогов в обрядах демонстрируют и мазары народов Центральной Азии. Здесь во множестве лежали рога различных

* Л.И. Крушельницкая пишет про орудие из рога оленя, но, судя по иллюстрации [Крушельницка, 2006, рис. 8, 9], вряд ли это орудие, тем более боевое [Крушельницка, 2006, с. 121]. Скорее всего, это хорошее сырье: по мере необходимости от целого рога отчленились отростки, оставив следы рубки, что и побудило считать рог орудием.

** Зоологическая принадлежность автором не уточняется.

*** Если обратиться к народным верованиям Индии, «то на дравидском юге можно обнаружить довольно колоритную фигуру сельского божества по имени Аиянар (тамилск. «господин»), связанного с конями и почитаемого как охранитель селений от демонов и других злокозненных сил. ... Обычно его изображают с трезубцем или рогами на голове, идущим пешком или едущим на слоне или коне» [Альбедиль, 2014, с. 62].

животных [Кисляков, 1970, с. 6, 11–12; Абрамзон, 1978, с. 56]. Возле могил на юге Киргизии ставили деревянные шесты, у которых укладывали рога горных козлов и баранов [Абрамзон, 1978, с. 57]. Монголы во время похорон рогом антилопы чертили на земле контур участка, внутри которого и рыли могилу [Майдар, 1981, с. 92]. Вероятно, в данном случае прочерченная рогом линия выполняла функцию границы между живыми и умершими. В почитаемых местах – дзуарах – осетины оставляли различные приношения: посуду, предметы вооружения, рога жертвенных животных [Миллер, 1926, с. 86–87, 89]. У ингушей на святилищах «красовались рога быков и оленей» [Сokolova, 1972, с. 40]. Гуцулы, например, укладывали двойные ветки или пару бараньих рогов поверх соломы на крышах [Гузій, 1998, с. 332]. Горные таджики располагали рога в домах охотников при входе в жилое помещение – считалось, что это способствовало удаче на охоте [Кисляков, 1970, с. 12]. Прикрепленные рога горного козла к перекладине биш-каводж в памирских домах должны были обеспечить обилие мяса в доме [Васильцов, 2014, с. 159]. На Памире очень часто изображали рога на стенах жилищ. Считалось, что эти рисунки поспособствуют плодovitости скота. Изображения бараньих рогов встречаются на керамике культур эпохи бронзы [Полидович и др., 2015; Пробейголова, Красильников, 2015, рис. 2.-1; 3.-4], на различных изделиях, в т.ч. на коврах народов Центральной Азии [Дудин, 1928, с. 108; Смагулов, 1994, с. 83–84, 91]. У многих народов рога барана ассоциировались с растительностью, ее пробуждением весной [Смагулов, 1994, с. 85–91; Куйбидя, 2002, с. 19; и др.].

Заключение

Анализ комплексов нашей сводки позволяет отметить следующее:

1. В контекст обрядов включались рога различных животных – КРС (шесть случаев), козы, сайгака (по два случая), тура, лося, оленя, архара (по одному случаю).

2. Рога животных были выявлены в ямах с золой (три комплекса), зольнике (1), очаге (1). Отсюда вытекает, что они играли определенную роль в обрядах, связанных с почитанием огня.

3. Рога соотносились с водной стихией. Это видно из следующего:

а) в четырех комплексах рога коррелировались с костями и чешуей рыб;

б) в одном поселенческом культовом комплексе рога лежали на дне колодца (и еще в одном случае – в засыпке колодца);

в) в двух случаях рога входили в состав «текстов», где присутствовали раковины моллюсков. Последние же, очевидно, являлись символами водной стихии [Цимиданов, 2009, с. 63–64];

г) в одном случае рога коррелировались с галькой, что также свидетельствует об их семантической связи с водой (см.: [Цимиданов, 2014, с. 115, 119]).

В итоге правомерно допущение, что часть обрядов, в которых использовались рога, призваны были испросить у высших сил воду, столь необходимую скотоводам степей.

4. Рога ассоциировались с потусторонним миром. Наиболее ярким свидетельством этого являются «тексты», где рассматриваемые артефакты коррелировались с костями хищников семейства псовых – зверей, устойчиво соотносящихся с царством мертвых [Анохин, 1924, с. 19; Щепанская, 1993; Цимиданов, 2004, с. 264; Клейн, 2009; и др.]. Строго говоря, о связи рогов с представлениями о потустороннем мире говорит и их присутствие в колодце – данные сооружения у многих народов считались

входами в мир мертвых [Подобед и др., 2014а, с. 287–288], корреляция рогов с костями и чешуей рыб (см.: [Подобед и др., 2015а, с. 365–366]) и вхождение рогов в состав одного «текста» с останками черепах – эта рептилия, как пытался показать один из авторов предлагаемой работы, в некоторых культурах была ипостасью богини, ассоциировавшейся со смертью [Цимиданов, 2012, с. 374]. Отталкиваясь от приведенных фактов, правомерно сделать допущение, что в эпоху бронзы путем манипуляций с рогами участники обрядов пытались установить контакт с миром мертвых, в частности, с предками.

5. В двух случаях рога коррелировались с лопатками животных. Последние же нередко являлись атрибутами служителей культа, шаманов [Подобед и др., 2015б, с. 140–144]. Поэтому не исключено, что лица, которых погребали с рогами животных, при жизни были носителями обрядовой функции.

Таковы лишь некоторые наши наблюдения и гипотезы. Мы не коснулись семантики «связок» «рога + колющие орудия», «рога + точила», «рога + орудия для измельчения», «рога + пряслица», «рога + псалии», «рога + рыболовные грузила», «рога + мотыги», «рога + глиняные шары», «рога + кремни», «рога + челюсти животных», «рога + охра», «рога + рвы». Тем более что соответствующих «текстов» известны пока единицы. В будущем, по мере накопления данных о комплексах с рогами животных, вероятно, появится возможность предложить трактовки и для перечисленных «связок».

Библиографический список

- Абрамзон С.М. Предметы культа казахов, киргизов и каракалпаков // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. XXXIV. Л. : Наука, 1978. С. 44–67.
- Альбедиль М.Ф. Конь/лошадь в древнеиндийской мифологии и ритуале // Бестиарий III. Зооморфизмы в традиционном универсуме. СПб. : МАЭ РАН, 2014. С. 51–64.
- Анохин А.В. Материалы по шаманству у алтайцев, собранные во время путешествий по Алтаю 1910–1912 гг. по поручению Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии // Сборник Музея антропологии и этнографии при Российской академии наук. Т. IV, 2. Л. : Рос. акад. наук, 1924. 148 с.
- Антипина Е.Е. Археозоологические материалы // Каргалы. Т. III: Селище Горный: Археозоологические материалы: Технология горно-металлургического производства: Археобиологические исследования. М. : Языки славянской культуры, 2004. С. 182–239.
- Бейсенов А.З., Варфоломеев В.В., Касеналин А.Е. Памятники бегазы-дандыбаевской культуры Центрального Казахстана. Алматы : ИА им. А.Х. Маргулана, 2014. 192 с.
- Бородовский А.П. Технология изготовления предметов из полого рога // Феномен алтайских мумий. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2000. С. 144–157.
- Бородовский А.П. Древний резной рог Южной Сибири (эпоха палеометалла). Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2007. 176 с.
- Буйнов Ю.В. Исследования в Харьковской области // АО 1983. М. : Наука, 1985. С. 262–263.
- Васильцов К.С. Образ горного козла (нахчира) в мифологии и религиозных представлениях горцев Западного Памира // Бестиарий III. Зооморфизмы в традиционном универсуме. СПб. : МАЭ РАН, 2014. С. 152–169.
- Голан А. Миф и символ. Иерусалим : ТАРБУТ ; М. : РУССЛИТ, 1994. 375 с.
- Горбенко К.В., Смирнов А.И. Посад городища эпохи поздней бронзы Дикий Сад // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. 1. М., 2008. С. 387–390.
- Гузій Р. Народні засоби полегшення процесу помирання (карпатська традиція) // Народознавчі Зошити. Зошит 3 (21). Травень-червень. 1998. С. 330–334.
- Дудин С.М. Ковровые изделия Средней Азии // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. VII. Л. : Изд-во АН СССР, 1928. С. 71–166.

Журавлев О.П. Остеологические материалы из памятников эпохи бронзы лесостепной зоны Днепро-Донского междуречья. Київ : ИА НАНУ, 2001. 200 с.

Кисляков Н.А. Вотивные предметы горных таджиков (по коллекциям МАЭ) // Традиционная культура народов Передней и Средней Азии : сборник Музея Антропологии и этнографии. Т. XXVI. Л. : Наука, 1970. С. 5–15.

Клейн Л.С. Собаки и птицы в эсхатологической концепции ариев // *Stratum plus*. 2005–2009. №3. СПб. ; Кишинев ; Одесса ; Бухарест, 2009. С. 185–194.

Кравченко Е. Кизил-кобинська культура у західному Криму. Київ ; Луцьк : ІА НАНУ, 2011. 272 с.

Крамарев А.И. Некерамический инвентарь в погребальных памятниках срубной культуры // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 5. Самара : Изд-во СамНЦ, 2015. С. 336–397.

Крушельницька Л.І. Культура Ноа на землях України. Львів, 2006. 176 с.

Куйбіда В. Баран // Словник символів культури України. Київ : Міленіум, 2002. С. 19–20.

Литвиненко Р.О. Культурне коло Бабине (за матеріалами поховальних пам'яток) : автореф. дис. ... д-ра іст. наук. Київ, 2009. 32 с.

Лопатин В.А. Смеловский могильник: модель локального культурогенеза в степном Заволжье (середина II тыс. до н.э.). Саратов : Наука, 2010. 244 с.

Майдар Д. Памятники истории и культуры Монголии. М. : Мысль, 1981. 186 с.

Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966. 436 с.

Миллер А. Жертвенные предметы из осетинских дзуаров // Материалы по этнографии. Т. III. Вып. первый. Л. : Изд. Гос. Русск. музея, 1926. С. 85–94.

Мимоход Р.А. Лолинская культура. Северо-Западный Прикаспий на рубеже среднего и позднего периодов бронзового века // Материалы охранных археологических исследований. Т. 16. М. : ИА РАН, 2013. 568 с.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Дураков И.А., Борзых К.А., Селин Д.В., Нестерова М.С., Ковыршина Ю.Н. Проявление сейминско-турбинского феномена на поселении кротовской культуры Венгеро-2 (Барабинская лесостепь) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXI. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2015. С. 321–325.

Молодин В.И., Парцингер Г., Гаркуша Ю.Н., Шнеевайсс Й., Гришин А.Е., Новикова О.И., Чемякина М.А., Ефремова Н.С., Марченко Ж.В., Овчаренко А.П., Рыбина Е.В., Мыльникова Л.Н., Васильев С.К., Бенеке Н., Манштейн А.К., Дядьков П.Г., Кулик Н.А. Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи. Т. 2. Новосибирск ; Берлин : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2004. 336 с.

Мухитдинов И. Стенные росписи жилищ в селении Ягид (Дарваз), связанные с ними поверья и представления // Советская археология. 1964. №2. С. 108–115.

Очир-Горяева М.А. О возможном назначении сосудов из погребений пазырыкской культуры // 中国北方及蒙古、贝加尔、西伯利亚地区古代文化 (上). I. 北京 科学出版社, 2015. С. 228–236.

Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В. Колодцы в картине мира племен эпохи бронзы лесостепной и степной Евразии // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 6. Липецк : РИЦ ФГБОУ ВПО «ЛГПУ», 2014а. С. 283–293.

Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В. Копыта животных в обрядах культур степной и лесостепной Евразии эпохи бронзы // Марғұлан оқулары – 2014: Академик Ә.Х. Марғұланның 110-жылдығына арналған халықаралық ғылыми-практикалық конференция материалдары. Алматы ; Павлодар, 2014б. С. 88–96.

Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В. Таранные кости крупного рогатого скота в культурах эпохи бронзы степной и лесостепной Евразии // Теория и практика археологических исследований. 2014в. №2 (10). С. 31–56.

Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В. Кости и чешуя рыб в культовых комплексах Центральной Азии и Сибири эпохи бронзы // 中国北方及蒙古、贝加尔、西伯利亚地区古代文化 (上). I. 北京 科学出版社, 2015а. С. 363–369.

Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В. Лопатки животных в обрядах культур эпохи бронзы степной и лесостепной Евразии // Түүхийн товчоон. Т. VIII. Улаанбаатар : Соёмбо принтинг, 2015б. С. 127–154.

Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В. Челюсти животных – знак в обрядовом контексте (эпоха бронзы Поволжья и Южного Урала) // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 12. Оренбург : ООО «ИПК Университет», 2016. С. 149–158.

Полидович Ю.Б., Усачук А.Н., Цимиданов В.В. Завитки в орнаментации срубной культуры // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015. №3 (30). С. 23–31.

Полосьмак Н.В. Всадники Укока. Новосибирск : ИНФОЛИО-пресс, 2001. 336 с.

Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Притоболья. М. : Наука, 1985. 376 с.

Потемкина Т.М., Корочкова О.Н., Стефанов В.И. Лесное Тоболо-Иртыше в конце эпохи бронзы (по материалам Чудской горы). М. : ПАИМС, 1995. 207 с.

Пробейголова А.С., Красильников К.И. Давыдо-Никольское поселение позднего бронзового века в Среднем Подонцовье // Археологические вести. 2015. Вып. 21. С. 75–87.

Сакенов С.К. Материалы исследования поселения Васильевка I // Далалык Еуразиянын бегазы-дәндібай мәдениеті. Ж. Құрманқұловтың 65 жылдық мерейтойына арналған ғылыми мақалалар жинағы. Алматы, 2013. С. 445–452.

Самашев З., Ермолаева А.С., Лошакова Т.Н. Работы на поселении Токсанбай // Археологиялык зерттеулер жайлы есеп. Алматы, 2009. С. 217–218.

Смагулов Е.А. Палеосемантика центральной композиции казахского орнамента // Известия Национальной академии наук Республики Казахстан. Серия общественных наук. №5 (197). Алматы : Ғылым, 1994. С. 82–91.

Соколова З.П. Культ животных в религиях. М. : Наука, 1972. 214 с.

Сунгатов Ф.А., Бахшиев И.И. Поселение эпохи поздней бронзы Олаир // Материалы охранных раскопок и исследований по археологии Южного Урала. Т. II. Уфа : ГУП «Уфимский полиграфкомбинат», 2008. 200 с.

Федорова-Давыдова Э.А. Раскопки курганной группы Шахаевская I в 1972 г. // Археологические открытия на новостройках. Древности Северного Кавказа (Материалы работ Северокавказской экспедиции). Вып. I. М. : Наука, 1986. С. 116–135.

Цимиданов В.В. Украшения в погребальном обряде срубной культуры: социальный и половозрастной аспект // Археологический альманах. №14. Донецк, 2004. С. 260–291.

Цимиданов В.В. Погребения с раковинами моллюсков в срубной культуре // Теория и практика археологических исследований. Вып. 5. Барнаул : Азбука, 2009. С. 61–67.

Цимиданов В.В. «Богиня-черепаха» в культурах юга Восточной Европы эпохи поздней бронзы // Проблеми дослідження пам'яток археології Східної України : матеріали III Луганської міжнародної історико-археологічної конференції, присвяченої пам'яті С.Н. Братченка. Луганськ, 2012. С. 371–376.

Цимиданов В.В. Камень *яда* и некоторые «тексты» культур степной и лесостепной Евразии эпохи бронзы // Кадырбаевские чтения – 2014 : материалы IV Международной научной конференции. Астана : Мега принт, 2014. С. 115–122.

Цимиданов В.В. Погребения срубной культуры с астрагалами из Новопокровки-2 (Нижнее Поволжье): «игроки» или медиаторы? // Теория и практика археологических исследований. 2015. №1 (11). С. 56–69.

Щепанская Т.Б. Собака – проводник на грани миров // Советская этнография. 1993. №1. С. 71–79.

Юдин А.И. Погребения с астрагалами из Новопокровки-II: служители культа или «игроки»? // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 7. Саратов : Научная книга, 2009. С. 146–170.

Яровой Е.В. Курганы энеолита – эпохи бронзы Нижнего Поднепровья. Кишинев : Штиинца, 1990. 269 с.

Kawami T.S. Deer in art, life and death in Northwestern Iran // Iranica Antiqua. 2005. Vol. XL. Pp. 107–131.

References

Abramzon S.M. Predmety kul'ta kazahov, kirgizov i karakalpakov [Objects of the Cult of Kazakhs, Kirghiz and Karakalpaks]. Sbornik Muzeya antropologii i ehtnografii [Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography]. Vol. XXXIV. L. : Nauka, 1978. Pp. 44–67.

Al'bedil' M.F. Kon'loshad' v drevneindijskoj mifologii i rituale [The Horse in the Ancient Indian Mythology and Ritual]. Bestiarij III. Zoomorfizmy v tradicionnom universume [Bestiary III. Zoomorphisms in the Traditional Universum]. SPb. : MAEH RAN, 2014. Pp. 51–64.

Anohin A.V. Materialy po shamanstvu u altajcev, sobrannye vo vremya puteshestvij po Altaju 1910–1912 gg. po porucheniju Russkogo Komiteta dlya izucheniya Srednej i Vostochnoj Azii [Materials on Shamanism among the Altaians, Collected during Travels in Altai 1910–1912 on Behalf of the Russian Committee for the Study of Central and Eastern Asia]. Sbornik Muzeya Antropologii i Ehtnografii pri Rossijskoj Akademii Nauk. T. IV, 2. [Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography at the Russian Academy of Sciences. Vol. IV, 2]. L. : Ros. akad. nauk, 1924. 148 p.

Antipina E.E. Arheozoologicheskie materialy [Archaeozoological Materials]. Kargaly, t. III: Selishche Gornyj: Arheozoologicheskie materialy: Tekhnologiya gorno-metallurgicheskogo proizvodstva: Arheobiologicheskie issledovaniya [Kargali, Vol III; The Gorniy Settlement. Archaeozoological Materials. Technology of the Mining Production; Archaeobiological Research]. M. : Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2004. Pp. 182–239.

Bejsenov A.Z., Varfolomeev V.V., Kasenalin A.E. Pamyatniki begazy-dandybaevskoj kul'tury Central'nogo Kazahstana [The Sites of the Begazy-Dandibai Culture]. Almaty : IA im. A.H. Margulana, 2014. 192 p.

Borodovskij A.P. Tekhnologiya izgotovleniya predmetov iz pologo roga [The Technology of Manufacturing of Objects from Empty Horn]. Fenomen altajskij mumij [The Phenomenon of the Altai Mummy]. Novosibirsk : Izd-vo IAEH SO RAN, 2000. Pp. 144–157.

Borodovskij A.P. Drevnij reznoj rog Yuzhnoj Sibiri (ehpoha paleometalla) [Ancient Carved Horn of South Siberia (the time of Paleometal)]. Novosibirsk : Izd-vo IAEH SO RAN, 2007. 176 p.

Bujnov Yu.V. Issledovaniya v Har'kovskoj oblasti [Research in the Kharkov Region]. AO-1983. M. : Nauka, 1985. Pp. 262–263.

Vasil'cov K.S. Obraz gornogo kozla (nahchira) v mifologii i religioznych predstavleniyah gorcev Zapadnogo Pamira [The Image of the Nanchira in the Mythology and Religious Representations of the Mountain People of Western Pamir]. Bestiarij III. Zoomorfizmy v tradicionnom universume [Zoomorphisms in the Traditional Universum]. SPb. : MAEH RAN, 2014. Pp. 152–169.

Huzii R. Narodni zasoby polehshennia protsesu pomyrannia (karpatska tradytsiia). Narodnavchi Zoshyty. Zoshyt 3 (21). Traven-cherven. 1998. S. 330–334.

Dudin S.M. Kovrovye izdeliya Srednej Azii [Carpets of Cenentrakl Asia]. Sbornik Muzeya antropologii i ehtnografii [Collection of the Museum of Folk Etnography]. Vol. VII. L. : Izd-vo AN SSSR, 1928. Pp. 71–166.

Zhuravlev O.P. Osteologicheskie materialy iz pamyatnikov ehpoi bronzy lesostepnoj zony Dneprodonskogo mezhdurech'ya [Osteological Materials from the Early Bronze Sites from the Dneper-Don Interfluve]. K. : IA NANU, 2001. 200 p.

Kislyakov N.A. Votivnye predmety gornyh tadjikov (po kollekciyam MAEH) [Votive Objects of the Mountain Tadjiks (on the collections of MAEH)]. Tradicionnaya kul'tura narodov Perednej i Srednej Azii : sbornik Muzeya Antropologii i ehtnografii. T. XXVI [Traditional Culture of the Peoples of Middle Asia: the Collection of the Museum of Anthropology and Etnography Vol XXVI]. L. : Nauka, 1970. Pp. 5–15.

Klejn L.S. Sobaki i pticy v ehskhatologicheskoj koncepcii ariev [Dogs and Birds in the Eshalastic Conception of the Ariis]. Stratum plus. 2005–2009. №3. SPb. ; Kishinev ; Odessa ; Buharest, 2009. Pp. 185–194.

Kravchenko E. Kyzyl-kobynska kultura u zakhidnomu Krymu [Kyzyl-Kobinskaya Culture in West Crimea]. K. ; Lutsk : IA NANU, 2011. 272 p.

Kramarev A.I. Nekeramicheskij inventar' v pogrebal'nyh pamyatnikah srubnoj kul'tury [Non Ceramic Inventory in the Burials of the Timber Grave Culture]. Voprosy arheologii Povolzh'ya [The Issues of the Archaeology of the Povolzhye Region. Issue 5]. Samara : Izd-vo SamNC, 2015. Pp. 336–397.

Krushelnytska L.I. *Kultura Noa na zemliakh Ukrainy* [The Noa Culture on the Ukrainian Lands]. Lviv, 2006. 176 p.

Kuibida V. Baran [The Sheep]. *Slovnnyk symvoliv kultury Ukrainy* [The Glossary of Ukrainian Culture Terms]. K. : Milenium, 2002. Pp. 19–20.

Litvinenko R.O. *Kul'turne kolo Babine (za materialami pokhoval'nikh pam'yatok) : avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk* [Cultural Circle of Babyn (based on materials of burial places) : Synopsis of the Diss. Doc. Hist. Sciences]. Kiiv, 2009. 32 p.

Lopatin V.A. *Smelovskij mogil'nik: model' lokal'nogo kul'turogeneza v stepnom Zavolzh'e (seredina II tys. do n.eh.)* [The Smelovsky Burial: The Model of the Local Cultural Genesis in the Steppe Volga Region]. Saratov : Nauka, 2010. 244 p.

Maydar D. *Pamyatniki istorii i kulturyi Mongolii* [The Sites of the Mongolian History and Culture]. M. : Myisl, 1981. 186 p.

Margulan A.H., Akishev K.A., Kadyrbaev M.K., Orazbaev A.M. *Drevnyaya kul'tura Central'nogo Kazahstana* [Ancient Culture of Central Kazakhstan]. Alma-Ata, 1966. 436 p.

Miller A. *Zhertvennye predmety iz osetinskih dzuarov* [Sacrificial Objects from Osetian Djuars]. *Materialy po etnografii*. T. III. Vyp. 1 [Materials on Ethnography. Vol. 3. Issue 1]. L. : Izd. Gos. Russk. muzeya, 1926. Pp. 85–94.

Mimohod R.A. *Lolinskaya kul'tura. Severo-Zapadnyj Prikaspij na rubezhe srednego i pozdnego periodov bronzovogo veka : materialy ohrannykh arheologicheskikh issledovanij*. T. 16 [Lolinskaya Culture. North-western Caspian Region on the Verge of Middle and Late Bronze]. M. : IA RAN, 2013. 568 p.

Molodin V.I., Myl'nikova L.N., Durakov I.A., Borzyh K.A., Selin D.V., Nesterova M.S., Kovyrshina Yu.N. *Proyavlenie sejminko-turbinskogo fenomena na poselenii krotovskoj kul'tury Vengerovo-2 (Barabinskaya lesostep')* [The Sign of the Seiminko-Turbinsk Phenomenon on the Krotovskaya Culture Settlement Vengerovo-2 (Barabinsk forest-steppe)]. *Problemy arheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorij*. T. XXI [The Issues of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and Adjacent Territories]. Novosibirsk : Izd-vo IAEHT SO RAN, 2015. Pp. 321–325.

Molodin V.I., Parcinger G., Garkusha YU.N., SHneevajss J., Grishin A.E., Novikova O.I., CHemyakina M.A., Efremova N.S., Marchenko Zh.V., Ovcharenko A.P., Rybina E.V., Myl'nikova L.N., Vasil'ev S.K., Beneke N., Manshtejn A.K., Dyad'kov P.G., Kulik N.A. *Chicha – gorodishche perekhodnogo ot bronzы k zhelezu vremeni v Barabinskoj lesostepi*. T. 2 [Chicha – a Settlement of the Transition from the Bronze to Iron in the Barabinsk Forest-Steppe]. Novosibirsk ; Berlin : Izd-vo IAЕH SO RAN, 2004. 336 p.

Muhitdinov I. *Stennyje rospisi zhilishch v selenii Yagid (Darvaz) svyazannye s nimi pover'ya i predstavleniya* [The Wall Painting of the Dwellings in the Yagid (Darvaz) Settlements and Related to them Beliefs and Representations]. SEh. 1964. №2. Pp. 108–115.

Ochir-Goryaeva M.A. *O vozmozhnom naznachении sosudov iz pogrebenij pazyrykskoj kul'tury* [On the Possible Destinations of Vessels from the Pazyric Culture Burials] *中国北方及蒙古、贝加尔、西伯利亚地区古代文化 (上)*. I. Beijing : Kexue chubanshe, 2015. Zhongguo bēifāng jí ménggǔ, bèijiā'ěr, xībóliyǎ dìqū gǔdài wénhuà (shàng). I. Běijīng kēxué chūbǎn shè, [Ancient Chinese Culture in Northern China and Mongolia, Baikal and Siberia (I)]. Beijing Science Press, 2015]. Pp. 228–236.

Podobed V.A., Usachuk A.N., Cimidanov V.V. *Kolodcy v kartine mira plemen ehphoi bronzы lesostepnoj i stepnoj Evrazii* [The Wells on the World View of the Bronze Tribes in the Forest and Steppe-forest Eurasia]. *Verhnedonskoj arheologicheskij sbornik*. Vyp. 6 [Upper Don Archaeological Collection]. Lipeck : RIC FGBOU VPO «LGPU», 2014a. Pp. 283–293.

Podobed V.A., Usachuk A.N., Cimidanov V.V. *Kopyta zhivotnyh v obryadah kul'tur stepnoj i lesostepnoj Evrazii ehphoi bronzы* [The Hoofs of the Animals in the Rites of the Cultures of Forest and Forest-Steppe Eurasia of the Bronze Age]. *Марҕылан оқулары – 2014: Академик Ә.Н. Марҕыланнұң 110-жылдығына арналған халықаралық ғылыми-практикалық конференция материалдары*. Almaty ; Pavlodar, 2014b. Pp. 88–96.

Podobed V.A., Usachuk A.N., Cimidanov V.V. *Tarannye kosti krupnogo rogatogo skota v kul'turah ehphoi bronzы stepnoj i lesostepnoj Evrazii* [Talus Bones of Cattle in the Bronze Culture of the Steppe and Forest-Steppe Eurasia]. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij* [Theory and Practice of Archaeological Research]. №2 (10). Barnaul : Izd-vo Altajskogo gos. un-ta, 2014v. Pp. 31–56.

Podobed V.A., Usachuk A.N., Cimidanov V.V. Kosti i cheshuya ryb v kul'tovyh kompleksah Central'noj Azii i Sibiri ehpoi bronzy [The Bones of Animals and Fish Scales in the Cult Complexes of Central Asia and Siberia of the Bronze Time]. 中国北方及蒙古、贝加尔、西伯利亚地区古代文化(上). I. 北京 科学出版社 Zhōngguó běifāng jī ménggǔ, bèijiā'ěr, xībóliǎ yǎ dìqū gǔdài wénhuà (shàng). I. Běijīng kēxué chūbǎn shè [Ancient Chinese Culture in Northern China and Mongolia, Baikal and Siberia (I) I. Beijing Science Press] 2015a. Pp. 363–369.

Podobed V.A., Usachuk A.N., Cimidanov V.V. Lopatki zhitovnyh v obryadah kul'tur ehpoi bronzy stepnoj i lesostepnoj Evrazii [Scapula Bone in the Rites of the Bronze Cultures in Forest-Steppe-Fores Eurasia]. Tyghijn tovchoon. Vol. Ulaanbaatar : Soyombo printing, 2015b. Pp. 127–154.

Podobed V.A., Usachuk A.N., Cimidanov V.V. CHelyusti zhitovnyh – znak v obryadovom kontekste (ehpoha bronzy Povolzh'ya i Yuzhnogo Urala) [The Jaws of the Animals – a Sign in the Rite Context (the Bronze Epoch in the Povolzhye and Upper Urals)]. Arheologicheskie pamyatniki Orenburzh'ya. Vyp. 12 [Archaeological Sites of the Orenburg Area]. Orenburg : OOO «IPK Universitet», 2016. Pp. 149–158.

Polidovich Yu.B., Usachuk A.N., Cimidanov V.V. Zavitki v ornamentacii srubnoj kul'tury [The Curls in the Ornaments of the Srubnaya Culture]. Vestnik arheologii, antropologii i etnografii. №3 (30) [Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography 3 (30). Tyumen' : Izd-vo IPOS SO RAN, 2015. Pp. 23–31.

Polos'mak N.V. Vsadniki Ukoka [The Riderse of Ukok]. Novosibirsk : INFOLIO-press, 2001. 336 p.

Potemkina T.M. Bronzovyy vek lesostepnogo Pritobol'ya [The Bronze Age of Forest Steppe Tobol Region]. M. : Nauka, 1985. 376 p.

Potemkina T.M., Korochkova O.N., Stefanov V.I. Lesnoe Tobolo-Irtysh'e v konce ehpoi bronzy (po materialam Chudskoj gory) [Forest Region of the Tobol-Irtys Region]. M. : PAIMS, 1995. 207 s.

Probejgolova A.S., Krasil'nikov K.I. Davydo-Nikol'skoe poselenie pozdnego bronzovogo veka v Srednem Podoncov'e [David-Nikolskoe Settlement of the Late Bronze Age in Middle Podontsovye]. Arheologicheskie vesti. Vyp. 21 [Archaeological News]. SPb., 2015. Pp. 75–87.

Sakenov S.K. Materialy issledovaniya poseleniya Vasil'evka I [Materials of the Research of the Vasilyevka-1 Settlement]. Dalalyk Euraziyanyň berazy-dəndibaj mədeniəti. Zh. Kyrmanlyovnyň 65 zhylydyk merejtojyna arnalan rylymi makalalar zhinary [The Dalagor Autonomous Region of Eurasia. Zh. 65 Patients with Coronary Artery Cannabis]. Almaty, 2013. Pp. 445–452.

Samashev Z., Ermolaeva A.S., Loshakova T.N. Raboty na poselenii Toksanbaj [Work on the Taksanbaj]. Arheologiyalyk zertteuler zhajly esep. Almaty, 2009. Pp. 217–218.

Smagulov E.A. Paleosemantika central'noj kompozicii kazahskogo ornamenta [Paleosemantics of the Central Composition of the Kazakh Ornament]. Izvestiya Nacional'noj Akademii nauk Respubliki Kazahstan. Seriya obshchestvennyh nauk [The News of the National Academy of Science of the Republic of Kazakhstan. Series of the Public Sciences]. №5 (197). Almaty : Fylym, 1994. Pp. 82–91.

Sokolova Z.P. Kul't zhitovnyh v religiyah [Cult of the Animals in the Religion]. M. : Nauka, 1972. 214 p.

Sungatov F.A., Bahshiev I.I. Poselenie ehpoi pozdnej bronzy Olair [The Settlement of the Late Bronze Olair]. Materialy ohrannyh raskopok i issledovaniy po arheologii Yuzhnogo Urala [Material of the Guiding Excavation and Research on the Archaeology of Southern Urals] Vol. II. Ufa : GUP «Ufimskij poligrafkombinat», 2008. 200 p.

Fedorova-Davydova E.A. Raskopki kurgannoj gruppy Shahaevskaya I v 1972 g. [The Excavation of the Shahaevskaya I Mound Group in 1972]. Arheologicheskie otkrytiya na novostrojках. Drevnosti Severnogo Kavkaza (Materialy rabot Severokavkazskoj ehkspedicii). Vyp. I [Archaeological Discoveries on the New Sites. The Antiquities of North Caucasus. Issue 1]. M. : Nauka, 1986. Pp. 116–135.

Cimidanov V.V. Ukrasheniya v pogrebal'nom obryade srubnoj kul'tury: social'nyj i polovozrastnoj aspect [Jewelry in the Burial Rite of the timber-grave Culture: Social Sexual and Age Aspect]. Arheologicheskij al'manah [Archaeological Almanach]. №14. Donetsk, 2004. Pp. 260–291.

Cimidanov V.V. Pogrebeniya s rakovinami mollyuskov v srubnoj kul'ture [Burials with the Shells in the Carcass Culture]. Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy. Vyp. 5 [Theory and Practice of Archaeological Research. Issue 5]. Barnaul : Azbuka, 2009. Pp. 61–67.

Cimidanov V.V. «Boginya-cherepaha» v kul'turah yuga Vostochnoj Evropy ehpoi pozdnej bronzy [Turtle the Goddess in the Cultures of the South of Eastern Europe in the Late Bronze]. Prob-

lemi doslidzhennya pam'yatok arheologii Skhidnoï Ukraïni : materiali III Lugans'koï mizhnarodnoï istoriko-arheologichnoï konferencii, prisvyachenoï pam'yati S.N. Bratchenka [Problems of the Research of Archaeological Sites of Ukraine: the Materials of the 3rd Lugansk International and Archaeological Conference, the Sacred Memory of S.N. Bratchenka]. Lugans'k, 2012. Pp. 371–376.

Cimidanov V.V. Kamen' yada i nekotorye «teksty» kul'tur stepnoj i lesostepnoj Evrazii ehpoi bronzy [The Stone of Poison and Some “Texts” of the Steppe and Forest-Steppe Eurasian Cultures of the Bronze Age]. Kadyrbaevskie chteniya – 2014 : materialy IV Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii [Kadyrbaev Readings – 2014: Materials of the IV International Scientific Conference]. Astana : Mega print, 2014. Pp. 115–122.

Cimidanov V.V. Pogrebeniya sрубnoj kul'tury s astragalami iz Novopokrovki-2 (Nizhnee Povolzh'e): «igroki» ili mediatory? [Burials of the timber grave Culture with Astragalus from Novopokrovka-2 (Lower Volga region): “Players” or Mediators?]. Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij [Theory and Practice of Archaeological Research]. №1 (11). Barnaul : Izd-vo Altajskogo gos. un-ta, 2015. Pp. 56–69.

Shchepanskaya T.B. Sobaka – provodnik na grani mirov [A Dog is a Guide on the Verge of Worlds]. SE [Soviet Ethnography 1993. №1]. Pp. 71–79.

Yudin A.I. Pogrebeniya s astragalami iz Novopokrovki-II: sluzhiteli kul'ta ili «igroki»? [Burials with Astragalus from Novopokrovka-II: Ministers of Worship or “Players”?]. Arheologiya Vostochno-Evropeskoj stepi. Vyp. 7 [Archaeology of the Eastern European Steppe. Issue. 7]. Saratov : Nauchnaya kniga, 2009. Pp. 146–170.

Yarovoj E.V. Kurgany ehneolit-ehpoi bronzy Nizhnego Podnestrov'ya [Mounds of the Eneolithic – the Bronze Age of the Lower Dniester]. Kishinev : Shtiinca, 1990. 269 p.

Kawami T.S. Deer in Art, Life and Death in Northwestern Iran // *Iranica Antiqua*. 2005. Vol. XL. Pp. 107–131.

V.A. Podobed¹, A.N. Usachuk¹, V.V. Tsimidanov²

¹Local History Museum, Donetsk, Ukraine;

²Regional Museum of Local History, Kramatorsk, Ukraine

HORNS OF ANIMALS IN THE CEREMONIES OF BRONZE AGE TRIBES IN STEPPE AND FOREST-STEPPE EURASIA

Animals played an important role in spiritual life of the tribes that inhabited the steppe and the forest-steppe of Eurasia during the Bronze Age. They were often sacrificed during ceremonial manipulations. Burials of a whole carcass were rare in the practices of most cultures. Much more often, some parts of animals were buried. Researchers paid attention to it but there are artifacts, which did not draw researchers' close attention yet, i.e. horns of mammals. As an independent sign, they are rare finds in cult complexes. For example, among 840 sites of settlement cult complexes of the South of Eastern Europe only in five of them (0,6%) there were horns of animals. On the sites of Asia, 757 settlement cult complexes are explored. Horns of animals were only in 10 (1,3%) of them. The article provides analysis of the complexes. Conclusions are as follows: a context of ceremonies included horns of various animals; horns of animals played a certain part in the ceremonies of fire honoring; horns corresponded to water elements; horns were associated with the other world. It is possible that people who were buried with horns of animals were carriers of ceremonial function during their lifetime.

Key words: horns of animals, settlement cult complexes, ceremonies, the Bronze Age.

К ВОПРОСУ О КУЛЬТЕ ПРЕДКОВ В АЛАКУЛЬСКОМ ОБЩЕСТВЕ (по материалам нарушенных погребений)

В последнее время достаточно широко обсуждается вопрос о нарушенных погребениях древних культур Евразии. В статье рассматриваются алакульские погребения, в которых обнаружены отдельные «лишние» человеческие кости, не имеющие отношения к основному захоронению. В основном это женские черепа, нижние челюсти, зубы и кости одной руки/рук. Дополняют картину алакульские погребения, в которых у женского костяка отсутствуют череп и кости одной руки. Предложено следующее объяснение ситуации. В эпоху бронзы в связи с развитием скотоводства на территории степей разворачивается борьба за лучшие пастбища. Соперниками в борьбе могли выступать коллективы, относящиеся к одной культуре (алакульской). Коллектив, потерпевший поражение, должен был покинуть не только свою территорию, но и родовое кладбище, где захоронены предки. Чтобы обеспечить своему коллективу поддержку предков на новом месте, они раскапывали могилы наиболее почитаемых сородичей и транспортировали кости на новую территорию. Соответственно, победивший коллектив стремился присвоить себе чужое родовое кладбище, с этой целью они совершали захоронение отдельных костей своих предков в чужих могилах. Автор приходит к выводу, что нарушения могил в древности могли производиться многократно, как сородичами, так и противниками. Эти действия магического характера были направлены, в первую очередь, на кости предков. Именно помощь и поддержка предков, а не украшения или оружие, представляли главную ценность для коллектива.

Ключевые слова: Западная Сибирь, Казахстан, эпоха бронзы, алакульская культура, культ предков.

DOI: 10.14258/tpai(2018)1(21).-05

Введение

В последнее время достаточно широко обсуждается вопрос о нарушенных погребениях древних культур Евразии. Многие исследователи обращают внимание на тот факт, что вторжение в погребения осуществлялось в то время, когда связки скелета еще не полностью разложились. Нередко в могиле оставались достаточно ценные вещи, но присутствовали следы манипуляции с костями погребенных. Чаще всего нарушалось расположение костей верхней части скелета, в первую очередь черепа или нижней челюсти, нередко именно эти кости извлекались из могилы. Поэтому перед исследователями конкретного могильника/могилы неизбежно встает дилемма – «грабление или обряд». В обобщающей статье С.А. Яценко и М.Е. Килуновской [2016, с. 7–14] «Нарушенные погребения: проблемы изучения» отмечается следующий момент: «Ясно одно: в подавляющем большинстве из множества рассматриваемых в текстах ситуаций речь идет о вмешательстве людей, относящихся к той же культурной традиции, причем достаточно близком по времени к погребению (не позже 1–2 поколений) – сородичей, соседей или различных недоброжелателей. Эти люди, чаще всего, хорошо знали детали погребально-поминального ритуала, структуру некрополя и размещение нужных им погребений, планировку самих могил и характер сопроводительных вещей» [Яценко, Килуновская, 2016, с. 9].

Представляется необходимым рассмотреть еще один вариант погребений, в которых обнаружены отдельные «лишние» человеческие кости, не имеющие отношения к основным захоронениям в данной погребальной камере. Такие могилы встречены в эпоху бронзы на некоторых алакульских некрополях.

Материалы и их обсуждение

В алакульском могильнике Ермак-IV (Нововаршавский район, Омская область) особый интерес представляют могилы-1 и 7. Могила-1 имела размеры 2,0×0,8 м, глубину – 0,9 м от уровня материка, ориентирована по линии СЗ–ЮВВ. На глубине 25 см от уровня материка обнаружен череп, принадлежащий особи крупного рогатого скота*. Могила содержала погребения на разных уровнях. *Погребение 1* сильно нарушено. На глубине 40 см от поверхности материка в северо-восточной части ямы обнаружен раздавленный череп младенца в возрасте 3–6 месяцев**. Поверх черепа, на боку лежал сосуд. На этом же уровне (40–45 см) в различных частях могильной ямы обнаружены некоторые другие кости скелета этого младенца (левая плечевая, левая большеберцовая, два позвонка). Здесь же были найдены фрагменты керамики, орнаментированные гребенчатой качалкой. У северной и южной стенок прослежены фрагменты обгоревшего дерева. На глубине 50 см от уровня материка встречены разрозненные кости (нижняя челюсть, плечевая, локтевая и лучевая кости левой руки, кости запястья, фаланги), принадлежащие женщине в возрасте около 25 лет. По-видимому, нижняя челюсть и кости левой руки женщины были положены в могилу преднамеренно в ходе ритуала. *Погребение 2* находилось на глубине 70 см от поверхности материка. Подросток в возрасте около 9 лет был захоронен скорченно, на левом боку, головой на северо-северо-запад. Сохранность костяка хорошая, но отсутствовали кости ступней обеих ног. В головах погребенного располагались целый сосуд и два крупных фрагмента от разных сосудов. Рядом с погребенным обнаружена также бронзовая пластинка. У южной стенки могильной ямы прослеживались пятна прокаленного суглинка. В ногах подростка находилась обгоревшая деревянная плаха (перекрытия?), лежащая поперек могилы у восточной стенки. В северо-восточном углу, рядом с обгоревшей деревянной плахой и под ней, найдены лежащие в беспорядке кости младенца в возрасте около 6 месяцев (локтевые, малоберцовые, левая большеберцовая, правая ключица, 4 ребра). Эти кости можно выделить как *погребение 3*. Детское *погребение 1* (младенец 3–6 месяцев) находилось примерно над этим *погребением 3* (младенец около 6 месяцев), но их разделяла чистая (без находок костей и предметов) прослойка, мощностью около 30 см. Костяк подростка (*погребение 2*) был расположен не на материке. Ниже шел мешаный слой – серый суглинок с материковыми вкраплениями. Мощность его – 20 см. В этом слое, в западной части могильной ямы, на 3–5 см ниже уровня костяка подростка, прослеживалась черная прослойка с углистыми вкраплениями, мощностью 1–3 см. По-видимому, это остатки подстилки [МАЭ ОмГУ. Ф. II. Д. 36-1].

Могила-7 имела размеры 2,2×1,2 м и была углублена в материк на 0,65 м, ориентирована по линии СЗ–ЮВ. Могила содержала два погребения на разных уровнях. *Погребение 1 (верхнее)* находилось на глубине 10 см от уровня материка. Оно занимало юго-восточную часть ямы, северо-западная была пуста. Умерший ребенок 6–7 лет захоронен в сильно скорченном положении на левом боку, головой на северо-запад. Рядом с погребенным положено два черепа (без нижних челюстей) от взрослых особей крупного рогатого скота. Один череп животного располагался возле затылка ребенка, другой находился возле тазовых костей детского костяка и был перевернут лобными костями вниз. Под ребрами скелета ребенка – нижняя челюсть взрослой осо-

* Определение костей животных могильника Ермак-IV сделаны П.А. Косинцевым [1990, с. 66–69].

** Антропологические определения для могильника Ермак-IV сделаны В.А. Дремовым.

би лошади. Кроме того, за спиной и в ногах ребенка найдены обломки четырех бедренных костей от двух взрослых особей лошади (крупного и среднего роста) (рис.-1). Ниже, на глубине 30 см от уровня материка в юго-восточной половине ямы найдены череп, ребра и позвонки от новорожденного теленка (1–3 месяца), центральная кость заплюсны крупного рогатого скота, а также обломок одной берцовой кости лошади.

На глубине 50 см от уровня материка в юго-восточной части ямы обнаружены также две тазовые и обломок одной бедренной кости полувзрослой (около двух лет) лошади. Всего в могиле обнаружено пять бедренных костей лошади от одной полувзрослой и двух взрослых особей. Кроме того, на этом уровне найдены кости конечностей крупного рогатого скота (две передние ноги, отрезанные в области запястных суставов). По мнению П.А. Косинцева [1990, с. 67], вероятно, была и задняя нога, так как найдена центральная кость заплюсны. На этом же уровне в центре ямы находилась задняя половина туши овцы с эмбрионом (незадолго до рождения), разрушенная по грудной клетке. Овца была положена на живот с подогнутыми задними ногами. Положение ног костяка овцы позволяет установить, что она была ориентирована головой на юго-восток, что совпадает с ориентацией головы человека из нижнего погребения. В центральной части ямы также зафиксированы две плахи сгоревшего перекрытия, лежащие параллельно друг другу. Отдельные фрагменты сгоревшей обкладки прослеживались вдоль юго-западной и юго-восточной стен, а у северо-западной и северо-восточной стенок зафиксированы пятна прокаленного суглинка. Одно из них, располагавшееся ближе к середине северо-восточной стенки, содержало обожженные кости, вероятно, принадлежавшие человеку из нижнего погребения. На костях животных следов огня нет (рис.-2).

На глубине 55 см от уровня материка зафиксирована сгоревшая обкладка нижнего погребения, которая шла вдоль юго-восточной торцевой стороны и частично вдоль юго-западной, примыкавшей к юго-восточной. Вдоль северо-западной торцевой стенки зафиксирован фрагмент сгоревшей обкладки или продольного перекрытия. Погребальная камера была подожжена с торцовых сторон. Вдоль сгоревшей обкладки четко выделялись широкие полосы прокаленного суглинка, слой которого достигал более 10 см, особенно мощные следы прокала зафиксированы в южном углу, толщина прокаленного слоя уменьшалась по направлению к средней части ямы до 5 см. У юго-восточной стенки в слое прокаленного суглинка встречались обгоревшее дерево и мелкие кости (человека?). У юго-западной стенки и в центре прослежены фрагменты плах сгоревшего перекрытия. Рядом с центральным фрагментом перекрытия, вне прокаленного слоя, обнаружена кость животного без следов огня. На этом же уровне, в северо-западной половине, ближе к центру ямы, обнаружена нижняя челюсть без следов огня, принадлежащая женщине (?) 18–20 лет (рис.-3). Вероятно, челюсть была положена в могилу преднамеренно. Кроме того, на этом уровне найдено несколько разрозненных костей от скелета человека (ребро и несколько позвонков) также без следов огня, которые, скорее всего, относились к нижнему погребению.

Погребение 2 (нижнее) находилось на дне могильной ямы, на глубине 65 см от уровня материка. Обожженная рама из деревянных плах фиксировалась вдоль юго-восточной стороны. Вдоль всей юго-западной стенки также сохранились плахи обкладки, которые в средней части не имели следов огня. Вдоль большей части северо-восточной стенки обкладка отсутствовала, за исключением обгоревшего фрагмента, примы-

кавшего к юго-восточной торцовой части рамы. Частично сохранилось также обгоревшее поперечное перекрытие в юго-восточной части камеры. Погребение нарушено. Возле юго-восточной стенки, под обгоревшей плахой перекрытия располагался череп человека (с нижней челюстью), который принадлежал мужчине (?) 35–40 лет, вероятно, он был ориентирован головой на юго-восток. Верхняя часть черепа обгорела, а та его сторона, которая была обращена к земле, не имела следов огня. Рядом с черепом находилась обожженная кость мелкого рогатого скота. Разрозненные кости скелета человека занимали юго-восточную половину ямы, северо-западная была пуста. Анатомическое положение костей нарушено. Возле черепа обнаружены несколько ребер, разрозненные позвонки. Ближе к центру могилы находились две лопаточные кости*, ключица, кость предплечья, лучевая, локтевая, кости кисти одной руки, позвонки. Некоторые кости находились в сочленении. В двух случаях позвонки сохранили анатомический порядок, они были расположены в сочленении по три. Лучевая и локтевая кости и кисть руки также находились в сочленении. Огонь затронул те части скелета, которые непосредственно соприкасались с горевшей обкладкой и перекрытием. Значительно обгорели череп и скопление костей у северо-восточной стенки, рядом с обгоревшей плахой поперечного перекрытия. В центральной части ямы обкладка возле юго-западной стенки не имела следов воздействия огня, так же как и кости скелета, находившиеся в этой части ямы. На дне у северо-восточной стенки ямы, ближе к северному углу, обнаружен бронзовый нож, не подвергшийся действию огня (рис.-4, 5) [МАЭ ОмГУ. Ф. II. Д. 47-1]. В погребении 2 могилы-7 обнаружены далеко не все кости скелета мужчины. Состав костей достаточно выразителен. Это, прежде всего, череп и кости одной руки, а также некоторые кости верхней половины скелета (позвонки, ребра). Но однозначно утверждать, что в погребении были кости только одной руки, не представляется возможным, так как скопление сильно обгоревших костей у северо-восточной стенки на дне могилы и возле этой же стенки в заполнении на глубине 50 см от уровня материка вполне могли принадлежать костям второй руки. Обращает на себя внимание и такой факт, как полное отсутствие нижней части скелета (тазовые кости, крестец, кости ног). В северо-восточной половине могилы, где должна была находиться нижняя часть скелета, отсутствует также обкладка вдоль большей части северо-восточной стенки. По-видимому, именно с северо-восточной стороны произошло проникновение в могилу, нарушение костяка и извлечение нижней части скелета мужчины. Вероятно, эти действия имели место спустя сравнительно небольшой срок после захоронения трупа, пока связки еще не совсем разложились. Вслед за нарушением костяка деревянная камера была подожжена с торцовых сторон, и после того, как огонь достаточно разгорелся, могила была засыпана землей, о чем свидетельствуют сильные прокалы. Позже в могилу были помещены последовательно нижняя женская челюсть, задняя половина туши овцы с эмбрионом (незадолго до рождения) и совершено захоронение ребенка в верхней части заполнения могилы в сопровождении

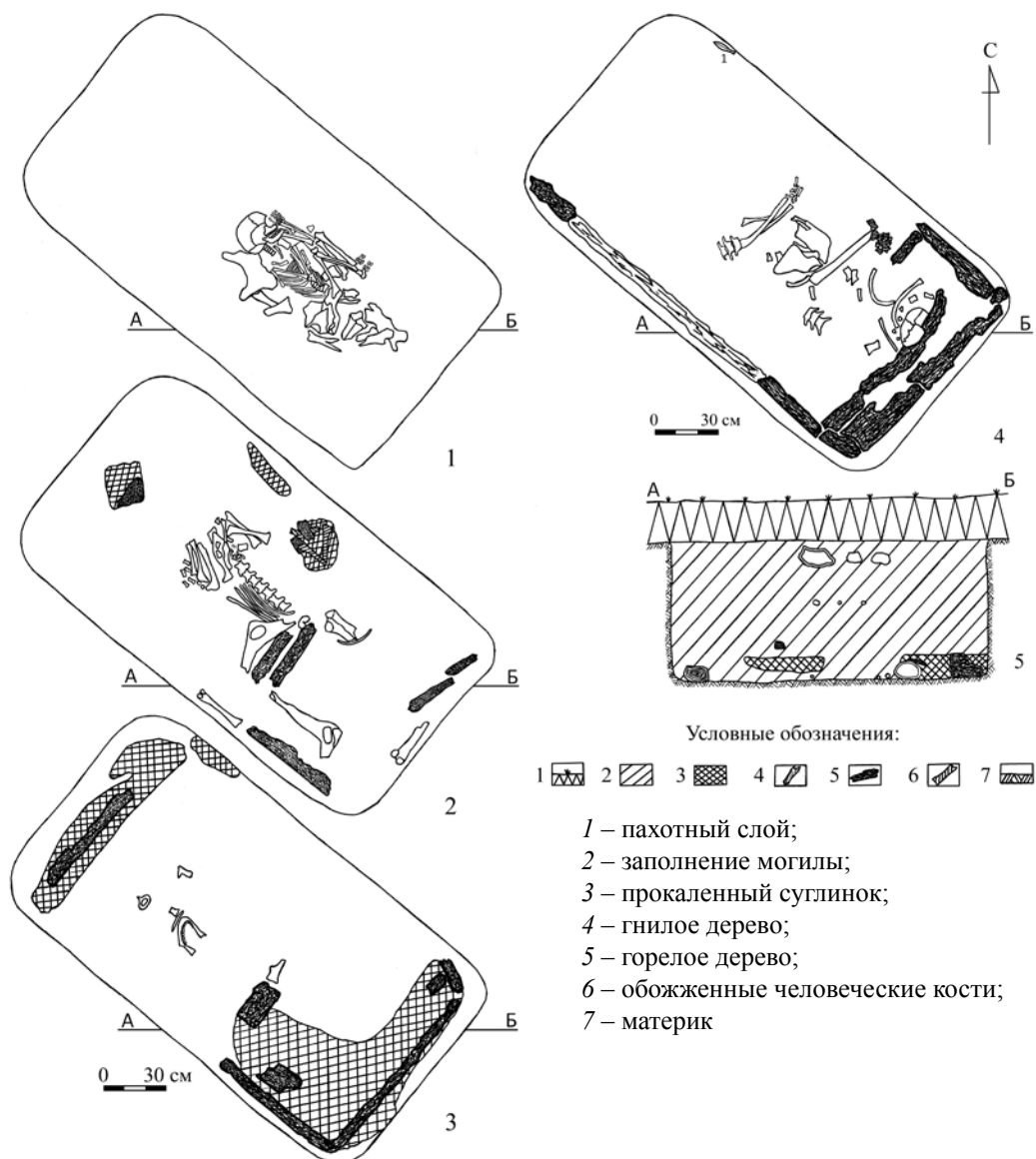
* Это уточнение относительно лопаточных костей внесено в результате работы в МАЭ ОмГУ и изучения записей в полевом дневнике [МАЭ ОмГУ. Ф. II. Д. 47-2]. В тексте отчета [МАЭ ОмГУ. Ф. II. Д. 47-1] состав костей не уточнялся, в свою очередь работа с планами не всегда дает надежные результаты. В недавно вышедшей статье [Сотникова, 2017, с. 356] при перечислении костей, оставшихся от нарушенного скелета человека, эти крупные кости, лежащие в скоплении, упомянуты как тазовые. Однако относительно содержания вышеназванной статьи и сделанных выводов это уточнение принципиального значения не имеет.

значительного количества домашнего скота. Какое время прошло между сожжением нижней погребальной камеры с останками мужчины и помещением в могилу нижней женской челюсти и захоронением ребенка, сказать сложно. Можно только предполагать, что этот промежуток времени был незначителен, так как женская челюсть и захоронение ребенка располагались практически точно над остатками костей нижнего погребения мужчины, но при этом ребенок ориентирован головой в противоположном направлении, ногами к черепу мужчины. Следовательно, тому, кто совершал манипуляции с человеческими костями, вероятно, было хорошо известно и, соответственно, учитывалось расположение костей мужчины из нижнего погребения. Достаточно сложный обряд, зафиксированный в могиле-7, представляет интерес также тем, что в нем не обнаружено ни одного фрагмента керамики, только жертвенные кости животных. Единственной находкой является бронзовый нож из нижнего погребения, который располагался на значительном расстоянии от костей мужчины, в пустой части могилы ближе к торцовой стенке, и не имел следов воздействия огня.

Таким образом, вероятно, в могильнике Ермак-IV в могилу-7 была преднамеренно помещена нижняя женская челюсть, а в могилу-1 нижняя челюсть и кости левой руки женщины, поэтому вряд ли следует рассматривать эти находки как самостоятельные погребения. Вероятно, это следы определенного ритуала, не случайно эти кости принадлежат женщинам и связаны с детскими погребениями.

Подобные преднамеренные помещения в могилу женского черепа или нижней челюсти и костей руки зафиксированы и в других алакульских могильниках. В Хрипуновском могильнике могила-13 представляла собой коллективное захоронение. Могила ориентирована по линии ЮЮЗ–ССВ, имела размеры по верху 3,55×3,1 м, глубину 0,8 м от уровня материка. Перекопанная грабителями юго-западная часть ямы заполнена черной супесью, а оставшаяся непо потревоженной северо-восточная половина – пестрым мешаным грунтом. На дне вдоль юго-восточной, северо-восточной и частично северо-западной стенок сохранились остатки двухвенцовой рамы из плах или бревен диаметром до 0,2 м, а также фрагменты поперечного перекрытия. У северо-восточной части домовины в непо потревоженном состоянии находились нижние части скелетов (кости таза и ног) взрослого мужчины и подростка 10–14 лет (девушка?), свидетельствующие о том, что костяки были захоронены лицом друг к другу, головами на северо-запад. Девушка была положена на правый, мужчина – на левый бок. Под левой подвздошной костью мужчины найдена просверленная раковина. На левой щиколотке девушки сохранилась низка бронзовых бус, в районе таза – бронзовая обоймочка и два просверленных клыка – собаки и лисицы. С внутренней стороны коленного сустава левой ноги – другая пара клыков плохой сохранности и обломок бронзового изделия. В изголовье погребенных – два горшка, рядом с ними – обломки двух четырехгранных бронзовых шильев.

В юго-западной части могилы было захоронено еще шесть или семь человек, однако где именно и в каком положении находились костяки, удалось восстановить не во всех случаях. Анатомический порядок сохранили лишь подвздошные кости и нижние позвонки скелета взрослого мужчины, погребенного в центральной части могилы. Из их положения следует, что он был захоронен на спине и ориентирован головой на северо-запад. Этому же костяку принадлежали массивные бедренные и большие берцовые кости, находившиеся рядом, но сдвинутые с места. Рядом с ними находились

Могильник Ермак-IV, могила-7:

1 – план погребения 1 (верхнее) на глубине 10 см от уровня материка;
 2 – план могилы на глубине 50 см от уровня материка; 3 – план могилы на глубине 55 см от уровня материка; 4 – план погребения 2 (нижнее) на глубине 65 см от уровня материка; 5 – разрез могилы-7

бедренные и большие берцовые кости другого взрослого мужчины, а также большая и фрагмент малой берцовой кости взрослой женщины. Нижний эпифиз большой берцовой кости женщины был охвачен низкой бронзовых бус. Среди костей также обнаружены бронзовая пронизка, несколько обломков бронзовых изделий и костяная под-

веска. Кроме того, в этой части могилы обнаружен верхний клык человека в возрасте около 50 лет. В ногах этой группы расчищены останки скелета ребенка 1,5–2 лет, захороненного скорченно, на правом боку, головой на северо-запад, в ногах ребенка поставлены два сосуда, причем маленькая неорнаментированная баночка перевернута вверх дном. Представляет интерес тот факт, что детское погребение не было нарушено при ограблении этой части могилы. Кроме того, в заполнении могилы найдены несколько молочных зубов ребенка в возрасте 2,5–3 лет.

Ближе к северо-западной стенке одним скоплением залежали правые плечевая, локтевая, лучевая кости (правая рука. – С. С.), а также фрагмент нижней челюсти женщины 15–17 лет. Среди ее останков найдены серебряные, пастовые, бронзовые бусы, бронзовые круглые нашивные бляшки с концентрическим орнаментом и сквозными отверстиями, бронзовые обоймы, бронзовая очковидная подвеска, около десятка просверленных клыков, в том числе два клыка собаки, пять – лисицы, один – барсучий, один – резец кабана, фрагменты бронзового желобчатого браслета, фрагменты перстня со спиралевидным щитком, обломки еще нескольких бронзовых предметов, украшенных спиральями, бронзовый нож [Матвеев, 1998, с. 148, 150–151].

Наибольший интерес в хрипуновском погребении представляет захоронение фрагмента нижней челюсти и правой руки девушки 15–17 лет в сопровождении украшений, которые обычно входят в состав головного убора или накосника (бусы, обоймы, круглые нашивные бляшки, бронзовая очковидная подвеска, просверленные клыки) или украшают руки (браслеты, перстни). Эти действия можно интерпретировать как намеренное, с ритуальными целями, помещение определенных останков в могилу. Не исключено, что эти ритуальные действия как-то связаны с погребением ребенка 1,5–2 лет в этой же части ямы, а также с находкой нескольких молочных зубов ребенка в возрасте 2,5–3 лет из заполнения могилы. Возможно, что к этой же категории намеренно помещенных человеческих костей относится верхний клык человека в возрасте около 50 лет. Находка женской нижней челюсти и костей одной руки в погребении, а также связь с детским/детскими захоронениями имеет определенное сходство с традициями могильника Ермак-IV (за исключением украшений).

В могильнике Маринка (Восточный Казахстан) в могиле-14 захоронен младенец в возрасте до 5 месяцев, на левом боку, в скорченном положении, головой на юго-запад. Поверх костяка ребенка установлены два черепа, у которых отсутствовали нижняя челюсть и шейные позвонки, черепа принадлежали подростку 12–13 лет и женщине 30–35 лет [Ткачева, Ткачев, 2008, с. 97]. В данном случае также очевидна связь с детским захоронением.

Таким образом, в среде алакульского населения существовал ритуал, в ходе которого происходило намеренное вторжение в уже существующую могилу, при этом анатомическое расположение костей скелета нарушалось и, вероятно, часть их изымалась, затем в могилу помещались человеческие кости, не связанные с основным захоронением. Состав намеренно помещенных костей показателен. Как правило, они принадлежали женщинам, это – черепа, нижние челюсти, нередко в сочетании с костями одной руки. В Хрипуновском могильнике эти кости сопровождалась украшениями как головного убора (включая накосник), так и рук (браслеты, перстни). Вероятно, с этими ритуальными действиями следует связывать также помещение в могилу детских костяков, черепов, зубов.

Соответственно, существование подобного ритуала предполагает наличие исходного (первичного) женского погребения, совершенного в соответствии с алакульской традицией, а именно в скорченном положении, на левом боку, но нарушенного таким образом, что в нем отсутствуют череп или нижняя челюсть и кости руки. Такие погребения имеются, но их число незначительно, так как долгое время все нарушенные погребения относились исследователями к ограбленным и, соответственно, документировались недостаточно тщательно. В алакульских (атасуских) памятниках Центрального Казахстана зафиксированы погребения, в которых у женского костяка отсутствуют череп и кости одной руки, сведения об этих погребениях сведены в таблицу (табл. 1).

Таблица 1

Характеристика алакульских (атасуских) погребений с изъятыми костями черепа и рук

Памятник, публикация	№ объекта	Ориентация могилы	Размеры могилы (в метрах)	Количество, пол, возраст погребенных	Положение, ориентация костяков	Какие кости отсутствуют, пол костяка
Аяпперген [Ткачев, 2002, с. 73–74]	Ограда №21	СВ–ЮЗ	2,1×1,2×0,8	Женщина и ребенок	Скорченно, левый бок, ЮЗ	Череп и кости правой руки (ж)
Аяпперген [Ткачев, 2002, с. 66–69]	Ограда №4, могила-1	СВ–ЮЗ	2×0,9–0,75×?	Одиночное, взрослый, пол-? (нижнее погребение)	Скорченно, левый бок, ЮЗ	Череп, верхняя часть позвоночного столба, кости правой руки, пол-?
Алпымса [Ткачев, 2002, с. 39–42]	Курган №1	СВ–ЮЗ	1,5×1,2×1,2	Одиночное, взрослый, ж-?	Скорченно, левый бок, ЮЗ	Череп и кости правой руки (ж-?)

Некоторые сведения о представленных в таблице погребениях требуют дополнительного пояснения. В могильнике Аяпперген (ограда №21) в заполнении, в придонной части, обнаружены нижняя челюсть человека в сопровождении украшений. Из описания не вполне ясно, кому она принадлежала. Так как это специально в тексте не оговаривается [Ткачев, 2002, с. 73–74], следует предполагать, что она принадлежала женскому костяку, захороненному на дне, иначе говоря, из могилы сначала изъяли череп вместе с имевшимися на нем украшениями головного убора, но затем оставили нижнюю челюсть и какую-то часть украшений. В заполнении могилы-1 ограды №4 этого могильника встречены нижняя челюсть и бедренная кость скелета человека. На дне обнаружен хорошо сохранившийся костяк, у которого отсутствовали череп, верхняя часть позвоночного столба и кости правой руки. А.А. Ткачев считает, что могила содержала двойное погребение. Одно, частично сохранившееся, находилось на дне. Второе погребение совершено позднее, в верхней части могилы, поверх первого, когда ящик частично заполнился землей, оно было полностью разрушено в процессе ограбления. Однако исследователь не исключает варианта, что кости верхнего скелета попали в могилу в результате одновременного ограбления оград [Ткачев, 2002, с. 66–69]. В данном случае для нас представляет интерес нижнее погребение, в котором у костяка отсутствуют череп и кость правой руки. Могильник Алпымса А.А. Ткачев относит к памятникам нуринаского (федоровского) типа. Однако материалы кургана №1 не имеют явных нуринаских черт. На глубине 40 см от края ямы среди обломков плит

перекрытия встречены кости конечностей и позвонки лошади. Рядом, на этом же уровне, у западной стенки на боку располагался сосуд баночной формы без орнамента, рассыпавшийся в процессе выборки. А.А. Ткачев [2002, с. 39–42] предполагает, что сосуд и кости лошади, накрытые шкурой животного, составляли поминальный комплекс на перекрытии могилы, который в ходе ограбления оказался в заполнении могилы. Однако жертвенные комплексы из черепов и костей ног домашних животных (в данном случае костей ног лошади) иногда в сочетании с сосудами характерны, прежде всего, для алакульских (атасуских) комплексов. Кроме того, единственный сосуд, связанный с этим погребением, представлен банкой без орнамента, которая к тому же не сохранилась, поэтому такой важный аргумент, как керамика, в данном случае не может быть использован в качестве культурного индикатора. Соответственно, нет серьезных оснований относить материалы кургана №1 к нуринскому типу, вполне вероятно их атасуская принадлежность. Следует также добавить, что в области шейных позвонков человека, захороненного в этой могиле, найдены обломки кольца из бронзовой проволоки [Ткачев, 2002, с. 39–42]. Наличие украшений, как представляется, свидетельствует в пользу женской принадлежности погребенного.

Достаточно сложные манипуляции с черепами и костями рук женщин зафиксированы в Лисаковском I могильнике (Костанайская область, Казахстан). Алакульская могила-1 ограды №4А имела крупные размеры 2,3×2×0,45 м, была ориентирована по линии СВ–ЮЗ. На поверхности пятна в восточной половине находился жертвенник из сосуда, перевернутого вверх дном, костей черепа и ног крупного и мелкого рогатого скота. На дне вдоль юго-западной стенки располагалось шесть сосудов. В могиле находились три костяка, ориентированные головой на юго-запад. Два костяка захоронены в скорченном положении лицом друг к другу, мужчина на левом, женщина на правом боку. Женский череп был развернут и лежал на затылке, упираясь сводом в сосуд №3. Кости кистей обеих рук отсутствовали. С женским скелетом связан богатый набор украшений, входящих в состав головного убора и накосника. На запястьях обеих рук – по два бронзовых браслета. На щиколотках обеих ног – низки бронзовых бус. Детали одежды были расшиты пастовыми бусинами. Третий скелет находился в 0,5 м от женского костяка и захоронен спиной к паре, на левом боку, скорченно. У него отсутствовали череп, кости правой руки и ребра, а также кисть левой руки и фаланги пальцев ног (которые могли просто истлеть. – С.С.) [Усманова, 2005, с. 40–42]. При интерпретации этого захоронения Э.Р. Усманова [2005, с. 126] определяет третий костяк как женский.

Во всех рассмотренных атасуских и алакульских погребениях Казахстана помимо черепа извлекались кости именно правой руки. Возможно, этого требовал ритуал, но можно найти и другое объяснение. Так как костяк располагался на левом боку, то правая рука находилась сверху и ее легче было забрать из могилы.

В алакульских могильниках имеются женские погребения, из которых происходило изъятие только черепа. Например, в Лисаковском V могильнике (Костанайская область, Казахстан) два таких женских погребения происходят из одного сооружения – ограды №4. Первое из них было полностью закрыто войлочным перекрытием, и при раскопках не были зафиксированы следы его специального разрушения. Когда же войлок был убран, то на дне могилы обнаружили «обезглавленный» скелет, а на месте черепа – обломок нижней челюсти. Э.Р. Усманова считает, что череп вытасчен до

того, как погребение было закрыто войлоком. Второе, находящееся рядом, погребение было разрушено проникновением уже после его закрытия. Череп был изъят, но скелет остался нетронутым. Единичные украшения были разбросаны по дну ямы. Э.Р. Усманова [2016, с. 52–53] предполагает, что «изъятие» головы происходило из-за богато декорированного головного убора, вместе с которым забирали и саму голову или череп. Она отмечает, что «головной убор имеет символическое значение в традиционном костюме и представляет собой ценность ввиду особых знаковых особенностей. Алакульский головной убор обладал ценностными качествами в сообществе. На его изготовление (плетение тесьмы, декорирование ювелирными украшениями) уходило достаточно много времени. Вполне возможно, что головной убор забирался из погребения для его вторичного использования в обрядах» [Усманова, 2016, с. 54].

Таким образом, благодаря атасуским и алакульским погребениям Казахстана картина, связанная с появлением «лишних» женских костей (череп, нижней челюсти, костей руки/рук), получается достаточно полной и становится возможным предложить следующее объяснение ситуации.

Вероятно, в алакульское время, в связи с наличием колесного транспорта, в степи происходят значительные перемещения отдельных алакульских коллективов (родов, племен), возникает соперничество между различными алакульскими группами за лучшие пастбища, стремление расширить свою родовую территорию. В статьях Ю.П. Чемякина рассматриваются случаи насильственной смерти людей, зафиксированные на поселениях алакульской культуры Мирный-IV и Коркино-I (Челябинская область). На поселении Мирный-IV в двух постройках в колодцах найдены скелеты людей. Следы пожара позволяют предположить, что поселение было разрушено и сожжено. На поселении Коркино-I в колодце из жилища №3 найдены останки 4–7 человек. С восточной стороны этой постройки найдены четыре мужских скелета в позе убитых. В целом же, по подсчетам В.А. Дремова, у жилища №3 собраны останки 12–14 человек, абсолютно преобладали кости мужских скелетов, возраст большинства мужчин 25–40 лет, но встречаются и кости, принадлежащие людям 40–60 лет. По мнению Ю.П. Чемякина, гибель алакульского поселка от вооруженного набега подтверждается незахороненными останками людей, следами пожара, большим количеством сохранившихся вещей и оружием, количество которого превышает средние показатели для андроновских селищ. Все найденное на поселении оружие находит аналоги среди алакульского вооружения. Исследователь называет несколько потенциальных противников «алакульцев», но наиболее вероятной версией считает гибель поселка в результате набега другой, алакульской же, военизированной группы [Чемякин, 2014, с. 97–102; 2015, с. 169–174].

С.Н. Шилов и Д.Н. Маслюженко, рассматривая различные мотивации разрушения алакульских могил, считают, что могилы часто разрушались конкурирующими группами населения, как метод борьбы за территориальные владения. Они допускают, что борьба могла идти между родственными группами внутри одной археологической культуры, в данном случае алакульской [Шилов, Маслюженко, 2001, с. 122]. Таким образом, наличие конкурентной борьбы между алакульскими группами признается целым рядом исследователей.

Эта конкурентная борьба могла приводить к тому, что группа, потерпевшая поражение, теряла контроль над территорией, где размещались их родовые кладбища

и где захоронены их предки, и вынуждена была переселиться на другое место. В то же время связь с предками, согласно традиционным представлениям, обеспечивала благополучное существование коллектива. Обратимся к материалам угорской этнографии, которые представляют для нас значительную ценность, так как, по лингвистическим данным, контакты индоиранского и угорского населения уходят в глубокую древность. Интересные сведения об особенностях взаимоотношений с духами предков среди восточных хантов приводит Т.А. Исаева. Достаточно важным представляется ее замечание, что «культура хантов имеет особенность, которая заключается в том, что они сохранили свою “первобытность” несмотря на длительное воздействие христианства...» [Исаева, 1997, с. 126]. Существенным моментом хантыйских представлений является то, что умершие переходят в разряд духов. Среди всех невидимых сил, поддержки которых следует добиваться, важное место занимают предки, умершие совсем недавно, но уже перешедшие в разряд духов. Отношения с недавними покойниками являются более определенными, чем с духами леса или водоемов, несмотря на то, что ранг последних несколько выше: это духи – покровители территорий. Духи недавно умерших имеют чаще всего семейное или родовое значение. «Предки и покойники не являются объектом религиозного поклонения в полном смысле этого слова. Однако живые безусловно заинтересованы в том, чтобы мертвые были благосклонны к ним» [Исаева, 1997, с. 123].

В случае потери контроля над территорией варианты сохранения связи с предками могли быть различны. Исследователи алакульских древностей неоднократно отмечали, что проникновение в могилы совершалось до полного разложения связок. Вероятно, в среде алакульского населения могилы недавно умерших людей, перешедших в разряд предков, могли нарушаться с целью извлечения определенных костей. Для выяснения целей такого проникновения, по-видимому, не следует пренебрегать достаточно отдаленными этнографическими параллелями, так как они могут оказаться вполне работающими. В данном случае вполне уместно сослаться на этнографическое описание Шатобриана об исходе начезов со своих старых племенных территорий под давлением ирокезов. Шествие открывали воины, несшие костные останки предков, а замыкали процессию женщины с новорожденными на руках [Топоров, 1997, с. 144]. В данной шествии выражена модель жизни коллектива во временном аспекте – от предков прошлого к потомкам будущего. Переселение на новую территорию требовало не только ее практического, но и ритуального освоения. Сакральным пространственно-временным центром мог быть могильник, где в первую очередь предавались земле кости предков, принесенные с прежней территории. Своим присутствием они восстанавливали модель существования коллектива во времени – от предков к потомкам, но уже на новом месте.

Группа «алакульцев», потерпевшая поражение, вероятно, вынуждена была переселиться на новую территорию, где приступала к формированию нового некрополя путем захоронения костей предков, принесенных с прежней территории. Возможно, следы подобного ритуала зафиксированы в Лисаковском I могильнике в алакульском погребении 1 кургана-ограды №1 (группа А, центр-«ядро»). Данный курган был последним в курганной цепочке. В центре кургана располагались две могильные ямы. Могила-1 имела размеры 2×1,5×1,5 м и была ориентирована по линии З–В. Заполнение камеры – однородная супесь серо-белого цвета. В придонной части камеры

обнаружены обломки плах поперечного перекрытия. В северо-западной части – скопление фрагментов керамики двух горшков. На дне в центре ямы найдены обломки черепа, верхней и нижней челюсти человека. Фрагменты черепа лежали на левом боку. Вероятно, череп был ориентирован на запад. Других костей погребенного в могиле не обнаружено. Поверх черепа зафиксированы остатки деревянного настила. Бронзовый нож лежал на боковом лезвии острием вниз рядом с теменной частью черепа. Около ножа находились несколько бронзовых полушарных бляшек, бронзовая очковидная подвеска, пастовые бусины. По-видимому, они являлись деталями декора головного убора. С обеих сторон нижней челюсти лежали по четыре бронзовые подвески в 1,5 оборота, плакированные золотом. Рядом располагались два обломка бронзовой гривны и обломки трех пластинчатых браслетов, два из них со спиралевидными окончаниями. У нижнего фрагмента гривны находились две крупные бронзовые обоймы, от них отходили три низки бусин, к которым крепилось основное наконечное украшение. Э.Р. Усманова считает, что, судя по украшениям, в могиле захоронена женщина, и отмечает, что все украшения носили следы насильственного слома. Она не исключает, что это захоронение только одного черепа [Усманова, 2005, с. 10–11]. Данное погребение можно интерпретировать как могилу, где захоронены кости предка, которые были перемещены на новое кладбище в ходе переселения со своей родовой территории. Об этом свидетельствует состояние украшений – все они оказались сломаны, что неизбежно при извлечении черепа из могилы и его транспортировке. О том, что это захоронение предка, могут свидетельствовать крупные размеры ямы и ее значительная глубина – 1,5 м, кроме того, дополнительным свидетельством в пользу данного утверждения является местонахождение кургана-ограды №1, который был «последним в курганной цепочке». Но с таким же успехом можно сказать, что он был в начале цепочки курганов, как и положено могиле предка. Именно с этой могилы, возможно, и началось формирование некрополя.

В свою очередь, когда победившая группа «алакульцев» вытесняет более слабый коллектив, то она получает контроль не только над их территорией, но также над родовым кладбищем. Вероятно, действия победителей не ограничивались только разрушением могил соперника. Вновь обратимся к материалам угорской этнографии. Т.А. Исаева приводит интересные сведения по заброшенным стойбищам р. Мильто-Ягун, левого притока Пима (восточные ханты). У одной из жительниц почти одновременно погибли муж и сын. Ей приснились умершие родственники и посоветовали покинуть обжитые места. Семья выполнила наказ, и жизнь вошла в нормальное русло. Эта женщина полагала, что духи предков, которые жили здесь раньше, вернулись на свои родные места и потребовали освободить территорию. Как отмечает Т.А. Исаева [1997, с. 125], при осмотре покинутых этой семьей угодий был обнаружен целый ряд археологических памятников: несколько селищ зеленогорского и кучеминского этапов, могильник, насчитывающий более 90 могильных впадин, а также раннее этнографическое кладбище. Таким образом, восточные ханты стремились сохранить хорошие отношения не только со своими умершими предками, но и с духами тех предков, которые жили здесь раньше.

С определенной долей вероятности можно высказать предположение, что для окончательного утверждения своих прав на захваченную территорию победившей группе алакульского населения следовало добиться благорасположения и помощи

духов предков той группы, которая прежде обитала на этой территории. Вероятно, в алакульской среде для этого требовалось перенести и захоронить в некоторых могилах соперников отдельные кости своих предков. В таком случае находит свое объяснение факт наличия «лишних» костей в алакульских захоронениях, в данном случае костей черепа и руки.

Следовательно, среди «алакульцев» имело место ритуальное нарушение погребения сородичами, ритуальное разрушение погребений «алакульцами»-соперниками, а также ритуальное захоронение костей своих предков в могилах родового кладбища побежденной группы. В качестве подтверждения обратимся к материалам погребения 13 Хрипуновского могильника. Как представляется, нарушение данного погребения происходило неоднократно и, возможно, разными группами алакульского населения. По-видимому, сначала были нарушены верхние части костяков парного захоронения в северо-восточной части ямы, так как пострадала только верхняя половина скелетов, а нижняя часть оставлена не потревоженной, более того, не были изъяты украшения. Эти нарушения могли производиться сородичами в ходе каких-то ритуалов, связанных с почитанием предков. Костяки троих погребенных в юго-западной части этой могилы нарушены более основательно и практически не сохранили анатомического положения, значительная часть костей отсутствует, так же как и сопровождающий инвентарь. Вероятно, это следы ритуального разрушения погребения победившей группой «алакульцев» с целью магического ослабления власти противника над захваченной территорией. Затем именно пришлое алакульское население поместило в нарушенной ими части могилы нижнюю челюсть и кости правой руки девушки 15–17 лет в сопровождении богатого набора украшений. Не исключено, что этому новому алакульскому коллективу принадлежало также погребение ребенка 1,5–2 лет в сопровождении двух сосудов, молочные зубы ребенка в возрасте 2,5–3 лет и зуб взрослого в возрасте 50 лет.

Материалы могилы-7 могильника Ермак-IV позволяют предположить, что пришедшая группа не только нарушила положение верхней части скелета мужчины из основного погребения, но также изъяла нижнюю часть костяка и подвергла сожжению погребальную камеру нарушенного погребения. Затем они поместили в могилу нижнюю женскую челюсть и совершили захоронение ребенка.

Следует обратить внимание на тот факт, что в алакульской среде извлекались из могил и помещались в другие могилы кости черепа и рук, принадлежащие женщинам, реже детям и подросткам. Женские кости нередко извлекались из могилы вместе с украшениями головных уборов, частями наконечников и украшениями для рук (браслеты, перстни). Вероятно, постпогребальные манипуляции с женскими, детскими и подростковыми костями осуществлялись женщинами, связанными с соответствующим культом женских предков или богинь-родоначальниц и покровительниц деторождения. Эти женщины, как служительницы культа, могли, в соответствующей ситуации, как извлекать кости женских предков (в основном черепа и кости рук), так и совершать их перезахоронения в других могильниках и на другой территории.

Заключение

Таким образом, в эпоху бронзы в связи с развитием скотоводства на территории степей разворачивается борьба за лучшие пастбища. Причем соперниками в борьбе могли выступать коллективы, которые мы относим к одной культуре, в данном слу-

чае – алакульской. Проигравший коллектив должен был покинуть не только свою территорию, но и родовое кладбище, где покоились кости предков. Чтобы сохранить связь с предками, они могли извлекать из могил и перемещать их кости на новую территорию. С определенной долей вероятности можно высказать предположение, что победившей группе алакульского населения для окончательного утверждения своих прав на захваченную территорию следовало добиться благорасположения и помощи духов предков той группы, которая прежде обитала на этой территории. Вероятно, в алакульской среде для этого требовалось перенести и захоронить в некоторых могилах соперников отдельные кости своих предков. В таком случае, находит свое объяснение факт наличия «лишних» костей в алакульских захоронениях. Одной из особенностей алакульской традиции можно считать то, что, во-первых, извлекались и перемещались кости, принадлежащие женщинам, во-вторых, состав костей был, вероятно, достаточно четко определен (череп, нижняя челюсть, кости руки)*. Следовательно, нарушения могил в среде алакульского населения могли производиться многократно, как сородичами, так и их противниками. Эти действия магического характера были направлены в первую очередь на кости предков. Именно помощь и поддержка предков, а не украшения, оружие или другой сопутствующий инвентарь представляли главную ценность для коллектива.

Библиографический список

Исаева Т.А. Погребальный обряд восточных хантов: особенности взаимоотношений с духами предков (полевые исследования этнокультурного региона р. Пим) // Вопросы археологии, антропологии и этнографии. 1997. Вып. 1. С. 123–126.

Косинцев П.А. Жертвенные животные из алакульского могильника «Ермак-IV» // Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири. Томск : Изд-во Томского ун-та, 1990. С. 66–69.

Матвеев А.В. Первые андроновцы в лесах Зауралья. Новосибирск : Наука, 1998. 417 с.

Сотникова С.В. О формировании алакульских некрополей: к реконструкции ритуальных действий и представлений // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле – Белокурихе : в 3 т. Т. 1. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2017. С. 355–358.

Ткачев А.А. Центральный Казахстан в эпоху бронзы. Ч. 2. Тюмень : ТюмГНГУ, 2002. 243 с.

Ткачева Н.А., Ткачев А.А. Эпоха бронзы Верхнего Прииртышья. Новосибирск : Наука, 2008. 304 с.

Топоров В.Н. О космологических источниках раннеисторических описаний // Из работ московского семиотического круга. М. : Языки русской культуры, 1997. С. 128–170.

Усманова Э.Р. Могильник Лисаковский I: факты и параллели. Караганда-Лисаковск : Тип. «Taimas printhouse», 2005. 232 с.

Усманова Э.Р. Символические и разрушенные захоронения в «тексте» андроновского погребального обряда (по материалам памятников Лисаковской округи II тыс. до н.э.) // Древние некрополи и поселения: постпогребальные ритуалы, символические захоронения и ограбления. СПб. : ИИМК РАН, Невская книжная типография, 2016. С. 51–55 (Труды ИИМК РАН. Т. 46).

Чемякин Ю.П. О военных конфликтах в андроновском мире // Маргулановские чтения – 2014 : материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 110-летию академика А.Х. Маргулана. Алматы ; Павлодар : «Эко», 2014. С. 97–106.

Чемякин Ю.П. Следы военных конфликтов на алакульских поселениях // Этнические взаимодействия на Южном Урале : материалы VI Всесоюзной научной конференции. Челябинск : Челяб. гос. краевед. музей, 2015. С. 167–176.

* По-видимому, существовали постпогребальные ритуалы, связанные с костяками мужчин из разряда предков, но этот вопрос требует отдельного рассмотрения.

Шилов С.Н., Маслюженко Д.Н. О некоторых аспектах мотивации разрушения могил алакульской культуры на территории лесостепного Притоболья // XV Уральское археологическое совещание : тезисы докладов Международной археологической конференции. Оренбург : ООО «Оренбургская губерния», 2001. С. 122–123.

Яценко С.А., Килуновская М.Е. Нарушенные погребения: проблемы изучения // Древние некрополи и поселения: постпогребальные ритуалы, символические захоронения и ограбления. СПб. : ИИМК РАН, Невская книжная типография, 2016. С. 7–14 (Труды ИИМК РАН. Т. 46).

References

Isaeva T.A. Pogrebal'nyj obrjad vostochnyh hantov: osobennosti vzaimootnoshenij s duhami predkov (polevye issledovaniya jetnokul'turnogo regiona r. Pim) [Funeral Rite of the Eastern Khants: Peculiarities of Relationships with the Spirits of Ancestors (field studies of the ethnocultural region of the Pym river)]. Voprosy arheologii, antropologii i jetnografii [Questions of Archaeology, Anthropology and Ethnography]. 1997. Issue 1. Pp. 123–126.

Kosincev P.A. Zhertvennye zhivotnye iz alakul'skogo mogil'nika «Ermak-IV» [Sacrificial Animals from the Alakul Cemetery “Ermak-IV”]. Problemy istoricheskoi interpretacii arheologicheskikh i jetnograficheskikh istochnikov Zapadnoj Sibiri [Problems of Historical Interpretation of Archaeological and Ethnographic Sources of Western Siberia]. Tomsk : Izd-vo Tomskogo un-ta, 1990. Pp. 66–69.

Matveev A.V. Pervye andronovcy v lesah Zaural'ja [The First Andronovo People in the Forests of Trans-Urals]. Novosibirsk : Nauka, 1998. 417 p.

Sotnikova S.V. O formirovanii alakul'skikh nekropoliej: k rekonstrukcii ritual'nyh dejstvii i predstavlenij [On the Formation of the Alakul Necropolises: the Reconstruction of Ritual Actions and Ideas]. Trudy V (XXI) Vserossijskogo arheologicheskogo s'ezda v Barnaule – Belokurihe : v 3 t. [Proceedings of the V (XXI) All-Russian Archaeological Congress in Barnaul-Belokurikha: 3 vol]. Vol. 1. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2017. Pp. 355–358.

Tkachev A.A. Central'nyj Kazahstan v jepohu bronzy [Central Kazakhstan in the Bronze Age]. Ch. 2. Tjumen' : TjumGNGU, 2002. 243 p.

Tkacheva N.A., Tkachev A.A. Jepoha bronzy Verhnego Priirtysh'ja [The Bronze Age of the Upper Irtysh Area]. Novosibirsk : Nauka, 2008. 304 p.

Toporov V.N. O kosmologicheskikh istochnikah ranneistoricheskikh opisaniij [On Cosmological Sources of Early Historical Descriptions]. Iz rabot moskovskogo semioticheskogo kruga [From the Works of the Moscow Semiotic Circle]. M. : Jazyki russkoj kul'tury, 1997. Pp. 128–170.

Usmanova Je.R. Mogil'nik Lisakovskij I: fakty i paralleli. Karaganda ; Lisakovsk : Tip. «Taimas printhouse», 2005. 232 p.

Usmanova Je.R. Simvolicheskie i razrushennye zahoroneniya v «tekste» andronovskogo pogrebal'nogo obrjada (po materialam pamjatnikov Lisakovskoj okruzi II tys. do n.je.) [Symbolic and Destroyed Burials in the “Text” of the Androno Funeral Rite (based on the materials of the monuments of the Lisakovo district of the II millennium BC)]. Drevnie nekropoli i poseleniya: postpogrebal'nye ritualy, simvolicheskie zahoroneniya i ogrableniya [Ancient Necropolises and Settlements: Post-Mortuary Rituals, Symbolic Burials and Robberies. SPb. : IIMK RAN, Nevskaja knizhnaja tipografija, 2016. [Proceedings of IIMK RAN]. Pp. 51–55 (Trudy IIMK RAN. T. 46).

Chemjakin Ju.P. O voennyh konfliktah v andronovskom mire [On Military Conflicts in the Andronovo World]. Margulanovskie chteniya – 2014 : materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoi konferencii, posvjashhennoj 110-letiju akademika A.H. Margulana [Margulanov Readings – 2014: Materials of the International Scientific and Practical Conference, Dedicated to the 110th Anniversary of Academician A.Kh. Margulana]. Almaty; Pavlodar : «Jeko», 2014. Pp. 97–106.

Chemjakin Ju.P. Sledy voennyh konfliktov na alakul'skikh poselenijah [Traces of Military Conflicts in the Alakul Settlements]. Jetnicheskie vzaimodejstvija na Juzhnom Urale : materialy VI Vsesojuznoj nauchnoj konferencii [Ethnic Interactions in the Southern Urals: Materials of the Sixth All-Union Scientific Conference]. Cheljabinsk : Cheljab. gos. kraeved. muzej, 2015. Pp. 167–176.

Shilov S.N., Masljuzhenko D.N. O nekotoryh aspektah motivacii razrusheniya mogil alakul'skoj kul'tury na territorii lesostepnogo Pritol'ja [On Some Aspects of the Motivation for the Destruction of the Graves of Alakul Culture in the Territory of the Forest-Steppe Region of the Tobol Area], XV Ural'skoe

arheologicheskoe soveshhanie. Tezisy докладov mezhdunarodnoj arheologicheskoy konferencii [XVth Ural Archaeological Meeting: Abstracts of the International Archaeological Conference]. Orenburg : OOO «Orenburgskaja gubernija», 2001. Pp. 122–123.

Jacenko S.A., Kilunovskaja M.E. Narushennye pogrebenija: problemy izuchenija [Violarted Burials: Problems of Study]. Drevnie nekropoli i poselenija: postpogrebal'nye ritualy, simvolicheskie zahoronenija i ograblenija [Ancient Necropolises and Settlements: Post-Burial Rituals, Symbolic Graves and Robberies]. SPb. : IIMK RAN, Nevskaja knizhnaja tipografija, 2016. Pp. 7–14 (Trudy IIMK RAN. T. 46).

S.V. Sotnikova

LLC “The center for Archaeological Research”, Nadym, Russia

**TO THE ISSUE ABOUT THE CULT
OF ANCESTORS IN THE ALAKUL SOCIETY
(on materials of the violated burials)**

In recent years the question of the violated burials of the ancient cultures of Eurasia has been widely discussed. The article deals with the Alakul burials with certain “superfluous” human bones that are not related to the main burial. Basically, these are female skulls, lower jaws, teeth and bones of one hand/hands. The Alakul burials, where the female skeleton lacks the skull and bones of one hand, supplements this picture. The following explanation of this situation is proposed. In the Bronze Age with the development of cattle breeding, in the steppes the struggle for the best pastures unfolds. Rivals in the struggle could be groups that belong to the same culture (Alakul). The collective which suffered the defeat had to leave not only its territory, but also the clan cemetery where ancestors were buried. In order to give the collective the support of their ancestors in the new place, they dug out the graves of the most revered of relatives and transported the bones to the new territory. Accordingly, the winning collective tried to assign the cemetery of the adversary, For this purpose they buried the bones of their ancestors in the graves that belonged to other clan. The author comes to the conclusion that the disturbing of graves in the antiquity could be done repeatedly, both by relatives and adversaries. These actions of a magical nature were directed, first of all, at the bones of ancestors. It is the help and support of the ancestors, and not jewelry or weapons, that the main value to the collective.

Key words: Western Siberia, Kazakhstan, the Bronze Age, the Alakul culture, the cult of ancestors.

А.А. Тишкин¹, К.Ю. Кирюшин^{1,2}, А.В. Шмидт³

¹Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;

²Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия;

³Музей природы и человека, Ханты-Мансийск, Россия

ТЕХНИКА ПЕРВИЧНОГО РАСЩЕПЛЕНИЯ КАМНЯ НА ПОСЕЛЕНИИ РУБЦОВСКОЕ (юг Западной Сибири)*

В статье представлена публикация части каменных артефактов, обнаруженных на поселении Рубцовское, которое зафиксировано в долине верхнего течения р. Алей (левый приток Оби). Имеющееся собрание (3248 экз.) является одним из наиболее представительных с территории юго-западных районов Алтайского края. Памятник оказался частично разрушенным, и основной материал получен в ходе систематических сборов. Это создает проблемы при определении детальной датировки имеющихся находок. В окрестностях поселения Рубцовское отсутствуют выходы качественного камня, который можно было бы использовать для изготовления орудий. Поэтому важной стороной деятельности его жителей являлась доставка исходного сырья. По всей видимости, первоначальные этапы отбора и расщепления камней реализовывались за пределами рассматриваемой территории. В результате на поселение поступали уже качественные заготовки и соответствующие полуфабрикаты. При этом использовались сколы со шлифованных орудий, обломки изделий, сильно сработанные нуклеусы и другие материалы, которые были востребованы в производстве. Подобная ситуация характерна для памятников, существенно удаленных от источников сырья. После осуществленного анализа можно констатировать, что основная часть коллекции каменных артефактов поселения Рубцовское относится к раннему и развитому неолиту. Кроме этого, в составе орудийного набора в достаточном (статистически значимом) количестве присутствуют изделия периода энеолита. Отдельные артефакты могут датироваться финальным неолитом – ранним энеолитом.

Ключевые слова: долина Алея, поселение Рубцовское, каменные артефакты, нуклеус, продукты первичного расщепления, классификация, неолит, энеолит.

DOI: 10.14258/tpai(2018)1(21).-06

Введение

Изучение неолитических памятников, обнаруженных на территории южной части Обь-Иртышского междуречья, имеет свои особенности, которые обусловлены природными и антропогенными разрушениями культурных слоев поселений и со всем небольшим количеством выявленных погребений. В данной ситуации материалы многочисленных сборов приобретают свое значение при анализе массовых находок (каменных артефактов и остатков глиняной посуды). Крупная коллекция археологических предметов происходит с поселения Рубцовское, которое находится в Алтайском крае (Россия), возле г. Рубцовска. Этот памятник зафиксирован на небольшой песчаной гриве, в 1,5 км к северу от Змеиногорского тракта и примерно в 2,2 км к востоку от правого берега современного русла р. Алей (левого притока Оби), между дачным поселком и восточным берегом оз. Дерябинского [Тишкин, 1995, с. 32, рис. 1]. В мае

* Работа выполнена в рамках реализации гранта Правительства РФ (Постановление №220), полученного ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет», договор №14.Z50.31.0010, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии», а также при частичной финансовой поддержке РФФИ (проект №18-09-00779 «Антропологические и археологические грани этногенеза населения юга Западной и Средней Сибири в эпохи неолита и ранней бронзы»).

1991 г. местный краевед А.В. Онников при осмотре грунта обваловки водопровода и шламопровода, а также на площади сдвинутого бульдозером участка обнаружил и собрал большое количество керамики и каменных предметов. В настоящее время часть памятника попала под дачные участки, но на оставшейся территории имеются возможности для проведения археологических исследований [Тишкин, Кирюшин, Шмидт, 2016, с. 55, рис. 2].

Осенью 1992 г. одним из авторов статьи у геодезического знака №5033 был заложен разведочный раскоп площадью 20 кв. м «...с целью составления подробной научной документации о состоянии памятника, степени его разрушения и перспектив дальнейшего изучения» [Тишкин, 1995, с. 30]. Коллекция каменного инвентаря, полученная из раскопа и в ходе продолжавшихся сборов (в количестве 1772 артефактов), составила основу для предварительной характеристики каменной индустрии [Кунгуров, Онников, Тишкин, 1999].

Исследования на памятнике были продолжены в 2000 г. А.В. Шмидтом, который вскрыл участок площадью 68 кв. м, размеченный вплотную к предыдущему разведочному раскопу [Тишкин, Кирюшин, Шмидт, 2016, с. 58]. До этого и в последующее время А.В. Онников продолжал осуществлять сборы подъемного материала на разрушенной части поселения и на поверхности размываемого грунта обваловки водопровода и шламопровода. В результате всех указанных работ коллекция каменных артефактов достигла 3248 экз. В настоящее время это одно из представительных собраний, полученных с археологического объекта на территории юга Западной Сибири. Несмотря на то что культурный слой памятника разрушен, полученные археологические материалы имеют высокий научный потенциал и заслуживают тщательного изучения. В данной работе ставится задача подробно проанализировать продукты первичного расщепления и отходы каменной индустрии, обнаруженные на поселении Рубцовское. Последняя категория является наиболее многочисленной и требующей больших трудозатрат, что не способствует проявлению интереса у исследователей к подобного рода артефактам [Толпеко, 1999, с. 64]. Однако с конца XX в. в отечественной археологии формируется мнение о том, что при анализе коллекций каменного века нет информативно бросового материала, и все находки заслуживают должного внимания. Данная статья является попыткой реализовать этот тезис на практике и будет посвящена находкам, демонстрирующим технику первичного расщепления камня, а также характеризующим отходы производства каменных изделий. Стоит заметить, что обнаруженные на поселении фрагменты керамики уже становились предметом нашего рассмотрения [Тишкин, Кирюшин, Шмидт, 2016]. Планируется введение в научный оборот остальной части имеющегося археологического собрания.

Характеристика анализируемых материалов

Традиционный метод классификации каменных орудий предполагает создание списка морфологических разновидностей находок – тип-листа. Данная работа осуществлялась и с материалами поселения Рубцовское. Она была основана на имеющихся разработках [Медведев, Михнюк, Лежненко, 1974; Деревянко, Маркин, Васильев, 1994; Кирюшин, Нохрина, Петрин, 1993; Нехорошев, 1999; Семибратова, 2000; и др.]. Подобная схема использовалась одним из авторов при обработке каменного инвентаря многослойного поселения Тыткескень-2 в Горном Алтае [Кирюшин К.Ю., Кирюшин Ю.Ф., 2008].

Как уже было отмечено, коллекция каменных артефактов, полученных в результате исследования поселения Рубцовское и произведенных сборов, насчитывает 3248 экз. (табл. 1). Из них продукты первичного расщепления составляют 221 экз. (6,8% от общего количества), орудийный набор – 1504 экз. (46,31%), отходы производства – 1523 экз. (46,89%). Представительные материалы позволяют проанализировать эти три указанные группы в целом и по отдельности.

Таблица 1

Состав каменной индустрии поселения Рубцовское

Виды изделий		Поселение Рубцовское	
		количество	%
I.	Первичное расщепление	221	6,80
1.	Нуклеидные изделия	12	0,37
2.	Преформы	8	0,25
3.	Пренуклеусы	2	0,06
4.	Нуклеусы	37	1,14
5.	Обломки нуклеусов	7	0,22
6.	Технические сколы с нуклеусов	155	4,77
II.	Орудийный набор	1504	46,31
1.	Орудия на пластинах	628	19,33
2.	Орудия на технических сколах с нуклеусов	16	0,49
3.	Орудия на отщепах	809	24,91
4.	Индивидуальные изделия	8	0,25
5.	Орудия на сланцевых плитках	3	0,09
6.	Отбойники	2	0,06
7.	Орудия с подшлифовкой	8	0,25
8.	Абразив	9	0,28
9.	Ложило	1	0,03
10.	Рубящие орудия	17	0,52
11.	Молот	1	0,03
12.	Мотыга	2	0,06
III.	Отходы производства	1523	46,89
1.	Осколки	74	2,28
2.	Отщепы	939	28,91
3.	Чешуйки	283	8,71
4.	Фрагменты пластин	187	5,76
5.	Сколы со шлифованных изделий	40	1,23
	Итого:	3248	100

Техника первичного расщепления представлена 221 экз. (табл. 2), из которых нуклеидные изделия – 12 экз. (5,43% в составе этой категории артефактов), преформы – 8 экз. (3,62%), пренуклеусы – 2 экз. (0,9%), нуклеусы – 37 экз. (16,74%), обломки нуклеусов – 7 экз. (3,17%), технические сколы с нуклеусов – 155 экз. (70,14%).

Нуклеидные изделия – 12 экз. К этой категории относятся морфологически не выраженные артефакты.

Таблица 2

Продукты первичного расщепления поселения Рубцовское

I. Первичное расщепление		Поселение Рубцовское	
		количество	%
1.	Нуклевидные изделия	12	5,43
2.	Преформы	8	3,62
3.	Пренуклеусы	2	0,90
4.	Нуклеусы призматические	37	16,74
1.	Одноплощадочные	35	15,84
1.	Однофронтальные	33	14,93
1.	монофронтальные	7	3,17
2.	с полуконцентрическим фронтом	17	7,69
3.	с концентрическим фронтом	6	2,71
4.	псевдоклиновидные нуклеусы	3	1,36
2.	Бифронтальные	2	0,90
2.	Двуплощадочные	2	0,90
1.	Однофронтальные	1	0,45
2.	Двухфронтальные	1	0,45
5.	Обломки нуклеуса	7	3,17
6.	Технические сколы с нуклеусов	155	70,14
1.	Вертикальные сколы	88	39,82
1.	боковые сколы	3	1,36
2.	пластинчатые отщепы	55	24,89
3.	реберчатые сколы	12	5,43
4.	полные пластины без ретуши	18	8,14
2.	Горизонтальные сколы	51	23,08
3.	Диагональные сколы	16	7,24
	Итого:	221	100

Преформы – 8 экз., из которых 2 экз. – размерами менее 3 см в высоту, а 5 экз. – от 3 до 6 см, представлены конусовидными кусками камня с выделенной ударной площадкой или фронтом (рис. 1.-1, 2). Площадки подтреугольной (рис. 1.-1) или подпрямоугольной формы (рис. 1.-2) выполнены серией продольно-поперечных сколов (рис. 1.-1) или одним сколом.

Пренуклеусы – 2 экз. средних размеров (высота от 3 до 6 см) – полностью готовы к работе, но процесс серийного снятия пластин еще не начат (рис. 1.-3, 4). Один из пренуклеусов выполнен на кремнистой плитке (рис. 1.-3). Будущий фронт, а также контрфронт и одна латераль частично сохранили плитчатую поверхность. Ударная площадка оформлена крупным продольным сколом со стороны фронта. Основание сделано несколькими разнонаправленными снятиями, латерали – несколькими продольно-поперечными снятиями (рис. 1.-3). У второго изделия ударная площадка полуовальной формы оформлена серией мелких продольно-поперечных сколов (рис. 1.-4; 2.-1). Будущий фронт подготовлен двумя крупными вертикальными сколами. Ударная площадка со стороны одной из латералей подработана мелкими вертикальными сколами. Таким образом, при оформлении ударной площадки заготовки была предусмотрена возможность переноса фронта снятия на одну из латералей, в результате чего получался

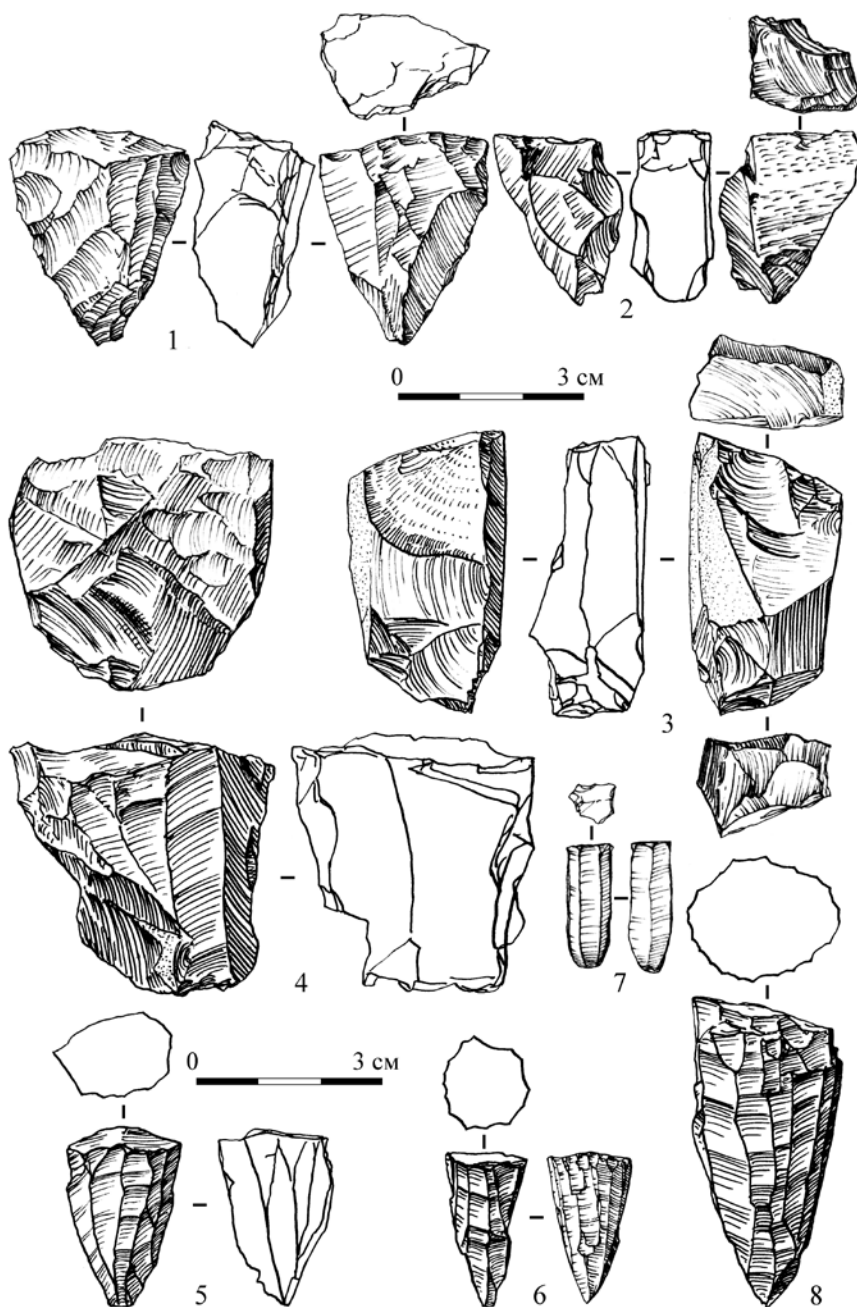

Рис. 1. Поселение Рубцовское. Каменные артефакты:
1, 2 – преформы; 3, 4 – пренуклеусы; 5–8 – нуклеусы

нуклеус с полуконцентрическим фронтом. Латерали выполнены серией вертикальных сколов со стороны ударной площадки и серией продольно-поперечных сколов со стороны основания пренуклеуса, имеющего треугольную форму, и контрфронта, представ-

ленного ребром (рис. 1.-4). У данного пренуклеуса невооруженным взглядом видны шесть-семь вертикальных трещин, проходящих через изделие от ударной площадки до основания (рис. 2.-1). Хорошо заметно, что древний мастер при работе с изделием не мог контролировать процесс расщепления. Плоскость расщепления упиралась в скрытые трещины, делая невозможным дальнейшее использование заготовки (рис. 1.-4; 2.-1).

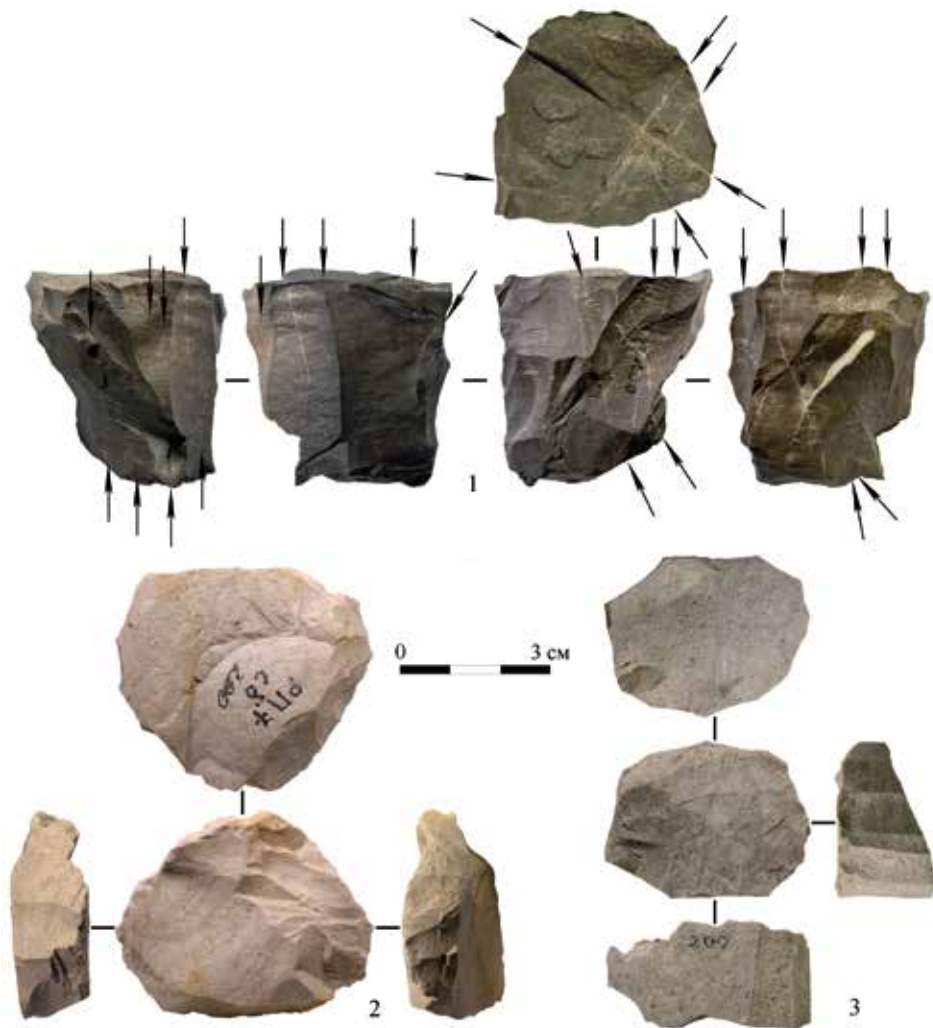

Рис. 2. Поселение Рубцовское: 1 – пренуклеус (стрелками показаны трещины в камне); 2–3 – горизонтальные сколы рабочей площадки нуклеусов (1–3 – камень)

Все нуклеусы – призматические, средних (от 3 до 6 см – 16 экз.) и мелких (высотой до 3 см – 21 экз.) размеров. В коллекции каменных артефактов выделяются одноплощадочные (35 экз.) и двухплощадочные (2 экз.) нуклеусы.

Одноплощадочные нуклеусы представлены следующими типами.

Однофронтальные с концентрическим фронтом скалывания – 6 экз. (рис. 1.-5–8). Два изделия – средних размеров, высотой от 3 до 6 см (рис. 1.-8), остальные – мелкие

(до 3 см). У данного типа нуклеусов снятия производились по всему периметру овальной или округлой ударной площадки (рис. 1.-5-8). Ударные площадки оформлены серией мелких продольно-поперечных сколов. Все нуклеусы сильно сработанные.

Монофронтальные – 6 экз. Поверхность скалывания у данного нуклеуса расположена на торцевой части заготовки и не заходит на латерали, фронт скалывания сужается книзу (рис. 3.-1-5, 7). Ударные площадки прямоугольной или трапецевидной формы в пяти случаях оформлены мелкими продольно-поперечными сколами (рис. 3.-3, 5). В трех случаях одна из латералей является естественной поверхностью камня (рис. 3.-2, 3, 7). У двух изделий контрфронт представлен естественной поверхностью камня без следов обработки (рис. 3.-2, 7). Все нуклеусы сильно сработанные.

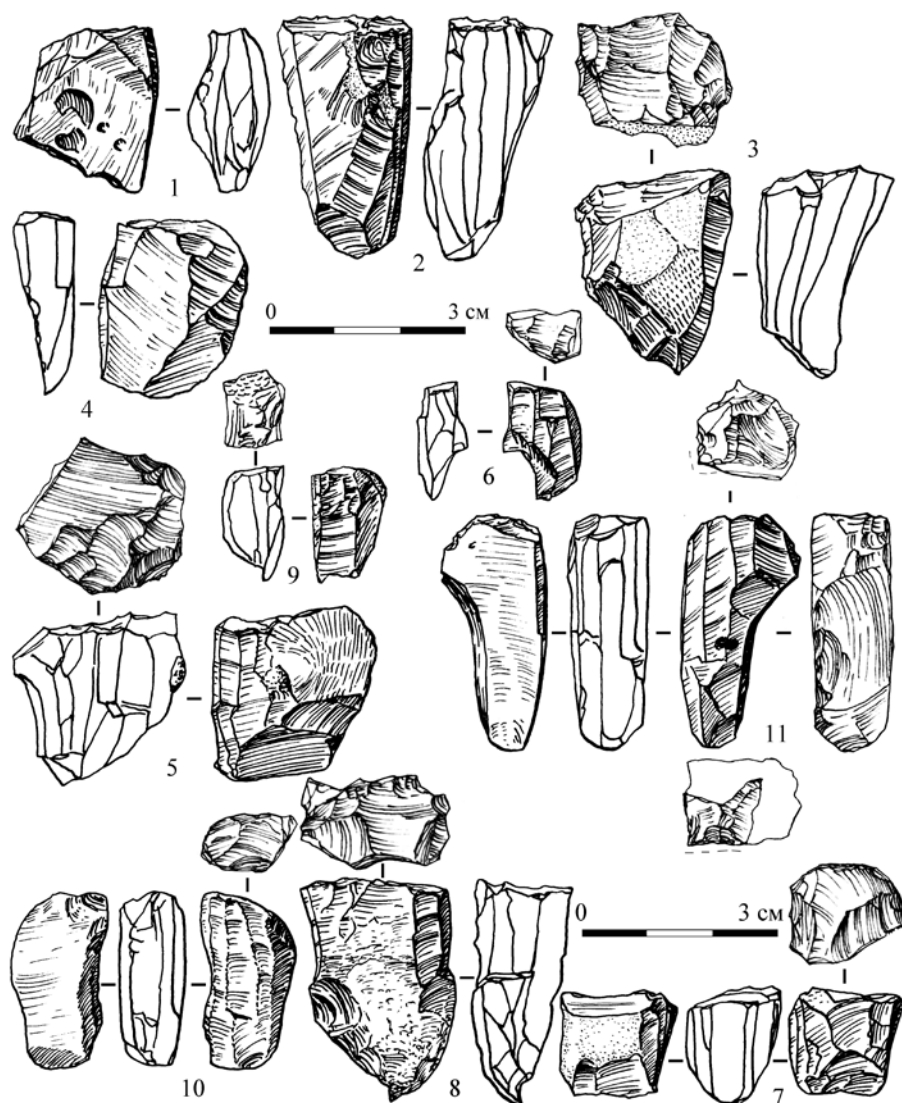

Рис. 3. Поселение Рубцовское. Нуклеусы: 1-11 – камень

Однофронтальные с полукоцентрическим фронтом – 17 экз. Выпуклый фронт скальвания занимает у данного типа от 1/3 до 3/4 периметра площадки. Выделяются две разновидности данного типа. К первой относятся нуклеусы с полуовальной по контуру площадкой и плоским контрфронтом (рис. 3.-6, 9–11; 4.-3, 5, 7). Контрфронт в пяти случаях представлен естественной поверхностью камня (рис. 3.-9–11). Ко второй группе относятся нуклеусы, у которых контрфронт представлен ребром (рис. 3.-8; 4.-1, 2, 4, 6). Ударные площадки подпрямоугольной, полуовальной или трапецевидной формы во всех случаях оформлены продольно поперечными сколами. Из 17 изделий 13 сильно сработанные. На одном из нуклеусов после его полной сработанности выполнены две рабочие кромки – скребок и скобель (рис. 3.-11).

Псевдо-клиновидные нуклеусы – 3 экз. (рис. 4.-8, 9). Оба изделия средних размеров. Фронт скальвания треугольной формы. Ударные площадки треугольной по контуру формы. В одном случае ударная площадка косая латерально скошенная (рис. 4.-8), в другом прямая латерально скошенная (рис. 4.-9).

Бифронтальные нуклеусы представлены двумя экземплярами (рис. 5.-2, 3). Ударные площадки в обоих случаях подпрямоугольные по контуру. В одном случае площадка латерально скошенная (рис. 5.-2), в другом прямая (рис. 5.-3). У одного изделия обе латерали оформлены крупными вертикальными сколами (рис. 5.-2), у другого одна латераль выполнена несколькими вертикальными сколами, а другая поверхность плитки оказалась без следов обработки (рис. 5.-3). Оба изделия сильно сработанные. Из-за этого одно из изделий (рис. 5.-2) имеет черты морфологического сходства с однофронтальными одноплощадочными нуклеусами с коцентрическим фронтом скальвания (рис. 1.-6–9). У второго из нуклеусов после его полной утилизации в дистальной части оформлено рабочее лезвие скребка (рис. 5.-3).

Двухплощадочные нуклеусы представлены двумя типами: двухплощадочный монофронтальный (рис. 5.-1) и двухплощадочный двухфронтальный (рис. 5.-4).

Снятия у двухплощадочного монофронтального нуклеуса (рис. 5.-1) проводились попеременно с двух скошенных к контрфронту противолежащих ударных площадок.

Двухплощадочный двухфронтальный нуклеус мелкого размера выполнен на плитке трапецевидной формы (рис. 5.-4). У данного типа нуклеусов фронты скальвания расположены на прилежащих сторонах заготовки. Они сходятся в дистальной части. Ударные площадки расположены на прилежащих сторонах заготовки, противолежащих сторонам, на которых расположены фронты скальвания (рис. 5.-4). Изделие имеет четко выраженные латерали. Одна из них оформлена одним крупным сколом, а вторая представлена естественной поверхностью камня без следов обработки.

Стоит отметить, что типология нуклеусов достаточно условна и, по мнению части исследователей, отражает не столько тип в научном понимании, сколько стадию изделия в процессе срабатывания.

Обломки нуклеусов – 7 экз. В условиях дефицита сырья обломки нуклеусов достаточно часто использовали для изготовления скребков или скобелей.

Технические сколы представлены 155 экз. Подработка нуклеусов представлена вертикальными сколами – 88 экз., горизонтальными – 51 экз. и диагональными сколами – 16 экз.

Вертикальные сколы представлены боковыми сколами – 3 экз. (рис. 5.-11), пластинчатыми отщепами – 55 экз. (рис. 5.-10), реберчатыми сколами – 12 экз. (рис. 5.-5) и полными пластинами без ретуши – 18 экз. (рис. 5.-6, 8).

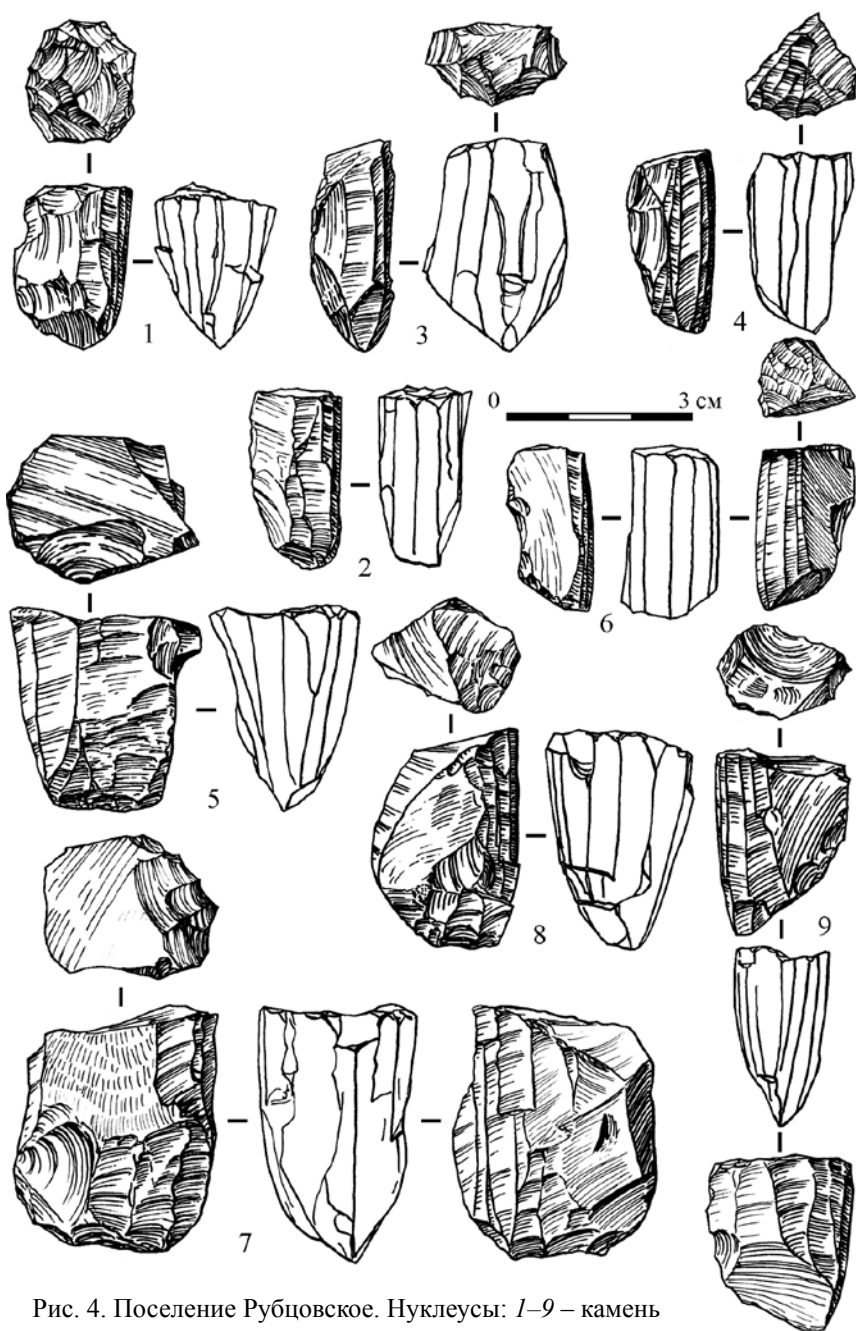

Рис. 4. Поселение Рубцовское. Нуклеусы: 1-9 – камень

Горизонтальные сколы представлены снятиями ударных площадок (рис. 5.-12, 13). Часть ударных площадок выделяются своими крупными размерами (рис. 2.-2, 3; 5.-12-14). На общем фоне выделяется скол обновления всей ударной площадки диаметром 5,1 см (рис. 5.-13). Снятие пластин проводилось как минимум с 1/3 периметра изделия. Не исключено, что могло использоваться 2/3 периметра, но точно это установить невоз-

можно, так как в вентральной части скола оформлено лезвие скребка (рис. 2.-2; 5.-13). Только в восьми случаях снятие захватило всю ударную площадку (рис. 5.-12-14), в остальных – только часть ударной площадки.

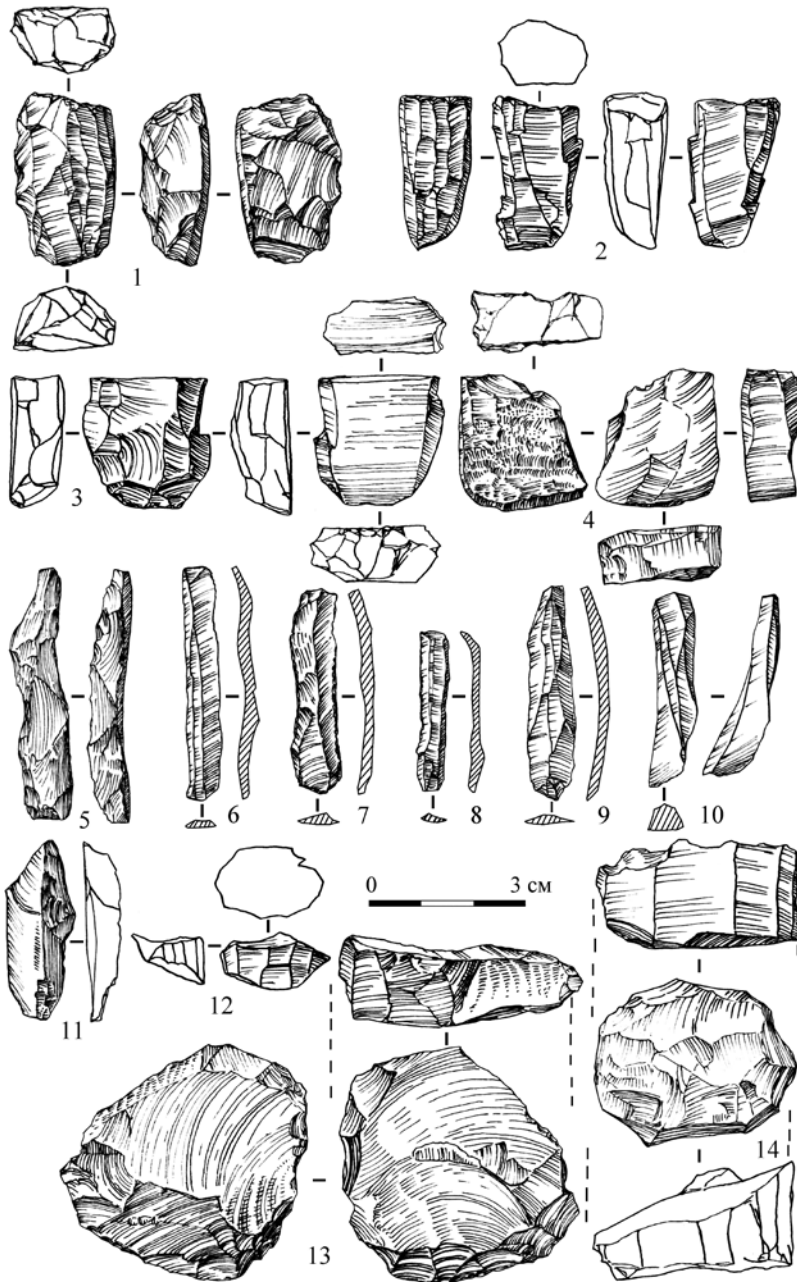

Рис. 5. Поселение Рубцовское: 1-4 – нуклеусы; 5 – реберчатый скол; 6-9 – пластины полные; 10-11 – пластинчатые отщепы; 12-14 – горизонтальные сколы рабочей площадки нуклеусов (1-14 – камень)

Диагональные сколы – 16 экз. Часть из них являются результатом целенаправленного действия, когда в результате удара, нанесенного со стороны ударной площадки, удалялись контрфронт и основание нуклеуса. Несколько экземпляров, по-видимому, являются результатом нецеленаправленного действия, когда в результате удара, нанесенного со стороны ударной площадки, удалялись фронт и основание нуклеуса либо – часть фронта и латераль вместе с основанием нуклеуса.

Результатом всего процесса первичного расщепления являлось получение призматической пластины. Помимо полных пластин без ретуши в составе каменных артефактов поселения Рубцовское представлены орудия на пластинах и фрагменты пластин, отнесенные к отходам производства (табл. 3–5).

Таблица 3

Состав орудийного набора поселения Рубцовское

II. Орудийный набор		Поселение Рубцовское	
		шт.	%
1.	Орудие на пластинах	628	41,76
1.	Пластины с ретушью	308	20,48
2.	Острия	18	1,20
3.	Резцы	49	3,26
4.	Наконечники стрел	3	0,20
5.	Резчики	24	1,60
6.	Скребки	2	0,13
7.	Проколки	1	0,07
8.	Усеченные пластины	223	14,83
2.	Орудия на технических сколах с нуклеусов	16	1,06
3.	Орудия на отщепах	809	53,79
1.	Скребки	340	22,61
2.	Скобели	16	1,06
3.	Резцы	45	2,99
4.	Острия	29	1,93
5.	Проколки	30	1,99
6.	Отщепы с ретушью	206	13,70
7.	Долотовидные орудия	15	1,00
8.	Ножи	1	0,07
9.	Наконечники стрел	56	3,72
10.	Комбинированные орудия	1	0,07
11.	Бифасы	41	2,73
12.	Резчики	6	0,40
13.	Обломки орудий	22	1,46
14.	Геометрический микролит	1	0,07
4.	Индивидуальные изделия	8	0,53
5.	Орудия на сланцевых плитках	3	0,20
6.	Отбойники	2	0,13
7.	Шлифованные орудия	8	0,53
8.	Абразив	9	0,60
9.	Лоцило	1	0,07
10.	Рубящие орудия	17	1,13
11.	Молот	2	0,13
12.	Мотыга	1	0,07
	Итого:	1504	100

Таблица 4

Размеры пластин поселения Рубцовское

Размеры пластин		Поселение Рубцовское																
		Ширина в см					Итого:					Длина в см						
		<0,7		0,8–1,5		>1,5	шт.		%		шт.		%		шт.		%	
		шт.	%	шт.	%	шт.	%	шт.	%	шт.	%	шт.	%	шт.	%	шт.	%	
I.	6. 4.	7	0,84	11	1,32		0,00	18	2,16	10	1,20	8	0,96	18	2,16			
	Полные пластины без ретуши																	
II.	1.	230	27,61	391	46,94	7	0,84	628	75,39	576	69,15	52	6,24	628	75,39			
	Орудия на пластинах																	
	1.	119	14,29	183	21,97	6	0,72	308	36,97	293	35,17	15	1,80	308	36,97			
	Пластины с ретушью																	
	1.	3	0,36	5	0,60		0,00	8	0,96	2	0,24	6	0,72	8	0,96			
	2.	67	8,04	90	10,80		0,00	157	18,85	153	18,37	4	0,48	157	18,85			
	3.	39	4,68	64	7,68	5	0,60	108	12,97	105	12,61	3	0,36	108	12,97			
	4.	10	1,20	24	2,88	1	0,12	35	4,20	33	3,96	2	0,24	35	4,20			
	2.	8	0,96	10	1,20		0,00	18	2,16	17	2,04	1	0,12	18	2,16			
	Острия																	
	3.	11	1,32	38	4,56		0,00	49	5,88	49	5,88		0,00	49	5,88			
	4.		0,00	3	0,36		0,00	3	0,36	3	0,36		0,00	3	0,36			
	Наконечники стрел																	
	5.	9	1,08	14	1,68	1	0,12	24	2,88	24	2,88		0,00	24	2,88			
	Резцы																	
	6.		0,00	2	0,24		0,00	2	0,24	2	0,24		0,00	2	0,24			
	Резчики																	
	7.	1	0,12		0,00		0,00	1	0,12	1	0,12		0,00	1	0,12			
	Скребки																	
	9.	82	9,84	141	16,93	0	0,00	223	26,77	187	22,45	36	4,32	223	26,77			
	Проколки																	
	1.	32	3,84	75	9,00		0,00	107	12,85	75	9,00	30	3,60	105	12,61			
	Усеченные пластины																	
	2.	44	5,28	41	4,92		0,00	85	10,20	82	9,84	3	0,36	85	10,20			
	Медальные фр-ты																	
	3.	6	0,72	25	3,00		0,00	31	3,72	28	3,36	3	0,36	31	3,72			
	Проксимальные фр-ты																	
III.	4.	60	7,20	125	15,01	2	0,24	187	22,45	187	22,45	0	0,00	187	22,45			
	Отходы производства																	
	1.	25	3,00	57	6,84		0,00	82	9,84	82	9,84		0,00	82	9,84			
	Проксимальные фр-ты																	
	2.	35	4,20	68	8,16	2	0,24	105	12,61	105	12,61		0,00	105	12,61			
	Дистальные фр-ты																	
	Итого:	297	35,65	527	63,27	9	1,08	833	100	773	92,80	60	7,20	833	100			

Таблица 5

Отходы каменной индустрии поселения Рубцовское

III. Отходы производства		Поселение Рубцовское	
		количество	%
1.	Осколки	74	4,86
1.	мелкие	50	3,28
2.	средние	21	1,38
3.	крупные	3	0,20
2.	Отщепы	939	61,65
1.	Первичные	21	1,38
1.	мелкие	14	0,92
2.	средние	7	0,46
2.	Вторичные	52	3,41
1.	мелкие	39	2,56
2.	средние	13	0,85
3.	Обычные	866	56,86
1.	мелкие	805	52,86
2.	средние	58	3,81
3.	крупные	3	0,20
3.	Чешуйки	283	18,58
4.	Фрагменты пластин	187	12,28
1.	проксимальные	82	5,38
2.	дистальные	105	6,89
5.	Сколы со шлифованных изделий	40	2,63
1.	мелкие	36	2,36
2.	средние	3	0,20
3.	крупные	1	0,07
	Итого:	1523	100

В орудином наборе орудия на пластинах составляют 41,76% (табл. 3).

Особое внимание в данной работе уделено размерам пластин. Учитывая то, что большая часть пластин представлена обломками, их деление производилось по следующим параметрам: мелкие (ширина менее 0,7 см), средние (ширина от 0,8 до 1,5 см), крупные (ширина более 1,5 см). При анализе длины пластины разделены на три совокупности: первая – длиной менее 3 см, вторая – от 3 до 6 см и третья – более 6 см. Для более подробной характеристики пластин подготовлена таблица №4, куда включены полные пластины без ретуши, орудия на пластинах и отходы производства (проксимальные и дистальные фрагменты пластин). Судя по полученным результатам, техника первичного расщепления на поселении Рубцовское ориентирована на получение призматических пластин мелкого и среднего размера (табл. 4).

Представление о технике расщепления дополняют отходы производства – 1523 экз. (табл. 4). Самая многочисленная категория артефактов представлена осколками, отщепами, чешуйками, фрагментами пластин без вторичной обработки и сколами со шлифованных изделий. Разделение осколков, отщепов и сколов со шлифованных изделий проводилось по метрическим показателям по размерам на мелкие (от 1 до 3 см), средние (от 3 до 5 см) и крупные (свыше 5 см).

Осколки – 74 экз., крупного (3 экз.), среднего (21 экз.) и мелкого (50 экз.) размеров. К данной категории отнесены артефакты, которые по своим качественным характеристикам, в принципе, непригодны для изготовления орудий.

Отщепы – 939 экз. Выделены первичные, вторичные и обычные (без желвачной корки или поверхности плитки) отщепы. Первичные отщепы – 21 экз. (из них среднего размера – 7 экз. и мелкого – 16 экз.), вторичные – 52 экз. (из них среднего размера – 13 экз. и мелкого – 39 экз.). Обычные отщепы – 866 экз., из них крупного размера – 3 экз., среднего – 58 экз. и мелкого – 805 экз. К данной категории отнесены сколы, которые не являлись основной целью расщепления камня в данной индустрии либо их место в процессе расщепления достоверно не фиксируется. По своим качественным и метрическим характеристикам они в принципе могли использоваться и как самостоятельные орудия, и как заготовки для изготовления орудий. В составе орудийного набора поселения Рубцовское отщепы с ретушью (206 экз.) составляют 13,7% от всех орудий.

Чешуйки – 283 экз. К данной категории отнесены сколы размерами менее 1×1 см, которые по своим качественным и метрическим характеристикам в принципе непригодны для изготовления орудий.

Фрагменты пластин – 187 экз., из них дистальных фрагментов – 105 экз. и проксимальных – 82 экз., среднего размера – 125 экз. и мелкого – 60 экз. (табл. 3). Все дистальные фрагменты пластин, отнесенные к отходам производства, имеют сильно искривленный профиль, а у проксимальных фрагментов большая часть занята ударным бугорком. Все фрагменты имеют размеры менее 3 см в длину (табл. 3).

Сколы со шлифованных изделий – 40 экз., из них крупного размера – 1 экз., среднего – 3 экз. и мелкого – 36 экз. Это наименее представительная в количественном отношении группа артефактов в составе отходов производства (всего 2,63%). Несмотря на небольшое количество, эта группа каменных артефактов является достаточно выразительной.

Обсуждение представленных материалов

Как уже отмечалось, имеющаяся коллекция заслуживает тщательного изучения. Наличие в ее составе достаточно большого количества чешуек (283 экз.), что составляет 18,58% от всех отходов производства и 8,71% – от общего количества каменных артефактов, позволяет предположить, что собранный материал является представительной выборкой, содержащей объективную информацию о памятнике. Это важное свидетельство того, что раскопки проводились тщательно, а при проведении сборов собирались абсолютно все артефакты, а не только какая-то часть.

При анализе каменной индустрии поселения Рубцовское обращает на себя внимание сравнительно небольшое количество отходов производства в составе каменной индустрии – 46,98% (табл. 1). Так, например, на поселении Тыткескень-2 в Горном Алтае их процентное соотношение варьирует от 76,83% (жилище №1 третьего горизонта) до 61,52% (седьмой горизонт) [Кирюшин К.Ю., Кирюшин Ю.Ф., 2008, с. 66–67]. При анализе продуктов первичного расщепления поселения Рубцовское (табл. 2) выявлено отсутствие кусков породы, блоков камней, галек и плиток со сколами, а также крупных первичных и вторичных отщепов (обычные крупные отщепы представлены всего 3 экз.) (табл. 5). Можно сделать вывод, что жители поселения Рубцовское испытывали дефицит поделочного камня. По всей видимости, доставка камня на территорию

поселения была связана с некоторыми трудностями. Поэтому первоначальные этапы расщепления камня проходили за пределами памятника. На таком этапе осуществлялась проверка качества блоков камня, выявлялось некачественное сырье, обладающее скрытыми дефектами. В результате на поселение поступали заготовки и полуфабрикаты, позволявшие максимально эффективно их использовать. Миниатюрные размеры сильно сработанных нуклеусов (рис. 1.-7; 3.-6, 9; 6) подтверждают данное предположение. Присутствие в составе продуктов первичного расщепления пренуклеуса, покрытого сетью микротрещин (рис. 2.-1), является единичным случаем, исключением, которое только подтверждает обозначенное наблюдение.

В составе отходов каменной индустрии выделяется группа сколов от шлифованных изделий (табл. 5). Подобная категория артефактов является одной из особенностей памятника. В качестве примера стоит отметить, что на уже указанном поселении Тыткескень-2 такая категория отсутствует [Кирюшин К.Ю., Кирюшин Ю.Ф., 2008]. Похоже, что рассматриваемые артефакты являются «сколами-заготовками». Часть шлифованных орудий на поселении Рубцовское выполнена именно на таких заготовках. После небольшой подшлифовки вентральной стороны у подобного скола получалось лезвие со шлифованной рабочей частью. Как отмечают исследователи, в районах, удаленных от источников сырья, для населения даже отходы от изготовления орудий сами по себе являлись вторичной сырьевой базой [Толпеко, 1999, с. 65]. Аналогичные наблюдения сделаны М.Н. Комаровой при анализе каменной индустрии поселения Киприно на территории Верхнего Приобья. По ее мнению, большое количество «...осколков от шлифованных орудий, поломанные и изношенные орудия использовались в качестве материала для изготовления более мелких орудий другого назначения» [Комарова, 1956, с. 94–96].

Сравнение каменной индустрии поселения Рубцовское с синхронными материалами памятников сопредельных территорий связано с некоторыми проблемами как объективного, так и субъективного характера. Одна из объективных причин уже обозначена в данной работе – это условия нахождения археологического материала. Вторая причина связана с тем, что техника расщепления камня во многом определяется сырьевой базой, физическими характеристиками используемых пород. Различия в технике расщепления камня на поселении Рубцовское и поселенческих комплексах Горного Алтая или Салаирского кряжа могут отражать не культурно-хронологические показатели, а особенности обработки пород с разными физическими характеристиками.

Проблемы субъективного характера связаны с тем, что классификация и типология каменных артефактов не является строго унифицированной процедурой. Традиционный анализ предполагает создание списка морфологических разновидностей – тип-листа. Как отмечают специалисты, «...возможно использование различных способов деления одного и того же массива артефактов» [Деревянко, Маркин, Васильев, 1994, с. 124]. Очень часто тип-листы, выполненные разными исследователями, сложно, а иногда и невозможно соотнести между собой.

Определение места каменной индустрии поселения Рубцовское в кругу аналогичных материалов синхронных памятников сопредельных территорий – это тема будущей работы. На данном этапе исследования имеющиеся свидетельства позволяют провести сравнительный анализ каменной индустрии поселения Рубцовское с материалами памятника Тыткескень-2.

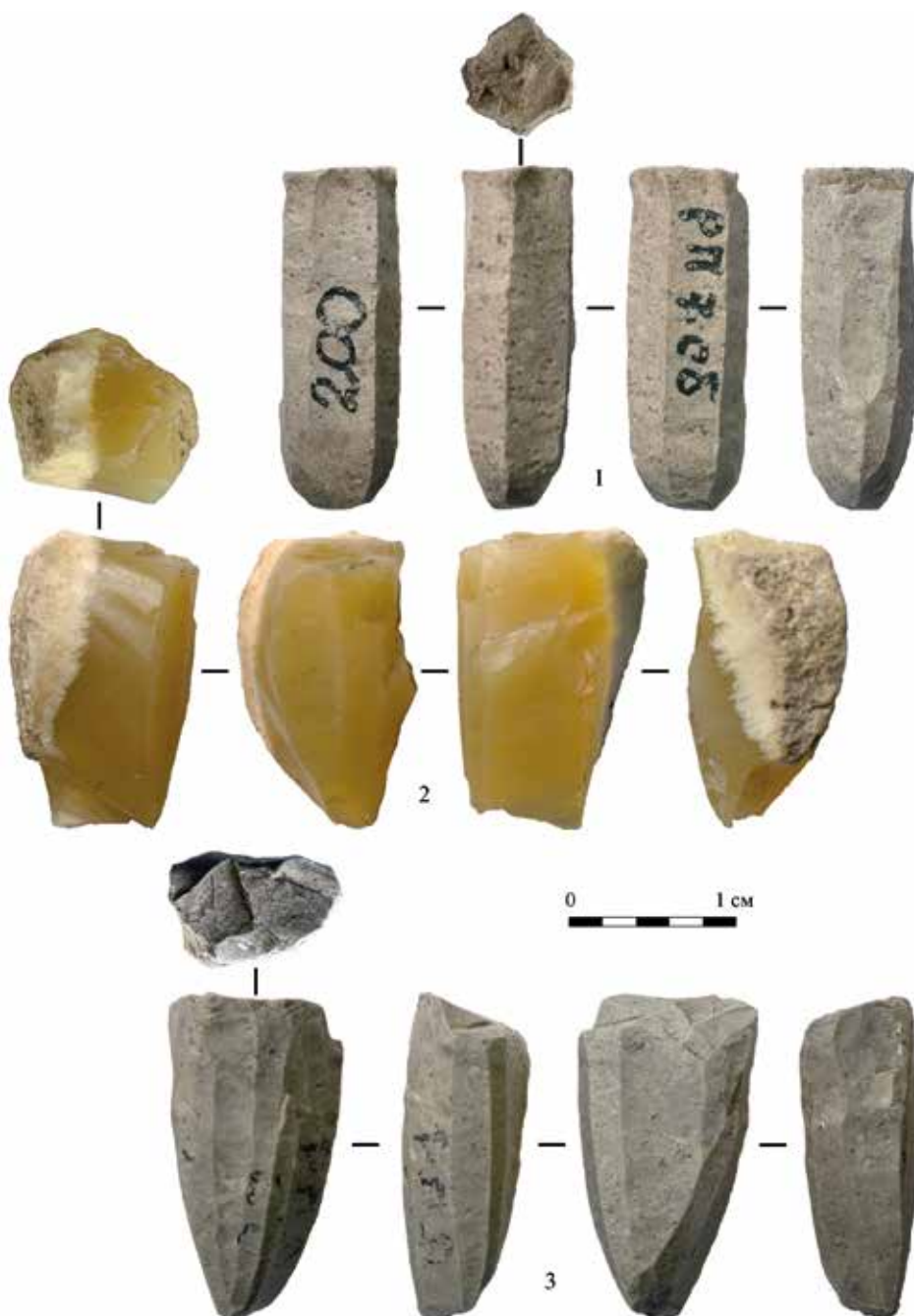

Рис. 6. Поселение Рубцовское. Нуклеусы малых размеров: 1–3 – камень

На поселении Тыткескень-2 слои, содержавшие находки, разделены друг от друга прослойками песка эолового происхождения. На данном памятнике стратиграфические наблюдения дают четкую относительную хронологию, а радиоуглеродные даты

позволяют определить абсолютную и календарную датировку отдельных комплексов, построить периодизацию культур на территории Северного Алтая. Материалы памятника Тыткескень-2 дают возможность проследить тенденции в изменении каменного инвентаря от мезолита до энеолита; продемонстрировать развитие керамического производства от раннего неолита до энеолита; сформировать критерии для разделения неолита на ранние и более поздние комплексы. На сегодняшний день этот геоархеологический комплекс является уникальным для Южной Сибири, что позволяет рассматривать его в качестве базового при построении периодизационных схем древнейшей и древней истории Алтая и сопредельных территорий [Кирюшин К.Ю., Кирюшин Ю.Ф., 2008, с. 113].

В материалах поселения Тыткескень-2 прослеживается определенная тенденция: одноплощадочные с концентрическим и полуконцентрическим фронтом и псевдоклиновидные нуклеусы встречены в горизонтах от финального мезолита до энеолита. Одноплощадочные монофронтальные нуклеусы найдены в горизонтах от раннего неолита до энеолита. Двуплощадочные монофронтальные нуклеусы – крайне редкий тип в материалах поселения Тыткескень-2 – обнаружены в шестом горизонте (ранний неолит) и жилище №1 третьего горизонта (финальный неолит – энеолит). Двуплощадочные бифронтальные нуклеусы представлены типом с сопряженными площадками и встречены в восьмом горизонте (финальный мезолит) и шестом горизонте (ранний неолит) [Кирюшин К.Ю., Кирюшин Ю.Ф., 2008, табл. 87–88, с. 68, 86, 187].

Как уже отмечалось, судя по полученным результатам, техника первичного расщепления на поселении Рубцовское была ориентирована на получение призматических пластин мелкого и среднего размера (табл. 4). В материалах памятника отсутствуют пластины длиной более 6 см, а широкие пластины (более 1,5 см) представлены всего девятью фрагментами различных сечений (табл. 4). Все нуклеусы имеют средние (от 3 до 6 см – 16 экз.) и мелкие (высотой до 3 см – 21 экз.) размеры. В составе продуктов первичного расщепления отсутствуют боковые сколы, пластинчатые отщепы и реберчатые сколы длиной более 6 см. На этом фоне резко выделяются своими размерами две ударные площадки (рис. 2.-2–3; 5.-12–13). Размеры нуклеусов, с которых они были сколоты в целом состоянии, должны были варьировать в пределах 8–10 см, а пластины, снятые с них, иметь ширину от 1 до 2 см. В процессе подготовки таких нуклеусов к серийному изготовлению пластин должны были быть сняты реберчатые сколы и пластинчатые отщепы размерами от 8–10 см в длину и более, в ширину от 1 до 2 см и более. Но такие артефакты в составе каменной индустрии поселения Рубцовское пока не встречены. В материалах памятника Тыткескень-2 продукты первичного расщепления с такими метрическими характеристиками обнаружены в материалах четвертого горизонта (финальный неолит) и жилища №1 третьего горизонта (финальный неолит – энеолит) [Кирюшин К.Ю., Кирюшин Ю.Ф., 2008, табл. 101–102, с. 88–89, 195].

При анализе состава орудийного набора поселения Рубцовское (табл. 3) заметно, что орудия на пластинах составляют 41,76%. В материалах поселения Тыткескень-2 орудия на пластинах в составе орудийного набора составляют от 82,39% (восьмой горизонт – финальный мезолит) до 50% (третий горизонт – энеолит). В горизонтах от раннего (седьмой горизонт) до финального неолита (четвертый горизонт) доля орудий на пластинах варьирует, постепенно уменьшаясь от 82,78 до 72,97%, соответственно

[Кирюшин К.Ю., Кирюшин Ю.Ф., 2008, табл. 89–90, с. 188]. Процентное соотношение орудий на пластинах в составе орудийного набора поселения Рубцовское в 2–2,5 раза меньше, чем в неолитических слоях памятника Тыткескень-2 и на 20% меньше, чем в энеолитическом слое того же комплекса.

Как отмечают исследователи, «...тенденция к изменению от пластинчатой техники производства орудий к отщеповой служит хронологическим маркером выделения этапов развития неолитических культур» [Молодин, Бобров, 1999, с. 6]. При анализе каменной индустрии многослойного поселения Шидерты-3 в Павлодарском Прииртышье В.К. Мерц [2008, с. 23] указывает, что на среднем этапе неолита отмечается эволюция к микролитовидной индустрии, а в позднем неолите происходит укрупнение пластинчатых заготовок и увеличение изделий из отщепов; энеолитические и раннебронзовые материалы памятника представлены отщепно-бифасной индустрией. В.Ф. Зайберт [1993, с. 157], рассматривая вопрос происхождения ботайской культуры, делает вывод, что ее «...кремневый инвентарь ... генетически связан с индустрией последних этапов атбасарской неолитической культуры, претерпевшей процесс замены пластинчатой индустрии отщеповой».

Можно констатировать, что процесс перехода от пластинчатой техники изготовления орудий к отщеповой большинство исследователей связывают с эпохальными событиями перехода от неолита к энеолиту. Этот процесс сопровождается не только количественным сокращением орудий на пластинах, но и исчезновением в составе орудийного набора многих категорий орудий на пластинах (острия, резцы, резчики, скребки, наконечники стрел и т.д.). Одним из маркеров этого процесса является сокращение приемов вторичной обработки пластин [Кирюшин и др., 2006, с. 24]. В материалах поселения Рубцовское орудия на пластинах представлены пластинами с ретушью (18 видов вторичной обработки), остриями, резцами, наконечниками стрел, резчиками, скребками, проколками и усеченными пластинами (табл. 3). Таким образом, размеры пластин, способы вторичной обработки пластин, состав орудий на пластинах, а также типология нуклеусов и анализ сколов с нуклеусов – все свидетельствует о неолитическом характере каменной индустрии.

В общем, при анализе всего массива данных складывается двойственная ситуация, требующая дальнейших детальных объяснений. Видимо, это связано с тем, что в составе орудийного набора поселения Рубцовское в достаточном (статистически значимом) количестве присутствуют изделия энеолитического времени.

Заключение

Можно констатировать, что основная часть коллекции каменных артефактов поселения Рубцовское относится к периодам раннего и развитого неолита. Скорее всего, в рассматриваемом собрании присутствуют материалы энеолита. Отдельные артефакты могут датироваться финальным неолитом – ранним энеолитом. Анализ продуктов первичного расщепления поселения Рубцовское в целом совпадает с результатами рассмотрения керамической коллекции памятника [Тишкин, Кирюшин, Шмидт, 2016, с. 65–66]. Это позволило сделать вывод, что основная часть археологических находок на поселении Рубцовское относится к неолиту. Отмечается, что единичные фрагменты керамики находят аналогии в материалах памятников ранней бронзы, а также выделяется немногочисленная группа керамики, которая может датироваться энеолитом [Тишкин, Кирюшин, Шмидт, 2016, с. 55].

Стоит отметить, что процесс изучения материалов поселения Рубцовское, по сути дела, находится на начальной стадии. Существует огромное количество направлений для дальнейших исследований. Даже процесс изучения продуктов первичного расщепления и отходов производства нельзя считать завершенным. Комплексный анализ отходов каменной индустрии имеет широкие перспективы [Толпеко, 1999, с. 64–65]. Как показывает практика, при трасологическом изучении многие из отщепов оказываются орудиями. Причем выявленные среди них функциональные группы зачастую становятся многочисленными и разнообразными. Петрографическое изучение продуктов первичного расщепления, орудийного набора и отходов производства – это направление в исследовании особенно актуально для данного памятника.

Тщательное исследование орудийного набора каменных изделий поселения Рубцовское является темой отдельного исследования, которое позволит продвинуться в решении проблем, обозначенных в данной работе. При этом стоит отметить, что окончательное их решение невозможно без продолжения раскопок на поселении Рубцовское.

Библиографический список

Деревянко А.П., Маркин С.В., Васильев С.А. Палеолитоведение: Введение и основы. Новосибирск : Наука, 1994. 288 с.

Зайберт В.Ф. Энеолит Урало-Иртышского междуречья. Петропавловск : Наука Республики Казахстан, 1993. 246 с.

Кирюшин К.Ю., Кирюшин Ю.Ф. Культурно-хронологические комплексы поселения Тыткескень-2 (итоги работ 1988–1994 гг.). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2008. 336 с.

Кирюшин Ю.Ф., Волков П.В., Кирюшин К.Ю., Семибратов В.П. К вопросу о критериях разделения памятников неолита и энеолита Алтая // Теория и практика археологических исследований : сборник научных трудов. Вып. 2. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2006. С. 15–24.

Кирюшин Ю.Ф., Нохрина Т.И., Петрин В.Т. Методика обработки коллекций каменного инвентаря неолитического уровня. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1993. 65 с.

Комарова М.Н. Неолит Верхнего Приобья // КСИИМК. 1956. Вып. 64. С. 93–103.

Кунгуров А.Л., Онников А.В., Тишкин А.А. Каменная индустрия эпохи неолита с поселения Рубцовское // Проблемы неолита-энеолита юга Западной Сибири. Кемерово : Кузбассвузиздат, 1999. С. 58–63.

Медведев Г.И., Михнюк Г.Н., Лежненко И.Л. О номенклатурных обозначениях и морфологии нуклеусов в докерамических комплексах Приангарья // Древняя история народов юга Восточной Сибири. Вып. 1. Иркутск : Иркутский гос. ун-т, 1974. С. 60–90.

Мерц В.К. Периодизация голоценовых комплексов Северного и Центрального Казахстана по материалам многослойной стоянки Шидерты 3 : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2008. 26 с.

Молодин В.И., Бобров В.В. Предисловие // Проблемы неолита-энеолита юга Западной Сибири. Кемерово : Кузбассвузиздат, 1999. С. 3–8.

Нехорошев П.Е. Технологический метод изучения первичного расщепления камня среднего палеолита. СПб. : Европейский дом, 1999. 173 с.

Семибратов В.П. Раннеголоценовые комплексы среднего течения р. Катунь : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2000. 24 с.

Тишкин А.А. Поселение Рубцовское в пойме р. Алей // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. V, ч. 2. Барнаул : [б.и.], 1995. С. 30–35.

Тишкин А.А., Кирюшин К.Ю., Шмидт А.В. Керамика поселения Рубцовское-I (долина Алей, юг Западной Сибири) // Теория и практика археологических исследований. 2016. №4 (16). С. 60–73.

Толпеко И.В. Еще раз к вопросу о комплексном анализе каменного инвентаря // Проблемы неолита-энеолита юга Западной Сибири. Кемерово : Кузбассвузиздат, 1999. С. 64–66.

Шмидт А.В. Неолит Приобского плато : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2005. 24 с.

References

- Derevjanko A.P., Markin S.V., Vasil'ev S.A. Paleolitovedenie: Vvedenie i osnovy [Paleolithology: Introduction and Basics]. Novosibirsk : Nauka, 1994. 288 p.
- Zajbert V.F. Jeneolit Uralo-Irtyshskogo mezhdurech'ja [Eneolithic of the Ural-Irtysh Interflue]. Petropavlovsk : Nauka Respubliki Kazahstan, 1993. 246 p.
- Kirjushin K.Ju., Kirjushin Ju.F. Kul'turno-hronologicheskie komplekсы poselenija Tytkesken'-2 (itogi rabot 1988–1994 gg.) [Cultural-Chronological Complexes of the Settlement Tytkesken-2 (the results of 1988–1994)]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2008. 336 p.
- Kirjushin Ju.F., Volkov P.V., Kirjushin K.Ju., Semibratov V.P. K voprosu o kriterijah razdelenija pamjatnikov neolita i jeneolita Altaja [On the Question of the Criteria for the Separation of Neolithic and the Eneolithic Sites of Altai]. Teorija i praktika arheologicheskikh issledovanij : sbornik nauchnyh trudov. Vyp. 2 [Theory and Practice of Archaeological Research: a Collection of Scientific Papers. Issue. 2]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2006. Pp. 15–24.
- Kirjushin Ju.F., Nohrina T.I., Petrin V.T. Metodika obrabotki kollekcij kamennogo inventarja neoliticheskogo urovnja [Methods of Processing Collections of Stone Inventory of the Neolithic Level]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1993. 65 p.
- Komarova M.N. Neolit Verhnego Priob'ja [Neolithic of the Upper Ob Area]. KSIIMK. 1956. Issue 64. Pp. 93–103.
- Kungurov A.L., Onnikov A.V., Tishkin A.A. Kamennaja industrija jepohi neolita s poselenija Rubcovskoe [The Stone Industry of the Neolithic Age from the Rubtsovskoye Settlement]. Problemy neolita-jeneolita juga Zapadnoj Sibiri [Problems of the Neolithic-Eneolithic of the South of Western Siberia]. Kemerovo : Kuzbassvuzizdat, 1999. Pp. 58–63.
- Medvedev G.I., Mihnjuk G.N., Lezhnenko I.L. O nomenklaturnyh oboznachenijah i morfologii nukleusov v dokeramicheskikh kompleksah Priangar'ja [About Nomenclature Notations and Morphology of Cores in Pre-Ceramic Complexes of the Angara region]. Drevnjaja istorija narodov juga Vostochnoj Sibiri. Vyp. 1 [Ancient History of Peoples of the South of Eastern Siberia. Issue. 1]. Irkutsk : Irkutskij gos. un-t, 1974. Pp. 60–90.
- Merc V.K. Periodizacija golocenovyh kompleksov Severnogo i Central'nogo Kazahstana po materialam mnogoslojnoj stojanki Shiderty 3 : avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [Periodization of Holocene Complexes in Northern and Central Kazakhstan Based on the Materials of Shiderta's Multilayered Site : Dis. ... Cand. Hist. Science. Kemerovo, 2008. 26 p.
- Molodin V.I., Bobrov V.V. Predislovie [Foreword]. Problemy neolita-jeneolita juga Zapadnoj Sibiri [Problems of the Neolithic-Eneolithic of the South of Western Siberia]. Kemerovo : Kuzbassvuzizdat, 1999. Pp. 3–8.
- Nehoroshev P.E. Tehnologicheskij metod izuchenija pervichnogo rasshhepljenja kamnja srednego paleolita [Technological Method of Studying the Primary Splitting of the Stone of the Middle Paleolithic]. SPb. : Evropejskij dom, 1999. 173 p.
- Semibratov V.P. Rannegolocenovyje komplekсы srednego techenija r. Katun' : avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [Early Holocene Complexes of the Middle Stream of the Katun River]. Katun : Synopsis of the dis. ... cand. Hist. Science. Barnaul, 2000. 24 p.
- Tishkin A.A. Poselenie Rubcovskoe v pojme r. Alej [The Rubtsovskoe Settlement in the Floodplain of the Alei River]. Sohranenie i izuchenie kul'turnogo nasledija Altajskogo kraja. Vyp. V, ch. 2 [Preservation and Study of the Cultural Heritage of the Altai Territory. Issue. V, Part 2]. Barnaul : [b.i.], 1995. Pp. 30–35.
- Tishkin A.A., Kirjushin K.Ju., Shmidt A.V. Keramika poselenija Rubcovskoe-I (dolina Aleja, jug Zapadnoj Sibiri) [Ceramics of the Rubtsovskoe-I Settlement (The Alei Valley, South of Western Siberia)]. Teorija i praktika arheologicheskikh issledovanij [Theory and Practice of Archaeological Research]. 2016. №4 (16). Pp. 60–73.
- Tolpeko I.V. Eshhe raz k voprosu o kompleksnom analize kamennogo inventarja [Once Again to the Issue of the Complex Analysis of Stone Inventory]. Problemy neolita-jeneolita juga Zapadnoj Sibiri [Problems of the Neolithic-Eneolithic of the South of Western Siberia]. Kemerovo : Kuzbassvuzizdat, 1999. Pp. 64–66.
- Shmidt A.V. Neolit Priob'skogo plato : avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [Neolithic of the Priobsky Plateau : Synopsis of the Diss. ... Cand. Hist. Science]. Barnaul, 2005. 24 p.

A.A. Tishkin¹, K.Yu. Kiryushin^{1,2}, A.V. Schmidt³

¹Altai State University, Barnaul, Russia;

²Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS, Novosibirsk, Russia;

³Museum of Nature and Human, Khanty-Mansiysk, Russia

**TECHNOLOGY OF PRIMARY SPLITTING OF THE STONE
IN THE RUBTISOVSKOE SETTLEMENT
(south of Western Siberia)**

The article presents the publication of a part of the stone artifacts discovered in the Rubtsovskoye settlement, which was recorded in the valley of the upper stream of the Alei river (the left tributary of the Ob). The existing collection (3248 copies) is one of the most representative ones from the territory of the south-western regions of the Altai Territory. The site was partially destroyed, and the main material was obtained during systematic collections. This creates problems in determining the detailed dating of the available finds. In the vicinity of the Rubtsovskoe settlement there are no outlets of quality stone, which could be used for making tools. Therefore, an important aspect of the activities of its residents was the delivery of raw materials. Apparently, the initial stages of selection and splitting of stones were realized outside the territory in question. As a result, quality billets and related semi-finished products were delivered to the settlement. At the same time, chips were used with grinded tools, fragments of products, severely worked cores and other materials that were in demand in production. A similar situation is typical for the sites that are substantially remote from sources of raw materials. After the carried out analysis, it can be stated that the main part of the collection of stone artifacts of the Rubtsovskoe settlement belongs to the early and developed Neolithic. In addition, in the composition of the tool set in a sufficient (statistically significant) quantity there are products of the period of the Eneolithic. Individual artifacts can be dated to the final Neolithic – early Eneolithic.

Key words: Alei Valley, Rubtsovskoe settlement, stone artifacts, core, primary cleavage products, classification, Neolithic, Eneolithic.

А.В. Шалагина¹, М. Боманн², К.А. Колобова¹, А.И. Кривошапкин¹

¹Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия;

²Лаборатория РАСЕА, Университет Бордо, Бордо, Франция

КОСТЯНЫЕ ИГЛЫ ИЗ ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ СТРАШНОЙ ПЕЩЕРЫ (Северо-Западный Алтай)

Палеолитические памятники Горного Алтая стали широко известны не только благодаря уникальному палеоантропологическому материалу, но также из-за обнаружения самых ранних свидетельств неутилитарной деятельности древнего человека. В комплексах раннего верхнего палеолита Денисовой пещеры была обнаружена многочисленная коллекция неутилитарных изделий и орудий из кости и рога. До последнего этапа исследований находки костяных инструментов были уникальны среди ранневерхнепалеолитических комплексов региона. Ситуация изменилась в связи с обнаружением в верхнепалеолитических комплексах пещеры Страшной костяной индустрии, включающей различные подвески, иглы, острия и проколки. Одним из наиболее ярких элементов костяной индустрии верхнепалеолитических комплексов пещеры Страшной являются две костяные иглы. Первая, найденная в основании верхнепалеолитических отложений (слой 3₃), представляет собой проксимально-медиальный фрагмент иглы с ушком. Второй экземпляр, дистальный фрагмент, происходит из верхней части разреза, из слоя 3_а. Для обоих изделий были реконструированы основные этапы их изготовления и утилизации. Учитывая имеющиеся радиоуглеродные даты, костяные иглы из пещеры Страшной укладываются в хронологический интервал от 44 до 19 тыс. л.н. Сопоставление находок с материалами памятников близлежащих территорий позволило выявить аналогии для обоих найденных экземпляров в ранних верхнепалеолитических комплексах Денисовой пещеры, стояки Толбага (Забайкалье), в комплексах развитого верхнего палеолита стоянок Среднего Енисея (Лиственка, Афонтова гора-2).

Ключевые слова: Северо-Западный Алтай, верхний палеолит, пещера Страшная, костяная индустрия, иглы с ушком.

DOI: 10.14258/tpai(2018)1(21).-07

Введение

Выделка шкур, пошив одежды из кожи и меха играли важную роль в адаптации древнего человека к окружающей среде в условиях позднего плейстоцена. Особое значение в этой связи имело изготовление специализированных костяных инструментов – проколки, шильев, иголок с ушком, которые появляются в палеолитических комплексах с начала верхнего палеолита. Наиболее древняя коллекция костяных игл фиксируется в начальных верхнепалеолитических комплексах Денисовой пещеры – 13 изделий (Горный Алтай) [Деревянко и др., 2016]. На исследуемой территории иглы из комплексов Денисовой пещеры не имели аналогов до обнаружения таких же изделий в верхнепалеолитических отложениях пещеры Страшной. В предлагаемой статье костяные иглы из пещеры Страшной вводятся в научный оборот, а также реконструируются основные этапы их производства и утилизации.

Пещера Страшная

Пещера Страшная расположена на территории Северо-Западного Алтая (рис. 1), по левому берегу р. Иня (бассейн р. Чарыш), ниже впадения в нее р. Тигирек. Абсолютный уровень реки у подножья пещеры составляет 470 м. Пещера имеет юго-восточную экспозицию и находится на высоте 40 м от уровня реки. Вход в пещеру представляет собой образованную карстовыми процессами расщелину шириной до 4 м,

высотой около 6 м. По строению пещера простая горизонтальная, протяженностью около 20 м. С юго-запада к пещере примыкает терраса высотой 18–25 м от уреза реки, отделенная от пещеры скальным уступом. Специфическое расположение пещеры позволяет рассматривать ее как достаточно надежное временное убежище в древности.

Рис. 1. Пещера Страшная на карте Южной Сибири и Забайкалья.
На карте обозначены памятники верхнего палеолита,
на которых были найдены костяные иглы с ушком

В стратиграфическом разрезе памятника в настоящий момент выделено 13 литологических слоев общей мощностью около 10 м. Слои 1 и 2, представленные легкими и средними суглинками, были отнесены к периоду голоцена, остальные – к плейстоценовому времени [Зенин, Ульянов, 2007]. Всего в пачке плейстоценовых отложений, представленной преимущественно легкими суглинками (слои 3–10), выделено 19 горизонтов залегания артефактов. Слои 11–13 в основании разреза, сложенные тяжелыми суглинками, в археологическом отношении стерильны, а зафиксированные в них артефакты приурочены к кротовинам и деформациям слоя [Зенин, Ульянов, 2007].

Из верхней части разреза пещеры Страшной (слой 3_{1а}) происходят антропологические останки, которые были отнесены к виду *Homo sapiens* [Viola, 2009]. Детальное сопоставление морфологии находок с материалами других верхнепалеолитических стоянок территории Сибири (Мальга, Лиственка, Афонтова гора II) показывает принадлежность найденного индивида к южно-сибирскому верхнепалеолитическому одонтологическому комплексу [Зубова и др., 2017].

Костяные иглы из пещеры Страшной

При изучении верхнепалеолитического комплекса отложений в пещере Страшной было найдено два фрагмента костяных игл: в его основании, в слое 3₃, и в верхней части, в слое 3_{1а}. Один экземпляр (рис. 2.-1), найденный в слое 3₃, представляет

собой проксимально-медиальный фрагмент иглы с ушком (игла №1). Второе изделие (рис. 2.-2), найденное в слое 3₁а, представлено дистальным фрагментом (игла №2).

Обе иголки, найденные в пещере Страшной, сделаны из стенки трубчатой кости млекопитающего (определение канд. биол. наук С.К. Васильева). Длина иглы №1 – 48,2 мм, ширина – 2,5 мм, толщина – 2,4 мм, диаметр ушка – 1,4 мм. Длина иглы №2 – 31,2 мм, ширина – 3,1 мм, толщина – 2,6 мм. Дистальные и медиальные части иголок в поперечном разрезе имеют округлую форму. Игла №1 в проксимальной части более плоская. Такая морфология связана с утончением для последующего просверливания отверстия под ушко.

Никаких следов на поверхности игл, связанных с манерой получения первичной заготовки, не сохранилось. Можно предположить, что заготовкой для производства игл являлись удлиненные сколы, полученные путем продольной фрагментации кости. На поверхности удается зафиксировать только следы, связанные с начальным формообразованием, которое производилось посредством скобления. Такие следы фиксируются слабо, потому что они перекрываются следами последующего оформления и утилизации.

Следующим этапом изготовления игл было оформление ушка, для чего сначала утончалась проксимальная часть. Это хорошо фиксируется на экземпляре №1 (рис. 3). Отверстие под ушко биконическое и, судя по форме, было создано при помощи двустороннего сверления. Следы сверления сохранились плохо, сверху на них накладываются следы последующего износа. На завершающем этапе оформления для придания более постоянной формы обе иглы были слегка заполированы.

Оба найденных изделия были оставлены в пещере после утилизации, о чем свидетельствуют многочисленные следы, покрывающие поверхность игл. Кроме того, оба изделия содержат характерные следы слома в медиальной части [Stordeur, 1979; Bonnissent et Chauvière, 1999]. На экземпляре №1 на сломе фиксируются следы заполировки и макроследы, свидетельствующие о последующем использовании иглы после слома (рис. 3).

В проксимальной части иглы №1 на просверленном отверстии также фиксируются очевидные следы утилизации. Контур отверстия был деформирован продолжительным износом и сформирован под углом к продольной оси изделия (рис. 3). Также активное использование иглы привело к ослаблению одного из краев отверстия и последующему слою. Таким образом, после слома в дистальной части игла №1 продолжала использоваться, но была отбракована из-за вызванного износом слома ушка в проксимальной части.

Рис. 2. Костяные иглы пещеры Страшной: 1 – игла с ушком из слоя 3₃; 2 – дистальный фрагмент иглы из слоя 3₁а (фотоснимок М. Боманн)

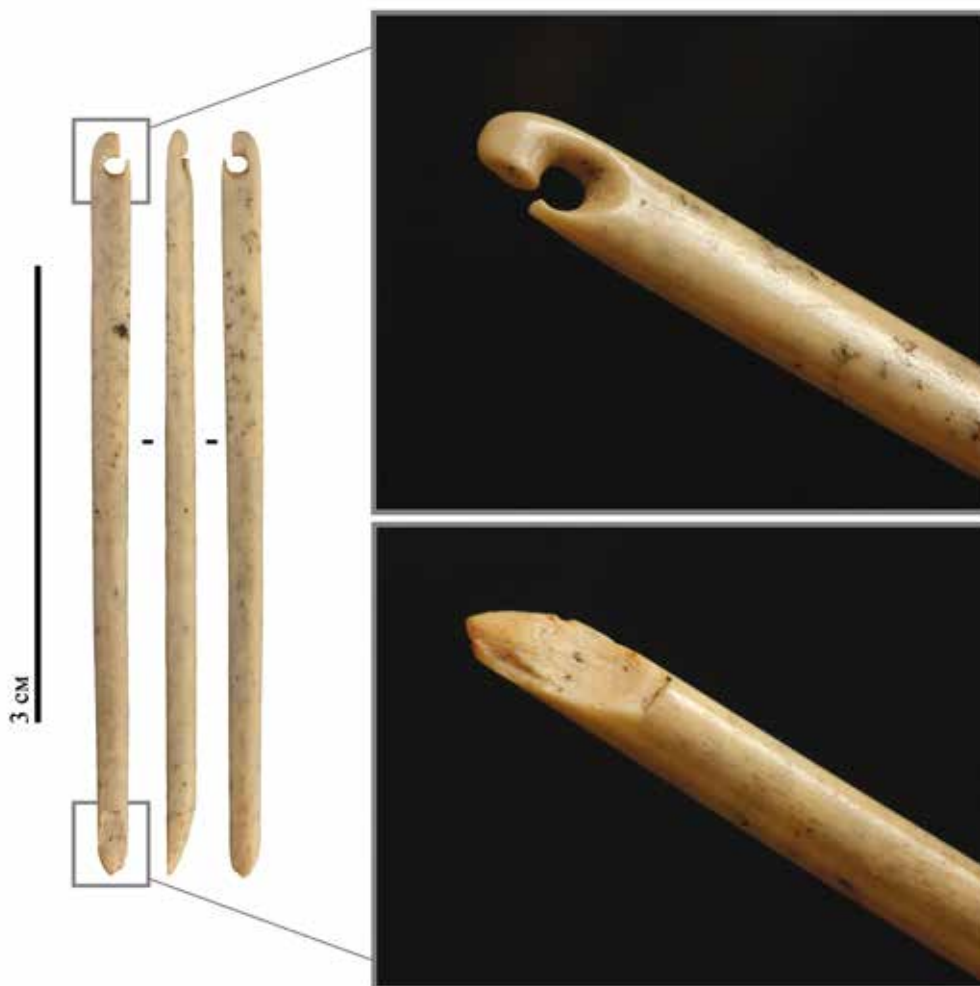

Рис. 3. Макрофотография отдельных участков иглы с ушком (фотоснимок М. Бомани)

**Верхнепалеолитические комплексы пещеры Страшной:
археологический и хронологический контексты**

Верхнепалеолитические отложения пещеры Страшной (слой 3) представлены 4 подразделениями: 3_{1а} (горизонты 1, 2), 3_{1б} и 3₃; их общая мощность составляет от 60 до 120 см. Из верхней и средней пачки отложений были получены три радиоуглеродные даты: слой 3_{1а} – 19150±80 (ОхА-15803, кость); слой 3_{1б} – 43650±650 (ОхА-15804, кость); 44050±700 (ОхА-15805, кость) [Кривошапкин и др., 2013] (рис. 4).

Полученные датировки подтверждаются палеонтологическими и палинологическими исследованиями. Несмотря на общую стабильную палеоэкологическую обстановку на протяжении формирования слоя 3, из всей толщи выделяется горизонт 1 слоя 3_{1а} по своим споро-пыльцевым характеристикам [Рудая и др., 2016] и найденным в мегофауне остаткам северного оленя [Васильев, Зенин, 2010], которые указывают на похолодание климата в окрестностях пещеры в этот период.

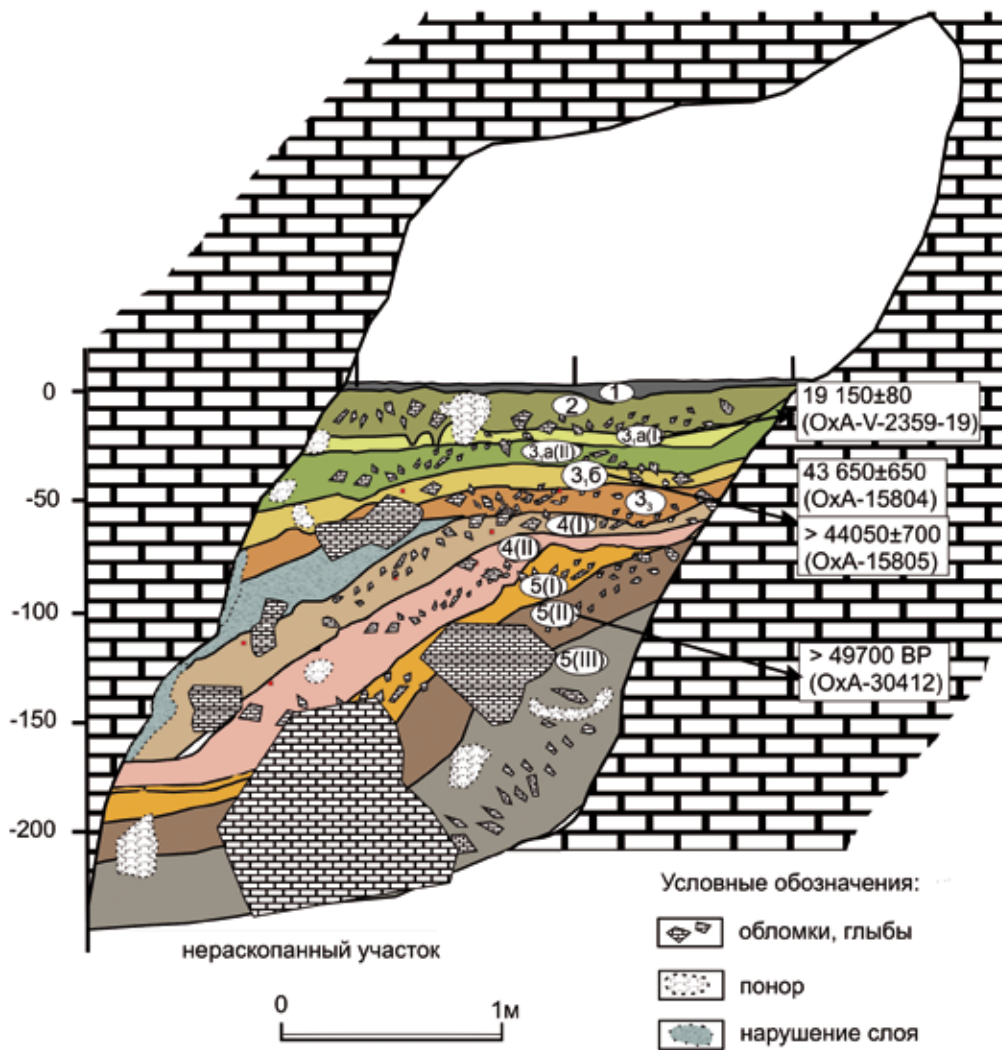

Рис. 4. Пещера Страшная. Стратиграфический разрез

Характеристика археологического материала, полученного из пачки верхнепалеолитических отложений, указывает на существование трех культурно-хронологических этапов заселения стоянки в этот период. Один этап (слой 3_а) связан с развитым этапом верхнего палеолита региона, для которого характерно наличие продуктов мелкопластинчатого расщепления (пластинки, микропластинки, торцовые нуклеусы для их производства) и соответствующих форм верхнепалеолитических орудий. Определения абсолютного возраста и палеоэкологические исследования указывают на сартанский возраст его накопления.

Два других эпизода связаны с каргинским временем. Один из них соотносится с карабумовской ранневерхнепалеолитической традицией региона, и для него характерно получение пластинок в качестве первичных заготовок; наличие в орудийном

наборе скребков, тронкированно-фасетированных изделий. Для первичного расщепления другого (слой 3₃) характерны продукты радиального скалывания и левалуазской отщеповой технологии. Орудийный набор комплекса характеризуется различными формами скребел и отщепами с ретушью. Этот этап больше ассоциируется с индустриями финального среднего палеолита Денисовой пещеры.

В целом авторами неоднократно отмечалась архаичность верхнего палеолита пещеры Страшной и преобладание отщепового скалывания в первичном производстве [Derevianko, Zenin, 1997; Анойкин, 2000; Zwins, 2012]. Это факт может объясняться тем, что получение удлиненных заготовок на стоянке было ограничено спецификой и плохим качеством первичного сырья у подножья пещеры [Кулик, Зенин, 2005].

Костяная индустрия пещеры Страшной, относящаяся к верхнему палеолиту, происходит из всех подразделений слоя 3 и представлена 14 предметами: пять декоративных украшений, пять орудий, два фрагмента наконечников и два предмета, иллюстрирующих производственный процесс (переоформление наконечника и фрагментация рога оленя). К декоративным украшениям относятся как специально оформленные изделия, так и предметы, которые использовались в качестве украшений в силу своей естественной формы. Также к этому списку мы можем добавить две окаменелые формы моллюсков, которые могли быть принесены и использованы древними людьми в качестве украшений (уверенное определение требует дополнительных трасологических исследований). Такие украшения, как пуговица с двумя отверстиями, подвески из бивня мамонта и зуба оленя, являются классическими элементами набора костяных украшений из верхнепалеолитических комплексов региона (Денисова пещера, Кара-Бом). Охотничье вооружение в данной коллекции проиллюстрировано тремя дистальными фрагментами наконечников. Два наконечника выполнены из кости, один из рога. Орудийные формы представлены проксимальным фрагментом орудия-посредника, проколкой и, как уже говорилось, фрагментами костяных игл.

Заключение

Костяные иглы с ушком являются ярким элементом костяной верхнепалеолитической индустрии пещеры Страшной. Из слоя 3₃ в котором был найден проксимально-медиальный фрагмент иглы с ушком, нет абсолютных дат, однако отложения перекрывающего слоя 3_{1б} датируются в промежутке 43–44 тыс. л.н., что определяет верхнюю границу возраста иглы. Из слоя 3_{1а}, откуда происходит вторая находка, имеется дата в 19 тыс. л.н. (рис. 4), что позволяет определять ее развитым верхним палеолитом.

На основе технологического изучения игл и анализа макроследов было выделено несколько этапов их изготовления и переоформления: подготовка первичной заготовки из трубчатой кости; начальное формообразование путем скобления; уплощение проксимальной части и двустороннее сверление для создания ушка; завершающая полировка. Было выявлено, что после слома дистального окончания возможна его подправка и дальнейшее использование.

Костяные иглы из пещеры Страшной находят свои хронологические и технологические аналоги на близлежащих территориях. Наиболее древняя коллекция костяных игл с ушком была найдена в отложениях 11 слоя Денисовой пещеры, который датируется от 50 тыс. л.н. [Деревянко и др., 2016]. Одно из древних изделий (43,9 тыс. л.н.) подобного типа было обнаружено на стоянке Толбага в Забайкалье [Васильев, 2005]. Многочисленная коллекция довольно ранних (28,5–27 тыс. л.н.) костя-

ных игл происходит из материалов Янской стоянки [Pitulko et al., 2012]. Более поздние верхнепалеолитические костяные иглы на близлежащих территориях представлены в сартанских отложениях предвходовой площадки Денисовой пещеры [Природная среда..., 2003], на памятниках финала верхнего палеолита бассейна Среднего Енисея: Афонтова гора-2 [Славинский и др., 2014], Лиственка [Акимова и др., 2005].

Несмотря на опубликованные за последние десятилетия серийные находки костяных игл в Северной Азии, традиционно специальные исследования, посвященные изучению технологии производства и типологической варибельности костяных игл, проводились на более многочисленном материале европейских памятников [Laznickova-Galetova, 2010]. В верхнем палеолите Центральной Европы наиболее древние костяные иглы с ушком были найдены в комплексах граветта [Палеолит..., 1982]. В Западной Европе первые примеры изготовления костяных игл фиксируются в комплексах финальной солютрейской культуры (около 19 тыс. л.н.), но более массовое их производство начинается только в мадлене [Stordeur, 1979; Stordeur, 1990; Laznikova-Galetova, 2010]. В финальных верхнепалеолитических комплексах (Азилиан) их количество уменьшается, но при этом иголки с ушком начинают производить и из рога.

Костяные иглы с ушком в комплексах Денисовой пещеры являются самым ранним проявлением этого типа орудий на территории Северной Азии (от 50 тыс. л.н.) [Деревянко и др., 2016]. Иглы, найденные в пещере Страшной, являясь технологическими и функциональными аналогами игл из Денисовой пещеры, подтверждают присутствие в Алтайском регионе ранней традиции костяного производства формальных орудий и демонстрируют ее значительную хронологическую продолжительность вплоть до развитого верхнего палеолита.

Библиографический список

Акимова Е.В., Дроздов Н.И., Чеха В.П., Лаухин С.А., Орлова Л.А., Санько А.Ф., Шпакова Е.А. Палеолит Енисея. Лиственка. Новосибирск ; Красноярск : Универс-Наука, 2005. 180 с.

Анойкин А.А. Поздний палеолит Северо-Западного Алтая: По материалам пещерных стоянок : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2000. 22 с.

Васильев С.Г. Поселение Толбага: технология обработки кости и костяные орудия // Палеолитические культуры Забайкалья и Монголии (новые памятники, методы, гипотезы). Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. С. 56–68.

Васильев С.К., Зенин А.Н. Остатки мегафауны из пещеры Страшная в Северо-Западном Алтае (по материалам раскопок в 2009 году) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XVI. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2010. С. 15–20.

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Козликин М.Б., Федорченко А.Ю., Павленок Г.Д., Белоусова Н.Е. Костяная игла начала верхнего палеолита из центрального зала Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXII. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2007. С. 72–75.

Зенин А.Н., Ульянов В.А. Стратиграфические исследования в пещере Страшная // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XIII. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2007. С. 105–109.

Зубова А.В., Кривошапкин А.И., Шалагина А.В. Палеоантропологические материалы из пещеры Страшной в Горном Алтае в контексте одонтологической дифференциации населения Сибири эпохи камня // Археология, этнография и антропология Евразии. 2017. Т. 45. №3. С. 136–145.

Кривошапкин А.И., Зенин В.Н., Васильев С.К., Шалагина А.В. Результаты полевых исследований пещеры Страшная в 2013 году. Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и со-

предельных территорий. Т. XIX. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2013. С. 94–99.

Кулик Н.А., Зенин А.Н. Петрографическая характеристика индустрии пещеры Страшная (Северо-западный Горный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XI, ч. I. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. С. 113–120.

Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону, 1879–1979 : Некоторые итоги полевых исследований / Н.Д. Праслов, Г.И. Лазуков, И.И. Краснов и др. Л. : Наука, 1982. 285 с. : ил.

Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая / А.П. Деревянко, М.В. Шуньков, А.К. Агаджанян, Г.Ф. Барышников, Е.М. Малаева, В.А. Ульянов, Н.А. Кулик, А.В. Постнов, А.А. Аноikin. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. 448 с.

Рудая Н.А., Кривошапкин А.И., Шалагина А.В. Итоги палинологического изучения отложений пещеры Страшной в 2014–2015 годах // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXII. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2016. С. 148–151.

Славинский В.С., Акимова Е.В., Лысенко Д.Н., Томилова Е.А., Кука Е.Н., Дроздов Н.И., Аноikin А.А., Артемьев Е.В., Галухин Л.Л., Богданов Е.С., Степанов Н.С., Гревцов Ю.А., Ломов П.К., Дудко А.А. Костяная индустрия стоянки Афонтова Гора II (по результатам раскопок 2014 года) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XX. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2014. С. 435–437.

Bonnissent D., Chauviere F.-X. L'industrie sur matières dures animales // C. Chauchat (dir.), L'habitat magdalénien de la grotte du Bourrouilla à Arancou (Pyrénées-Atlantiques). Gallia préhistoire. 1999. №41. Pp. 36–53.

Derevianko A.P., Zenin A.N. The Mousterian to Upper Paleolithic Transition through the Example of the Altai Cave and Open air Site // Suyanggae and Her Neighbours. Chungju, 1997. Pp. 241–255.

Laznickova-Galetova M. Le travail des matières d'origine dure animale dans le Magdalénien Morave: l'exemple des aiguilles à chas // L'Anthropologie. 2010. №114. Pp. 68–96.

Pitulko V.V., Pavlova E.Y., Nikolskiy P.A., Ivanova V.V. The oldest art of the Eurasian Arctic: personal ornaments and symbolic objects from Yana RHS, Arctic Siberia // Antiquity. 2012. Vol. 86, Iss. 333. Pp. 642–659.

Viola B. New Hominid remains from Central Asia and Siberia: the Easternmost Neanderthals. Dis. Dr. Rer. Nat. Wien : Universität Wien. 2009. 233 p.

Zwyns N. Laminar technology and the onset of the Upper Paleolithic in the Altai, Siberia. Netherland : Leiden University. 2012. 300 p.

Stordeur D. Les aiguilles à chas au Paléolithique. Paris, C.N.R.S., XIIIème supplément Gallia Préhistoire, 1979. 538 p.

Stordeur D. Fiche aiguilles à chas. // Fiches typologiques de l'industrie de l'os préhistorique, Cahier III : poinçons, pointes, poignards, aiguilles, Commission de nomenclature sur l'industrie osseuse préhistorique / H. Camps-Fabrer, D. Ramseyer et D. Stordeur (dir.). Aix-en-Provence, Editions de l'Université de Provence. 1990. fiche 16.

References

Akimova E.V., Drozdov N.I., Chekha V.P., Laukhin S.A., Orlova L.A., San'ko A.F., Shpakova E.A. Paleolit Eniseya. Listvenka [Paleolithic of the Yenisei. Listvenka]. Novosibirsk ; Krasnoyarsk, 2005. 180 p.

Anoikin A.A. Pozdnii paleolit Severo-Zapadnogo Altaya: Po materialam peshchernykh stoyanok : avtoref. dis. ... kand. ist. Nauk [Late Paleolithic of the North-Western Altai: Based on the Materials of the Cave Sites] : the Synopsis of the. dis. ... cand. Hist. Sciences. Novosibirsk, 2000. 22 p.

Vasil'ev S.G. Poselenie Tolbaga: tekhnologiya obrabotki kosti i kostyanye orudiya [The Tolbaga Settlement: Technology of Bone Processing and Bone Tools]. Paleoliticheskie kul'tury Zabaikal'ya i Mongolii (novye pamyatniki, metody, gipotezy [Paleolithic Cultures of Transbaikalia and Mongolia (new monuments, methods, hypotheses)]. Novosibirsk : IAET SB RAS Publ., 2005. Pp. 56–68.

Vasil'ev S.K., Zenin A.N. Ostatki megafauny iz peshchery Strashnaya v Severo-Zapadnom Altae (po materialam raskopok v 2009 godu) [The Remains of the Megafauna from the Strashnaya Caves of in the

North-Western Altai (based on excavations in 2009)]. Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories]. Vol. XVI Novosibirsk : IAET SB RAS Publ., 2010. Pp. 15–20.

Derevyanko A.P., Shun'kov M.V., Kozlikin M.B., Fedorchenko A.Yu., Pavlenok G.D., Belousova N.E. Kostyanaya igla nachala verkhnego paleolita iz tsentral'nogo zala Denisovoi peshchery [Bone Needle of the Beginning of the Upper Paleolithic from the Central Hall of the Denisova Cave]. Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories]. Vol. XXII. Novosibirsk : IAET SB RAS Publ., 2007. Pp. 72–75.

Zenin A.N., Ul'yanov V.A. Stratigraficheskie issledovaniya v peshchere Strashnaya [Stratigraphic Studies in the Strashnaya Cave]. Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories]. Novosibirsk : IAET SB RAS Publ., 2007. Vol. XIII. Pp. 105–109.

Zubova A.V., Krivoshapkin A.I., Shalagina A.V. Paleoantropologicheskie materialy iz peshchery Strashnoi v Gornom Altae v kontekste odontologicheskoi differentsiatsii naseleniya Sibiri epokhi kamnya [Paleoanthropological Materials from the Strashnaya Cave in the Altai Mountains in the Context of Odontological Differentiation of Siberian Population of the Stone Age]. Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia]. Vol. 45. №3. 2017. Pp. 136–145.

Krivoshapkin A.I., Zenin V.N., Vasil'ev S.K., Shalagina A.V. Rezul'taty polevykh issledovaniy peshchery Strashnaya v 2013 godu [Results of the Field Research of the Strashnaya Cave in 2013]. Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories]. Vol. XIX]. Novosibirsk : IAET SB RAS Publ., 2013. Pp. 94–99.

Kulik N.A., Zenin A.N. Petrograficheskaya kharakteristika industrii peshchery Strashnaya (Severozapadniy Gornyi Altai) [Petrographic Characteristics of the Strashnaya Cave Industry (North-West Mountain Altai)]. Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories]. Vol. XI, Part I. Novosibirsk : IAET SB RAS Publ., 2005. Pp. 113–120.

Paleolit Kostenkovsko-Borshchevskogo rayona na Donu, 1879–1979 : Nekotorye itogi polevykh issledovaniy [Paleolithic of the Kostenkovsko-Borshchevsky District on the Don, 1879–1979: Some Results of Field Research]. N.D. Praslov, G.I. Lazukov, I.I. Krasnov i dr [et al.]. L. : Nauka, 1982. 285 p. : il.

Prirodnaya sreda i chelovek v paleolite Gornogo Altaya [The Natural Environment and the Human in the Paleolithic of the Altai Mountains]. A.P. Derevianko, M.V. Shunkov, A.K. Agadzhanian, G.F. Baryshnikov, E.M. Malaeva, V.A. Ulyanov, N.A. Kulik, A.V. Postnov, A.A. Anoykin. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arkheologii i etnografii SO RAN, 2003. 448 p.

Rudaya N.A., Krivoshapkin A.I., Shalagina A.V. Itogi palinologicheskogo izucheniya otlozheniy peshchery Strashnoi v 2014–2015 godakh [Results of Palynological Study of the Deposits of the Strashnaya Cave in 2014–2015]. Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories]. Vol. XXII]. Novosibirsk : IAET SB RAS Publ., 2016. Pp. 148–151.

Slavinskii V.S., Akimova E.V., Lysenko D.N., Tomilova E.A., Kuksa E.N., Drozdov N.I., Anoykin A.A., Artem'ev E.V., Galukhin L.L., Bogdanov E.S., Stepanov N.S., Grevtsov Yu.A., Lomov P.K., Dudko A.A. Kostyanaya industriya stoyanki Afontova Gora II (po rezul'tatam raskopok 2014 goda) [The Bone Industry of the Afontova Gora II Site (based on excavations of 2014)]. Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories]. Vol. XX. Novosibirsk : IAET SB RAS Publ., 2014. Pp. 435–437.

Bonnissent D., Chauviere F.-X. L'industrie sur matières dures animales. In, C. Chauchat (dir.), L'habitat magdalénien de la grotte du Bourrouilla à Arancou (Pyrénées-Atlantiques), Gallia préhistoire. 1999. №41. Pp. 36–53.

Derevianko A.P., Zenin A.N. The Mousterian to Upper Paleolithic Transition through the Example of the Altai Cave and Open Air Site // Suyanggae and Its Neighbours. Chungju, 1997. Pp. 241–255.

Laznickova-Galetova M. Le travail des matières d'origine dure animale dans le Magdalénien Morave: l'exemple des aiguilles à chas // L'Anthropologie. 2010. №114. Pp. 68–96.

Pitulko V.V., Pavlova E.Y., Nikolskiy P.A., Ivanova V.V. The Oldest Art of the Eurasian Arctic: Personal Ornaments and Symbolic Objects from Yana RHS, Arctic Siberia // *Antiquity*. 2012. Vol. 86, Iss. 333. Pp. 642–659.

Viola B. New Hominid Remains from Central Asia and Siberia: the Easternmost Neanderthals. *Dis. Dr. Rer. Nat. Wien* : Universität Wien, 2009. 233 p.

Zwyns N. Laminar Technology and the Onset of the Upper Paleolithic in the Altai, Siberia. *Netherlands* : Leiden University, 2012. 300 p.

Stordeur D. Les aiguilles à chas au Paléolithique. Paris, C.N.R.S., XIIIème supplément Gallia Préhistoire. 1979. 538 p.

Stordeur D. Fiche aiguilles à chas // *Fiches typologiques de l'industrie de l'os préhistorique, Cahier III : poinçons, pointes, poignards, aiguilles*, Commission de nomenclature sur l'industrie osseuse préhistorique / H. Camps-Fabrer, D. Ramseyer et D. Stordeur (dir.). Aix-en-Provence, Editions de l'Université de Provence. 1990. fiche 16.

A.V. Shalagina¹, M. Baumann², K.A. Kolobova¹, A.I. Krivoshapkin¹

¹Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk, Russia;

²PACEA Laboratory, University of Bordeaux, Bordeaux, France

BONE NEEDLES FROM UPPER PALEOLITHIC COMPLEXES OF THE STRASHNAYA CAVE (North-Western Altai)

Paleolithic sites in Altai became widely known not only due to the unique paleoanthropological remains, but also because of the discovery of the traces of the non-utilitarian activity of the earliest ancient humans. In the Initial Upper Paleolithic complexes from the Denisova Cave, a numerous assemblage of ornaments and tools made of bone and antler was discovered. Up to the latest research stage the finds of bone tools were unique among the regional Initial and Early Upper Paleolithic. This situation changed with the discovery in the Upper Paleolithic assemblages from the Strashnaya cave of bone tools including various pendants, needles, points and perforators. One of the most impressive part of the bone industry from the Strashnaya cave are two bone needles. The first proximal-medial fragment of the needle with the eyelet was found at the bottom part of the Upper Paleolithic deposits (layer 3₃). The second find, a distal fragment, originated from the layer 3_a in the upper part of the profile. The main stages of both needles manufacture and utilization were reconstructed. Taking in account the available radiocarbon dates, bone needles from the Strashnaya cave fit into a chronological interval of 44 to 19 kyr. A comparison of the bone needles with the needles from the Paleolithic sites from nearby territories made it possible to reveal analogies in the Initial and Early Upper Paleolithic complexes of the Denisova Cave, the Talbaga site (Transbaikal region), and in the assemblages from Middle Yenisei Upper Paleolithic sites (Lystinka, Afontova Gora-2).

Key words: North-Western Altai, Upper Paleolithic, Strashnaya cave, bone industry, needles with the eyelet.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫХ МЕТОДОВ В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

УДК 902.4:528.7

С.П. Грушин, И.А. Сосновский

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

ФОТОГРАММЕТРИЯ В АРХЕОЛОГИИ – МЕТОДИКА И ПЕРСПЕКТИВЫ*

Статья посвящена методике получения трехмерных моделей объектов археологических исследований с помощью фотограмметрии. Трехмерная фиксация имеет ряд преимуществ перед традиционными методами фиксации, поскольку при ее применении сохраняется больше информации об объекте. Фотограмметрия позволяет производить фиксацию без дорогостоящего специализированного оборудования – для ее проведения достаточно иметь цифровую камеру и персональный компьютер с соответствующим программным обеспечением. Этапы получения трехмерной модели проиллюстрированы на примере съемки керамического сосуда периода ранней бронзы, найденного при исследовании памятника Телеутский Взвоз-I. На первом этапе произведена съемка нескольких серий снимков сосуда, полностью покрывающих его площадь. Далее была произведена обработка полученных снимков в приложении Agisoft Photoscan, с помощью которого построено плотное облако точек, а затем и готовая текстурированная модель, полностью сохраняющая структуру оригинала. Применение технологий трехмерной фиксации имеет большие перспективы, поскольку позволяет сохранять больше информации, расширяет возможности анализа и публикации информации, что делает исследование более объективным и полным.

Ключевые слова: трехмерная фиксация, наземная фотограмметрия, керамические сосуды, ранняя бронза.

DOI: 10.14258/tpai(2018)1(21).-08

Введение

На протяжении всего существования археологии происходило планомерное совершенствование методов фиксации, направленное на увеличение их полноты и точности. Полнота фиксации объектов исследования критически важна как для интерпретации и последующей публикации результатов полевых работ, так и для составления отчетов. Бурное развитие информационных технологий, совершивших огромный рывок в конце прошлого века, позволило перейти на качественно новый уровень записи, обработки и хранения материалов исследования. Сегодня вслед за цифровой фотосъемкой и применением тахеометра в практику археологических исследований постепенно входят методы трехмерной фиксации, делающие сбор данных еще более полным и быстрым.

Трехмерная фиксация объектов имеет ряд преимуществ перед традиционными методами документирования, поскольку дает возможность создавать модели, полностью сохраняющие пространственные характеристики сканируемых объектов. Трехмерная модель позволяет исследователю детально изучить объект со всех углов и ракурсов, даже если он никогда не видел его своими глазами. Кроме того, программное обеспечение позволяет проводить различные виды анализа, такие как измерения расстояния или объема.

* Работа выполнена в рамках реализации гранта Правительства РФ (Постановление №220), полученного ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет», договор №14.Z50.31.0010, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии».

В настоящее время в археологии применяются две различные технологии трехмерной фиксации – лазерное сканирование и наземная фотограмметрия. В сравнении с фотограмметрией лазерное сканирование обеспечивает большую точность, однако требует применения дорогостоящего оборудования и сопоставимого по стоимости программного обеспечения. Кроме того, применение лазерных сканеров в полевых условиях может оказаться затруднительным и требует специальных навыков и знаний. Фотограмметрия позволяет получить пригодные для дальнейшего использования трехмерные модели без специального оборудования и навыков – для ее проведения нужна только цифровая камера среднего уровня и ПК со специализированным программным обеспечением.

Целью данной работы является рассмотрение особенностей этапов фотограмметрии, а также иллюстрация их практического осуществления в ходе получения трехмерной модели на конкретном археологическом материале.

Материалы и методы

Фотограмметрия в широком смысле представляет собой техническую дисциплину, занимающуюся определением размеров, формы и положения объектов по их изображениям на фотоснимках [Баранов, 1999, с. 87]. Методы фотограмметрии нашли применение в археологии еще в доцифровую эпоху и главным образом были связаны с анализом материалов аэрофотосъемки [Сингатулин, 2013]. Развитие вычислительной техники дало мощный импульс к развитию методов фотограмметрии и сделало возможным автоматизированную обработку изображений с помощью персонального компьютера, что увеличило ее доступность и существенно расширило пределы технологии. На данный момент сочетание цифровой фотосъемки и специализированного программного обеспечения позволяет создавать детализированные трехмерные модели как отдельных объектов (остатков сооружений, погребений, развалов сосудов и т.д.), так и целых участков местности [Зайцева, 2014, с. 11–19]. Таким образом, несмотря на то, что сам термин «фотограмметрия» имеет достаточно широкое значение, мы будем понимать под ним метод построения трехмерных моделей объектов с помощью компьютерной обработки цифровых снимков.

Процесс получения трехмерной модели при помощи фотограмметрии можно разделить на два этапа – съемку и обработку полученных фотографий. На этапе съемки делается несколько серий фотографий, как бы опоясывающих объект и покрывающих его поверхность со всех ракурсов (рис. 1). Каждый следующий кадр серии должен пересекаться с предыдущим как минимум на 30%, что позволит программному обеспечению объединить снимки. Поскольку при расчете геометрии модели используется метод триангуляции, каждая точка объекта должна присутствовать как минимум на трех фото. Чем больше подобных точек будет найдено, тем точнее будет модель. После съемки достаточного количества серий общего плана, позволяющих захватить геометрию объекта, необходимо дополнительно крупным планом снять все значимые детали, чтобы они корректно отобразились на готовой модели. Объект должен быть освещен равномерно, без жестких теней или бликов. При полевых съемках наилучший результат можно получить при съемках в пасмурную погоду, поскольку именно при таких условиях освещение позволяет добиться желаемого отсутствия теней и бликов.

Программное обеспечение может работать с любыми цифровыми изображениями, и для съемок теоретически подойдет любая цифровая камера, однако качество снимков

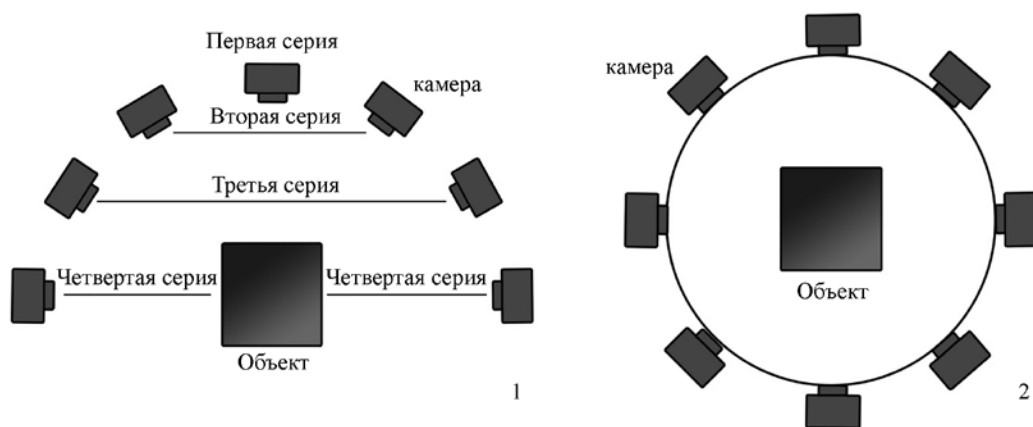

Рис. 1. Позиции камеры при съемке объекта: 1 – фронтальный вид на траектории камеры при съемке серий снимков; 2 – вид сверху на позиции камеры при съемке второй, третьей и четвертой серии

напрямую влияет на итоговый результат, поэтому считается оптимальным использование зеркальной камеры среднего уровня и выше. Выбор объектива также важен, и по возможности необходимо отдавать предпочтение широкоугольным объективам с фиксированным фокусным расстоянием, поскольку они имеют большую глубину резкости, т.е. расстояние между передней и задней границами резко изображенного пространства. Крайне нежелательно использование теле- и сверхширокоугольных объективов, поскольку первые по причине недостаточной глубины резкости дают программному обеспечению меньше информации об объектах, нежели обычные широкоугольные объективы, а вторые искажают изображение по краям снимка, что приводит к резкому ухудшению качества захвата геометрии и, как следствие, снижению точности построения модели. При использовании объектива с переменным фокусным расстоянием не следует изменять уровень зума на протяжении всей съемки, поскольку это приводит к затруднению поиска общих точек на снимке и также ухудшает результат. Однако все указанные пункты легко выполнимы, и при четком соблюдении методики съемок фотограмметрия позволяет добиться качества сканирования, близкого к получаемому при использовании лазерного сканирования [Грэндорж, Рено, 2016].

Полученные результаты и их обсуждение

Применение технологии, а также методику обработки готовых фотографий можно проиллюстрировать на примере съемки керамического сосуда (рис. 2.-1) периода ранней бронзы, найденного при исследовании памятника Телеутский Взвоз-1 [Грушин, Леонтьева, 2015, рис. 4.-2]. Как уже было отмечено выше, при съемках главной целью является полное покрытие площади объекта. В ходе работ была произведена съемка четырех серий снимков, описывающих замкнутые окружности вокруг сосуда. Поскольку при съемке в кадр не попала донная часть, была произведена съемка дополнительных трех серий, покрывающая ее и внешнюю часть сосуда. Дополнительные снимки были сделаны с различных ракурсов с целью передать различные детали, такие как неровности поверхности, орнаментация и т.д. Всего было сделано 174 снимка разрешением 4928 на 3264 пикселей (рис. 2.-2).

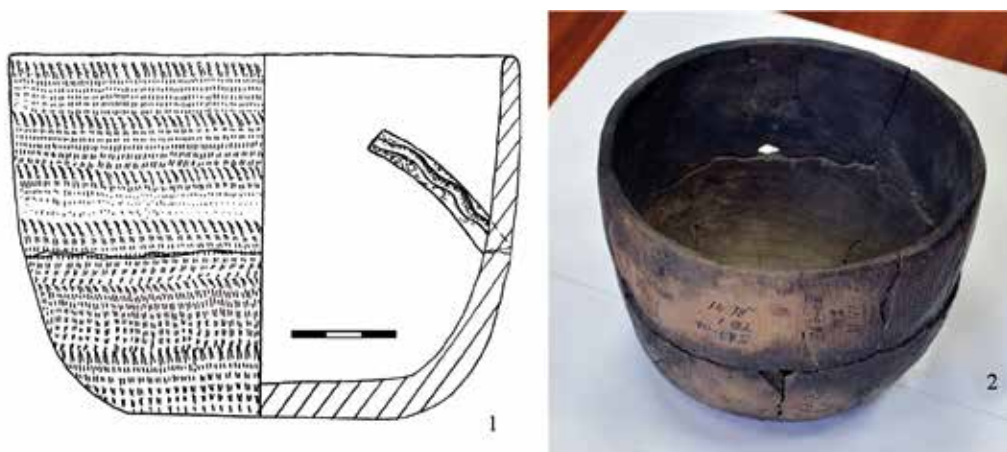

Рис. 2. Виды сосуда: 1 – графическое изображение; 2 – фотоснимок из третьей серии

Полученные изображения были импортированы в приложение Agisoft PhotoScan. Перед началом поиска общих точек на каждое изображение была наложена маска, отделяющая объект от остального фона. Использование масок позволяет «склеить» точки, снятые на верхней и нижней части сосуда. На этапе построения модели первой выполняется команда «выравнивание камер», позволяющая определить положения камер в пространстве. При выравнивании значения «максимальное количество точек» и «максимальное количество проекций» были выставлены на 0, что обозначает отсутствие ограничений по их количеству. Точность установлена на «высокую». Следующим этапом идет построение плотного облака точек, на основе которого впоследствии будет построена модель (рис. 3). На этом этапе параметр фильтрации карт глубины установлен на «мягкая», что повышает точность построения облака при наличии мелких деталей и сложной геометрии [Sapirstein, Murray, 2017]. Далее происходит построение модели, при котором указываются параметры типа поверхности (произвольный) и устанавливается количество полигонов (высокое, 90000). На заключительном этапе происходит построение текстуры, при котором тип текстуры устанавливается на «мо-

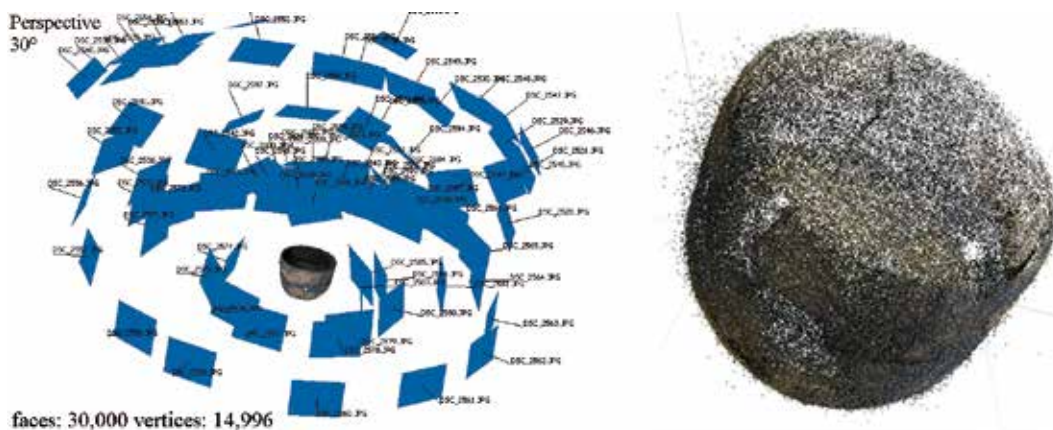

Рис. 3. Плотное облако точек, полученное при обработке фотографий

заика», что позволяет программе строить текстуру каждого отдельного участка объекта на основе наиболее подходящих фото, тем самым сохраняя мелкие детали.

В результате была получена модель сосуда, которую можно импортировать в форматы 3ds или fbx для последующего редактирования в трехмерных редакторах или САПР. Измерения модели можно проводить в самом PhotoScan, без импорта в другие приложения. Для этого достаточно создать маркеры двух точек, расстояние между которыми известно, и задать для них масштабную линейку, после чего любые расстояния между маркерами будут рассчитываться на основе этого значения. Получившаяся модель полностью сохраняет структуру и пропорции оригинального сосуда, при ближайшем рассмотрении отчетливо видна орнаментация в виде гребенчатой качалки. Кроме того, была сохранена сложная геометрия сосуда, вызванная отсутствием участков донной части и стенок (рис. 4). Необходимо заметить, что текстура модели сосуда на некоторых участках имеет небольшие размытия, в то время как большая часть поверхности передана фотографически четко. Это связано с недостаточной четкостью некоторых снимков, вызванной условиями съемки – она производилась с рук без использования внешней вспышки и штатива. Следовательно, стоит рассмотреть возможность их использования в дальнейших исследованиях.

Рис. 4. Готовая трехмерная модель с различных ракурсов

Заключение

Таким образом, фотограмметрия не требует значительных финансовых и временных затрат и вместе с тем представляет собой надежный и точный способ фиксации объектов, не требующий от пользователя какой-либо специальной подготовки. Стоит отметить, что, как и у любой другой технологии, фотограмметрия имеет ряд недостатков, к которым можно отнести трудности в распознавании движущихся объектов, что может сказаться на качестве результата при съемке участков местности с высокой травой. Также затруднительна съемка отражающих и прозрачных поверхностей, таких как лужи. В случае, если участок съемки будет сырым после дождя, получить пригодные для дальнейшего использования данные затруднительно [Sapirstein, Murray, 2017]. Однако в целом эти издержки незначительны в сравнении с очевидными плюсами методики, к которым можно отнести дешевизну, мобильность, доступность и, как следствие – широкие перспективы для внедрения технологии в практику археологических исследований. При всем этом фотограмметрия не является заменой традиционным методам, а скорее дополняет уже существующие, увеличивая скорость фиксации и улучшая качество информации.

Трехмерная фиксация позволяет существенно увеличить возможности публикации материалов раскопок и расширить круг исследователей, имеющих возможность изучить объект, что делает процесс исследования более объективным. Кроме того, возможна привязка готовых моделей к популярным системам координат, что позволяет интегрировать их с геоинформационными системами, а также выполнять на основе моделей любые измерения, чертежи и реконструкции. Отдельного упоминания заслуживает возможность оцифровки фрагментов керамики с целью реконструкции сосудов при помощи трехмерного принтера [Barreau, Bruniaux, 2014]. На данный момент широкое внедрение фотограмметрии в практику археологических исследований затрудняется отсутствием специализированной методической литературы, однако остается надеяться, что в скором будущем сложившаяся ситуация изменится.

Библиографический список

- Баранов Ю.Б., Берлянт А.М., Капралов Е.Г., Кошкарев А.В., Серапинас Б.Б., Филиппов Ю.А. Геоинформатика: толковый словарь основных терминов. М. : ГИС-Ассоциация, 1999. 204 с.
- Грушин С.П., Леонтьева Д.С. Грунтовый могильник Телеутский Взвоз-1 (результаты исследования 2002 г.) // Известия Алтайского государственного университета. 2015. Вып. 4/2 (88). С. 50–56.
- Грэндорж Ф., Керивен Р., Новел С., Пу Ф. Сравнение методов аэрофотограмметрии и трехмерного лазерного сканирования для создания трехмерных моделей сложных объектов // CADmaster. 2016. №2 (84). С. 102–106.
- Зайцева О.В. «3D-революция» в археологической фиксации в российской перспективе // Сибирские исторические исследования. 2014. №14. С. 11–19.
- Зайцева О.В. 3D-фиксация и визуализация результатов археологических раскопок: сравнение методик трехмерного сканирования и неземной фотограмметрии // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. IV. Казань : Отечество, 2014. С. 300–302.
- Руководство пользователя Agisoft PhotoScan: Professional Edition, версия 1.2 [Электронный ресурс]. URL: http://www.agisoft.com/pdf/photoscan-pro_1_2_ru.pdf
- Сингатулин Р.А. Фотограмметрические технологии в археологии (краткий исторический очерк) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2013. №3. С. 148–152.
- Philip Sapirstein, Sarah Murray. Establishing Best Practices for Photogrammetric Recording During Archaeological Fieldwork // Journal of Field Archaeology. Boston, 2017. Pp. 337–350.
- Barreau J.-B., Nicolas T., Bruniaux G., Petit E., Petit Q., Gagne R., Gouranton V. Ceramics Fragments Digitization by Photogrammetry, Reconstructions and Applications // International Conference on Cultural Heritage, EuroMed, 2014. Pp. 547–554.

References

Baranov Ju.B., Berljant A.M., Kapralov E.G., Koshkarev A.V., Serapinas B.B., Filippov Ju.A. Geoinformatika: tolkovyj slovar' osnovnyh terminov [Geoinformatics: an Explanatory Dictionary of Basic Terms]. M. : GIS-Associacija, 1999. 204 p.

Grushin S.P., Leont'eva D.S. Gruntovyj mogil'nik Teleutskij Vzvoz-I (rezul'taty issledovaniya 2002 g.) [The Teleutsky Vvoz-I Burial Ground (results of the 2002 survey)]. Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta. 2015. Vyp. 4/2 (88) [Izvestia of Altai State University. 2015. Vol. 4/2 (88)]. Pp. 50–56.

Grjendorzh F., Keriven R., Novel S., Pu F. Sravnenie metodov ajerofotogrammetrii i trehmernogo lazernogo skanirovaniya dlja sozdaniya trehmernyh modelej slozhnyh ob'ektov [3D Laser Scanning for Creating Three-Dimensional Models of Complex Objects]. CADmaster. 2016. №2 (84). Pp. 102–106.

Zajceva O.V. "3D revoljucija" v arheologicheskoj fiksacii v rossijskoj perspektive ["3D-Revolution" in Archaeological Fixation in the Russian Perspective]. Sibirskie istoricheskie issledovaniya [Siberian Historical Research]. 2014. №14. S. 11–19.

Zajceva O.V. 3D-fiksacija i vizualizacija rezul'tatov arheologicheskikh raskopok: sravnenie metodik trehmernogo skanirovaniya i nezemnoj fotogrammetrii [3D-Fixation and Visualization of the Results of Archaeological Excavations: a Comparison of 3D Scanning Techniques and Unearthly Photogrammetry]. Trudy IV (XX) Vserossijskogo arheologicheskogo s'ezda v Kazani [Proceedings of the IV (XX) All-Russian Archaeological Congress in Kazan]. Vol. IV. Kazan' : Otechestvo, 2014. Pp. 300–302.

Rukovodstvo pol'zovatelja Agisoft PhotoScan: Professional Edition, versija 1.2 [Manual for Agisoft PhotoScan: Professional Edition, Version 1.2]. [Jelektronnyj resurs]. [Electronic Resource]. URL: http://www.agisoft.com/pdf/photoscan-pro_1_2_ru.pdf

Singatulin R.A. Fotogrammetricheskie tehnologii v arheologii (kratkij istoricheskij ocherk) [Photogrammetric Technologies in Archaeology (a short historical essay)]. Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki [Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Culturology and Art History. Questions of Theory and Practice]. Tambov : Gramota. 2013. №3. Pp. 148–152.

Philip Sapirstein, Sarah Murray. Establishing Best Practices for Photogrammetric Recording During Archaeological Fieldwork // Journal of Field Archaeology. Boston, 2017. Pp. 337–350.

Barreau J.-B., Nicolas T., Bruniaux G., Petit E., Petit Q., Gagne R., Gouranton V. Ceramics Fragments Digitization by Photogrammetry, Reconstructions and Applications // International Conference on Cultural Heritage, EuroMed, 2014. Pp. 547–554.

S.P. Grushin, I.A. Sosnovsky

Altai State University, Barnaul, Russia

PHOTOGRAMMETRY IN ARCHAEOLOGY – POSSIBILITIES AND METHODS

The article considers the methods of photogrammetry for making three-dimensional models of archaeological objects research. Three-dimensional fixation has a number of benefits as it allows saving lot more information in comparison with traditional methods. Photogrammetry allows making such fixation without high – priced specialized equipment. All that is needed for photogrammetry is a mid-range DSLR camera and PC with special software. The stages of photogrammetry application are illustrated on the example of the filming of an early Bronze Age ceramic vessel from the Teleutskiy Vzvoz-I settlement. At the first stage to cover the whole area of the object, a series of filming was made. Than pictures was processed with the use of the Agisoft Photoscan software, which made a dense cloud, and further a complete textured three-dimensional model possessing all spatial characteristics of original vessel. The using of three-dimensional filming has wide opportunities in archaeology, because it allows saving far more information, provides wider possibilities of information analysis and publication which makes research complete.

Key words: 3D fixation, photogrammetry, ceramic vessels, early bronze age.

О.Г. Новикова¹, Л.С. Марсадолов¹, А.А. Тишкин²

¹Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия;

²Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

КИТАЙСКИЕ ЛАКОВЫЕ ИЗДЕЛИЯ В ЗАБАЙКАЛЬЕ И НА АЛТАЕ В ХУННУСКОЕ ВРЕМЯ

С конца III в. до н.э. одним из наиболее известных и воинственных объединений кочевников Внутренней Азии был племенной союз хунну (сюнну), который в течение почти трех столетий определял судьбы многих народов огромного региона. В сферу такого влияния попали территории Забайкалья, Тувы, Минусинской котловины, Алтая и других областей Северной Азии, что находит отражение в многочисленных археологических памятниках. Постоянное взаимодействие империи хунну с Китаем отразилось на специфике их материальной и духовной культуры. Это, в свою очередь, транслировалось на соседние кочевые социумы того времени.

Статья посвящена изучению фрагментов китайских лаковых предметов, которые были обнаружены при раскопках Иволгинского археологического комплекса в Забайкалье и могильника Яломан-II на Алтае. Исследованные объекты датируются II–I вв. до н.э. Рассматриваемые находки хранятся в Государственном Эрмитаже и в Музее археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета. Они изучались по специальной комплексной методике, при которой учитывался археологический контекст их нахождения и технологический подход при детальном анализе и сопоставлении составов древних лакокрасочных покрытий на основе китайского ци-лака. Исследования образцов проводились последовательно: от применения научно-технических методов с большей степенью погрешности (микрoхимия, рентгенофлуоресцентный анализ, оптическая микроскопия с различными степенями увеличения) к более точным (ИК-Фурье спектроскопия, дифференциальный термический анализ). Имеющиеся аналогии представленным предметам указывают, что время их создания приходится на эпоху Цинь и средний период существования Западной Хань.

Ключевые слова: Забайкалье, Алтай, хунну, курганы, китайский ци-лак, чашечка эр-бэй, пояс, ИК-Фурье спектроскопия, рентгеноструктурный анализ, дериватография, лаковые изделия эпохи Цинь и Хань.

DOI: 10.14258/tpai(2018)1(21).-09

Введение

С каждым годом увеличиваются археологические материалы о культуре хунну (сюнну), которые владовали во Внутренней Азии с конца III в. до н.э. до конца I в. н.э. Раскопки, проведенные на территории современной Монголии и сопредельных с ней северных регионов, позволили зафиксировать существенное количество разнообразных находок. Среди них выделяются предметы, изготовленные в Древнем Китае и характеризующие сформировавшиеся там производства. Особое значение имеют изделия, покрытые лаком. В кочевом социуме они являлись престижными вещами, а для исследователей стали ценным материалом при получении важных исторических знаний.

Китайский лак, известный как *ци-лак* (漆樹, англ. – qi-lacquer, яп. – urushi), – феномен технологических и художественных традиций, наряду с такими изобретениями древних и средневековых китайцев, как шелк, фарфор, бумага и порох. Его изготовление и использование отражают характерные этапы развития Китая и влияния на другие страны и народы.

К настоящему времени в археологических памятниках Алтая, Тувы и Забайкалья обнаружены сохранившиеся свидетельства о древних китайских лаковых предметах, которые требуют специального изучения.

Основной целью данной статьи, наряду с представлением археологического контекста найденных изделий, покрытых китайским лаком, является демонстрация используемых методов и полученных результатов при комплексном изучении отобранных образцов. Для этого привлекались материалы примерно синхронных памятников, которые были зафиксированы и исследовались в Забайкалье (Иволгинский комплекс) и на Алтае (Яломан-II) (рис. 1).

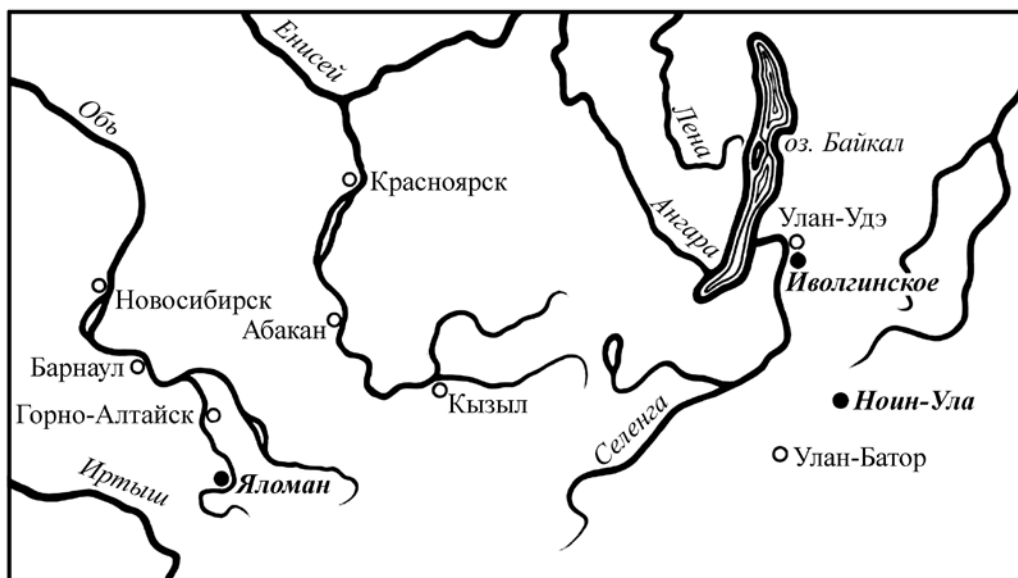

Рис. 1. Схематичная карта расположения основных археологических памятников Алтая, Забайкалья и Монголии хуннского времени (выделены на карте курсивом).

Подготовлена Л.С. Марсадаловым

Иволгинский археологический комплекс (городище и могильник) в Забайкалье

Одним из важных памятников северных хунну (сюнну) является Иволгинское городище, расположенное в Забайкалье, в 16 км к юго-западу от г. Улан-Удэ (Россия). Археологические материалы из этого комплекса были получены Г.П. Сосновским в 1928 г. [Сосновский, 1934]. Затем после двадцатилетнего перерыва (с 1949 г.) работы там продолжились археологическими экспедициями под руководством А.П. Окладникова, В.П. Шилова, А.В. Давыдовой и С.С. Миняева. Они позволили по-новому рассматривать многие вопросы жизни и смерти у хунну (сюнну), начиная со II в. до н.э. [Окладников, 1952; Давыдова, 1995, 1996 и др.].

Иволгинское городище площадью более 7,5 га было плотно застроено жилыми и хозяйственными постройками, укреплено валами и рвами. Его население занималось земледелием (найлены сошники, наконечники лопат, мотыги, серпы, а также зерна проса, ячменя и пшеницы), животноводством (разводили лошадей, свиней, коров, овец, коз) и ремеслами (гончарным, косторезным, плавкой цветных металлов и железа, изготовлением изделий из этих металлов и украшений из минералов, выделкой тканей и др.). Рядом с указанным памятником был обнаружен могильник, давший значительный объем археологических, антропологических и других материалов.

Уникальность объектов Иволгинского комплекса заключается в том, что обширные городище и могильник были масштабно исследованы с достаточной тщательностью и полностью опубликованы. Кроме этого, в них сохранились и могут быть использованы для различных анализов многочисленные предметы материальной культуры. Этот комплекс долгое время являлся единственным эталонным памятником хуннского (сюннского) времени не только для Забайкалья, но и для всех соседних регионов Северной Азии, так как изучались не только погребения, но и места проживания людей того же времени.

Хуннское (сюннское) общество было неоднородным в социальном, имущественном, культурном и других отношениях, начиная с раннего периода его истории. Такая же картина фиксируется и в Забайкалье [Крадин, Данилов, Коновалов, 2004] и хорошо проявляется на Иволгинском комплексе. С одной стороны, об этом свидетельствуют разные по размерам и сопровождающим вещам погребения и различные по конструкции жилища, а с другой стороны, – разнородные по престижности личные предметы и украшения.

Во время работы экспедиции под руководством А.П. Окладникова [1952] на Иволгинском городище была обнаружена каменная чашечка (рис. 2.-А), ныне хранящаяся в Государственном Эрмитаже. Эта находка является важным свидетельством для рассмотрения темы нашего исследования. Она будет детально проанализирована ниже. Но особое значение имеют остатки предмета с лаковым покрытием, зафиксированные на Иволгинском могильнике. Представим более подробно их археологический контекст.

Иволгинский могильник, могила №119. Данный объект находился в центральной части некрополя. Могильная яма ориентирована длинной стороной по линии ЮЮЗ–ССВ. Ее размеры составили 2,6×1 м, а глубина – 1,32 м (рис. 2.-Б).

На дне ямы сохранились остатки деревянного гроба, размерами 2,34×0,52 м, в котором обнаружен скелет женщины (возраст – 40–55 лет), лежавшей на спине головой на север–северо-восток с вытянутыми ногами. Правая рука лежала вдоль туловища, левая рука – на ребрах и тазовой кости левой половины скелета. Стопа правой ноги располагалась на боку, носок оказался оттянут (пальцы зафиксированы под некоторым углом к стопе), пяткой внутрь. Стопа левой ноги находилась пяткой на досках гроба, носок также оттянут.

За головой погребенной, на досках днища гроба, обнаружены глиняный сосуд и металлический котел, в котором сохранились фрагменты шерстяной материи и кости рыбы. На правой половине тазовой кости женщины выявлено кольцо из железа, на крестце – остатки железной пряжки, а у левой плечевой кости и под черепом – бирюзовые подвески (рис. 2.-В). Под котлом зафиксированы кусочки красного и черного лака [Давыдова, 1996, с. 55, табл. 35].

У разных авторов археологическая датировка одних и тех же объектов Иволгинского комплекса колеблется в довольно широком интервале: с III в. до н.э. по II в. н.э. [Давыдова, 1995, с. 24–25; Миняев, 1998, с. 74–75 и др.].

Нижние вероятные радиоуглеродные даты для исследованных объектов пока могут быть определены в рамках II–I вв. до н.э. [Бросседер, Марсадолов, 2010, с. 183–186]. Не исключено, что в целом археологическую дату Иволгинского комплекса можно обозначить I в. до н.э.

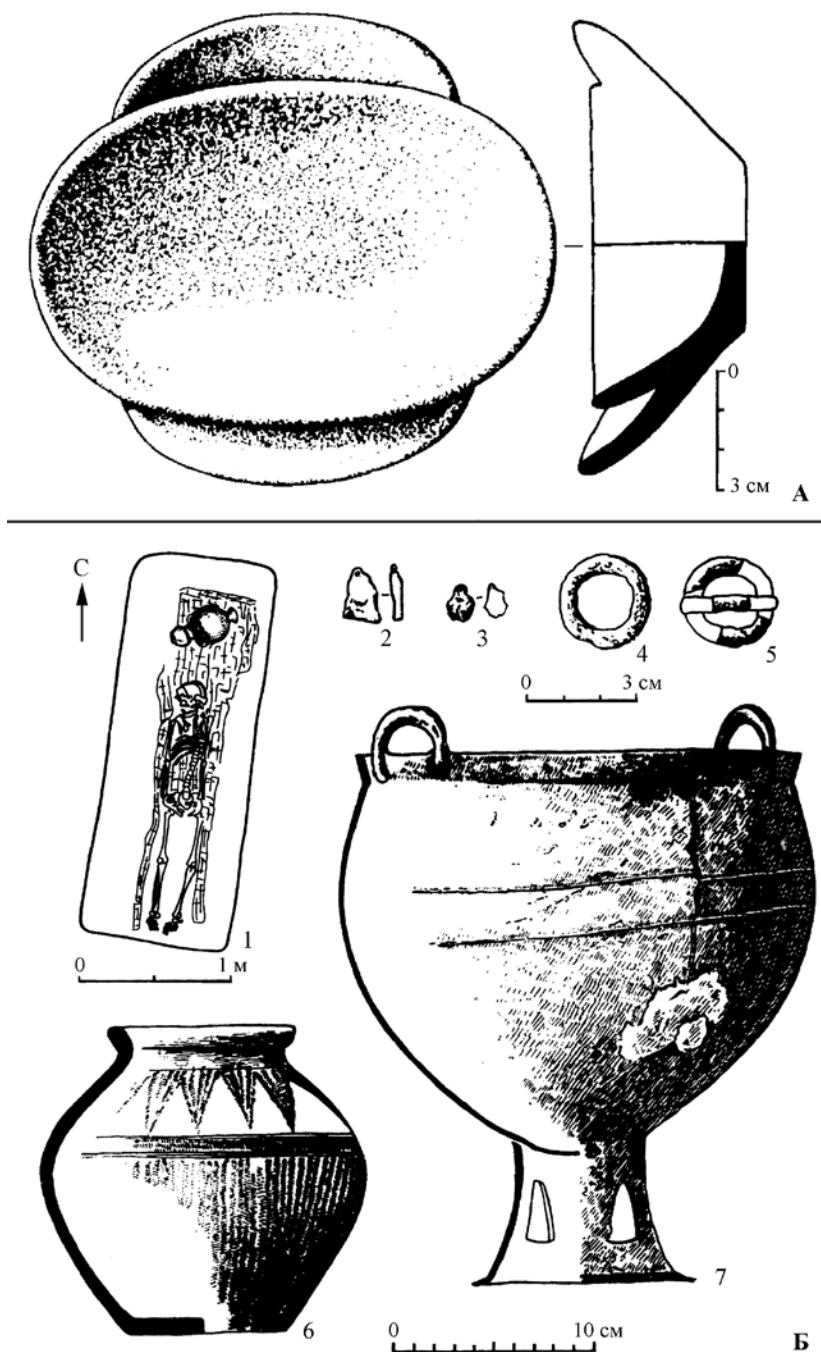

Рис. 2. Забайкалье: А – Иволгинское городище, каменная чашечка; Б – Иволгинский могильник, могила №119: 1 – план погребения; 2–3 – бусины из бирюзы; 4–5 – кольцо и пряжка из железа; 6 – глиняный сосуд с орнаментом; 7 – котел из цветного металла (А – по материалам А.В. Давыдовой [1995, табл. 16]; Б – по материалам А.В. Давыдовой [1996, с. 55, табл. 35])

Археологический комплекс Яломан-II на Алтае

Разновременный археологический комплекс Яломан-II находится в Онгудайском районе Республики Алтай Российской Федерации, на четвертой надпойменной террасе левобережья Катуня, около устья р. Большой Яломан (рис. 1). Он изучался с 2001 г. в течение нескольких полевых сезонов Яломанской археологической экспедицией Алтайского государственного университета (АлтГУ; г. Барнаул) под руководством А.А. Тишкина.

В 2003 г. на могильнике хуннского (сюннского) времени, который располагался компактно у края террасы, проведены основные работы [Тишкин, Горбунов, 2003]. Значительная часть исследованных курганов была охвачена сплошным раскопом. Обнаруженный погребальный инвентарь находит аналогии непосредственно в материалах изученных погребений хунну (сюнну) [Тишкин, Горбунов, 2005]. В 2007 г. работы на этой части памятника были продолжены. Исследовался единый комплекс из трех объектов, основу которого составлял курган №43 [Tishkin, 2011, pp. 335–342].

В ходе раскопок могильника хуннского (сюннского) времени были получены находки китайского лака. Они происходят из трех курганов (№43, 51 и 57), материалы которых введены в научный оборот [Тишкин, Хаврин, Новикова, 2008; Tishkin, 2011; Тишкин, Мыльников, 2016; и др.]. Однако комплексному анализу весь найденный лак еще не подвергался.

Курган №43 был хорошо заметен на уровне современной поверхности благодаря более крупным размерам надмогильной конструкции и камню, вертикально установленному с юго-востока. При выборке заполнения могилы, в северо-западной половине ямы, обнаружены предметы конского снаряжения и скелет жеребца. Под ними, в каменном ящике, находился не потревоженный, но очень плохо сохранившийся скелет человека (мужчина в возрасте 30–40 лет; определения сделаны антропологом, канд. ист. наук С.С. Тур) с набором погребального инвентаря, характерного для воина высокого социального статуса [Tishkin, 2011, pp. 337, 341–342, fig. 13–14]. В районе пояса обнаружены остатки кожаного ремня, покрытого лаком. Многочисленные фрагменты лака шириной до 2,5 см с одной (внутренней) стороны были черные, а с другой (внешней) – красновато-бордового цвета (рис. 3). Научно-технологические исследования, проведенные в Отделе научно-технической экспертизы Государственного Эрмитажа (ОНТЭ ГЭ), показали, что пояс, вероятнее всего, выполнен из лакированной кожи «цзу цзя» (кит. 祖甲, zǔ jiǎ) (рис. 3.-2).

Местами в районе пояса фиксировались маленькие фрагменты золотой фольги (рис. 3.-1), а на некоторых из них имелись следы от отверстий. Сохранились разные детали пояса, в том числе две накладки из золотых пластин с изображением рогатого «дракона» с усами и глазами из камней черного цвета [Tishkin, 2011, fig. 14.-1–2]. Так изображался дракон Лун – известный китайский символ. Его образ в искусстве с древности означал счастливое предзнаменование, предвещание чего-либо благополучного [Кравцова, 2004, с. 12–32].

Крупные фрагменты некогда целой лаковой чашечки китайского производства обнаружены напротив лицевой части черепа в восточном углу каменного ящика (рис. 4).

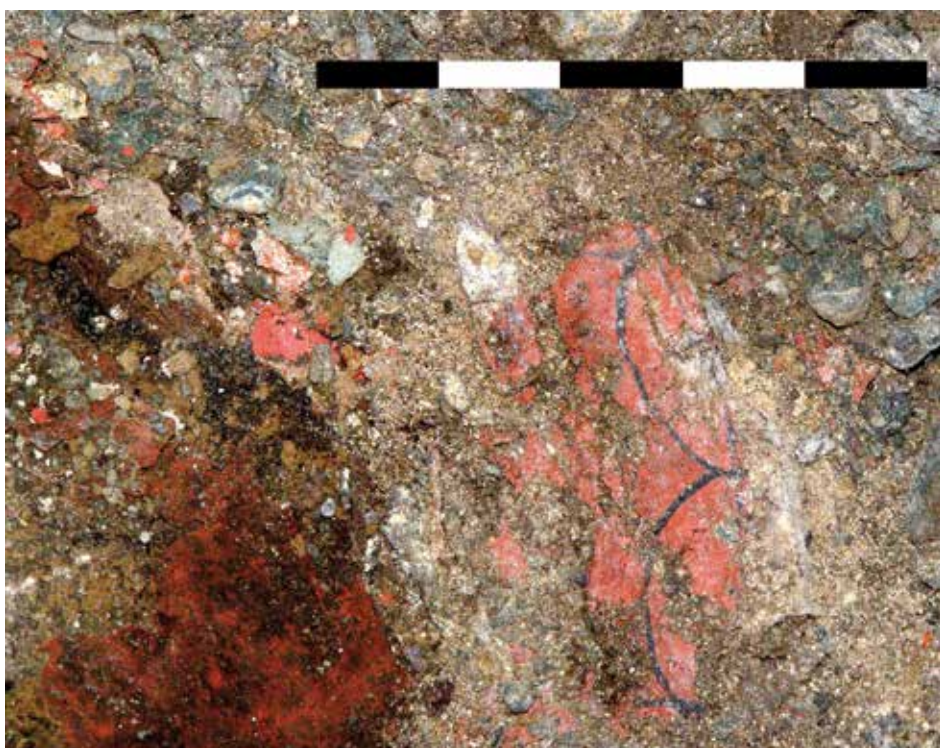
Удалось зафиксировать характерные детали черного орнамента на красноватом фоне (рис. 4 и 5).

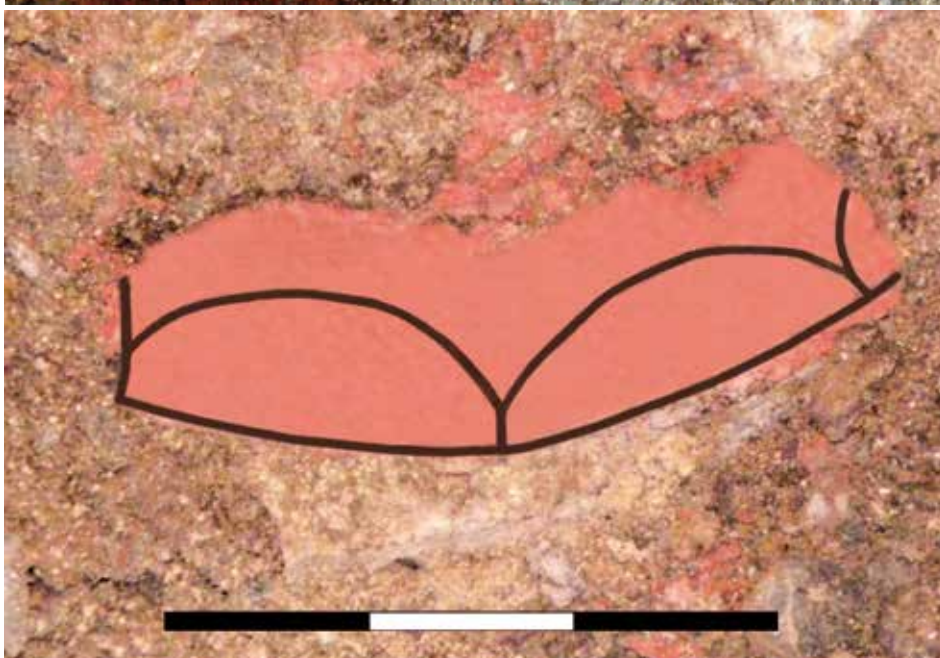
Рис. 3. Алтай: археологический комплекс Яломан-II, курган №43: 1 – фрагменты красного и черного лака и золотой фольги (фотоснимок А.А. Тишкина); 2 – микрофотография среза лакового покрытия пояса (увеличение в 720 раз) (подготовлена О.Г. Новиковой)

Само изделие практически не сохранилось (рис. 4.-А). В ходе археологической зачистки его остатков и при снятии фрагментов лак рассыпался на мелкие кусочки*. Удалось лишь на мгновение перевернуть крупный фрагмент и его сфотографировать (рис. 5.-А).

* Это известная проблема археологов, обнаруживающих предметы с лаковым покрытием. Прочный китайский лак веками успешно выдерживает температурно-влажностные испытания в условиях погребений, однако, будучи извлеченным из почвы, по мере высыхания может быть утрачен до мелких частиц. Необходимо, не дожидаясь высыхания, помещать лак во влажный субстрат (например, глину) и только в таком виде транспортировать в лабораторию для исследований.

А

Б

Рис. 4. Археологический комплекс Яломан-II. Курган №43:
А – фрагменты лаковой чашечки (*in situ*) (фотоснимок А.А. Тишкина);
Б – прорисовка орнамента по фотоснимку

А

Б

Рис. 5. Археологический комплекс Яломан-II. Курган №43:
А – крупный фрагмент лакового покрытия (фотоснимок А.А. Тишкина);
Б – прорисовка орнамента по фотоснимку

Компьютерные прорисовки, сделанные по фотоснимкам (рис. 4.-Б; 5.-Б), позволяют в определенной мере представить отдельные элементы орнамента. Одним из авторов статьи (О.Г. Новикова) предпринята попытка найти им аналогии. Этот результат следует рассматривать пока в виде предварительного поиска, который при дальнейших рассмотрении может быть скорректирован. Так, аналоги росписи в виде округлого элемента, в центре которого расположены ряды из полукружий, но с точками в центре, встречаются только на зооморфных китайских лаковых изделиях. Например, он есть в орнаментальной композиции, расположенной на груди расписного ковша с головой и туловищем феникса и высокой ручкой – шеей птицы. На другом конце этого округлого ковша имеется вторая маленькая ручка в виде хвоста птицы. Данный артефакт находится в Музее провинции Хубэй* и происходит из могильника Шуйхуди (М9). Его датируют временем империи Цинь и средним периодом существования династии Западная Хань [Qin Han qiqi, 2007, pp. 83–84]. На груди ковша-феникса изображено подобие округлого щита с рисунком в виде оперения. Возможно, что это могла быть упрощенная передача «брони» ламеллярного доспеха, в котором точки отражали следы от шнура крепления. Возможно, что чашечка из кургана №43 памятника Яломан-II со специфической росписью является фрагментом подобного зооморфного изделия (например, ковша с головой птицы-фенхуана времени династии Цинь). Большая редкость такой находки значительно повышает социальный уровень мужчины, погребенного в исследованном объекте.

Как уже было отмечено, само изделие практически не сохранилось. Обнаруженный лак рассыпался на мелкие кусочки [Tishkin, 2011, fig. 14.-63]. От фрагментов найденной древесины (лаковой чашечки, кибити лука, древка стрелы, деревянных деталей пояса) автором раскопок брались пробы для ксилотомического анализа. Судя по определениям, выполненным канд. биол. наук М.И. Колосовой в ОНТЭ ГЭ (образцы Д5933–5935, 5937–5939), все они были изготовлены из березы (*Betula* sp.) [Тишкин, Мыльников, 2016, с. 25].

Курган №51 немного выделялся размерами каменного надмогильного сооружения на фоне малозаметного комплекса погребений группы объектов хуннуского (сюннуского) времени. В заполнении могилы зафиксированы останки лошади и предметы конского снаряжения. В каменном ящике, установленном на дне ямы, находилось погребение женщины в возрасте 20–25 лет (определения сделаны антропологом, канд. ист. наук Д.В. Поздняковым). Благодаря хорошо подогнанной конструкции, пространство ящика оказалось частично не заполнено грунтом, что позволило сохраниться отдельным вещам из органических материалов [Tishkin, 2011, pp. 326–335]. Обнаружен кожаный пояс длиной около 1,1 м, шириной 0,36 м. Он прослеживался в ходе зачистки погребения практически полностью. Однако нижняя часть сохранилась значительно хуже. Пояс состоял из нескольких специально выкроенных полос, скрепленных между собой [Tishkin, 2011, fig. 7]. Наружная сторона его, по всей видимости, была лакирована (рис. 6.-I). По заключению канд. биол. наук М.И. Колосовой (ОНТЭ ГЭ) в образце Д 5283 (Яломан-II, курган №51, фрагмент пояса) были обнаружены волокна с закругленными концами и полостями, стенки которых имеют четкие продольные

* Провинция Хубэй расположена в области среднего течения р. Янцзы в зоне субтропического климата, подходящего для роста «лаковых» деревьев. Данная территория – одно из основных мест происхождения китайского лака. Судя по раскопкам, лак в этом регионе начали использовать, по крайней мере, уже во времена династии Шан-Инь (XVI–XI вв. до н.э.) [Lacquerware..., 1994, pp. 10–11].

утолщения. Специалистом был сделан вывод, что исследованная проба содержит волокна конопли (*Cannabis* sp.). Исходя из имеющихся данных, можно предположить, что пояс был изготовлен из кожи «цзу цзя» с применением окраски по традиционной китайской лаковой технологии, при которой на основу наклеивался тонкий слой плетеной ткани из *рами* (кит. 苧, zhù) или из волокон конопли («сянь вэй»), смоченной в лаке. Затем на него последовательно наносились слои черного лака и красной краски, сделанной на основе киновари [Chen Zhenyu, 2007]. Сохранившиеся части, находящиеся сейчас на реставрации, позволяют реконструировать отдельные элементы и все изделие в целом. Судя по всему, пояс снаружи украшался специально подготовленной пластиной-накладкой, покрытой лаком, которая закреплялась на подогнутые на 7 мм края основного кожаного ремня. Эта пластина и ремень пробивались сквозными дырками. В них вставлялись и затем расклепывались бронзовые или медные шпеньки, создавая эффект своеобразного украшения. Пояс соединялся с помощью бронзовой ажурной пряжки в виде ящерицы, кусающей себя за хвост (рис. 6.-2). Животное свернуто не только в овал. Его верхняя часть изящно размещена в виде цифры «восемь». Такой знак, нанесенный на предметы, означал для древних китайцев пожелание плодородия. В китайской литературе имеется описание ящероподобного дракона (чудовище с лицом ящерицы). По-видимому, это еще один из тотемных зооморфных образов древних племенных союзов, наряду с драконом Лун и фениксом, демонстрировавших символы верховной власти в Поднебесной империи [Кравцова, 2004, с. 10–52].

Рис. 6. Археологический комплекс Яломан-II. Курган №51:

- 1 – фрагмент лакированной поверхности наружной стороны пояса;
2 – бронзовая пряжка и сохранившиеся кожаные ремни (фотоснимки А.А. Тишкина)

Курган №57 на современной поверхности выделялся возвышенностью, скудной растительностью и некоторыми торчавшими камнями обкладки. В могильной яме над перекрытием каменного ящика находился костяк лошади, и обнаружены предметы конского снаряжения. На дне погребальной камеры лежал скелет женщины в возрасте 20–25 лет (определения сделаны антропологом, канд. ист. наук Д.В. Поздняковым). Основные находки располагались у черепа. Среди них важно отметить гребень, сделанный из рога и древесины. Рядом с ним зафиксирована часть изделия, которая была покрыта китайским лаком и имела специфические изображения, выполненные красной краской на основе киновари (рис. 7.-1) [Тишкин, 2007а, с. 176–184].

Рис. 7. Археологический комплекс Яломан-II. Курган №57: 1 – фрагмент орнаментированного деревянного изделия, покрытого лаком (фотоснимки с двух сторон выполнены А.А. Тишкиным); 2 – роспись орнаментальной ленты лакового футляра эпохи Цинь и средней Хань из погребения могильника Шуйхуди (М47) (Юнмен (Yunmeng) 1975 г., Музей провинции Хубэй, по: [Qin Nan qi qi, 2007, с. 54]); 3 – микрофотография слоев лакового покрытия изделия (предполагаемая ручка чашечки эр-бэй; увеличение в 720 раз; подготовлена О.Г. Новиковой)

Геометрический волнообразный (зигзагообразный) орнамент является развитием классического варианта, демонстрирующего дракона-молнию в облаках. Он часто встречается на бордюрах лаковой утвари (шкатулках, чашечках, тарелках и др.) в эпоху Цинь и в период ранней Хань, например, в погребениях вышеуказанного могильника Шуйхуди (M25, M34, M43, M45, M46, M47) [Lacquerware..., 1994, pp. 31, 38–40, 44, 54–58]. Такой орнамент известен в более раннее время. Считается, что он получил свое развитие от изображений на ритуальных бронзовых изделиях, но тогда изображения были более реалистичны и имели первоначальную мифологическую подоснову, являясь символом грозового дождя, а именно – молниеносного (несущего молнии) дракона (или попросту это сам дракон-молния, приносящий дождь и новую жизнь). В глубоком смысле рассматриваемый орнамент несет в себе символы обновления и плодородия. Все это относится и к изображениям на фрагменте из кургана №57 памятника Яломан-II (рис. 7.-I), где орнамент нанесен очень точно, с отдельными линиями на теле зеркально расходящихся от центра симметрии зигзагообразных молний. Линии (выборки в красочном слое) сделаны острым инструментом специально сразу после нанесения орнамента по слою красной краски до ее высыхания (так, чтобы был виден черный фон, поскольку разделяются руки, тело и ноги зигзагообразного дракона-молнии). Маленькие точки и другие подобные изображения под зигзагами – это в упрощенном виде демонстрация спиралевидных грозных облачков. Знаки, запечатленные рядом с расходящимися молниями и состоящие из двух красных точек и линией с расширяющимися концами внутри них, по-видимому, демонстрируют символ рождения новой жизни. Они часто встречались на изделиях из нефрита, найденных в курганах хуннского (сюннуского) времени в Ноин-Уле [Богданов, 2015, с. 91–99] (рис. 1).

На деревянных артефактах из Ноин-Улы орнамент изображен упрощенно – в виде спиральных завитков (зигзаги отсутствуют) [Elikhina, Novikova, Khavrin, 2013, pp. 93–107], то есть к тому времени был утрачен метафизический смысл древней композиции. В росписях чашечек эр-бэй от него остались только облачка. На таких китайских чашечках, а также на футлярах, шкатулках и другой утвари времени поздней Хань орнамент встречается редко и также упрощен до точек среди простых зигзагообразных линий [Lacquerware..., 1994, pp. 73–79; Qin Han qi qi, 2007, с. 54, 58–64, 66–67, 78–81, 96–99].

Судя по внешнему виду, найденный в кургане №57 артефакт с орнаментом, выполненный красной краской, использовался в качестве рукоятки составного гребня, что являлось вторичным применением, так как находка больше похожа на одну из билатеральных ручек китайской чашечки эр-бей. Согласно имеющемуся заключению, для изготовления данного предмета использовалась древесина палисандра (образец D5282, *Dalbergia* sp.)*. Нельзя исключать, что рассматриваемый фрагмент мог происходить из захоронения предшествующего периода. Данной находке имеется ближайшая аналогия в материалах кургана Шибэ (Онгудайский район Республики Алтай), который был

* Из заключения М.И. Колосовой, канд. биол. наук, с.н.с. ОНТЭ ГЭ: «Древесина образца D5282 (Яломан-II, к. 57; фрагмент лаковой чашечки) имеет простые перфорации сосудов; сосудистая поровость крупная; точечная; сосуды разновеликие, группирующиеся, рассеянные; лучи гомогенные, шириной до 2 (3), высотой до 8–10 клеток в ярусном расположении. Образец выполнен из палисандра, относящегося к ценным экзотическим породам деревьев рода Дальбергия, растущих в субтропиках и тропиках. Для изготовления резной мебели в империи Цинь широко использовалась древесина хуали (*huali*) из провинции Гуандун и южных земель (*Dalbergia hainanensis*, *Hainantan*, или хуали о. Хайнань), с 1980 г. *D. odorifera* (*jiangxiang huangtan*)».

раскопан М.П. Грязновым в 1927 г. [Тишкин, Хаврин, Новикова, 2008, с. 196–200]. Шибинский курган относится к поздним памятникам пазырыкской культуры и датируется IV–III вв. до н.э. [Марсадолов, 1996, с. 57; Тишкин, 20076, с. 151], что подтверждается и более «широкими» радиоуглеродными определениями в рамках периода 390–110 гг. до н.э. [Марсадолов, Зайцева, Лебедева, 1994; Евразия..., 2005, с. 258].

Имеющиеся данные позволяют указать на импортный характер предметов с лаковым покрытием, попавших в курганы №43, 51 и 57 памятника Яломан-П. Эти исследованные объекты относятся к усть-эдиганскому этапу (II в. до н.э. – I в. н.э.) булан-кобинской культуры [Тишкин, Горбунов, 2006] и имеют калиброванные радиоуглеродные даты [Тишкин, 20076, с. 267–268, 270–272] в рамках указанного хронологического интервала. При этом весь археологический материал из указанных курганов свидетельствует о бытовании выявленных предметов материальной культуры в рамках II–I вв. до н.э. [Тишкин, Горбунов, 2005, 2006 и др.].

Изучение древних китайских лаков в Государственном Эрмитаже

В Государственном Эрмитаже, в связи с вопросами реставрации, а также для атрибуции и решения практических экспозиционно-музейных задач в течение многих лет изучаются составы и технологические особенности восточных лаков [Новикова, 2000, с. 33–37; Восточные лаки, 2000]. В 2012–2017 гг. в ОНТЭ ГЭ проводилось изучение археологических находок из китайского лака*, обнаруженных на Иволгинском, Яломанском и других комплексах [Тишкин, Хаврин, Новикова, 2008; Новикова, Степанова, Хаврин, 2013; Дашковский, Новикова, 2015; Сутягина, Новикова, 2016; Дашковский, Новикова, 2017; и др.]. Следует отдельно отметить комплексное исследование лаковых экспонатов ноин-улинской коллекции ГЭ [Elikhina, Novikova, Khavrin, 2013; 2015]. Продолжением обозначенного направления стало дальнейшее изучение химико-технологических характеристик археологических находок хуннуского (сюннуского) времени, уже представленных в данной статье.

С химической точки зрения лак представляет собой трехмерный плотно сшитый биополимер, состоящий из различных фрагментов пирокатехинов урушиодов, состав

* Понятие «лак» для обозначения лакокрасочных покрытий из ци-лака в искусствоведческой и исторической литературе трактуется достаточно широко: его применяют как к черно-лаковым артефактам, так и окрашенным краской (красной и др.). Но лак и краска – разные по составу и свойствам коллоидные системы. В химии и технологии органических покрытий они отражают базовые понятия, различные между собой. Термин «лак» означает только прозрачные покрытия, так как, в отличие от краски, лак не содержит пигментов. Краской называют пигментированные (т.е. непрозрачные) покрытия, независимо от состава связующего материала. Лак может иметь оттенок (так называемый тонированный лак), то есть содержать краситель, растворенный в нем. Краска – дисперсный (пигментированный) материал, дающий после высыхания укрывистые (непрозрачные) покрытия [Яковлев, 1989, с. 10–16]. Черный (в оттенках) цвет китайского лака – продукт взаимодействия солей железа (или других металлов, например, кальция) с урушиодами сока лакового дерева (лат. *Rhus verniciflua*) *Shu* (кит. ци-шу, 漆樹, англ. qi-lacquer, яп. urushi). При этом образуются красители – цветные комплексы ионов металла с фенольными соединениями сока лакового дерева. Лак коричневого цвета получают при окислении сока на воздухе без добавления солей металлов. Коричневый лак китайцы использовали в нижних слоях (например, пропитывали им древесину, чем повышали ее прочность). Затем наносили грунт со слоем растительной ткани, а по нему – черный лак. Красные слои краски наносили по черно-лаковым слоям. На всех стадиях нанесения слоев изделие тщательно просушивали во влажной среде. В целом такой комплекс окраски из прозрачных и непрозрачных слоев называют лакокрасочным покрытием (ЛКП). В данной статье (в зависимости от контекста) употребляются оба варианта термина «лак», в зависимости от контекста.

которых зависит от геоклиматических условий региона произрастания лаконосных деревьев семейства Анакардиевых (лат. Anacardiaceae). Основной компонент китайского лака – урушиол. Это смесь из пяти полифенолов, различающихся химическим составом углеводородного радикала из 15 или 17 атомов углерода и двойными связями [Symes, 1953, pp. 841–842; Symes and Dawson, 1954, pp. 2959–2963]. Благодаря своей сохранности ци-лак – признанный лидер среди защитных и декоративных покрытий Древнего мира. В трактате «Хуай Нань-цзы» (II в. до н.э.) [Хуайнаныцзы, 2016, с. 145] эмоционально говорится о долговечности, в том числе и лаковых изделий: «...создания далекой древности распространяются на тысячу лет вперед, не утрачивая своей красоты!». Высокая стойкость лакокрасочных покрытий из лака ци (не только к влаге, но также к кислотам и щелочам) вызвана высокой степенью полимеризации фенольных компонентов ци-лака с образованием плотной сетчатой полимерной структуры из химических связей (в том числе с металлическими подложками), а также с родством к лигнинам древесины.

Однако из-за древних грабителей погребений и при других обстоятельствах от лаковых предметов часто до наших времен сохраняются лишь фрагменты. Иногда это лишь остатки какого-то предмета (из кожи, дерева, кости и др.) со слоями окраски. Часто от изделий в земле остаются только остатки ЛКП. Но исследования их состава могут не только пролить свет на быт и контакты их древних владельцев, но и помочь в атрибуции и датировке археологического памятника [Дашковский, Новикова, 2017, с. 116–126].

Методика изучения археологических лаков

Процесс естественнонаучного исследования неизвестных органических артефактов совершался нами от общего к частному, а изучение свойств – в поэтапном переходе от простых уровней к более сложным и глубоким. На первом этапе изучения археологических объектов использовались методы наблюдения (оптическая микроскопия разных степеней увеличения). Подробно был охарактеризован и описан внешний вид образцов ЛКП каждого археологического артефакта (характер поверхности, цвет, жесткость, прозрачность, характер излома и прочие признаки). Но таким образом мы наблюдаем лишь общую картину изучаемого объекта, при которой его особенности остаются в тени. Для того чтобы их обнаружить, при исследовании свойств веществ необходимы и важны последующие фазы анализа путем системы экспериментальных средств. Поэтому на следующих этапах изучения применялись более сложные методы эмпирического синтеза: экспериментальные методы аналитической химии многокомпонентных систем и физики твердых тел. Анализируя результаты опытов, от цельного описания объекта мы перешли к пониманию состава его ЛКП.

Для изучения природы ЛКП и их свойств с различных сторон, их внутренних связей и отношений были осуществлены целенаправленные и контролируемые химические и физические воздействия на них. В первую очередь применялись неразрушающие методы, а именно рентгенофлюоресцентный анализ (РФА)*. Исследованию подвергался весь конгломерат слоев лакокрасочного (композиционного) материала, содержащий как неорганическую (пигменты и др.), так и органическую (связующую)

* Анализ элементного состава лакового артефакта проводили с использованием прибора рентгенофлюоресцентного анализа поверхности ArgTAX (фирмы Brüker). Условия проведения анализа: напряжение 50 кВ, сила тока 700 мА, время накопления спектра 40 сек (используемый режим 50 kV, 700 mA). Чувствительность метода в пределах 0,05–0,5%. РФА проведен заместителем заведующего ОНТЭ ГЭ С.В. Хавриным.

части. Этот подход позволяет выявить элементный состав объекта, но не их внутренне (химические) связи, т.е. это также является лишь приближением к пониманию истинной структуры объекта.

Для последующего изучения применялись разрушающие методы исследований, степень точности результатов которых также возрастала от метода к методу. Первыми были применены методы аналитической химии с использованием оптической микроскопии разных уровней увеличения для образцов, взятых с разных сторон ЛКП (аверс и реверс, отдельные слои). Так, для определения состава связующих ЛКП применялись микрохимические реакции с помощью химических реагентов (Ponceau S, Amidoblack, Sudan Black B, Lugol). Была проведена микрофотофиксация свыше 20 проб от образцов археологических ЛКП до и после проведения микрореакций. Внутренняя структура слоев археологических ЛКП изучалась путем просмотра поперечного сечения микрошлифов от образцов под микроскопом с различными степенями увеличения. Макросъемка выполнялась с помощью оптических микроскопов таких марок, как Levenhuk 320 и Leica DM 2500 P. Была также оценена химическая стойкость ЛКП в водных растворах щелочей (20% раствор КОН) и кислот. Все происходившие при этом изменения в структуре образцов ЛКП (растворение, набухание, изменение поверхности, вымывание пигментов/наполнителей и/или модификаторов и др.) фиксировались с помощью микрофотографии*.

Затем для всех лаковых образцов от находок из погребений хуннского (сюннского) времени были сняты инфракрасные спектры (ИКС) с Фурье преобразованием**. Для получения более высокой точности результатов анализов и возможности дальнейшего сравнения осуществлялась специальная подготовка проб***. В ходе этого эксперимента проводилось сравнение инфракрасных спектров по стандартным базам данных ИКС.

На последнем этапе был применен наиболее точный из использованных методов – метод дифференциально-термического анализа (ДТА), в ходе которого археологические ЛКП были окончательно преобразованы. Специфика такого эксперимента состоит в том, что он позволяет в процессе термического разложения объекта выявить его структурные компоненты. Термические исследования проводились для решения задач измерения изменения массы и термодинамических характеристик (температур

* По окончании выдержки в реагентах пробы ЛКП промывались в дистиллированной воде до достижения показателя рН среды = 7 и высушивались на обеззоленном бумажном фильтре при комнатной температуре.

** Все ИК спектры были сняты на сканирующем инфракрасном Фурье спектрометре Shimadzu FTIR-8400S с высокочувствительным термостабилизированным детектором DLATGS в спектральном диапазоне 7800–350 см⁻¹. Образцы для ИКС готовили методом прессования таблеток с КВт: 0,2–0,5 мг образца ЛКП, содержащего весь комплекс слоев, растирали в порошок и смешивали с 50 мг КВт. Полученную смесь помещали в пресс-форму и запрессовывали при комнатной температуре в дискообразную таблетку диаметром 3 мм.

*** Исследованиям подвергались лаковые конгломераты, содержавшие всю сумму сохранившихся слоев ЛКП. Пробы от ЛКП отбирались обязательно от одного и того же места на том же фрагменте ЛКП и делились на несколько частей для разных методов исследований. Образцы за время нахождения в земле значительно пропитались водорастворимыми солями из грунта. Поэтому проводилась специальная подготовка проб для исследований. Для опытов образцы лака тщательно промывались от остатков грунта и обесклеивались от органических веществ в различных средах (дистиллированная вода, этанол, щелочные растворы). После тщательного промывания в дистиллированной воде образцы высушивались на обеззоленном бумажном фильтре при комнатной температуре.

и удельных теплот фазовых переходов) в процессе нагрева образцов с помощью системы термогравиметрического и дифференциального термического анализа на приборе синхронного термического анализа (ТГ/ДТА/ДСК)*. Результаты изменения веса образцов ЛКП регистрировались в виде зависимости теплового потока от температуры нагрева по полученным кривым: по термогравиметрическим (ТГ) определялись массовые изменения веса проб исследуемых ЛКП при нагревании, а по дифференциально-термическим (ДТГ) – термические эффекты (эндо-/экзо-), возникавшие в процессе их термического разрушения [Novikova, Sivtsov, Dementiev, 2017, p. 110].

Таким образом зафиксированы и проанализированы специфические характеристики частей целого, а затем был применен синтез, с помощью которого обобщались и объединялись обнаруженные особенности объектов. Далее при изучении артефактов применялись такие подходы научного исследования, как сравнение (системный подход, позволяющий установить их сходство или различие) и классификация. Затем использовался метод аналогий. По ряду признаков (в нашем случае по термостойкости) был произведен поиск аналогов, то есть изучался химический состав каждого археологического лакового конгломерата и сравнивался с прежде изученными образцами из коллекций ГЭ. Полученные результаты также соотносились с базами данных древних китайских лаков таких эпох, как Чжаньго, Цинь и Хань [Wei, Weifang, Shing-ing, 1995, pp. 28–36; Jin and Chen, 1985, pp. 1–10].

Результаты научных исследований ЛКП из погребений хуннского времени и их обсуждение

Микроскопия и микрохимия. В ГЭ были исследованы фрагменты археологических ЛКП из могильников Иволгинский (погребение №119) и Яломан-II (курганы №43 и 57). Образцы (размерами от 0,5 до 30,0 мм, толщиной от 10 до 25 мкм) имели разный цвет на аверсе и реверсе. Внешняя сторона – красная. С помощью оптической микроскопии выявлено, что все исследуемые фрагменты имеют сложную поперечную слоистую структуру типа «сэндвича», состоящую из грунта и слоев красного и черного цветов (см., например, микрофотографии слоев по срезам ЛКП ручки чашечки эр-бэй (рис. 7.-3) из кургана №57, а также слоев ЛКП чашечки (рис. 8) и пояса (рис. 9) из кургана №43 памятника Яломан-II). То, что образцы представляют собой древние защитные покрытия, можно убедиться, рассмотрев оборотные стороны объектов исследования. Они содержали остатки грунтов, древесных и растительных волокон (см., например, оборотную сторону ЛКП пояса (рис. 9.-1) из кургана №43 памятника Яломан-II и ЛКП из погребения №119 Иволгинского некрополя (рис. 13.-4)). Кроме того, исследованные образцы (как в целом, так и их отдельные слои ЛКП) успешно выдержали испытания в растворах щелочи.

* Пробы массой 0,86–1,42 мг исследовались в температурном диапазоне от 20°C до 700°C с помощью термоанализатора синхронной модификации STA 449 F3 JUPITER. Измерительный комплекс прибора Netzsch STA 449 F3 JUPITER (Фирма «Netzsch – Gerätebau GmbH», Германия) соединяет функции дифференциального сканирующего калориметра и высокочувствительных аналитических весов (ТГ), дифференциальный термический анализатор (ДТА) с программным обеспечением «Proteus» (EPROM) v. 6.0 и электронную схему управления. Дискретность показаний потери массы, 1 мкг; чувствительность измерения термических эффектов 0,06 мкВ; предел допускаемой относительной погрешности измерения удельной теплоты, $\pm 3\%$; предел допускаемой относительной погрешности измерения удельной теплоемкости, $\pm 2,5\%$; материал и объем тиглей для сжигания образцов ЛКП – платина. 40 мкл; охлаждение воздушной среды со скоростью 200 мл/мин.

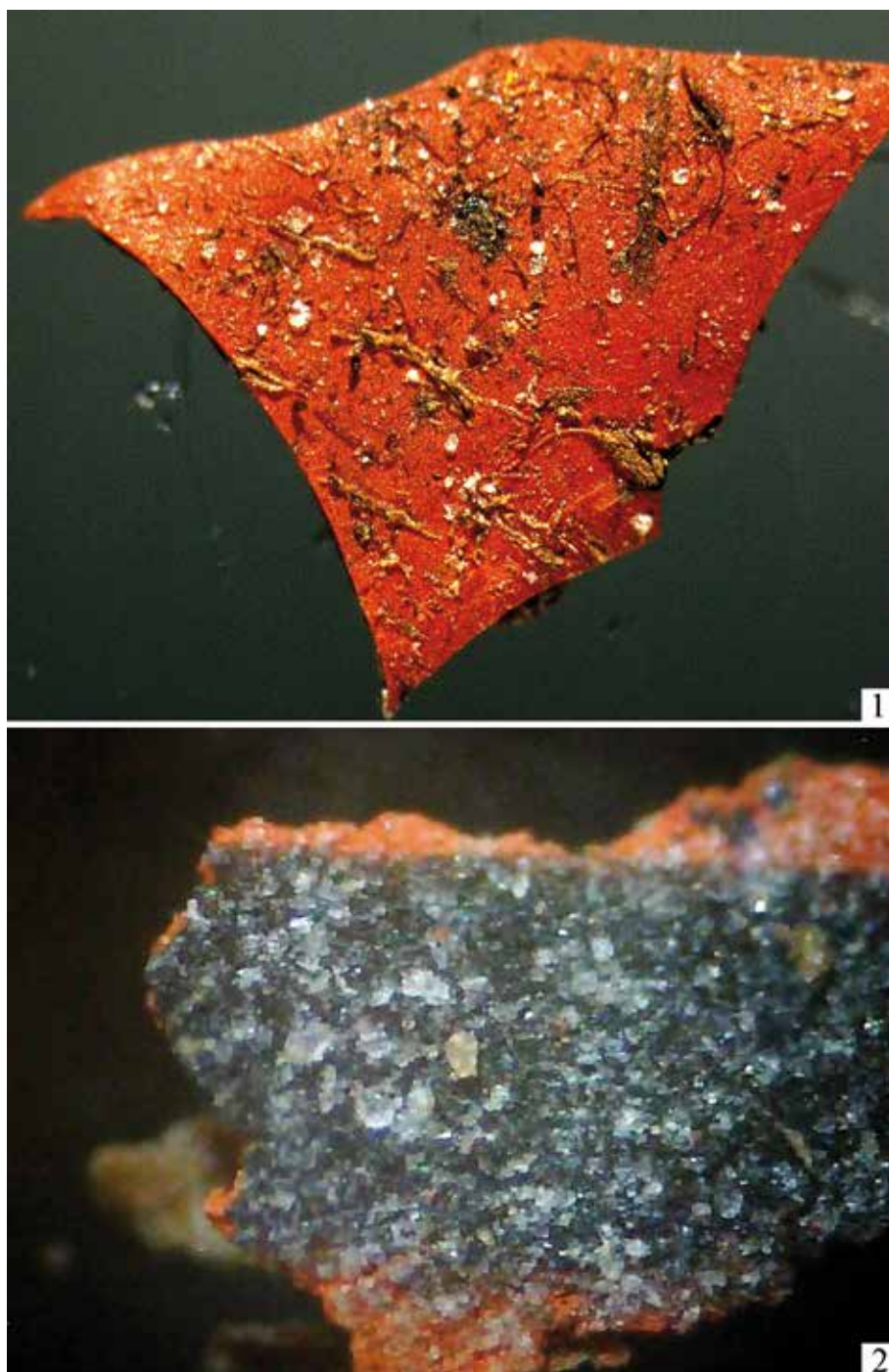

Рис. 8. Археологический комплекс Яломан-II. Курган №43.
Чашечка: 1–2 – микрофотографии росписи по красному лаку
(увеличение в 200 и 350 раз, соответственно; *подготовлены О.Г. Новиковой*)

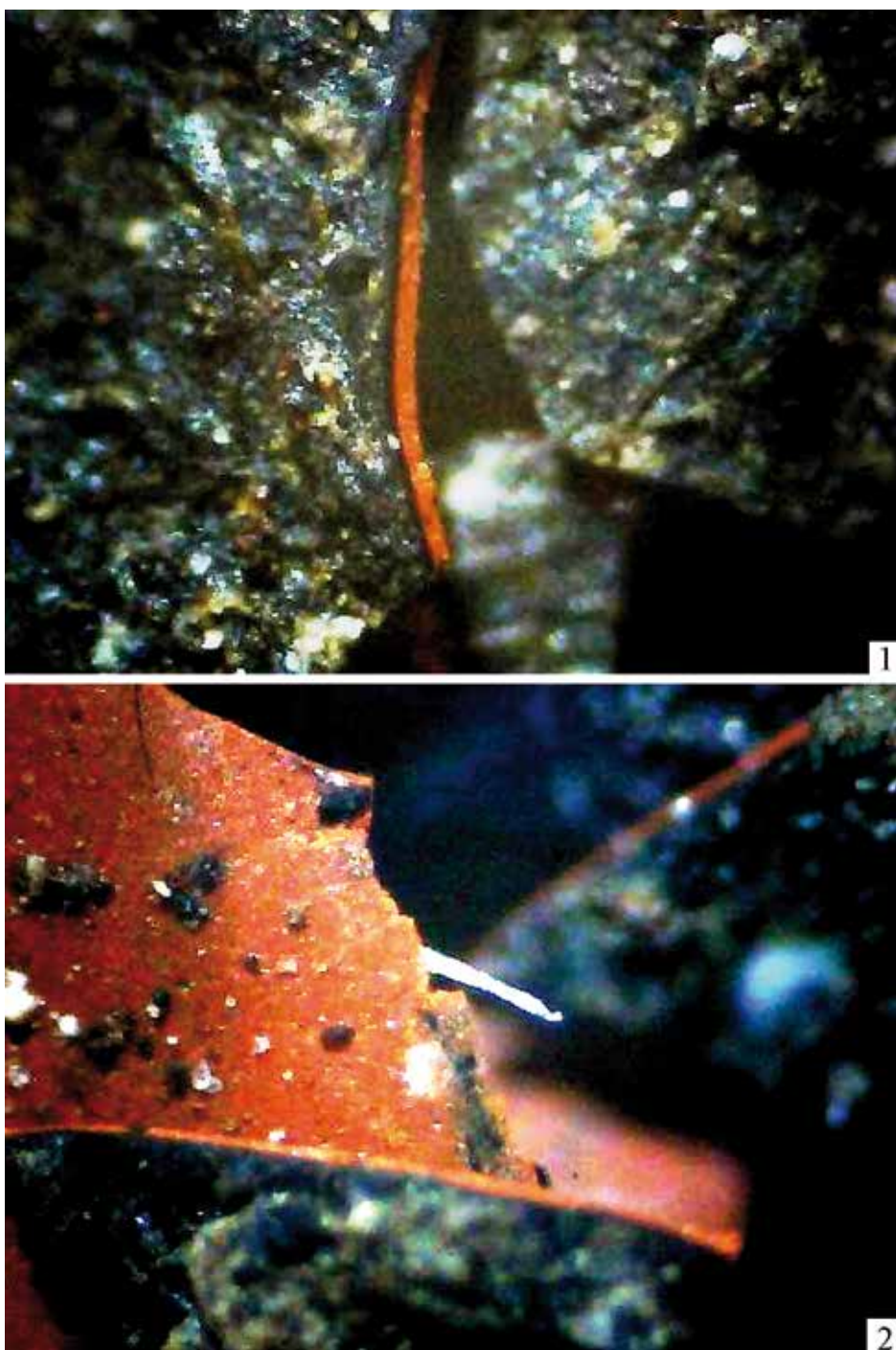

Рис. 9. Археологический комплекс Яломан-II. Курган №43. Пояс:
1-2 – микрофотографии красного лака, реверс и аверс
(увеличение в 720 раз; подготовлены О.Г. Новиковой)

Выявленная структура окраски ЛКП продемонстрировала уверенное сходство со стратиграфией образцов китайских лакокрасочных покрытий. Последующее исследование красочных слоев в совокупности с данными по микрохимии и РФА показало, что предметы были изготовлены по традиционной технологии, специфичной для Древнего Китая [Lacquerware..., 2002, pp. 27–28; Bonanni, 2009, pp. 20–24]. Цвет финишным слоям придал классический пигмент китайских лаков – киноварь (HgS) искусственного происхождения, так как частицы не крупные, а примеси, характерные для самородной киновари (антимонита (Sb₂S₃) и галенита (PbS)), не обнаружены. Эти красные пигментированные слои образцов аналогичны слоям из красной краски тон-ши (кит. 彤漆 – смесь ци-лака с киноварью).

Образцы ЛКП из погребения №119 могильника Иволгинский имеют в своих составах высокое содержание ионов меди. Оно значительно превышает содержание ионов двух классических элементов черно-коричневых китайских лаков – ионов железа и кальция (соотношение Fe/Ca=1). Как традиционная примесь к ионам железа обнаружены ионы марганца (Fe/Mn=2,937). Известно, что лаки времени империи Цинь содержат большое количество ионов кальция. Более поздние лаки из Ноин-Улы имеют высокое содержание ионов железа (соотношение Ca/Fe=1–1,1) [Elikhina, Novikova, Khavrin, 2013, pp. 93–107; Elikhina, Novikova, Khavrin, 2015, pp. 100–117]*.

Металлы могли попасть в лак из материала емкостей для сбора и/или приготовления лака, а также при его перемешивании металлическим предметом. Однако чаще всего (согласно технологии) для изготовления лака чистые соли двух металлов (железа и кальция) добавляли в лаковый сок специально. Так, соотношения ионов меди/железа/марганца, но в еще более выраженной форме, выявлены для образцов ЛКП от чашечки из кургана №57 памятника Яломан-II (Fe/Mn=10,1 и 18,5; Ca /Fe=1,08–1,04 для красного и черного слоев, соответственно)**. Отметим, что в следовых количествах черно-лаковых слоев этого образца еще найдены ионы никеля. Следы никеля зафиксированы также в образце ЛКП из могильника Тувы позднескифского времени Догээ-Баары-II (курган №31). Предположительно, никель – маркер китайских ЛКП хуннуского (сюннуского) времени (на примере ЛКП из Ноин-Улы) [Elikhina, Novikova, Khavrin, 2013].

Специфика образцов ЛКП из могильника Иволгинский (погребение №119) и чашечки из Яломана-II (курган №43) в том, что в их грунтовых слоях, кроме характерных для всех исследованных образцов ЛКП наполнителей – зерен кристаллитов алюмосиликатов и кварца, обнаружены мелкие и крупные пластинчатые частицы угля (предположительно, древесного).

ИК-Фурье спектроскопия, РФА и стратиграфия. Все инфракрасные спектры проб (с разных сторон и мест фрагмента, фон и роспись) имеют соответствие с ИК-спектрами древних традиционных китайских лаков. В спектрах наблюдаются характерные для ароматических соединений урушиола полосы в области 1406–1620 см⁻¹. Им сопутствуют более слабое поглощение около 1000–1200 см⁻¹ и характеристические внеплоскостные

* Например, в изученных образцах из Башадара-1 (инв. №2066/24), Пазырыка-3 (№1685/400) и Догээ-Баары-II (курган №33) обнаружено следующее соотношение Ca/Fe: 1,99; 2,57 и 1,38, соответственно). Данные этих анализов готовятся к публикации.

** Возможно, в качестве продукта коррозионных процессов растворимые соли меди мигрировали в почвенный слой и пропитали остатки ЛКП в погребении №119 Иволгинского могильника, которые были найдены под котлом. Тем не менее высокие количества ионов меди в лаках из могильников Иволгинский и Яломан-II – их отличительная специфика.

деформационные колебания групп – С–Н при 670–800 см⁻¹. Присутствуют полосы поглощения групп – С–Н, – ОН, – С=О, специфичные для полимеризатов урушиола и группы – С–О для полисахаридов растений и древесины. Красный красочный слой содержит следовые количества тунгового масла (полоса 712 см⁻¹ практически отсутствует). Это отличает исследованные ЛКП от лаковых покрытий из курганов Ноин-Улы, содержащие в своих составах высыхающие растительные масла (например, тунговое) в качестве модификатора ци-лака [Елихина, Новикова, Хаврин, 2013, с. 55–58].

Многослойные лакокрасочные покрытия выполнены на основе природного пленкообразователя – биополимера на основе пирокатехинов урушиола с высокой степенью сшивки. Он получен из сока лакового дерева (лат. *Rhus verniciflua*; кит. ци-шу(漆樹); англ. qi-lacquer; яп. urushi).

Стратиграфическое исследование красочных слоев образцов ЛКП показало, что предметы были изготовлены по традиционной технологии, специфичной для Древнего Китая. Структура окраски имеет достаточное сходство с образцами китайских лакокрасочных покрытий. Слои росписи (пигментированный красный слой образцов) аналогичен слою краски тун-ши или тон-ши (кит. 彤漆, tōngqī – смесь ци-лака с киноварью). Они нанесены на слои черного ци-лака. Сохранность адгезионной связи между слоями ЛКП высокая.

При проведении микроанализа обнаружены трещины на поверхности краски. Они образовались в результате воздействий на артефакт нагрузок почвы или же перепадов температур и влажности. В некоторых случаях они пронизали весь красочный конгломерат, но, тем не менее, не привели к межслойному расслоению. По большей части разрушение красочного конгломерата произошло, как обычно, по самому слабому слою – грунту. На оборотной стороне образцов сохранился достаточно толстый слой грунта (толщина 5–15 мкм). В случае образцов ЛКП из Иволгинского могильника (погребение №119) хорошо видны остатки волокон древесной основы (рис. 13.-4). После изготовления формы, древесина была пропитана черным лаком (то есть проклеена), а затем на нее был нанесен грунт. Он создан из смеси ци-лака с животным клеем и наполнителя на основе алюмосиликатов и каолина. Грунт содержит кварцевые включения и покрывает расположенную под ним нерегулярную волокнистую структуру. То есть после нанесения слоев грунта была проложена тонкая ткань (по-видимому, из растительных волокон конопли или рами), вымоченная в черном лаке. На нее наносились слои фона из черного лака. После его высыхания сверху был нанесен слой укывистой красной краски.

Дифференциально-термический анализ и термическая гравиметрия. Лак нерастворим в большинстве растворителей, функциональный состав и структура высоко отвержденных и плотно сшитых многокомпонентных лаковых композитов часто приводят к серьезным ограничениям применения наиболее распространенного метода идентификации полимеров и связующих – ИК-спектроскопии. Поэтому для его исследования могут быть полезны высокие энергии, ибо ведь «... *Хуо* (кит. *Ню* 火, *Стихия Огонь*) может разрушить твердый и блестящий *Jīnshǔ* 金 (*Стихия Металл*)». Одним из авторов статьи (О.Г. Новиковой) было предложено использовать для этой цели дериватографию, позволяющую регистрировать изменение массы образца и тепловые эффекты при его нагревании с заданной скоростью. Но, чтобы разрушить китайский лак, температура нагрева должна достигать 600–700°C. У китайцев есть название видов

огня: Гао Хуо (кит. 高火) – высокий огонь или Шу Хуо (кит. 熟火) – сильный огонь. Но для того, чтобы разрушить лак, нужно применить самый жаркий вид огненной стихии Гуан Шу Хуо (кит. 全熟火) – полную прожарку. Термически-колориметрические эксперименты по изучению различных по термостойкости лаковых составов, на примере лаков из могильников Яломан-II и Иволгинского, будут рассмотрены ниже.

Теплофизические свойства химических веществ и композиций тесно связаны с их структурой [Ван Кревелен, 1976, с. 27–29]. С помощью термических методов анализа изучались термическая и окислительная устойчивость ЛКП, изменение их массы, режимы окисления/восстановления и разложения при нагревании. Эти методы наглядно показывают влияние состава образцов на их термические характеристики (рис. 10).

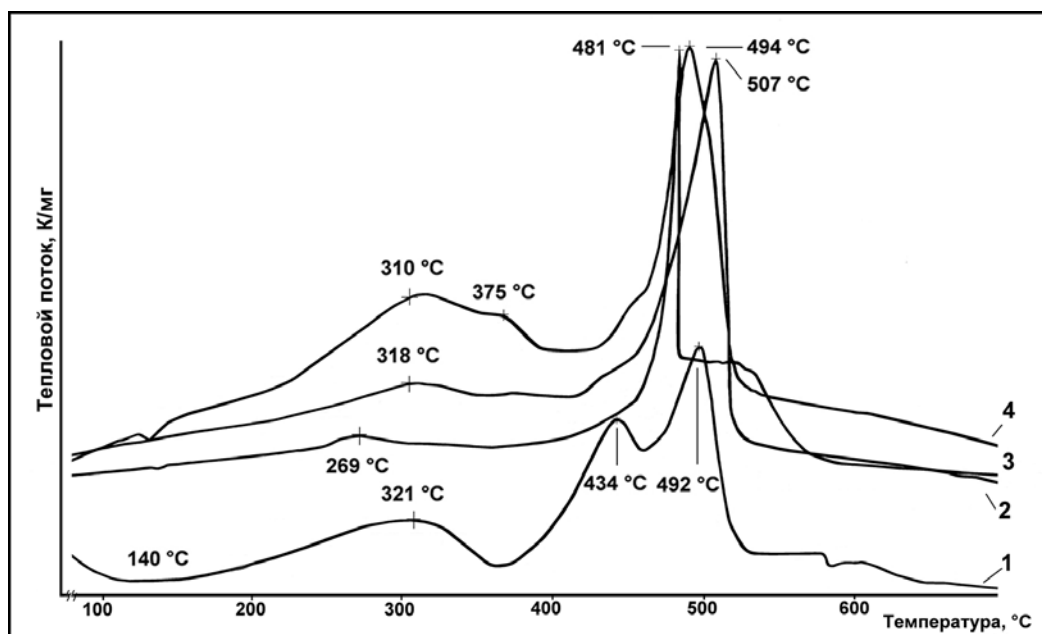

Рис. 10. Результаты дифференциально-термических исследований китайских лаков:

- 1 – образец красного лака из погребения №119 Иволгинского могильника;
- 2–4 – образцы ЛКП из памятника Яломан-II (2 – чашечки эр-бэй из кургана №43;
- 3 – фрагмент чашечки эр-бэй из палисандра из кургана №57; 4 – пояс из кургана №43).

Рисунок подготовлен О.Г. Новиковой

Методом дериватографии была доказана высокая термостойкость для исследованных нами образцов китайских лаков. Кроме того, таким наиболее точным методом из использованных найден ряд специфических особенностей ЛКП. Однако это весьма небольшие различия. Теплостойкость у всех ЛКП достаточная высокая – с химической точки зрения ЛКП представляют собой древний слоистый композитный материал с высокими теплозащитными свойствами, так как основу слоев ЛКП составляет реактопластичный (или терморективный) полимер. Выявлено, что все исследованные ЛКП представляют собой трудносгораемые и трудновоспламеняемые наполненные композитные полимерные материалы, температура воспламенения которых превышает 700 °C, а температура начала процессов их термического окисления составляет око-

до 250°C. Термическая деструкция исследованных ЛКП протекала в три стадии, что сопоставимо с исследованиями термической деградации лаков на основе урушиидов [Tsukagoshi et al., 2011, pp. 1943–1947; Takahashi et al., 2013, pp. 685–688; Li et al., 2016, pp. 28–30]. Но характер поведения при нагревании исследуемых образцов ЛКП специфичен, это хорошо видно на рис. 10.

По изменению массы образцов ЛКП (кривые ТГ) установлено, что их термическая деструкция сходна с термическим разложением синтетических фенольных аналогов и протекает в три стадии [Кноп, Шейб, 1983, с. 101–104; Бахман, Мюллер, 1978, с. 81–92, 187–191, 194–204, 239]. Механизм термической деструкции синтетических фенольных смол хорошо изучен. При этом установлено, что из-за высокого содержания кислорода в них процесс деструкции всегда имеет термо-окислительный характер. Это было выявлено и для исследуемых нами древних природных ЛКП на основе китайского лака [Novikova, Sivtsov, Dementiev, 2017, p. 110].

При изменении температуры сначала происходит статистический разрыв самых слабых связей, а затем и разрушение фрагментов трехмерной полимерной сетчатой структуры, деструкция которых приводит к изменению массы. По китайской теории циклов, «*ничто не умирает, а только изменяется*». Согласно древнему постулату о взаимодействии стихий в разрушительном цикле завоевания, «...*когда крепнет Огонь, стареет Дерево и умирает Металл, (если / либо) Вода заключена в темнице, – рождается Земля <пепел>*» [Хуайнаньцзы, 2016, с. 68]. Не может умереть после сжигания и вечный лак, сохраняется его неорганическая часть. И часто после испытания стихией Огня он становится даже не пеплом, а прочным коксом.

Ход кривых ТГ, количество летучих компонентов или кокса служит одной из важнейших характеристик исследуемых объектов: для однофазных полимерных составов (например, лаков) свидетельствует о наличии в них сильно ассоциированных веществ и о высокой энергии связей [Веселовский, 1966, с. 96; Ван Кревелен, 1976, с. 27–29; Михайлин, 2011, с. 28–29]; для дисперсных (многокомпонентных) полимерных композиций – о химической природе/количестве пигментов/ наполнителей в них.

Все исследованные образцы лаков из Иволгинского могильника (погребение №119) и памятника Яломан-II (курганы №43 и 57) относятся к группе высокотемпературных лаков, имеющих максимумы разложения в пределах ~ 480–510° С. Результаты исследования ДТА составов ЛКП представлены на рис. 10. На первом этапе (до 300°C) образцы ЛКП практически не изменяются, количество выделявшихся газообразных продуктов разложения относительно невелико (1–2%), в основном из них диффундирует вода. При температурах свыше 300°C начинается разрушение лаковых композиций и выделение частей модификаторов из ЛКП. Далее нарастают процессы термо-окислительной деструкции биополимера. Но в интервале температур от 300 до 400°C деполимеризация еще не наступает, а идет случайное расщепление полимерных цепей. Однако уже начинают накапливаться (по данным ИК-спектроскопии) карбонильные и карбоксильные группы. В этот момент усадка материала еще относительно невелика, но увеличение пористости ЛКП приводит к уменьшению его плотности. Максимумы эндотермических эффектов в области высоких температур (300–500°C) считаются тепловыми показателями разложения оригинального урушиола [Ma, Lu, Miyakoshi, 2014, pp. 132–144]. Действительно, на третьей стадии разложения при температурах свыше 300°C исследованные ЛКП претерпевали более глубокие химические превра-

щения, а скорость их деструкции достигала максимального значения. В тот момент выделяется основная часть газообразных продуктов разложения (рис. 10). Это такие соединения, как оксид и диоксид углерода, метан, бензол, толуол, фенол, крезолы и ксиленолы и др. После полного отверждения все синтетические фенольные смолы деструктируют почти одинаково, и, принимая во внимание, что термодинамически наиболее стабильной и превалирующей в отвержденных фенольных соединениях является метиленовая связь, предполагается, что их термическая деструкция лимитируется стабильностью и концентрацией именно этих связей [Кноп, Шейб, 1983, с. 102].

Анализ полученных дериватограмм позволил значительно уточнить составы изучаемых ЛКП. Термогравиметрические исследования показали, что все археологические образцы ЛКП из Иволгинского могильника (погребение №119) с $T_{\max}=492^{\circ}\text{C}$ и ЛКП из Яломана-II (курганы №43 и 57) с $T_{\max}=494^{\circ}\text{C}$ (пояс), $T_{\max}=507,5^{\circ}\text{C}$ (чашечка), $T_{\max}=481^{\circ}\text{C}$ (чашечка эр-бэй) при термо-окислительной деструкции ведут себя как типичные фенолореактопласты, и что все исследованные образцы ЛКП близки по составу.

По результатам термических исследований и сравнений с экспериментальными данными по термостойкости других ископаемых лаковых образцов из коллекции ОНТЭ ГЭ стало возможным достаточно уверенно объединить ЛКП образцов из Иволгинского могильника (погребение №119) (предположительно, это лак деревянного сосуда – чашечки эр-бэй) с образцами ЛКП фрагментов чашечек из могильника Яломан-II (курганы №43 и 57) (рис. 10). По-видимому, они имеют близкий состав ЛКП, так как эти образцы имеют сходный характер термокинетической деструкции.

Однако ЛКП различаются по показателю остаточной массы на момент окончания эксперимента: 62,92%, 18,18% и 18,2%, соответственно, для чашечек из Иволгинского могильника (погребение №119) и памятника Яломан-II (курганы №43 и 57). Это подтверждает наличие в лакокрасочных конгломератах образцов из Иволгинского могильника большого количества тугоплавких неорганических наполнителей, таких как уголь, силикаты и кварц. Исходный лаковый конгломерат из Иволгинского могильника имел высокое содержание неорганической (стеклообразной) фазы и относительно невысокое содержание пленкообразователя в связующем.

По своей термостойкости образцы ЛКП из Иволгинского могильника (погребение №119) и памятника Яломан-II (курганы №43 и 57) имеют сходство с лаковым покрытием бытовых китайских лаковых предметов*. Возможные аналоги такие: для ЛКП палисандровой чашечки эр-бэй из Яломана-II (курган №57) – ЛКП чернолакового короба с росписью, датированного временем середины Западной Хань $T_{\max}=482^{\circ}\text{C}$ (образец №9); для ЛКП из Иволгинского могильника (погребение №119) и близкому к нему ЛКП пояса из Яломана-II (курган №43) – ЛКП чашечек эр-бэй с росписью времени Западной Хань $T_{\max}=500^{\circ}\text{C}$ (образцы №6–7); для ЛКП чашечки из Яломана-II (курган №43) – ЛКП чашечки эр-бэй с росписью времени середины Западной Хань $T_{\max}=500^{\circ}\text{C}$ (образец №26). Они содержат очень небольшое количество тунгового масла и были отверждены при высоких температурах.

Китайские чашечки эр-бэй (кит. 耳杯) у хунну

Чашечка из камня. Изделия, покрытые лаком, из Иволгинского комплекса ранее не рассматривались в научной литературе, хотя рисунок каменной чашечки, най-

* Нумерация китайских лаковых артефактов дана в соответствии с китайским источником [Wei, Weifang, Shinging, 2015, pp. 30–35].

денной экспедицией А.П. Окладникова на Иволгинском городище, был опубликован [Давыдова, 1995, табл. 16].

Иволгинская каменная чашечка напоминает по своей форме и размерам китайские деревянные лаковые чашечки эр-бэй (кит. 耳杯). Ее размеры такие: 14,7×12,2×4,3 см (ГЭ ОВ, инв. №ЛО-1239) (рис. 2.-А и рис. 11). Эта чашечка из камня так же, как эр-бэй из лака и дерева, имеет специфичную эллипсоидную форму, невысокие бортики и плоское дно. На ободе с обеих сторон емкости расположены по две удлиненные вверх ручки. Внешний их край – овальный, внутренний – вогнутый и примыкает к стенке чашечки. Если смотреть на чашечку сверху, то она представляет овал с двумя луноподобными ручками.

Как у всех эр-бэй, ее полукруглые ручки имеют сложный и весьма характерный профиль и также расположены под углом к изделию. По-видимому, из-за такой их формы подобные чашечки в китайской традиции называют «крылатыми» или «с ушками» [Zhongguo, 1997; Chen Zhenyu, 2007]. В Китае чашечки данной формы были предназначены в основном для использования в винных церемониях празднования весеннего праздника Птиц [Кравцова, 1991, с. 103–114]*.

В эпоху Хань чашечки подобной формы изготавливали не только из дерева, но и из камня, кости, перламутра, стекла, горного хрусталя, нефрита, керамики и позолоченной бронзы. Такие чашечки уже не были связаны со стихией Воды, а скорее всего, отражали стихию Огня. Их изготавливали для того, чтобы в них можно было подогреть пищу. Иногда для таких чашечек в качестве подставок китайцы использовали специальные бронзовые жаровни для подогрева содержимого чаши (пища из рыбы или тушеного мяса) [Хун Ши, 2006, с. 23–25]. На некоторых каменных рельефах из могильников ханьского времени изображено, что такие чашечки применялись для подношений (рыбы, курицы или черепахи) духам предков [Lui and others, 2005, с. 354–359]. В любом случае рассматриваемые изделия принадлежали элитной части ханьского общества.

Геометрические размеры чашечек эр-бэй, по-видимому, могут служить косвенными показателями места и времени их изготовления. Иволгинская чашечка из камня по этим показателям сопоставима с чашечками эр-бэй из ноин-улинской коллекции Государственного Эрмитажа. Изделие из кургана №6 Ноин-Улы (инв. №МР-2301; размеры 16,1×9×5,2 см) в захоронение хуннуской знати попало в период между 7–1 гг. до н.э., а три чашечки из кургана №12 (23) с большой долей вероятности датируются последней третью I в. н.э. [Миняев, Елихина, 2010, с. 169–182].

По своим размерам иволгинская каменная чашечка эр-бэй имеет аналогии и в зарубежных музеях: в Музее восточноазиатского искусства (Кёльн, Германия) хранится расписная чашечка (размерами 14,9×10,9 см) с атрибуцией поздней Западной Хань (предположительно происходит из Цзянсу); в Музее изобразительных прикладных искусств в г. Кобе (Nakatsuru Fine Art Museum, Нуиго, Япония) есть две эр-бэй (размерами 14,6×3,3 см) и с атрибуцией I в. до н.э. (происходят из Чжэцзяна или предположительно из Цзянсу, приморских провинций на востоке Китая). Две чашечки эр-бэй

* Праздник Шан И-цзе или Праздник третьего дня третьей луны (Сань юэ сань) идет со времен эпохи Чжоу (XI век до н.э.). Он имел древние религиозно-ритуальные истоки (обряд очищения). В этот день люди приходили на реку, ручей или в специально построенные павильоны, изрытые извилистыми каналами.

1

2

Рис. 11. Иволгинское городище: 1 – фотография вида сверху каменной чашечки (см. рис. 2.-А); 2 – микрофотография участка на дне чашечки (в углублениях видны частички красного лака; увеличение в 720 раз).
1 – фотография Л.С. Марсадолова; 2 – микрофотография О.Г. Новиковой

(размерами 13,6×4,4 см) есть в Национальном музее Японии (Токио), они имеют атрибуцию временем Восточная Хань (г. Лоян) [Prüch, 1997].

В большинстве случаев чашечки с ручками (типа эр-бэй) окрашены красками на основе китайского лакового сока. Возможно, что иволгинская каменная находка первоначально была также окрашена, ибо нами обнаружены следы грунтовых слоев, лака и краски (киноварь) в пористых поверхностных структурах каменной основы (рис. 11.-2). Нельзя исключать также и предположение, что ее могли использовать как шаблон – форму для изготовления чашечек эр-бэй без деревянной основы*. Такой способ в древней китайской технологии известен как техника «цзя-чжу» (кит. chia-chu 夾紵/夹紵 jiashu или 夾紵/夹紵 jiashu или 挟紵 xiezhu, яп. kanshitsu)**, при реализации которой форму каркаса придавали самому лаковому изделию [Lacquerware..., 2002]. На «тай» (кит. 胎) – модель (из камня, дерева, глины, гипса и др.), служившую временной внутренней формой, последовательно наклеивали слои лент из волокон текстиля (из рами, пеньки или шелковой ткани). Каждый слой проклеивали и покрывали лаком. Внутреннюю форму убирали, когда просушенные слои достигали достаточной толщины и, соответственно, нужной прочности. Оставляли только лаковые слои с тканевой основой, которые точно воспроизводили исходную модель***. На последнем этапе художники украшали изделие превосходной отделкой. С помощью этой техники изготовлена туалетная коробочка из кургана №12 в Ноин-Уле [Лубо-Лесниченко, 1969, с. 267–277].

Лаковые фрагменты из погребения №119 Иволгинского могильника. В процессе археологических раскопок в 1970-е гг. почвенный грунт под котлом с фрагментами лака был запакован в один пакет из полиэтилена, который пролежал без разборки почти 40 лет. После вскрытия пакета там были обнаружены кусочки красного и черного лака, а также фрагмент деревянной ручки (рис. 12–13). Сохранившийся без одного конца, фрагмент ручки имеет такие размеры: длина – 6,2 см, ширина – 2,2 см, высота – 1,1 см (рис. 12.-1), а форма и профиль его специфичны для ручек чашечек эр-бэй. При исследовании в ОНТЭ ГЭ на поверхности ручки обнаружены рыхлые грунтовые слои и лежащие на нем единичные хлопья черного лака (см. рис. 12.-2–3; рис. 13.-3).

Спецификой данных покрытий было и то, что на всех верхних красных слоях ЛКП из погребения №119 Иволгинского могильника обнаружены натёки липкого водорастворимого вещества и остатки органических волокон (рис. 13.-1–2). Вытяжка из этого препарата дала специфическую для свежего сока аллергическую реакцию на коже исследователя (так называемый сумаховый дерматит), а в его ИК-спектре были обнаружены характеристические полосы ци-лака. Возможно, что это остатки ритуального

* Уже в период Чжаньго китайцы стали применять ци-лак не только как связующее средство для покрытий, но и как прекрасный пропитывающий и упрочняющий материал – прообраз современной лакоткани. Связующей средой в этих древних композитных анизотропных материалах являлся биополимер на основе ци-лака.

** С помощью ее получали так называемую полую модель, поэтому впоследствии техника получила название «без тела» или «тотай» (кит. 脱胎法, t'ò-t'ai). В Западной Европе она известна как «сухой лак» (англ. dry lacquer). Основой служили органические материалы – кожа, ткань, бамбук, папье-маше и др.

*** Так создавали стенки или своды будущих изделий. Затем, освободив высушенное ЛКП от основы, лаковые составы наносили на внутреннюю сторону лаковой «отливки». Оболочки полученного «бесплотного» лакового изделия сглаживали шпатлевкой и тщательным полированием. Затем на обе стороны наносили финишные слои лака.

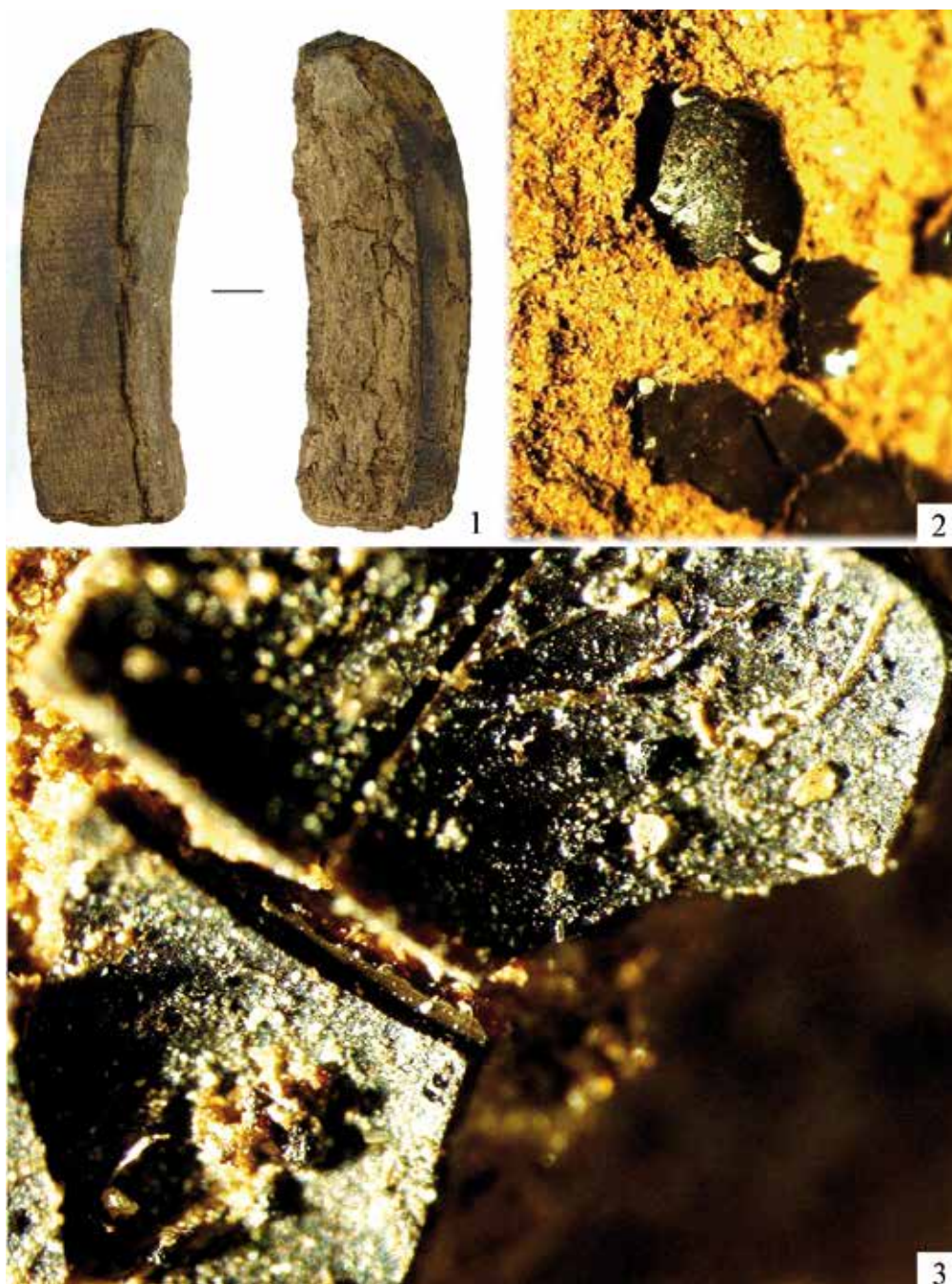

Рис. 12. Иволгинский могильник, могила №119: 1 – фрагмент ручки деревянной чашечки эр-бэй с грунтовыми слоями (фотография с двух сторон); 2–3 – микрофотографии остатков черного лака на грунтовом слое на оборотной стороне ручки (увеличение в 200 (2) и 720 (3) раз, соответственно). 1 – фотография Л.С. Марсадолова; 2–3 – микрофотографии О.Г. Новиковой

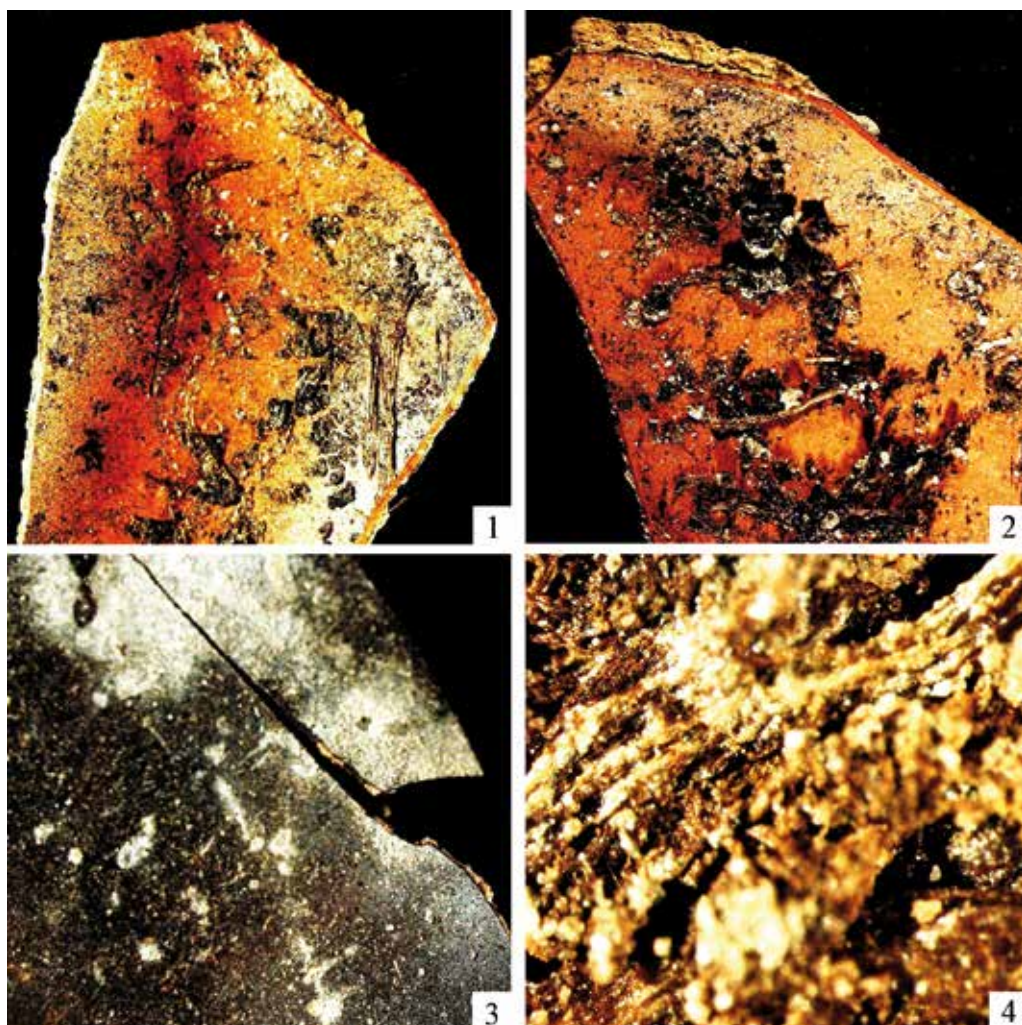

Рис. 13. Иволгинский могильник, могила №119. Микрофотографии:
1–3 – фрагментов красного (1–2) и черного лака (3), увеличение в 320 и 720 раз соответственно; 4 – обратная сторона лакокрасочного покрытия, видны волокна тканого и грунтовых слоев (увеличение в 720 раз) (микрофотографии подготовлены О.Г. Новиковой, составление осуществлено Л.С. Марсадаловым)

напитка (чай?) из частей (плодов, веток?) дерева рода Сумаховые (возможно, лакового дерева). В Юго-Восточной Азии и в Японии доньяне известна древняя традиция употребления таких напитков, в том числе и в ритуальных целях.

Однако ЛКП всех четырех чашечек эр-бэй и их фрагментов ноин-улинской коллекции ГЭ (инв. №: МР-2301 (курган №6), МР-2302, МР-2303, МР-2304 (курган №12/24), а также ручки эр-бэй (МР-2412) из Андреевского кургана) мало сопоставимы по составам и свойствам с ЛКП представленных в данной статье образцов. Лаковые покрытия чашечек из курганов Ноин-Улы менее термостойки ($T_{\max} = 460-470^{\circ}\text{C}$) и имеют другой ход кривых ДТА и ТГ против ЛКП из Иволгинского и Яломанского

могильников, ибо они содержат в своих лаковых слоях значительные количества модификатора ци-лака – тунгового масла*.

Орнаментальная роспись ручки чашечки из кургана №57 Яломана-II имеет общие черты с расписными фрагментами чашечек из кургана пазырыкской культуры Шибе (Горный Алтай) и могильника Бугры (погребение 3 кургана №1, датируемого не ранее конца III в. до н.э.), расположенного в предгорно-степной зоне Алтая. Предположительно эти предметы происходили из одной зоны лакового производства, возможно, из центральных районов современного Китая (провинция Хубэй) [Сутягина, Новикова, 2016, с. 83–91]. Исследования в ОНТЭ ГЭ показали, что все эти лаковые предметы выполнены в соответствии с китайской лаковой традицией и имеют лишь небольшие отличия в составах ЛКП, а также в технике исполнения орнамента. Схожими эти лаковые фрагменты оказались и по термостойкости своих ЛКП**. На близость к памятникам пазырыкского времени, таких как, например, Башадар-1 (чашечка с росписью, инв. №2066/24), Пазырык-3 (№1685/400), косвенно может указывать сходство их лаковых покрытий по такому показателю, как соотношение ионов Са/Fe в них. ЛКП из Иволгинского и Яломанского могильников также имеют высокое содержание ионов кальция в своих составах. Близки они и по термостабильности (например, к ЛКП чашечки из мог. Башадар-1 (инв. №2066/24) и многим ЛКП из курганов Пазырыка (практически не содержащих высыхающих растительных масел или минимальное их количество)*** – к резным деталям украшения конского снаряжения из лакированной кожи из кургана №3 (инв. №1685/66), к лаку от щита из кургана №4 (инв. №1686/154, 1686/155) и др.****

Различия ЛКП из пазырыкской и ноин-улинской коллекций ГЭ были отмечены ранее [Новикова, Степанова, Хаврин, 2013, с. 112–124]. Авторы связали их с существованием в Китае со времени эпохи Чжаньго нескольких центров лакового производства с несколько различными технологическими традициями. Локализация ханьских императорских мастерских (Шэньси, Сычуань) показывает, что, возможно, они в большей степени наследовали северные лаковые технологии. Напротив, лакированные пазырыкские кожи могли поступать на Алтай с юга, из царства Чу. Именно оттуда происходят все пазырыкские шелка и зеркало, сосредоточенные в поздних курганах [Лубо-Лесниченко, 1994, с. 220–222]. На основании данных ИКС и стратиграфии ЛКП, ранее фрагмент чашечки эр-бэй из кургана №57 Яломана-II был также отнесен к продуктам производства в южных районах Китая [Новикова, Степанова, Хаврин, 2013, с. 112–124].

Нынешнее изучение состава ЛКП из Яломана-II (чашечки из кургана №43 и чашечки эр-бэй из кургана №57) с помощью термографии (с учетом аналогий по орнаментальной росписи) позволяет уточнить их происхождение, а также датировку в та-

* Данные готовятся к публикации. Статья О.Г. Новиковой и Ю.И. Елихиной, посвященная изучению термостойкости ЛКП из ноин-улинской коллекции ГЭ, принята к печати в журнале «Археология, этнография и антропология Евразии» в 2017 г.

** Данные готовятся к публикации.

*** В составе краски красного цвета растительное масло (чаще тунговое) присутствует в минимальном количестве обязательно, оно защищает пигментную поверхность при перетире. Без него ци-лак разлагает киноварь.

**** Данные готовятся к публикации.

ких рамках: от существования империи Цинь (221–207 гг. до н.э.) до времени средней Западной Хань, т.е. примерно с конца III до конца II в. до н.э.

Подобно китайским шелковым тканям, лаковые изделия имели высокую цену. Эти красивые, функциональные, легкие и долговечные предметы получили широкое распространение в Древнем мире. Изделия из лака чрезвычайно ценили и в самом Китае, они стоили дорого и служили маркером высокого социального статуса его владельца. Низкая производительность сбора лакового сока, трудоемкая техника изготовления и нанесения слоев лака, а также специфичная сушка обусловили высокую стоимость изделий, которые были предметами роскоши и принадлежали, в первую очередь, императорскому двору, знати и состоятельным людям. Так, одна лаковая чашечка эр-бэй стоила столько же, сколько десятков бронзовых изделий такого же размера. Об этом сообщается в трактате «Хуань Куань» («Дискуссия о соли и железе») времени династии Западная Хань: *«при изготовлении одной лаковой чашечки <эр-бэй> (кит. 耳杯) (в наборе из нескольких штук) для винной церемонии> используется труд ста человек <...>, а один лаковый экран требовал, чтобы над ним поработали десятки тысяч»* [Хуань Куань, 1997]. Начало изготовления таких объектов идет с периода Чуньцю (период «Весен и Осеней»), затем эр-бэй эволюционировали и стали популярны в империях Цинь и Хань, распространившись до северных и южных династий. В более позднее время, например, в период династии Тан, они уже стали редкими.

Несомненно, что наличие лакированных изделий и их отличное качество в исследованных курганах Монголии, Алтая, Тувы, Забайкалья свидетельствуют о богатстве кочевых народов и социальном статусе владельцев, а также демонстрируют связи с Китаем. Однако не обязательно, что эти импортные вещи являлись трофеями, результатами военной доблести. Китайский поэт и мыслитель, знатный ханьский вельможа Цзя И (кит. 贾谊, Jiǎ Yì, 201–169 до н.э.) в свое время разработал политику безопасности в отношении северных соседей. В сочинении «Синь шу» («Новая книга о заслугах в воинском деле») он убеждал императора в выгоде политики *«трех манер поведения»* и установки *«пяти приманок»* в отношении них, реализуя которые *«подчинить грозных сюнну будет так же легко, как стряхнуть с дерева привлеченных на яркий свет цикад»* [Ци Цигуан, 1988, с. 36–38; Ray Huang, 1981, pp. 10–23].

В «Синь шу» об этом говорится прямо: *«мы наведем порчу на их глаза»*. Предметы роскоши, среди которых упомянуты колесницы с яркими зонтами, расшитые шелковые одежды и расписные, узорчатые и резные лаковые изделия – это очарование для глаз противника. Внимание переключалось на отвлеченную цель. Далее разожженное желание обладать роскошью тонко гасилось – за них уже не нужно было воевать, ибо сам император Поднебесной одаривал этими прекрасными вещами знать кочевников. У остальных хунну (сюнну) подарки рождали надежду, что, если они придут под власть императора, они также будут обладать ими. Обильная пища, музыкальное и театральное искусство, уютный дом с рабынями и содержание при дворе мальчиков хунну (сюнну) – таковы были другие четыре ловушки для рта, ушей, желудка и для сердца доверчивых степных соперников [Ермаков, 2005, с. 362–381].

Заключение

Исследованные фрагменты артефактов из могильников хуннуского (сюннуского) времени имеют соответствие с древней китайской традицией: расписная чашечка из могильника Яломан-II (курган №57), каменная чашечка из Иволгинского городи-

ща и фрагмент ручки деревянной чашечки из Иволгинского могильника (погребение №119) по форме аналогичны чашечкам эр-бэй (или их деталям); кожаные предметы из Яломана-II (курганы №43 и 51) выполнены из лакированной кожи «цзу цзя» и снабжены пряжкой и накладками с древними китайскими образами.

Комплексное исследование лаковых остатков показало, что археологические лакокрасочные покрытия из Иволгинского могильника (погребение №119) и памятника Яломан-II (курганы №43, 51 и 57) обладают специфичной послойной лакокрасочной структурой, имеющей черно-красный дихроизм. Состав связующих средств, пигментов и наполнителей всех исследованных в работе ЛКП характерен для древней китайской лаковой традиции. Примененный метод термографии помог расширить границы познания о химии и технологии китайских лаков. Он не только успешно дополнил традиционные методы изучения древних лаковых составов, но и расширил возможности их атрибуции. Анализ полученных дериватограм позволил значительно уточнить результаты микрохимических, рентгенологических и спектральных методов анализа составов ЛКП.

Методом термографии выявлено, что, хотя в процессе бытования в почве многие ЛКП потеряли связь с основой, все же образцы ЛКП представляют собой высокотемпературные лакокрасочные композиты, имеющие хорошую поперечную сохранность слоев. Все изученные лаковые покрытия обладают высокой термостойкостью. По этому показателю они имеют китайские лаковые аналоги времени средней Западной Хань. Сохранившиеся на ряде лаковых фрагментов из Яломана-II (чашечки из курганов №43 и 57) остатки орнаментальной росписи имеют аналогии в декоративном украшении китайской лаковой утвари (чашечки эр-бэй, шкатулки и др.) времени династий Цинь и Западной Хань.

В общении с «северными варварами» китайцы относили свои предметы роскоши (из нефрита, керамики, шелка и лака) к стратегическому искусству. Поэтому щедро дарили их лидерам и военным вождям кочевников, стремясь увлечь и очаровать их своей культурой. По своей специфичной форме ряд фрагментов лаковых предметов из Иволгинского могильника (погребение №119) и памятника Яломан-II (курганы №43 и 57) уверенно можно соотносить с китайскими чашечками эр-бэй, изготавливаемыми для праздников в наборе по 6–10 шт., их переносили и хранили в специальных контейнерах.

Китайские чашечки эр-бэй для жителей Великой Степи были дорогими подарками. В курганах кочевников, расположенных по периферии Поднебесной империи, археологи достаточно редко находят их в количестве более чем одной штуки. Изучение остатков от таких предметов разными современными методами позволяют их в должной мере идентифицировать. Полученная объективная информация позволяет решать проблемы историко-культурного плана.

Библиографический список

- Бахман А., Мюллер К. Фенопласты. М. : Химия, 1978. 288 с.
- Богданов Е.С. «Камни жизни» из ноин-улинских погребений (по материалам раскопок в 2006–2012 годах) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2015. №3. С. 91–99.
- Бросседер У., Марсадолов Л.С. Новые радиоуглеродные даты для Иволгинского археологического комплекса объектов в Забайкалье (предварительные результаты) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири : материалы Междунар. научн. конф. Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010. С. 183–186.

- Ван Кревелен Д.В. Свойства и химическое строение полимеров. М. : Химия, 1976. 416 с.
- Веселовский В.С. Угольные и графитовые конструкционные материалы. М. : Наука, 1966. 225 с.
- Восточноазиатские лаки. Методика реставрации, исследования : сборник статей. М. : Изд-во Всерос. худ. науч.-реставрац. центра им. акад. И.Э. Грабаря, 2000. 130 с.
- Давыдова А.В. Иволгинский археологический комплекс. Иволгинское городище. СПб. : Фонд «АзиатИКА», 1995. 94 с. + 188 табл. (Археологические памятники сюнну. Вып. 1).
- Давыдова А.В. Иволгинский археологический комплекс. Иволгинский могильник. СПб. : Центр «Петербургское Востоковедение», 1996. 176 с. (Археологические памятники сюнну. Вып. 2).
- Давыдова А.В., Миняев С.С. Художественная бронза сюнну: Новые открытия в России. СПб. : Издательский дом «Гамас», 2008. 120 с.
- Дашковский П.К., Новикова О.Н. Предварительные итоги изучения образцов лака из кургана №31 могильника Чинета-II (Алтай) // Археология Западной Сибири: опыт междисциплинарных исследований. Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 2015. С. 115–118.
- Дашковский П.К., Новикова О.Н. Китайские лаки из могильника скифской эпохи Чинета II (Алтай) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2017. №4. С. 116–126.
- Династия Хань перед угрозой извне (из докладов Цзя И трону) // Страны и народы Востока, Вып. XXXII. М. : Восточная литература, 2005. С. 123–125.
- Евразия в скифскую эпоху: Радиоуглеродная и археологическая хронология / А.Ю. Алексеев, Н.А. Боковенко, С.С. Васильев и др. СПб. : Теза, 2005. 290 с.
- Елихина Ю.И., Новикова О. Г., Хаврин С. В. Китайские лакированные чашечки эпохи Хань из коллекции Государственного Эрмитажа // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 2013. С. 55–58.
- Ермаков М.Е. Династия Хань перед угрозой извне (из доклада Цзя И трону). Введение, переводы, заключение // Дальний Восток. Кн. 4. М. : Вост. лит., 2005. С. 362–383 (Страны и народы Востока, Вып. 32).
- Кноп А., Шейб В. Фенольные смолы и материалы на их основе / пер. с англ. под ред. Ф.А. Шутова. М. : Химия, 1983. С. 101–104.
- Кравцова М.Е. К проблеме интерпретации раннесредневекового китайского ритуала: на материале Празднества третьего дня третьего месяца // Советская этнография. 1991. №1. С. 103–114.
- Кравцова М.Б. История искусства Китая : учебное пособие. СПб. : Изд-во «Лань», 2004. 960 с.
- Крадин Н.Н., Данилов С.В., Коновалов П.Б. Социальная структура хуннов Забайкалья. Владивосток : Дальнаука, 2004. 106 с.
- Лубо-Лесниченко Е.И. Китайские лаковые изделия из Ноин-Улы // Труды Государственного Эрмитажа. Культура и искусство народов Востока. Л. : Советский художник, 1969. Т. 10 (7). С. 267–277.
- Лубо-Лесниченко Е.И. Китай на шелковом пути (Шелк и внешние связи древнего и раннесредневекового Китая). М. : Восточная литература, 1994. 326 с.
- Марсадалов Л.С. История и итоги изучения археологических памятников Алтая VIII–IV веков до н.э. (от истоков до начала 80-х годов XX века). СПб. : ТОО «Вичи», 1996. 100 с.
- Марсадалов Л.С., Зайцева Г.И., Лебедева Л.М. Корреляция дендрохронологических и радиоуглеродных определений для больших курганов Саяно-Алтая // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху. СПб. : ИИМК РАН, 1994. С. 141–156.
- Миняев С.С. Дырестуйский могильник. СПб. : Фонд «АзиатИКА», 1998. 233 с. (Археологические памятники сюнну. Вып. 3).
- Миняев С.С., Елихина Ю.И. К хронологии курганов Ноин-улы // Записки Института истории материальной культуры РАН. 2010. №5. С. 169–182.
- Михайлин Ю.А. Тепло-, термо- и огнестойкость полимерных материалов. СПб. : Научные основы и технологии, 2011. 823 с.
- Новикова О.Г. Исследования химического состава восточных лаков. Области применения. Обзор литературы // Восточноазиатские лаки. Методика реставрации, исследования. М. : Изд-во Всерос. худ. науч.-реставрац. центра им. акад. И.Э. Грабаря, 2000. С. 33–37.

Новикова О.Г., Степанова Е.В., Хаврин С.В. Изделия с китайским лаком из Пазырыкской коллекции Государственного Эрмитажа // Теория и практика археологических исследований. 2013. №1 (7). С. 112–124.

Окладников А.П. Работы Бурят-Монгольской археологической экспедиции в 1947–1950 годах // КСИИМК. 1952. Вып. XLV. С. 40–47.

Руденко С.И. Культура хуннов и Ноинулинские курганы. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1962. 203 с.

Сосновский Г.П. Нижне-Иволгинское городище // Проблемы истории докапиталистического общества. №7/8. Л., 1934. С. 150–156.

Сутягина Н.А., Новикова О.Г. Китайская лаковая чашечка из погребения «золотого человека» (по материалам могильника Бугры в предгорьях Алтая) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2016. №4 (44). С. 78–86.

Тишкин А.А. Китайские изделия в материальной культуре кочевников Алтая (2-я половина I тыс. до н.э.) // Этноистория и археология Северной Евразии: теория, методология и практика исследования. Иркутск ; Эдмонтон : Изд-во ИрГТУ, 2007а. С. 176–184.

Тишкин А.А. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2007б. 356 с.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Исследования погребально-поминальных памятников кочевников в Центральном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. IX, ч. I. Новосибирск : Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2003. С. 488–493.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Предметный комплекс из памятника Яломан-II на Алтае как отражение влияния материальной культуры хунну // Социогенез в Северной Азии. Ч. I. Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2005. С. 327–333.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Горный Алтай в хуннское время: культурно-хронологический анализ археологических материалов // Российская археология. 2006. №3. С. 31–40.

Тишкин А.А., Мельников В.П. Деревообработка на Алтае во II в. до н.э. – V в. н.э. (по материалам памятников Яломан-II и Бош-Туу-1). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2016. 192 с.: ил. (Археологические памятники Алтая. Вып. 2).

Тишкин А.А., Хаврин С.В., Новикова О.Г. Комплексное изучение находок лака из памятников Яломан-II и Шибе (Горный Алтай) // Древние и средневековые кочевники Центральной Азии. Барнаул : Азбука, 2008. С. 196–200.

«Хуайнаньцзы (Философы из Хуайнани)» / пер. Л.Е. Померанцевой. М. : Восточная литература, 2016. 527 с.

Хуань Куань. Дискуссия о соли и железе (Янь те лунь) / пер. с кит., введение, комм. и прил. Ю.Л. Кроля. Т. 1. СПб. : Центр «Петербургское Востоковедение», 1997. 416 с.

Ци Цзигуан. Цзисяо синьшу. Новая книга записок о достижениях [воинском деле] / под ред. Ма Минда. Пекин : Вэньхуа, 1988. 348 с.

Яковлев А.Д. Химия и технология лакокрасочных покрытий : учебник для вузов. СПб. : Химиздат, 2008. 448 с.

Bonanni F. Techniques of Chinese Lacquer. The Classic Eighteenth-Century Treatise on Asian Varnish. Los Angeles, 2009. Pp. 27–28.

Chen Zhenyu / Zhanguo Qin Han qiqiqun yanjiu / A Study on Lacquer Sets of the Warring States Period and the Qin and Han Dynasties. Beijing, 2007. 461 p.

Elikhina Y.I., Novikova O.G., Khavrin S.V. Chinese Lacquered Cups of the Han Dynasty from the collection of Noyon-Uul, the state Hermitage Museum: Complex Research Using the Methods of Art History and Natural Science // Asian Archaeology. 2013. Vol. 2. Pp. 93–107.

Elikhina Y.I., Novikova O.G., Khavrin S.V. Details and Fragments of Chinese Chariots of the Han Dynasty from Noyon-uul in the Collections of the State Hermitage Museum: Complex Research Using the Methods of Art History and the Natural Sciences // Asian Archaeology. 2015. Vol. 4. Pp. 100–117.

Jin Z.Y., Chen T.Y. Analysis of FTIR Spectra of Chinese Lacquer // Journal of Chinese Lacquer. 1985. Vol. 1. Pp. 1–10.

- Lacquerware in Asia. Lacquerware in Asia, Today and Yesterday / M. Kopplin (ed.). Paris, 2002. 240 p.
- Lacquerware from the Warring States to the Han Periods Excavated in the Hubei Province. Hubei Provincial Museum. Art Gallery the Chinese University of Hong Kong, 1994. 58 p.
- Li H. Lacquerware of Qi Kingdom and Preliminary Investigations into Some Related Question. *Guan Zi Xue Kan*. 2014. №4. Pp. 28–30.
- Lui C.Y., Nylan M., Barbieri-Low A. Recarving China's Past. Art, Archaeology and Architecture of the "Wu Family Shrines". New Haven and London, 2005. 512 p.
- Ma X.-M., Lu R., Miyakoshi T.B. Application of Pyrolysis Gas Chromatography / Mass Spectrometry in Lacquer Research: A Review // *Polymers*. 20014. №6. Pp. 132–144.
- Miniaev S., Elikhna J. On the Chronology of the Noyon uul Barrows // *The Silk Road*. 2009. Vol. 7. Pp. 21–31.
- Novikova O.G., Sivtsov E.V., Dementiev F.A. Possibilities of derivatography in the identification of archaeological Chinese lacquers of Qin and Han dynasties // *Baltic Polymer Symposium*. Tallinn, 2017. P. 110.
- Prüch M. Die Lacke Westlichen Han-Zeit (206 v. – 6 n. Chr): Bestand und Analyse. Frankfurt am Main, Berlin, New York, Paris, Wien : Lang, 1997. 617 p. (Reihe XXVIII, Kunstgeschichte. Vol. 299).
- Qin Han qi qi: Chang Jiang zhong you de xiu qi yi shu / Hubei Sheng bo wu guan bian = Lacquered Articles in the Qin and Han Dynasties: lacquered articles in the middle reaches of the Yangtze / Hubei Provincial Museum. Beijing : Wen wu chu ban she, 2007. 125 p.
- Ray Huang. 1587, A Year of No Significance: the Ming Dynasty in Decline. New Haven : Yale University Press, 1981. 294 p.
- Symes W., Dawson C. Separation and structural determination of the poison-ivy urushiol, cardanol and cardol // *Nature*. 1953. Vol. 171 (№4358). Pp. 841–842.
- Symes W., Dawson C. Poison-ivy «urushiol», V // *Journal of the American Chemical Society*. 1954. Vol. 76, №11. Pp. 2959–2963.
- Takahashi Seiji, Tsukagoshi Masamichi, Sato Toshiya, Kitahara Yuki, Fujii Toshihiro. Thermogravimetry of the Thermal Degradation of Japanese Lacquer (urushi) Films // *Journal of Thermal Analysis and Calorimetry*. 2013. №111 (1). Pp. 685–688.
- Tishkin A.A. Characteristic Burials of the Xiongnu Period at Jaloman-II in the Altai // *Xiongnu Archaeology: Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia*. Bonn, 2011. Pp. 539–558 (Bonn Contributions to Asian Archaeology. Vol. 5).
- Tsukagoshi Masamichi, Kitahara Yuki, Takahashi Seiji, Tsugoshi Takahisa, Fujii Toshihiro. Characterization of Japanese lacquer liquid and films by means of evolved gas analysis-ion attachment mass spectrometry // *Analytical Methods*. 2011. №3. Pp. 1943–1947.
- Wei Z., Weifang S., Shinging G. Analisis of Chinese Lacquer Wares from Han Dinasty // *Sciences of conservation and archaeology*. 1995. Vol. 7, №2. Pp. 28–36.
- Zhongguo Qiqi Quanji 1 Xian Qin Lacquer Treasures from China. Pre-Qin. Vol. 1. Beijing : Fujian Art Publishing House, 1997. 264 p.
- Zhongguo Qiqi Quanji 2 Zhanguo – Qin Lacquer Treasures from China Warring States Period to Qin Dynasty. Vol. 2. Beijing : Fujian Art Publishing House, 1997. 288 p.
- Zhongguo qi qi quan ji. Han Dynasty. Vol. 3. Beijing : Fujian Art Publishing House, 1997. 278 p.

References

- Bahman A., Mjuller K. Fenoplasty [Phenoplasts]. M. : Himija, 1978. 288 p.
- Bogdanov E.S. «Kamni zhizni» iz noin-ulinskih pogrebenij (po materialam raskopok v 2006–2012 godah) ["Stones of Life" from the Noin-Ulin Burials (on the materials of excavations in 2006–2012)]. *Arheologija, jetnografija i antropologija Evrazii* [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia. 2015]. 2015. №3. Pp. 91–99.
- Brosseder U., Marsadolov L.S. Novye radiouglerodnye daty dlja Ivolginskogo arheologicheskogo kompleksa ob'ektov v Zabajkal'e (predvaritel'nye rezul'taty) [New Radiocarbon Dates for the Ivolginsky Archaeological Complex of Objects in the Transbaikalia (preliminary results)]. *Drevnie kul'tury Mongolii i Bajkal'skoj Sibiri: mat. Mezhdunar. nauchn. konf* [Ancient Cultures of Mongolia and Baikal Siberia: Materials of the Intern. Scientific. Conf.]. Ulan-Udje : Izd-vo Burjat. gos. un-ta, 2010. Pp. 183–186.

Van Krevelen D.V. Svojstva i himicheskoe stroenie polimerov [Properties and Chemical Structure of Polymers]. M. : Himija, 1976. 416 p.

Veselovskij V.S. Ugol'nye i grafitovye konstrukcionnye materialy [Coal and Graphite Structural Materials]. M. : Nauka, 1966. 225 p.

Vostochnoaziatskie laki. Metodika restavracii, issledovanija: sbornik statej [East Asian Lacquers. Methods of Restoration, Research: a Collection of Articles]. M. : Izd-vo Vseros. hud. nauch.-restavrac. centra im. akad. I.Je. Grabarja, 2000. 130 p.

Davydova A.V. Ivolginskij arheologicheskij kompleks. Ivolginskoe gorodishhe [Ivolginsky Archaeological Complex. Ivolginsky Ancient Settlement]. SPb. : Fond «AziatIKA», 1995. 94 p. + 188 tabl. (Arheologicheskie pamjatniki sjunnu. Vyp. 1). [(Archaeological Monuments of the Xiongnu. Issue 2)].

Davydova A.V. Ivolginskij arheologicheskij kompleks. Ivolginskij mogil'nik [Ivolginsky Archaeological Complex. Ivolginsky Burial Ground]. SPb. : Centr «Peterburgskoe Vostokovedenie», 1996. 176 p. (Arheologicheskie pamjatniki sjunnu. Vyp. 2). [(Archaeological Monuments of the Xiongnu. Issue 2)].

Davydova A.V., Minjaev S.S. Hudozhestvennaja bronza sjunnu: Novye otkrytija v Rossii [Art Bronze of Xiongnu: New Discoveries in Russia]. SPb. : Izdatel'skij dom «Gamas», 2008. 120 p.

Dashkovskij P.K., Novikova O.N. Predvaritel'nye itogi izuchenija obrazcov laka iz kurgana №31 mogil'nika Chineta-II (Altaj) [Preliminary Results of the Study of Lacquers Samples from the Burial Mound No. 31 of the Cineta II Burial Ground (Altai)]. Arheologija Zapadnoj Sibiri: opyt mezhdisciplinarnyh issledovanij [Archaeology of Western Siberia: the Experience of Interdisciplinary Research]. Barnaul : Izd-vo Alt. gos. un-ta, 2015. Pp. 115–118.

Dashkovskij P.K., Novikova O.N. Kitajskie laki iz mogil'nika ckifskoj jepohi Chineta II (Altaj) [Chinese Lacquers from the Scythian Burial Chineta II (Altai)]. Arheologija, jetnografija i antropologija Evrazii [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia]. 2017. №4. Pp. 116–126.

Dinastija Han' pered ugrozoi izvne (iz dokladov Czja I tronu) [The Han Dynasty before the Threat from Outside (from the reports of Jia Yi and the throne)]. Strany i narody Vostoka, Vyp. XXXII [Countries and Peoples of the East]. M. : Vostochnaja literatura. 2005. Pp. 123–125.

Evrazija v skifskuju jepohu: Radiouglerodnaja i arheologicheskaja hronologija [Eurasia in Scythian Era: Radiocarbon and Archaeological Chronology]. A.Ju. Alekseev, N.A. Bokovenko, S.S. Vasil'ev i dr. SPb. : Teza, 2005. 290 p.

Elihina Ju.I., Novikova O.G., Havrin S.V. Kitajskie lakirovannye chashechki jepohi Han' iz kolekcii Gosudarstvennogo Jermitazha [Chinese Lacquered Cups of the Han Era from the Collection of the State Hermitage]. Sovremennye reshenija aktual'nyh problem evrazijskoj arheologii [Contemporary Solutions to the Current Problems of Eurasian Archaeology]. Barnaul : Izd-vo Alt. gos. un-ta, 2013. Pp. 55–58.

Ermakov M.E. Dinastija Han' pered ugrozoi izvne (iz doklada Czja I tronu). Vvedenie, perevody, zakljuchenie [The Han Dynasty before the Threat from the Outside (from the report of Czja I to the Throne). Introduction, Translations, Conclusion]. Dal'nij Vostok. Kn. 4. [Far East. Book 4]. M. : Vost. lit., 2005. Pp. 362–383 (Strany i narody Vostoka, Vyp. 32) [Countries and Peoples of the East, Issue 32].

Knop A., Shejb V. Fenol'nye smoly i materialy na ih osnove [Phenolic Resins and Materials Based on Them / trans. with English. Ed. F. Shutova / per. s angl. pod red. F.A. Shutova. M. : Himija, 1983. Pp. 101–104.

Kravcova M.E. K probleme interpretacii rannesrednevekovogo kitajskogo rituala: na materiale Prazdnestva tret'ego dnja tret'ego mesjaca [To the Problem of Interpretation of Early Medieval Chinese Ritual: on the Material of the Third Day of the Third Month]. Sovetskaja jetnografija [Soviet Ethnography]. 1991. №1. Pp. 103–114.

Kravcova M.B. Istorija iskusstva Kitaja : uchebnoe posobie [History of Art in China: a Textbook]. SPb. : Izd-vo «Lan'», 2004. 960 p.

Kradin N.N., Danilov S.V., Konovalov P.B. Social'naja struktura hunnov Zabajkal'ja [The Social Structure of the Xiongnu of Transbaikalia]. Vladivostok : Dal'nauka, 2004. 106 p.

Lubo-Lesnichenko E.I. Kitajskie lakovye izdelija iz Noin-Uly [Chinese Lacquer Ware from Noin-Uly]. Trudy Gosudarstvennogo Jermitazha. Kul'tura i iskusstvo narodov Vostoka [Proceedings of the State Hermitage. Culture and Art of the Peoples of the East]. L. : Sovetskij hudozhnik, 1969. T. 10 (7). Pp. 267–277.

Lubo-Lesnichenko E.I. Kitaj na shelkovom puti (Shelk i vneshnie svjazi drevnego i rannesrednevekovogo Kitaja) [China on the Silk Road (Silk and External Links of Ancient and Early Medieval China)]. M. : Vostochnaja literatura, 1994. 326 p.

Marsadolov L.S. Istorija i itogi izuchenija arheologičeskikh pamjatnikov Altaja VIII–IV vekov do n.je. (ot istokov do nachala 80-h godov HH veka) [The History and Results of the Study of the Archaeological Monuments of Altai in the 8th–4th Centuries BC (from the sources until the beginning of the 1980s)]. SPb. : TOO «Vichi», 1996. 100 p.

Marsadolov L.S., Zajceva G.I., Lebedeva L.M. Korreljacija dendrochronologičeskikh i radiouglerodnyh opredelenij dlja bol'shix kurganov Sajano-Altaja [Correlation of Dendrochronological and Radiocarbon Definitions for the Big Mounds of the Sayano-Altai]. Jelitnye kurgany stepej Evrazii v skifo-sarmatskuju jepohu [Elite Mounds of the Eurasian Steppes in the Scythian-Sarmatian Epoch]. SPb. : IIMK RAN, 1994. Pp. 141–156.

Minjaev S.S. Dyrestujskij mogil'nik [Dyrestujsky Burial Ground]. SPb. : Fond «Aziatika», 1998. 233 p. (Arheologičeskie pamjatniki sjunnu. Vyp. 3) [(Archaeological Monuments of the Xiongnu, issue 3)].

Minjaev S.S., Elihina Ju.I. K hronologii kurganov Noin-uly [To the Chronology of the Noin-Shi Mounds]. Instituta istorii material'noj kul'tury RAN [Notes of the Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences]. Zapiski. 2010. №5. Pp. 169–182.

Mihajlin Ju.A. Teplo-, termo- i ognestojkost' polimernyh materialov [Thermal and Fire Resistance of Polymer Materials]. SPb. : Nauchnye osnovy i tehnologii, 2011. 823 p.

Novikova O.G. Issledovanija himičeskogo sostava vostočnyh lakov. Oblasti primenenija. Obzor literatury [Studies of the Chemical Composition of Eastern Lacquers. Areas of Use. Literature Review]. Vostočnoaziatskie laki. Metodika restavracii, issledovanija [East Asian Varnishes. Methods of Restoration, Research]. M. : Izd-vo Vseros. hud. nauch.-restavrac. centra im. akad. I.Je. Grabarja, 2000. Pp. 33–37.

Novikova O.G., Stepanova E.V., Havrin S.V. Izdelija s kitajskim lakom iz Pazyrykskoj kollekcii Gosudarstvennogo Jermitazha [Products with Chinese Lacquer from the Pazyryk Collection of the State Hermitage]. Teorija i praktika arheologičeskikh issledovanij [Theory and Practice of Archaeological Research]. 2013. №1 (7). Pp. 112–124.

Okladnikov A.P. Raboty Burjat-Mongol'skoj arheologičeskoj jekspedicii v 1947–1950 godah [Works of the Buryat-Mongolian Archaeological Expedition in 1947–1950]. KSIIMK. 1952. Vyp. XLV [PSIIMK. 1952. Issue. XLV]. Pp. 40–47.

Rudenko S.I. Kul'tura hunnov i Noinulinskie kurgany [Culture of the Xiongnu and the Noinulinsky Mounds]. M. ; L. : Izd-vo AN SSSR, 1962. 203 p.

Sosnovskij G.P. Nizhne-Ivolginskoe gorodishhe [Nizhne-Ivolginsky Ancient Settlement]. Problemy istorii dokapitalističeskogo obshhestva [Problems of the History of Precapitalist Society]. №7/8. L., 1934. Pp. 150–156.

Sutjagina N.A., Novikova O.G. Kitajskaja lakovaja chashechka iz pogrebenija «zolotogo cheloveka» (po materialam mogil'nika Bugry v predgor'jah Altaja) [Chinese Lacquered Cup from the Burial of the “Golden Man” (based on the materials of the Bugry burial ground in the foothills of the Altai)]. Arheologija, jetnografija i antropologija Evrazii [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia]. 2016. №4 (44). Pp. 78–86.

Tishkin A.A. Kitajskie izdelija v material'noj kul'ture kočevnikov Altaja (2-ja polovina I tys. do n.je.) [Chinese Products in the Material Culture of the Nomads of Altai (2nd half of the 1st millennium BC)]. Jetnoistorija i arheologija Severnoj Evrazii: teorija, metodologija i praktika issledovanija [Ethnohistory and Archaeology of Northern Eurasia: Theory, Methodology and Practice of Research]. Irkutsk ; Jedmonton : Izd-vo IrGTU, 2007a. Pp. 176–184.

Tishkin A.A. Sozdanie periodizacionnyh i kul'turno-hronologičeskikh shem: istoričeskij opyt i sovremennaja koncepcija izuchenija drevnih i srednevekovyh narodov Altaja [Creation of Periodization and Cultural-Chronological Schemes: Historical Experience and Modern Concept of Studying of Ancient and Medieval Peoples of Altai]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2007b. 356 p.

Tishkin A.A., Gorbunov V.V. Issledovanija pogrebal'no-pominal'nyh pamjatnikov kočevnikov v Central'nom Altae [Investigations of Burial-Memorial Monuments of Nomads in Central Altai]. Problemy arheologii, jetnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij. T. IX, ch. I [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories. Vol. IX, Part I]. Novosibirsk : Izd-vo Instituta arheologii i jetnografii SO RAN, 2003. Pp. 488–493.

Tishkin A.A., Gorbunov V.V. Predmetnyj kompleks iz pamjatnika Jaloman-II na Altae kak otrazhenie vlijanija material'noj kul'tury hunnu [The Object Complex from the Yaloman-II Site in Altai as a Reflection of the Influence of the Material Culture of the Xiongnu]. *Sociogenesis in North Asia. Part I*. Irkutsk : Izd-vo IrGTU, 2005. Pp. 327–333.

Tishkin A.A., Gorbunov V.V. Gornyj Altaj v hunnuskoe vremja: kul'turno-hronologičeskij analiz arheologičeskij materialov [The Altai Mountains in the Xiongnu Time: Cultural and Chronological Analysis of Archaeological Materials]. *Rossijskaja arheologija [Russian Archaeology]*. 2006. №3. Pp. 31–40.

Tishkin A.A., Myl'nikov V.P. Derevoobrabotka na Altae vo II v. do n.je. – V v. n.je. (po materialam pamjatnikov Jaloman-II i Bosh-Tuu-I) [Woodworking in Altai in the 2nd Century BC – 5th AD (based on the materials of the Yaloman-II and Bosch-Tuu-I Sites)]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2016. 192 s.: il. (Arheologičeskije pamjatniki Altaja. Vyp. 2) [Archaeological Sites of Altai. Issue 2].

Tishkin A.A., Havrin S.V., Novikova O.G. Kompleksnoe izučenie nahodok laka iz pamjatnikov Jaloman-II i Shibe (Gornyj Altaj) [Complex Study of Lacquer Finds from the Yaloman-II and Shiba (Gorny Altai) Sites]. *Drevnie i srednekovye kočevniki Tsentral'noj Azi [Ancient and Medieval Nomads of Central Asia]*. «Huajnan'czy (Filosofy iz Huajnani)» / per. L.E. Pomerancevoj. M. : Vostochnaja literatura, 2016. 527 p.

«Khuaynan'tszy (Filosofy iz Khuaynani)» [“Huainanzi (Philosophers from Huainani)”] / per. L.E. Pomerantsevov. M. : Vostochnaya literatura, 2016. 527 p.

Huan' Kuan'. Diskussija o soli i zheleze (Jan' te lun') [Discussion about Salt and Iron (Yang te lun) / per. s kit., vvedenie, komm. i pril. Ju.L. Krolja. T. 1. [trans. from Chinese, Introduction, commentaries and supplements of Yu. K. Krolj]. SPb. : Centr «Peterburgskoe Vostokovedenie», 1997. 416 p.

Ci Cziguan. Czisjao sin'shu. Novaja kniga zapisok o dostizhenijah [voinskome dele] [A New Book of Notes on Achievements [Military Service]] / pod red. Ma Minda. Pekin : Vjen'hua, 1988. 348 p.

Jakovlev A.D. Himija i tehnologija lakorasochnyh pokrytij: učebnik dlja vuzov [Chemistry and Technology of Paint and Lacquer Coatings: a Textbook for High Schools]. SPb. : Himizdat, 2008. 448 p.

Bonanni F. Techniques of Chinese Lacquer. The Classic Eighteenth-Century Treatise on Asian Lacquers. Los Angeles, 2009. Pp. 27–28.

Chen Zhenyu / Zhanguo Qin Han qiqiqun yanjiu / A Study on Lacquer Sets of the Warring States Period and the Qin and Han Dynasties. Beijing, 2007. 461 p.

Elikhina Y.I., Novikova O.G., Khavrin S.V. Chinese Lacquered Cups of the Han Dynasty from the Collection of Noyon-Uul, the State Hermitage Museum: Complex Research Using the Methods of Art History and Natural Science // *Asian Archaeology*. 2013. Vol. 2. Pp. 93–107.

Elikhina Y.I., Novikova O.G., Khavrin S.V. Details and Fragments of Chinese Chariots of the Han Dynasty from Noyon-uul in the Collections of the State Hermitage Museum: Complex Research Using the Methods of Art History and the Natural Sciences // *Asian Archaeology*. 2015. Vol. 4. Pp. 100–117.

Jin Z.Y., Chen T.Y. Analysis of FTIR Spectra of Chinese Lacquer // *Journal of Chinese Lacquer*. 1985. Vol. 1. Pp. 1–10.

Lacquerware in Asia. Lacquerware in Asia, Today and Yesterday / M. Kopplin (ed.). Paris, 2002. 240 p.

Lacquerware from the Warring States to the Han Periods Excavated in the Hubei Province. Hubei Provincial Museum. Art Gallery the Chinese University of Hong Kong, 1994. 58 p.

Li H. Lacquerware of Qi Kingdom and Preliminary Investigations into Some Related Question. *Guan Zi Xue Kan*. 2014. №4. Pp. 28–30.

Lui C.Y., Nylan M., Barbieri-Low A. Recarving China's Past. Art, Archaeology and Architecture of the “Wu Family Shrines”. New Haven and London, 2005. 512 p.

Ma X.-M., Lu R., Miyakoshi T.B. Application of Pyrolysis Gas Chromatography / Mass Spectrometry in Lacquer Research: A Review // *Polymers*. 20014. №6. Pp. 132–144.

Miniaev S., Elikhina J. On the Chronology of the Noyon uul Barrows // *The Silk Road*. 2009. Vol. 7. Pp. 21–31.

Novikova O.G., Sivtsov E.V., Dementiev F. A. Possibilities of Derivatography in the Identification of Archaeological Chinese Lacquers of Qin and Han Dynasties // *Baltic Polymer Symposium*. Tallinn, 2017. 110 p.

Prüch M. Die Lacke Westlichen Han-Zeit (206 v. – 6 n. Chr): Bestand und Analyse. Frankfurt am Main, Berlin, New York, Paris, Wien : Lang, 1997. 617 s. (Reihe XXVIII, Kunstgeschichte. Vol. 299).

Qin Han qi qi: Chang Jiang zhong you de xiu qi yi shu / Hubei Sheng bo wu guan bian = Lacquered Articles in the Qin and Han Dynasties: Lacquered Articles in the Middle Reaches of the Yangtze / Hubei Provincial Museum. Beijing : Wen wu chu ban she, 2007. 125 p.

Ray Huang. 1587, A Year of No Significance: the Ming Dynasty in Decline. New Haven : Yale University Press, 1981. 294 p.

Symes W., Dawson C. Separation and Structural Determination of the Poison-Ivy Urushiol, Cardanol and Cardol // *Nature*. 1953. Vol. 171 (№4358). Pp. 841–842.

Symes W., Dawson C. Poison-ivy «urushiol», V // *Journal of the American Chemical Society*. 1954. Vol. 76, №11. Pp. 2959–2963.

Takahashi Seiji, Tsukagoshi Masamichi, Sato Toshiya, Kitahara Yuki, Fujii Toshihiro. Thermogravimetry of the Thermal Degradation of Japanese Lacquer (urushi) Films // *Journal of Thermal Analysis and Calorimetry*. 2013. №111 (1). Pp. 685–688.

Tishkin A.A. Characteristic Burials of the Xiongnu Period at Jaloman-II in the Altai // *Xiongnu Archaeology: Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia*. Bonn, 2011. Pp. 539–558 (Bonn Contributions to Asian Archaeology. Vol. 5).

Tsukagoshi Masamichi, Kitahara Yuki, Takahashi Seiji, Tsugoshi Takahisa, Fujii Toshihiro. Characterization of Japanese Lacquer Liquid and Films by Means of Evolved Gas Analysis-ion Attachment Mass Spectrometry // *Analytical Methods*. 2011. №3. Pp. 1943–1947.

Wei Z., Weifang S., Shinging G. Analysis of Chinese Lacquer Wares from Han Dynasty // *Sciences of Conservation and Archaeology*. 1995. Vol. 7, №2. Pp. 28–36.

Zhongguo Qiqi Quanji 1 Xian Qin Lacquer Treasures from China. Pre-Qin. Vol. 1. Beijing : Fujian Art Publishing House, 1997. 264 p.

Zhongguo Qiqi Quanji 2 Zhanguo – Qin Lacquer Treasures from China Warring States Period to Qin Dynasty. Vol. 2. Beijing : Fujian Art Publishing House, 1997. 288 p.

Zhongguo qi qi quan ji. Han Dynasty. Vol. 3. Beijing : Fujian Art Publishing House, 1997. 278 p.

O.G. Novikova¹, L.S. Marsadolov¹, A.A. Tishkin²

¹*State Hermitage, St. Petersburg, Russia;*

²*Altai State University, Barnaul, Russia*

CHINESE LACQUER PRODUCTS IN TRANSBAIKALIA AND IN ALTAI IN THE XIONGNU TIME

Since the end of the 3rd century BC one of the most famous and militant associations of nomads of Inner Asia was the tribal union of the Xiongnu which for almost three centuries determined the destinies of many peoples in the vast region. In the sphere of such influence fell such territories as Transbaikalia, Tuva, Minusinsk depression, Altai and other regions of Northern Asia fell, which is reflected in numerous archaeological sites. The constant interaction of the Xiongnu Empire with China affected the specificity of their material and spiritual culture. This in turn was transferred on neighboring nomadic societies of that time.

The article is devoted to the study of fragments of Chinese lacquer items that were discovered during the excavations of the Ivolginsky archaeological complex in Transbaikalia and the Yaloman II burial ground in Altai. The investigated objects date back to the 2nd – 1st centuries BC. The finds are kept in the State Hermitage Museum and in the Altai Museum of Archaeology and Ethnography of Altai State University. They were studied according to a special complex methodology, which took into account the archaeological context of their location and technological approach in detailed analysis and comparison of the compositions of ancient paint coatings based on Chinese cyanide lacquer. The studies of the samples were carried out consistently: from the application of scientific and technical methods with a greater degree of error (microchemistry, X-ray fluorescence analysis, optical microscopy with various degrees of magnification) to more accurate (Fourier spectrometry, differential thermal analysis). The existing analogies to the presented subjects indicate that the time of their creation falls on the Qin era and the middle period of the existence of the Western Han.

Key words: Transbaikalia, Altai, Xiongnu, mounds, chinese cyanok, erbay cup, belt, FT-IR spectroscopy, X-ray diffraction analysis, derivatography, lacquer ware of the Qin and Han epoch.

ТЮРКСКИЕ ОГРАДЫ МОГИЛЬНИКА ТАНАБАЙ В КОНТЕКСТЕ ИССЛЕДОВАНИЙ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ПАМЯТНИКОВ ЦЕНТРАЛЬНОГО КАЗАХСТАНА

Исследованные памятники тюркского времени на территории Центрального Казахстана многочисленны (Егиз-Койтас, Дау-Кара, Жарлы-1 и 2, Копа, Ижевский-2, Аккойтас-IV, Майбулак-II и Нуринское погребение). Предметный интерес у исследователей вызывает преимущественно один аспект проблематики – антропоморфные изваяния, которым посвящена масса статей и несколько монографий, в то время как информативный погребальный обряд и связанная с ним ритуальная практика остаются несколько в стороне. В рамках данной статьи вводятся в научный оборот результаты работ на могильнике Танабай, где был изучен комплекс из трех оград с антропоморфным изваянием и балбалами. Сооружения представляли собой четырехугольные ограды, возведенные из плит, установленных вертикально, а внутреннее пространство было заполнено средними и крупными по размерности камнями. В южной постройке, при выборке внутриоградного заполнения, обнаружены фрагменты черепа овцы и керамического изделия. Собственно тюркские ограды раскопаны на памятниках Копа, Дау-Кара и Аккойтас-IV. Наиболее правильным будет пока датировать их широким хронологическим интервалом: 2-я половина VI–VIII вв. Терminus ante quem верхней границы служит распространение с IX в. в регионе кыпчакских племен, у которых традиция возведения четырехугольных оград «отмирает».

Ключевые слова: Центральный Казахстан, тюркское время, ограда, изваяние, балбал.

DOI: 10.14258/tpai(2018)1(21).-10

Введение

Период раннего средневековья Центрального Казахстана мало освещен археологическими исследованиями и представляет собой лагуну в сравнении с сопредельными регионами, что, естественно, негативно сказывается на реконструкции историко-культурного процесса в степной полосе Евразии. Предметный интерес у исследователей вызывает преимущественно один аспект проблематики – антропоморфные изваяния, которым посвящена масса статей и несколько монографий [Маргулан, 2003; Ермоленко, 2004; и др.], в то время как информативный погребальный обряд и связанная с ним ритуальная практика остаются несколько в стороне.

Сведения о тюркском времени региона слагаются из материалов работ на девяти памятниках: Егиз-Койтас [Кадырбаев, 1959, с. 183–186, 198–199, рис. 19, 20, 20а], Нуринское погребение [Боталов, Ткачев, 1992], Жарлы-1, 2 [Бейсенов, Кожак, 2001], Ижевский-2 [Бейсенов, Волошин, 2002], Копа [Ермоленко, 2004, рис. 7, 8, 9.-20], Аккойтас-IV [Байтанаев и др., 2014, с. 661–663, фото 3], Дау-Кара [Ермоленко, Евдокимов, 2017] и Майбулак-II [Дмитриев и др., 2017].

В рамках данной статьи вводятся в научный оборот результаты исследований в 2012 г. экспедицией Областного историко-краеведческого музея г. Караганды комплекса тюркских оград могильника Танабай. Определено их место среди ранее изученных объектов.

Памятник находится в Бухар-Жырауском районе Карагандинской области, в 110 км северо-восточнее г. Караганды, в 1,5 км северо-восточнее поселка Тортколь и расположен севернее берега реки Шантимес, в широкой долине, ограниченной вы-

сокими сопками. На погребальном поле визуально зафиксированы объекты нескольких исторических эпох (бронзового и раннего железного веков, средневековья). В 2012 и 2014 гг. на могильнике были раскопаны несколько курганов бронзового века [Кукушкин И.А., Кукушкин А.И., 2015], в одном из которых обнаружены парные костяки лошадей, имитирующие колесничную упряжку.

Описание исследованных объектов

Тюркские ограды располагались на северо-восточной окраине некрополя и были вытянуты цепочкой по линии ССЗ–ЮЮВ (рис. 1). У южного сооружения до раскопок отмечен ряд обломленных каменных столбиков. Раскопом площадью 33,5 кв. м ансамбль был полностью исследован.

Северное сооружение (№49) представляло собой подпрямоугольную в плане формы ограду, размерами 2,4×2х1,8×1,7 м, ориентированную углами по сторонам света и сложенную из четырех плит, наклонившихся наружу. Внутреннее пространство было плотно забутовано камнями, под которыми находок не обнаружено (рис. 2).

Центральное сооружение (№48) имело подпрямоугольную в плане форму, размерами 2×1,8×1,9×1,6 м, было ориентировано углами по сторонам света и состояло из четырех вертикально установленных плит, частично наклонившихся наружу. Внутреннее пространство было плотно забутовано камнями. С северо-восточной стороны вплотную к ограде был установлен необработанный балбал, размерами 0,6×0,28×0,21 м. В ходе исследований постройки никаких находок не обнаружено (рис. 2–3).

Южное сооружение (№47) имело подпрямоугольную в плане форму, размерами 2×1,85×1,75×1,85 м, и ориентировано углами по сторонам света. Северо-западная стенка состояла из двух плит, северо-восточная и юго-западная из одной, а юго-восточная на момент раскопок отсутствовала. Внутреннее пространство практически не содержало каменной забутовки, но было заполнено землей. В процессе выборки заполнения ограды были обнаружены фрагменты черепа овцы и керамического изделия (рис. 2).

С северо-восточной стороны от ограды отходила цепочка вертикально установленных объектов. На расстоянии 0,5 м находилось антропоморфное изваяние, размерами 0,67×0,46×0,2 м, у которого углублением была четко обозначена шея. Несколько обособленно, в метре, зафиксированы два обломленных необработанных гранитных столбика. Первый – размерами 0,43×0,24×0,15 м, второй – 0,29×0,16×0,10 м (рис. 4).

Обсуждение полученных результатов

Ограды Танабай встали в один ряд с раскопанными комплексами Копа, Аккойтас-IV, Дау-Кара и составляют группу памятников, отличную от сооружений Егиз-Койтас, Жарлы-1 и 2, Нуринское погребение, Ижевский-2 и Майбулак-II, содержащих захоронения, часть которых сопровождалась костяками лошадей. По количеству плит в стенках ограды подразделяются на четырехплитовые (Танабай) и многоплитовые (Копа, Аккойтас-IV, Дау-Кара).

Установка каменных изваяний и балбалов с восточной стороны свойственна обрядности тюрок и подтверждается полевыми исследованиями на Алтае, в Тыве и Минусинской котловине [Серегин, 2011, с. 50]. Эта традиция зафиксирована и на центрально-казахстанских памятниках (Копа, Дау-Кара, Танабай). Примечательно, что цепочку вертикальных объектов сооружения 3 (Танабай) начинает антропоморфное

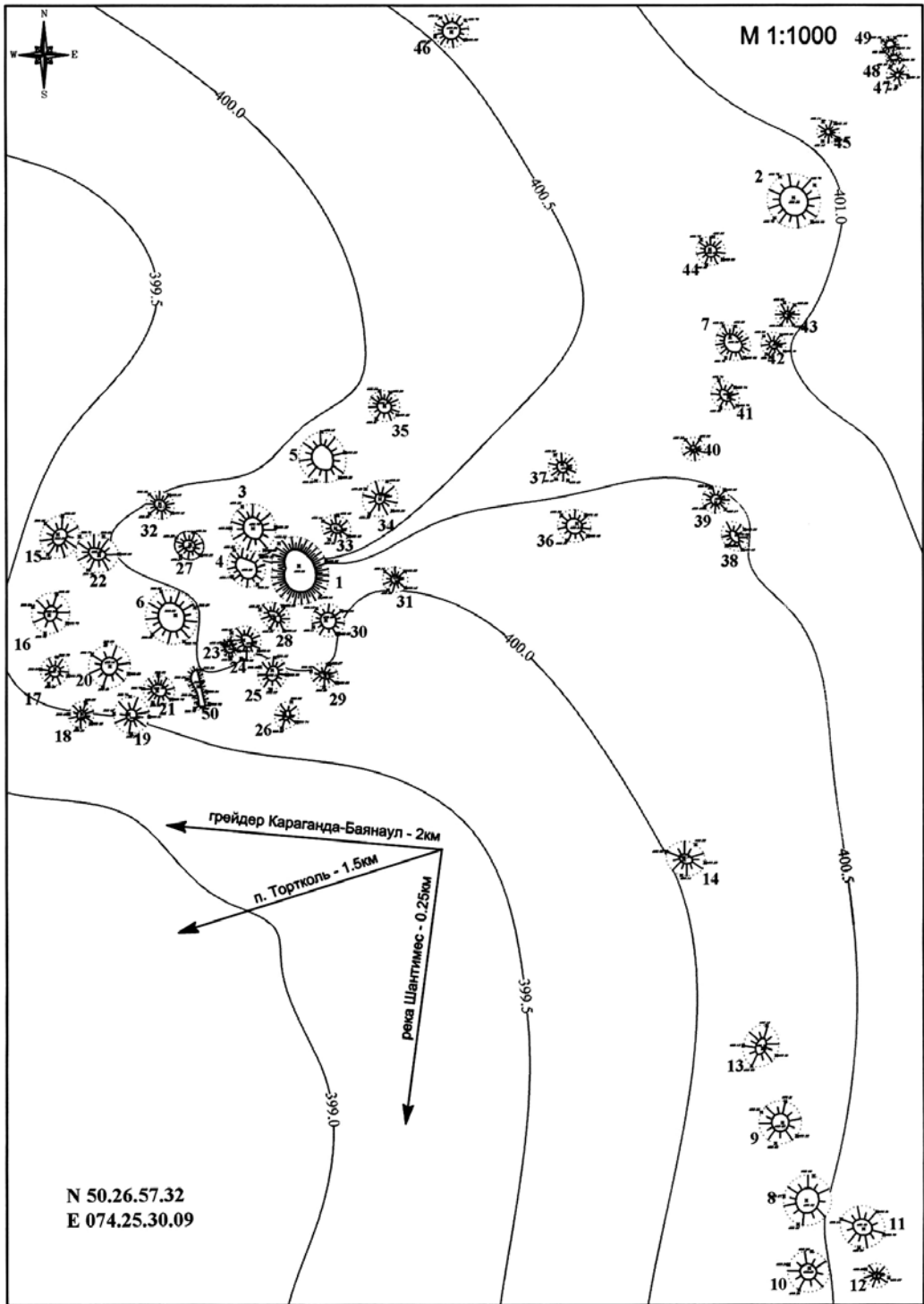

Рис. 1. План могильника Танабай

изваяние (рис. 3), которое имеет в этом плане сходство с комплексом в урочище Худжирт (Монгольский Алтай) [Серегин, 2011, рис. 3], где, помимо прочего, изваяниям были специально приданы отличные от балбалов характеристики: другая порода камня, более крупные размеры.

Несколько выделяется поваленный каменный столб сооружения Аккойтас-IV, который был, вероятно, установлен внутри ограды. Аналогичные в плане расположения объекты известны, к примеру, в Монголии [Горбунов и др., 2015, с. 75–77; Тишкин

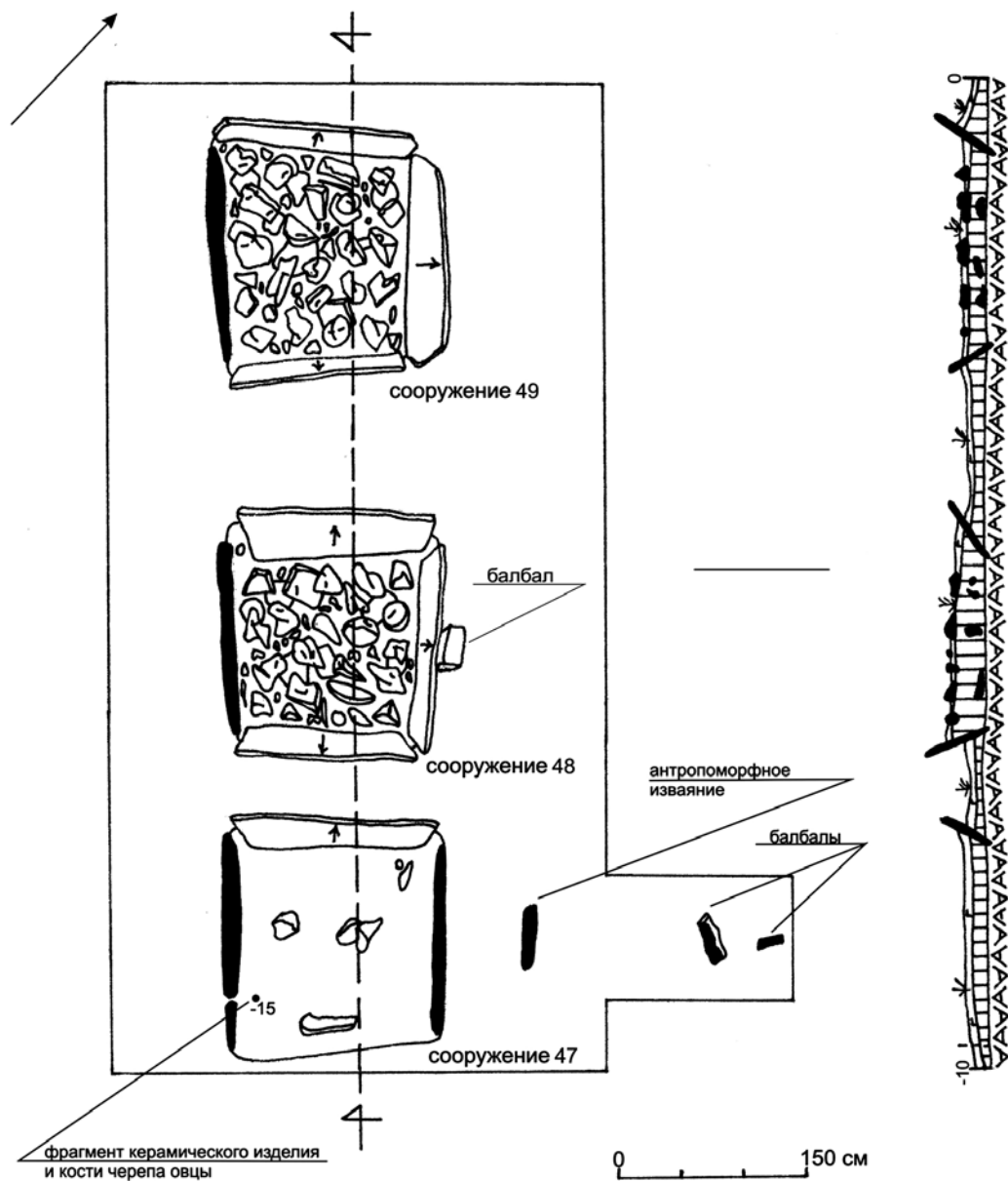

Рис. 2. План и профиль тюркских оград

и др., 2015]. Возможно, они являются аналогами деревянных столбов на Алтае [Семибратов, Матренин, 2008, с. 60], и перед «закрытием» комплексов, по мнению некоторых исследователей, их могли специально ломать [Горбунов и др., 2015, с. 85].

Рис. 3. Вид сооружения №48 с восточной стороны

Рис. 4. Цепочка вертикальных объектов сооружения №47

Особенности расположения изваяний, балбалов и каменных столбов позволяют сопоставить их со сведениями письменных источников. В этом плане интересны материалы, собранные Л.Р. Кызласовым [1964]. Согласно Лю Маоцаю, описавшему погребальный обряд тюрков: «...они погребают пепел и устанавливают на могилу де-

ревянный столб в качестве памятного знака. На могиле они сооружают помещение, в котором рисуют облик покойного и сцены битв, в которых умерший принимал участие до смерти. Если он некогда убил одного человека, тогда один камень ставят. Число камней достигало иногда до ста или тысячи».

По поводу так называемых памятных столбов можно привести мнение Е.В. Войтова [1996, с. 166], который считает их определенным выражением представления о «Мировом дереве» и т.д. Вертикально установленные объекты в пределах погребальных сооружений известны как минимум с бронзового века [Бобров, 1992]. Не менее показателен в этом плане комплекс финальной бронзы Шантимес, где в погребении гигантской четырехугольной каменной платформы, с обилием кострищ по периметру, обнаружено обломленное основание стелы, которая в древности вполне могла выступать на поверхность [Кукушкин, Дмитриев, 2017]. По своей природе они вполне могли быть полисемантичны. Однозначно говорить о той или иной функции довольно сложно, тем более, как мы увидим ниже, они могли служить и для совсем другой цели.

Благодаря внутренней локализации ямок от столбов на общем фоне выделяются оградки Дау-Кара, на данный момент единственные в своем роде. Несколько сооружений с наружными столбовыми ямками исследованы в комплексе Коба [Ермоленко, Евдокимов, 2017, с. 32–33]. По мнению Л.Н. Ермоленко и В.В. Евдокимова, они могли быть основой какой-то четырехугольной конструкции, примыкавшей к южной стенке. При этом необходимо учитывать, что установленные в ямках столбы были окружены забутовкой из рваного камня и не составляли правильных рядов и скорее служили для вывешивания жертвенных приношений [Ермоленко, Евдокимов, 2017, с. 30–31]. В этом ракурсе примечательны сведения В. Рубрука, который отмечал: «вокруг могилы одного половца... были поставлены жерди по четырем сторонам света и были развешаны 16 лошадиных шкур по четыре с каждой стороны» [Путешествие..., 1957, с. 102]. Традиция вывешивать части жертвенных животных на столбах доживает и до нашего времени, так, Л.П. Потапов [1953, с. 85] писал: «...современные тюрки Алтая еще в первой четверти XX в. также приносили в жертву лошадей и овец, головы которых вместе со шкурой вывешивали на жердях, приставленных к дереву».

Проведение жертвоприношений документируется в ограде 3 могильника Танабай, где были обнаружены фрагменты черепа овцы и керамического изделия. Известно, что челюсти домашних животных найдены в оградах Харганат-II [Горбунов и др., 2015, с. 77], Хушуун дэнж-4 [Тишкин и др., 2015, с. 232], Бике-IV [Семибратов, Матренин, 2008, с. 59] и т.д., а железные наконечники стрел, удила и бронзовые поясные бляхи в Аккойтасе-IV вполне могли имитировать полноценное захоронение. К примеру, части доспехов известны почти исключительно в кенотафах и «поминальных» оградах тюрков [Серегин, 2008, с. 148].

Неоднозначно обстоит вопрос с интерпретацией четырехугольных оградок, который долгое время считался решенным. В последние три десятилетия дискуссия по данной проблеме «разгорелась» заново. Этому поспособствовали исследования В.А. Могильникова [1992, 1994] на Алтае, которым были предложены аргументы в пользу их погребальной принадлежности, в противовес утвердившемуся поминальному назначению [Кубарев, 1984; и др.].

Последовательным сторонником отождествления четырехугольных оградок с «символическими» захоронениями – кенотафами – является Н.Н. Серегин, при этом

не исключающий возможности постепенной трансформации их в поминальные комплексы. Исследователем было отмечено, что в большинстве случаев объекты, рядом с которыми зафиксированы стелы и балбалы, не содержали «стандартного» погребения и относились к кенотафам, самостоятельным захоронениям лошадей или «ритуальным» курганам [Серегин, 2011, с. 50; Серегин, Шелепова, 2015, с. 91–106].

На наш взгляд, подвергнуть сомнению поминальную принадлежность центрально-казахстанских оград на данный момент практически нет оснований (возможно, за исключением материалов Аккойтаса-IV). При этом авторы вовсе не отрицают, что на Алтае на раннем этапе тюркские ограды могли являться кенотафами, демонстрируя в этом плане связь с погребальной обрядностью предшествующей булан-кобинской культурой.

В настоящее время предложено несколько моделей классификации и хронологии тюркских оград (В.Е. Войтов, Д.Г. Савинов, В.Д. Кубарев, Н.Н. Серегин, Е.В. Шелепова и др.). Широко известная концепция В.Е. Войтова, созданная для памятников Монголии, подразумевает хронологическую последовательность двух групп сооружений: многоплитовых и четырехплитовых. Наиболее ранней является первая группа, соответствующая эпохе Первого Тюркского каганата (VI–VII вв.), вторая же распространяется в конце VII – 1-й половине VIII вв., что соответствует Второму Восточному Тюркскому каганату [Войтов, 1996, с. 61–70]. Выводы исследователя актуальны и используются на практике [Тишкин и др., 2015, с. 70; Горбунов и др., 2015, с. 85].

Иная типологическая схема предложена В.Д. Кубаревым [1984, с. 50–51], согласно которой тюркские ограды подразделяются на несколько типов: кудыргинский, яконурский, юстыдский, уландрыкский и аютинский. Центрально-казахстанские сооружения можно соотнести с уландрыкским (Аккойтас-IV) и яконурским (Танабай, Копя, Дау-Кара) типами. Д.Г. Савинов [1984, с. 68–69] предлагает датировать их V–VI и IX–X вв. соответственно.

Обстоятельный анализ оград с шестичленной древовидной схемой их классификации проведен Е.В. Шелеповой. Исследовательница предлагает датировать четырехугольные рядом стоящие сооружения с изваяниями и балбалами с восточной стороны VI–X вв. [Шелепова, 2011, с. 219].

Заключение

Думается, что ввиду малочисленности раскопанных аналогичных комплексов в Центральном Казахстане и отсутствия достоверных хронологических реперов, наиболее правильным будет принять пока широкий хронологический интервал для датировки исследованных оград: 2-я половина VI – VIII вв. *Terminus ante quem* (пределом) верхней границы служит распространение с IX в. в указанном регионе кыпчакских племен [Степи Евразии..., 1981], у которых традиция возведения четырехугольных оград отмирает. Ранее Л.Н. Ермоленко [2004, с. 31] по аналогам оружия с кольчатым навершием, изображенного на обломке изваяния, датировала сооружения памятника Копя VII–VIII вв.

Библиографический список

Байтанаев Б.А., Ахатов Г.А., Казизов Е.С. Культурно-погребальный комплекс Каракойтас и Аккойтас «Долина батыров» // Восхождение к вершинам археологии : сборник материалов международной научной конференции «Древние и средневековые государства на территории Казахстана», по-

священный 90-летию со дня рождения К.А. Акишева. Алматы : Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2014. С. 659–668.

Бейсенов А.З., Волошин В.С. Могильник Ижевский-2 // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья. Павлодар : ЭКО, 2002. С. 165–174.

Бейсенов А.З., Кожакоев Д.А. Средневековые памятники Центрального Казахстана // История и археология Семиречья. Вып. 2. Алматы, 2001. С. 150–164.

Бобров В.В. К проблеме вертикально установленных объектов в погребениях эпохи бронзы Сибири и Казахстана // Северная Евразия от древности до средневековья. СПб. : ИИМК РАН, 1992. С. 54–57.

Боталов С.Г., Ткачев А.А. Нуринское погребение VIII–IX вв. // Археология Волго-Уральских степей. Челябинск : Челябинский государственный университет, 1990. С. 147–150.

Войтов В.Е. Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных памятниках Монголии VI–VIII вв. М. : Изд-во ГМВ, 1996. 152 с.

Горбунов В.В., Тишкин А.А., Серегин Н.Н., Мухарева А.Н., Мунхбаяр Ч. Продолжение исследований тюркских оградок на территории Монгольского Алтая // Теория и практика археологических исследований. 2015. №1 (11). С. 70–86. DOI: 10.14258/tpai(2015)1(11)-05.

Дмитриев Е.А., Ломан В.Г., Кукушкин И.А. Могильник Майбулак II. Новый памятник эпохи средневековья Сарыарки // Актуальные проблемы отечественной истории и археологии. Караганда : Изд-во КарГУ, 2017. С. 48–51.

Ермоленко Л.Н. Средневековые изваяния казахстанских степей (типология, семантика в аспекте военной идеологии и традиционного мировоззрения). Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2004. 132 с.

Ермоленко Л.Н., Евдокимов В.В. Средневековые изваяния из музея археологии Карагандинского университета // Актуальные проблемы отечественной истории и археологии. Караганда : Изд-во КарГУ, 2017. С. 30–35.

Кадырбаев М.К. Памятники ранних кочевников Центрального Казахстана // Труды Института истории, археологии и этнографии. Алма-Ата : Изд-во АН КазССР, 1959. Т. 7. С. 162–202.

Кубарев В.Д. Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск : Наука, 1984. 232 с.

Кукушкин И.А., Дмитриев Е.А. Ритуально-погребальный комплекс финальной бронзы Шантимес (Центральный Казахстан) // Известия Алтайского государственного университета. 2017. №5 (97). С. 207–212.

Кукушкин И.А., Кукушкин А.И. Некоторые итоги исследований могильника Танабай // Казахское ханство в потоке истории. Алматы : Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2015. С. 670–681.

Кызласов Л.Р. О назначении древнетюркских каменных изваяний, изображающих людей // Советская археология. 1964. №2. С. 27–39.

Маргулан А.Х. Петроглифы Сарыарки. Гравюры с изображением волчьего тотема. Каменные изваяния Улытау. Соч. в 14 т. Т. 3–4. Алматы : Дайк-Пресс, 2003. 246 с.

Могильников В.А. Древнетюркские оградки Кара-Коба-I // Материалы к изучению прошлого Горного Алтая. Горно-Алтайск : ГАНИИИЯЛ, 1992. С. 175–212.

Могильников В.А. Культовые кольцевые оградки и курганы Кара-Коба-I // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. Горно-Алтайск : ГАНИИИЯЛ, 1994. С. 94–116.

Потапов Л.П. Очерки по истории алтайцев. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1953. 444 с.

Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М. : Географизм, 1957. 270 с.

Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л. : Изд-во ЛГУ, 1984. 174 с.

Семибратов В.П., Матренин С.С. Исследование погребальных и поминальных памятников тюркской культуры в зоне строительства Алтайской ГЭС в 2007 г. // Теория и практика археологических исследований. Вып. 4. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2008. С. 54–66.

Серегин Н.Н. Объекты «ритуального» характера в составе погребальных комплексов тюркской культуры // Древние и современные культовые места Алтая. Барнаул : ООО «Печатная компания АРТИКА», 2011. С. 49–54.

Серегин Н.Н. Традиция сооружения кенотафами кочевниками тюркской культуры // Археология степной Евразии. Кемерово : КузГТУ, 2008. С. 144–153.

Серегин Н.Н., Шелепова Е.В. Тюркские ритуальные комплексы Алтая (2-я половина I тыс. н.э.): систематизация, анализ, интерпретация. Барнаул : Азбука, 2015. 168 с.

Степи Евразии в эпоху средневековья. М. : Наука, 1981. 304 с. (Археология СССР. Т. 18).

Тишкин А.А., Горбунов В.В., Идэрхангай Т.-О., Серегин Н.Н. Исследование тюркской оградки на комплексе Хушуун дэнж-04 в Центральной Монголии // Известия Алтайского государственного университета. Исторические науки и археология. 2015. 3/2 (87). С. 229–238. DOI 10.14258/izvasu(2015)3.2-36.

Шелепова Е.В. Систематизация и интерпретация ритуальных оградок тюркской культуры Алтая // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2011. Т. 10, вып. 5: Археология и этнография. С. 212–227.

References

Bajтанаев В.А., Ахатов Г.А., Казизов Е.С. Kul'tovo-pogrebal'nyj kompleks Karakojtas i Akkojtas «Dolina batyrov» [Cult-Burial Complex of Karakojtas and Akkojtas "Valley of Batyrs"]. Voshozhdenie k vershinam arheologii : sbornik materialov mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Drevnie i srednevekovye gosudarstva na territorii Kazahstana», posvjashhjonnyj 90-letiju so dnja rozhdenija K.A. Akisheva [Ascent to the Heights of Archaeology: a Collection of Materials of the International Scientific Conference "Ancient and Medieval States in the Territory of Kazakhstan", Dedicated to the 90th Anniversary of the Birth of K.A. Akisheva]. Almaty : Institut arheologii im. A.H. Margulana, 2014. Pp. 659–668.

Bejzenov A.Z., Voloshin V.S. Mogil'nik Izhevskij-2 [Izhevsk-2 Burial Ground]. Izuchenie pamjatnikov arheologii Pavlodarskogo Priirtysh'ja [Studying of Monuments of Archaeology of Pavlodar Priirtyshye]. Pavlodar : JeKO, 2002. Pp. 165–174.

Bejzenov A.Z., Kozhakov D.A. Srednevekovye pamjatniki Central'nogo Kazahstana [Medieval Sites of Central Kazakhstan]. Istorija i arheologija Semirech'ja. Almaty, 2001. 2 [History and Archaeology of the Semirechie. Issue 2]. Pp. 150–164.

Bobrov V.V. K probleme vertikal'no ustanovlennyh ob'ektov v pogrebenijah jepohi bronzy Sibiri i Kazahstana. [To the Issue of Vertically Installed Objects in the Burials of the Bronze Age of Siberia and Kazakhstan]. Severnaja Evrazija ot drevnosti do srednevekov'ja [Northern Eurasia from Antiquity to the Middle Ages]. St. Petersburg : IIMK RAN, 1992. Pp. 54–57.

Botalov S.G., Tkachev A.A. Nurinskoe pogrebenie VIII–IX vv. [Nurinskoe Burial of the 8th – 9th Centuries]. Arheologija Volgo-Ural'skih stepej [Archaeology of the Volga-Ural Steppes]. Cheljabinsk : Cheljabinskij gosudarstvennyj universitet, 1990. Pp. 147–150.

Vojtov V.E. Drevnetjurkskij panteon i model' mirozdanija v kul'tovo-pominal'nyh pamjatnikah Mongolii VI–VIII vv. [Ancient Turkic Pantheon and Model of the Universe in the Cult-Memorial Sites of Mongolia of the 6th – 8th Centuries]. Moscow : Izd-vo GMV, 1996. 152 p.

Gorbuнов V.V., Tishkin A.A., Seregin N.N., Muhareva A.N., Munhbjajan Ch. Prodolzhenie issledovanij tjurkskikh ogradok na territorii Mongol'skogo Altaja [Continuation of the Studies of the Turkic Fences in the Territory of the Mongolian Altai]. Teorija i praktika arheologicheskikh issledovanij [Theory and Practice of Archaeological Research]. 2015. No. 1 (11). Pp. 70–86. DOI: 10.14258/tpai(2015)1(11).-05.

Dmitriev E.A., Loman V.G., Kukushkin I.A. Mogil'nik Majbulak II. Novyj pamjatnik jepohi srednevekov'ja Saryarki [Maibulak II Burial Ground. A New Site of the Middle Ages Saryarka]. Aktual'nye problemy otechestvennoj istorii i arheologii [Actual Problems of National History and Archaeology]. Karaganda : Izd-vo KarGU, 2017. Pp. 48–51.

Ermolenko L.N. Srednevekovye izvajanija kazahstanskih stepej (tipologija, semantika v aspekte voennoj ideologii i tradicionnogo mirovozzrenija) [Medieval Sculptures of Kazakhstan Steppes (typology, semantics in the aspect of military ideology and traditional worldview)]. Novosibirsk : Izd-vo IAIje SO RAN, 2004. 132 p.

Ermolenko L.N., Evdokimov V.V. Srednevekovye izvajanija iz muzeja arheologii Karagandinskogo universiteta [Medieval Sculptures from the Museum of Archaeology of Karaganda University]. Aktual'nye problemy otechestvennoj istorii i arheologii [Actual Problems of National History and Archaeology]. Karaganda : Izd-vo KarGU, 2017. Pp. 30–35.

Kadyrbaev M.K. Pamjatniki rannih kochevnikov Central'nogo Kazahstana [The Sites of the Early Nomads of Central Kazakhstan]. Trudy Instituta istorii, arheologii i jetnografii [Proceedings of the Institute of History, Archaeology and Ethnography]. Alma-Ata : Izd-vo AN KazSSR, 1959. Vol. 7. Pp. 162–202.

Kubarev V.D. Drevnetjurkskie izvajanija Altaja [Ancient Turkic Sculptures of Altai]. Novosibirsk : Nauka, 1984. 232 p.

Kukushkin I.A., Dmitriev E.A. Ritual'no-pogrebal'nyj kompleks final'noj bronzy Shantimes (Central'nyj Kazahstai) [The Shantimes Ritual-Funeral Complex of the Final Bronze (Central Kazakhstan)]. Izvestija Altajskogo gosudarstvennogo universiteta [News of Altai State University]. 2017. No. 5 (97). Pp. 207–212.

Kukushkin I.A., Kukushkin A.I. Nekotorye itogi issledovanij mogil'nika Tanabaj [Some Results of the Tanabai Burial Ground Research]. Kazahskoe hanstvo v potoke istorii [Kazakh Khanate in the Stream of History]. Almaty : Institut arheologii im. A.H. Margulana, 2015. Pp. 670–681.

Kyzlasov L.R. O naznachenii drevnetjurkskih kamennyh izvajanij, izobrazhajushchih ljudej [On the Appointment of Ancient Turkic Stone Sculptures Depicting People]. Sovetskaja arheologija [Soviet Archaeology]. 1964. No. 2. Pp. 27–39.

Margulan A.H. Petroglify Saryarki. Gravjury s izobrazheniem volch'ego totema. Kamennye izvajanija Ulytau [Petroglyphs of Saryarka. Engravings Depicting a Wolf Totem. Stone Statues of Ulytau]. Soch. v 14 t. Vol. 3–4. Almaty : Dajk-Press, 2003. 246 p.

Mogil'nikov V.A. Drevnetjurkskie ogradki Kara-Koba-I [Ancient Turkic Fences of Kara-Koba-I]. Materialy k izucheniju proshlogo Gornogo Altaja [Materials for Studying the Past of the Altai Mountains]. Gorno-Altajsk : GANIJaL, 1992. Pp. 175–212.

Mogil'nikov V.A. Kul'tovye kol'cevye ogradki i kurgany Kara-Koba-I [Cult Ring and Barrows of Kara-Koba-I]. Arheologicheskie i fol'klornye istochniki po istorii Altaja [Archaeological and Folklore Sources on the History of Altai]. Gorno-Altajsk : GANIJaL, 1994. Pp. 94–116.

Potapov L.P. Oчерки по истории алтайцев [Essays on the History of the Altaians]. Moscow ; Leningrag : Izd-vo AN SSSR, 1953. 444 p.

Puteshestvie v vostochnye strany Plano Karpini i Rubruka [A Trip to the Eastern Countries of Plano Carpini and Rubruka]. Moscow : Geografija, 1957. 270 p.

Savinov D.G. Narody Juzhnoj Sibiri v drevnetjurkskuju jepohu [Peoples of Southern Siberia in the Ancient Turkic era]. Leningrad : Izd-vo LGU, 1984. 174 p.

Semibratov V.P., Matrenin S.S. Issledovanie pogrebal'nyh i pominal'nyh pamjatnikov tjurkskoj kul'tury v zone stroitel'stva Altajskoj GJeS v 2007 g. [Investigation of Burial and Memorial Monuments of the Turkic Culture in the Zone of construction of the Altai HPP in 2007]. Teorija i praktika arheologicheskikh issledovanij [Theory and Practice of Archaeological Research. Issue. 4]. Vol. 4. Barnaul : Izd-vo Altajskogo gosudarstvennogo universiteta, 2008. Pp. 54–66.

Seregin N.N. Ob'ekty «ritual'nogo» haraktera v sostave pogrebal'nyh kompleksov tjurkskoj kul'tury [Objects of “Ritual” Character in the Composition of the Burial Complexes of the Turkic Culture]. Drevnie i sovremennye kul'tovye mesta Altaja [Ancient and Modern Cult Places of Altai]. Barnaul : OOO «Pechatnaja kompanija ARTIKA», 2011. Pp. 49–54.

Seregin N.N. Tradicija sooruzhenija kenotafov kochevnikami tjurkskoj kul'tury [Tradition of Building Cenotaphs by Nomads of Turkic Culture]. Arheologija stepnoj Evrazii [Archaeology of the Steppe Eurasia]. Kemerovo : KuzGTU, 2008. Pp. 144–153.

Seregin N.N., Shelepova E.V. Tjurkskie ritual'nye komplekсы Altaja (2-ja polovina I tys. n. je.): sistematizacija, analiz, interpretacija [Turkic Ritual Complexes of Altai (2nd half of I millennium AD): Systematization, Analysis, Interpretation]. Barnaul : AZBUKA, 2015. 168 p.

Stepi Evrazii v jepohu srednevekov'ja [Steppes of Eurasia in the Middle Ages]. Moscow : Nauka, 1981. 304 p. (Arheologija SSSR. Vol. 18).

Tishkin A.A., Gorbunov V.V., Idjerhangaj T.-O., Seregin N.N. Issledovanie tjurkskoj ogradki na komplekse Hushuun djenzh-04 v Central'noj Mongolii [Study of the Turkic Fence on the Khushush Deng-04 Complex in Central Mongolia]. Izvestija Altajskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoricheskie nauki i arheologija [Izvestia of Altai State University. Historical Sciences and Archaeology]. 2015. No. 3/2 (87). Pp. 229–238. DOI 10.14258/izvasu(2015)3.2-36.

Shelepova E.V. Sistematizacija i interpretacija ritual'nyh ogradok tjurkskoj kul'tury Altaja [Systematization and Interpretation of Ritual Fences of the Altai Turkic Culture]. Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Istorija, filologija. 2011. Vol. 10, 5: Arheologija i jetnografija [Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, Philology. 2011. T. 10, no. 5: Archaeology and Ethnography]. Pp. 212–227.

E.A. Dmitriev¹, D.S. Zhusupov²

*¹Saryarka Archaeological Institute, Buketov Karaganga State University,
Karaganda, Kazakhstan;*

²Karaganda Regional Historical Museum of Local Lore, Karaganda, Kazakhstan

TURKIC FENCES OF THE TANABAI BURIAL GROUND IN CONTEXT OF RESEARCH OF EARLY MIDDLE AGES SITES IN CENTRAL KAZAKHSTAN

The investigational monuments of Turkic time in the territory of Central Kazakhstan are not numerous (Egiz-Koytas, Dhow-Kara, Zharly-1, 2, Copa, Izhevskiy-2, Ackoytas-IV, Maybulak-II and Nurinskoe burial). The researchers are mainly interested in the issue of anthropomorphous sculptures which is reflected in a number of articles and a few monographs while the funeral ceremony and ritual practice related to it is beyond the focus of the scientists' attention. The article introduces into the scientific circulation the results of works on the Tanabai burial ground, where the research was done of a complex of three fences with an anthropomorphous sculpture and balbals. The constructions presented the quadrangular fences, made of vertically set slabs with inward space filled by middle- and large-sized stones. In the south building, in the process of taking out the internal fence fitting the discovery was made of the fragments of sheep skull and ceramic object. Actually Turkic fences are dug out on the Copa, Dhow-Kara and Ackoytas-IV sites. The right thing would be to date them to a wide chronologic interval: a 2nd half of the 6th–8th century. Terminus ante quem of high bound boundary is the spreading of Kypchaks tribes in the region starting with the 9th century where tradition of building quadrangular fences «dies» off.

Key words: Central Kazakhstan, Turkic time, fence, sculpture, balbal.

К.А. Колобова, А.И. Кривошапкин, С.В. Шнайдер, А.В. Шалагина

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия

ОБОСНОВАНИЕ ВОЗРАСТА РАННИХ ГЕОМЕТРИЧЕСКИХ МИКРОЛИТОВ В ЗАПАДНОЙ ЧАСТИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

На современном этапе развития археологической науки геометрические микролиты рассматриваются как важные хозяйственные, культурные и хронологические маркеры, появление которых в археологических коллекциях свидетельствует об использовании композитных орудий, о повышении степени мобильности древних человеческих коллективов, миграциях и об обмене технологическими навыками. Предлагаемая работа посвящена обоснованию раннего возраста появления геометрических микролитов в форме неравносторонних треугольников. В прошлом исследователи верхнего палеолита Центральной Азии констатировали отсутствие в индустриях не только техники притупления и геометрических микролитов, но и мелкопластинчатой технологии. Результаты археологических исследований, проводимых нашей командой в регионе с 1998 г., свидетельствуют о хронологически раннем появлении геометрических микролитов и техники притупления в верхнепалеолитических индустриях. Результаты позволили отказаться от выдвинутой ранее гипотезы и доказать относительно раннее проявление мелкопластинчатой технологии в контексте кульбулакской верхнепалеолитической культуры западной части Центральной Азии. В рамках кульбулакской культуры мы можем проследить основные тренды развития верхнего палеолита, включая тренд на микролитизацию в контексте техник притупления. Этот тренд имеет технологическую связь с распространением кареноидных нуклеусов и их дальнейшим замещением призматическими нуклеусами. Имеющиеся абсолютные даты свидетельствуют о существовании кульбулакской культуры в период от 39 до 23 калиброванных л.н.

Ключевые слова: Центральная Азия, геометрические микролиты, негеометрические микролиты, абсолютный возраст, неравносторонние треугольники.

DOI: 10.14258/tpai(2018)1(21).-11

Введение

Геометрические микролиты в археологической историографии, с одной стороны, рассматриваются как инновация, свидетельствующая о применении композитных орудий, а с другой стороны, являются важными культурными и хронологическими маркерами для эппалеолитических комплексов Ближнего, Среднего Востока, Кавказа и Центральной Азии. Вплоть до последнего этапа исследований обнаружение геометрических микролитов в каменных коллекциях памятников западной части Центральной Азии являлось свидетельством их мезолитического возраста [Ranov, Davis, 1979; Vishnyatski, 1999; Ранов, Каримова, 2005].

Все мезолитические комплексы региона рассматривались как результат прямой миграции с территории Иранского плато популяций с геометрической и притупляющей традициями [Ranov, Davis, 1979]. Исследования, проводившиеся с 1998 г. на территории западной части Центральной Азии, позволили значительно скорректировать наш взгляд как на верхний палеолит региона, так и на появление геометрических микролитов в Центральной Азии. В предлагаемой работе приводятся свидетельства раннего появления техники притупления и первых геометрических микролитов в Центральной Азии.

Геометрические микролиты определяются нами как орудия геометрической формы шириной не более 9 мм, изготовленные на пластинках и не имеющие признаков ударного бугорка на вентральной поверхности [Tixier, 1963]. Наиболее ранним типом геометрических микролитов на изучаемой территории являются неравносторонние

треугольники, изготовленные на дистальных концах пластинок. Этот тип микролитов характеризуется треугольной формой с тремя различными по длине сторонами. Один продольный и поперечный края заготовки притуплялись (рис. 1).

Рис. 1. Геометрические микролиты из комплексов западной части Центральной Азии

Культурный контекст обнаружения геометрических микролитов

Самые ранние геометрические микролиты на исследуемой территории были обнаружены в комплексах кульбулакской верхнепалеолитической культуры, выделенной на материалах памятников Кульбулак (слои 2.2 и 2.1), Кызыл-Алма-2, Додекатым-2 (Узбекистан) и Шугноу (Таджикистан) (рис. 2). На основании доступных хронологических определений и стратиграфических данных в рамках культуры было выделено три последовательных этапа, демонстрирующих развитие одной мелкопластинчатой технологической традиции, и постепенную ее трансформацию в региональный эппалеолит [Колобова, Шнайдер, Кривошапкин, 2016].

Ранний этап кульбулакской культуры (стоянки Кызыл-Алма-2, Кульбулак, слой 2.2, Шугноу, слой 4) характеризуется преобладанием в первичном расщеплении плоскостных, торцовых и подпризматических нуклеусов для пластин и пластинок. В орудийном наборе преобладают различные формы скребков, включая вентральные и альтернативные варианты, ретушированные остроконечники, долотовидные орудия. В комплексах были обнаружены единичные негеометрические микролиты в форме пластинок с ретушью.

В комплексах среднего этапа кульбулакской культуры (стоянки Кульбулак, слой 2.1, Шугноу, слой 2-1, Додекатым-2, слой 5) доминируют нуклеусы кареноидной морфологии и продукты их производства в виде пластинок с изогнутым латеральным профилем. Многочисленные торцовые нуклеусы также применялись для получения пластинок. Орудийные наборы включают скребки различных типов, микро- и ортогональные долотовидные орудия, негеометрические микролиты (пластинки с ретушью, пластинки дюфур, пластинки с притупленным краем), а также единичные геометрические микролиты в форме неравносторонних треугольников.

Поздний этап кульбулакской культуры, представленный на материалах слоев 4-2 стоянки Додекатым-2, демонстрирует постепенное замещение кареноидных нуклеусов призматическими моноплощадочными нуклеусами для пластинок (включая пирамидальные формы). В орудийном наборе значительную долю составляют негеометрические микролиты (пластинки с притупленным краем и микроострия типа арженех), а также геометрические микролиты. Кроме того, фиксируются различные типы скребков и долотовидных орудий.

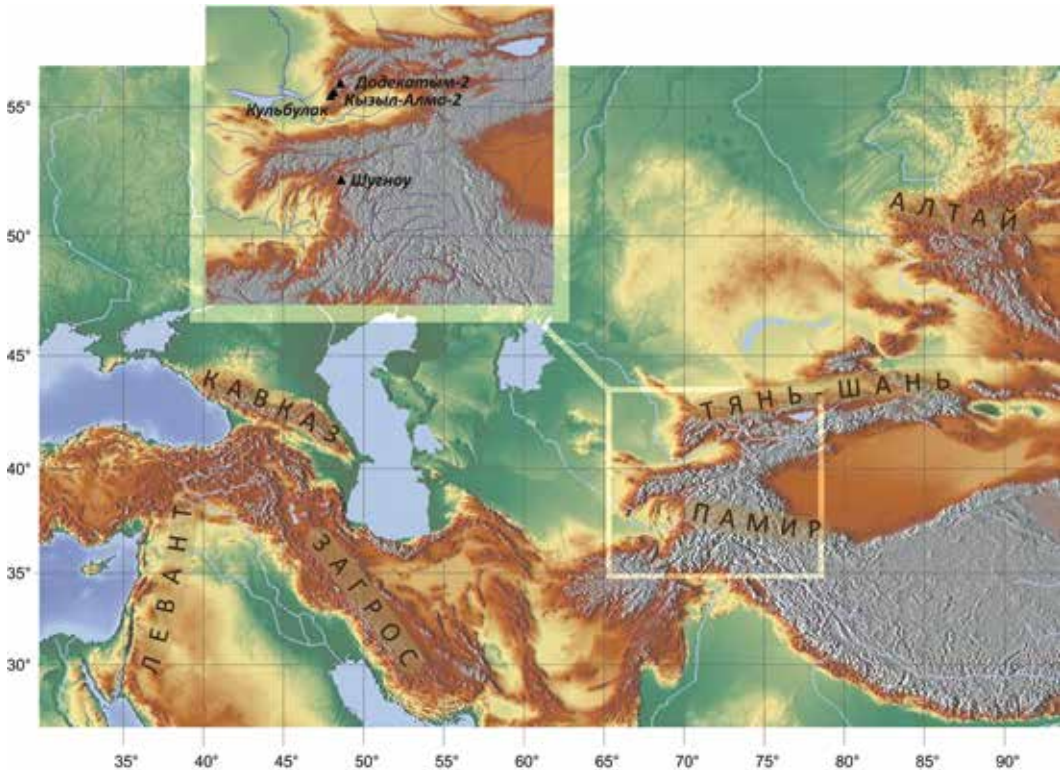

Рис. 2. Карта расположения памятников кульбулакской культуры на территории западной части Центральной Азии

Хронологический и стратиграфический контексты обнаружения геометрических микролитов

До последнего времени исследователи палеолита Центральной Азии констатировали не только отсутствие техники притупления и геометрических микролитов, но и отсутствие мелкопластинчатой технологии в целом и кареноидных нуклеусов в частности в регионе [Vishnyatski, 1999; Davis, Ranov, 1999]. Ситуация значительно осложнялась практически полным отсутствием абсолютных хронологических определений. Результаты последних исследований показали, что в хронологически раннем верхнепалеолитическом контексте (39–23 калиброванных тыс. л.н.) в комплексах содержатся нуклеусы для пластинок, пластинки дюфур, пластинки с притупленным краем и геометрические микролиты.

В коллекции слоя 2.1 стоянки Кульбулак (Узбекистан) был обнаружен первый неравносторонний треугольник (рис. 3.-2). Первоначально эта уникальная находка для данной индустрии вызывала сомнения, поскольку стратиграфически была найдена поблизости от дневной поверхности [Flas et al., 2010]. Второй неравносторонний треугольник был найден в верхнепалеолитической коллекции старых раскопок 1980-х гг. (рис. 3.-2). После второй находки не осталось сомнений, что геометрические микролиты данного типа являются частью орудийного набора Кульбулака, поскольку на данной стоянке не было обнаружено более поздних археологических комплексов.

Геометрические микролиты были найдены в контексте мелкопластинчатой индустрии слоя 2.1 со значительной долей кареноидного расщепления. В орудийном наборе наряду с ними присутствуют пластинки с ретушью, пластинки дюфур, пластинки с притупленным краем, различные типы концевых скребков и долотовидных орудий. Нижняя часть слоя 2 стоянки Кульбулак была датирована по методу OSL – 39 ± 4 (GLL-080316) [Vandenberge et al., 2014].

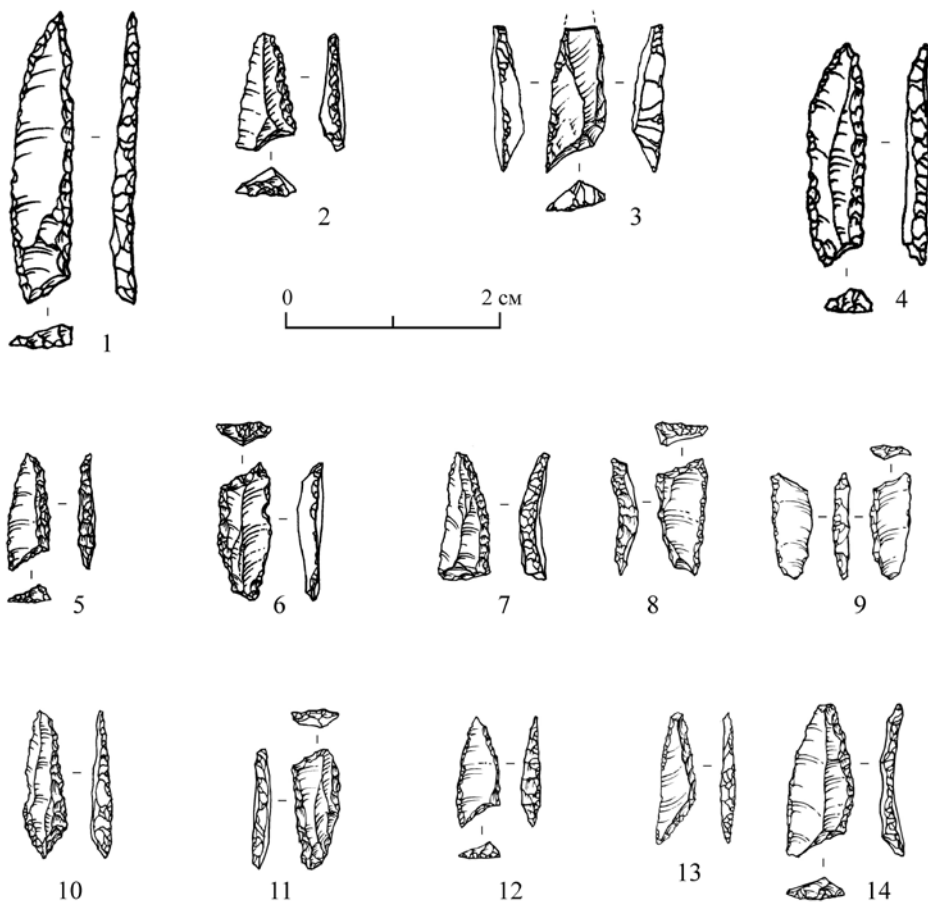

Рис. 3. Неравносторонние треугольники из комплексов кульбулакской культуры

Еще один неравносторонний треугольник был обнаружен в коллекции слоя 1 стоянки Шугноу (Таджикистан), также ассоциирующей со средним этапом кульбулакской культуры (рис. 3.-1) [Ranov et al., 2012; Kolobova et al., 2013]. В 1973 г. для этого слоя была получена одна радиоуглеродная дата – 10700 ± 500 л.н. (ГИН-590), однако исследователем памятника В.А. Рановым отмечалось, что данное абсолютное определение может быть сильно омоложено [Ранов, Никонов, Пахомов, 1976, с. 12]. В ходе работ 2015–2017 гг. три образца (два фрагмента кости и уголь из слоя 1) были отданы на определение абсолютного возраста, в результате были получены две AMS-даты. Определение абсолютного возраста по углю из слоя 1 стоянки составило 28633 ± 83

(UGAMS–23056: 32930–32561 л.н. с допуском 68,2%). Второй образец по кости дал возраст – 27057±73 (UGAMS–23057: 31301–31134 л.н. с допуском 68,2%). Все даты были откалиброваны при помощи программного обеспечения OxCal v.4.2, с использованием IntCal13 калибровочной кривой.

Самая многочисленная коллекция геометрических микролитов (34 экз.) была обнаружена в коллекциях памятника Додекатым-2, содержащего четыре культурных подразделения (слои 5-2, рис. 3.-4–14). Комплекс слоя 5 был отнесен к среднему этапу культулакской культуры, в то время как слои 4-2 – к позднему. Стратиграфия стоянки Додекатым-2 обусловлена делювиально-пролювиальным генезисом предгорного шлейфа (террасовидного уступа), в отложениях которого залегают культурные остатки. Разрез стоянки состоит из делювиальных и эоловых осадков, в которые и вмещены археологические слои (рис. 4).

Археологические слои 2 и 3 включены в тело литологического слоя 2, представляющего собой плотный светло-коричневый суглинок. В средней части слоя четко прослеживается уровень окислов Fe в виде рыже-черного цвета полосы (истинной мощностью до 3 см). В отложениях встречаются остатки гастропод и млекопитающих. Отмечены редкие ходы землеройных животных. В подошве слоя встречаются окатыши Са-конкреций, дресва и мелкий (до 3 см) щебень, а непосредственно на поверхности напластования с отложениями слоя 3 – сильно выветренные полуокатанные плоские гальки, крупный щебень и валуны серого гранита. Контакт слоев слегка размыт, однако свидетельств значительного перерыва осадконакопления не наблюдается. Генезис отложений, вероятно, пролювиально-делювиальный.

Археологический слой 4 включен в подошву прослоя 1 литологического слоя 3. Прослой 1 представляет собой светлый желтовато-серый (во влажном состоянии желто-коричневый с рыжим оттенком из-за окислов Fe) плотный суглинок. В нижней части прослоя заметен зеленоватый или голубоватый оттенок. Текстура массивная, пористость минимальная. Генезис, вероятно, пролювиально(?)–делювиальный, с определенной долей эолового материала. Истинная мощность прослоя от 0,15 м (западная стенка раскопа) до 0,4 м (восточная стенка раскопа). Разница в мощности обусловлена, возможно, за счет размыва кровли. Подошва прослоя нечеткая, неясная, но субгоризонтальная, отложения плавно переходят в нижележащие осадки. Прослой 2 представляет собой светло-коричневый (во влажном состоянии темный зеленовато-коричневый) плотный суглинок. В самой подошве отложения приобретают темно-серый цвет со слабым зеленоватым оттенком. Текстура массивная. В нижней половине прослоя нередко дресва и мелкий щебень гранита. Сортировка отсутствует, что может указывать на пролювиальный или коллювиальный генезис, возможно, с определенной ролью делювиальных процессов. Истинная мощность прослоя от 0,4 м (в восточной части раскопа) до 0,5 м (в центре) и 0,7 м (в западной части раскопа). В археологическом отношении данный прослой стерилен.

Нижняя часть литологического слоя 4 содержит археологический материал культурного слоя 5. Основная масса литологического слоя представляет собой пролювиальные отложения. Кровля слоя представлена прослоем дресвы и мелкого щебня гранита. Ниже прослоев щебня и дресвы залегает очень неровный прослой (истинная мощность 0,2–0,4 м) темной серо-коричневой глины с большой примесью грубозернистого песка, дресвы и мелкого щебня гранита. Ниже данного прослоя залегают слой-

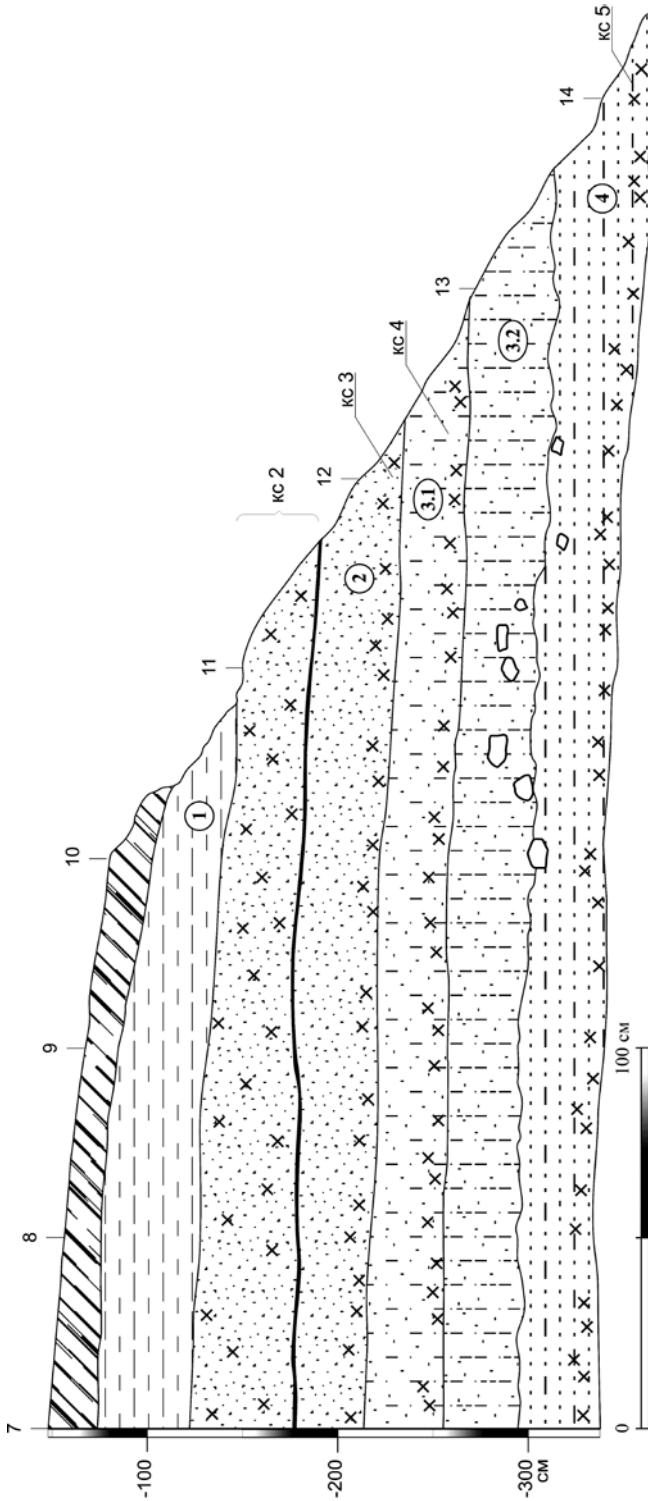

Рис. 4. Стратиграфия культуросодержащих огложенных памятника Додекагым-2

чатые слабосортированные отложения, представленные пестрыми прослоями, линзами и слойками, состоящими из плохо окатанных обломков гранита (до 0,05–0,1 м). Основная масса слоя состоит из прослоев существенно песчано-глинистого состава светло-коричневого, розовато-коричневого и светло-серого (со слабым зеленоватым оттенком) цветов [Kolobova, Krivoshapkin, Derevyanko et al., 2011].

Археологические материалы культурных слоев 2, 3 и 4 присутствуют в относительно «инситном» состоянии, что, кроме стратиграфических данных, подтверждается планиграфическими наблюдениями и результатами аппликационного анализа. Каменный комплекс культурного слоя 5, по всей видимости, подвергался как плоскостному, так и вертикальному смещению, отражая, тем не менее, однократный эпизод заселения стоянки древним человеком, что подтверждается как данными технико-типологического анализа, так и наличием апплицируемых каменных изделий.

По образцам кости из слоя 4 была получена серия радиоуглеродных датировок – 23,600±330 л.н. (AA-69075: 28,050–27,450 калиброванных л.н. при допуске 68,2%); образцы угля дали следующие хронологические значения: 23,800±190 л.н. (AA-69073: 28,050–27,650 калиброванных л.н. при допуске 68,2%) и 21,850±180 ВР (AA69074: 26,250–25,850 калиброванных л.н. при допуске 68,2%). Новая дата по костному образцу из слоя 2 – 19,148±99 (UGAMS-23050, 23,231–22,898 калиброванных л.н. при допуске 68,2%).

Обсуждение и выводы

Кульбулакская культура сформировалась в верхнепалеолитическое время на территории Западного Памиро-Тянь-Шаня. Она демонстрирует развитие в регионе мелкопластинчатой техники с самобытным микролитическим комплексом, включающим изделия с притупленным краем и неравносторонние микролиты. В процессе своего развития культура прошла несколько этапов, связанных с появлением, становлением, расцветом и исчезновением (замещением) кареноидной технологии для изготовления вкладышевых орудийных форм.

Геометрические микролиты в форме неравносторонних треугольников появляются в верхнепалеолитических комплексах среднего этапа кульбулакской культуры (стоянки Кульбулак и Шугноу) ок. 31–32 тыс. калиброванных л.н. в технологическом контексте доминирования кареноидной технологии для получения пластинок с прямым профилем.

В комплексах позднего этапа кульбулакской культуры стоянки Додекатым-2 была обнаружена крупная коллекция геометрических микролитов в четком стратиграфическом контексте (слой 4 – 1 экз.; слой 3 – 3 экз.; слой 2 – 30 экз.). Индустрии последовательных археологических слоев 4-2 стоянки, залегающие в относительно инситном состоянии, датируются в промежутке от 28 до 23 тыс. калиброванных л.н.

По мере развития кульбулакской культуры наблюдаются два синхронных процесса – уменьшение доли кареноидных нуклеусов и увеличение доли неравносторонних треугольников. Учитывая то обстоятельство, что геометрические микролиты изготавливались преимущественно на заготовках с прямым профилем, наиболее очевиден вывод, что отказ от кареноидных нуклеусов был связан с необходимостью изготовления пластинок с прямым профилем [Kolobova, Krivoshapkin, Pavlenok, 2014].

Обнаружение геометрических микролитов в комплексах среднего этапа культуры и последующее возрастание их количества в комплексах позднего этапа свидетель-

ствуют об общем векторе развития кульбулакских комплексов, направленном на увеличение мелкопластинчатого компонента, в частности, на увеличение доли геометрических и негеометрических микролитов в орудийных наборах (рис. 5).

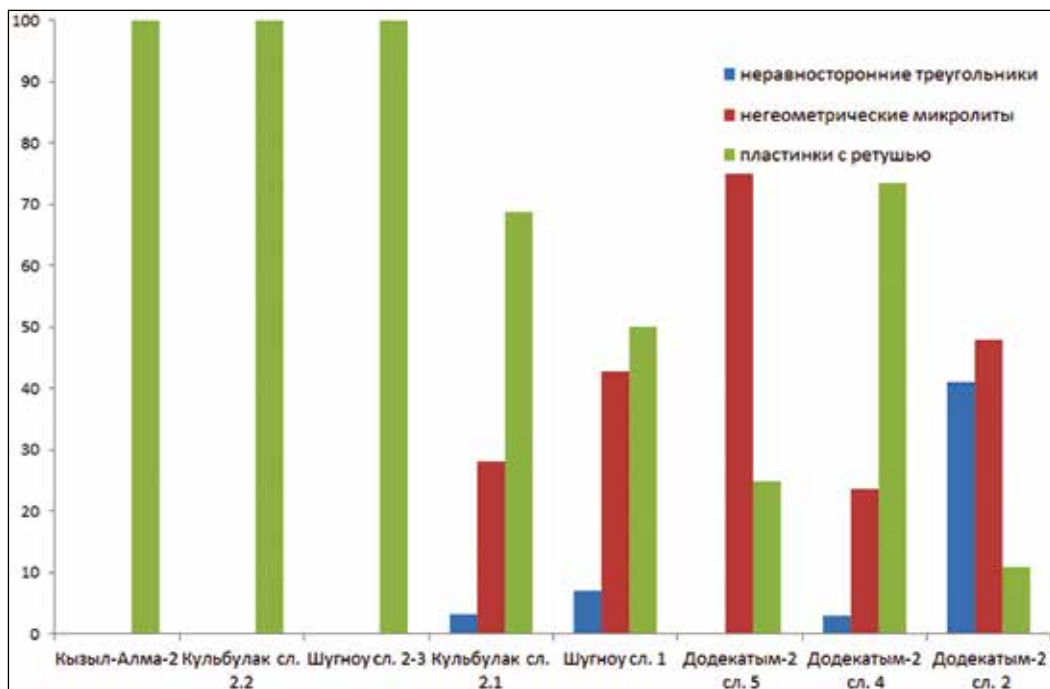

Рис. 5. Распределение комплексов кульбулакской культуры в зависимости от доли геометрических и негеометрических микролитов в орудийных наборах

Хронологические определения комплексов, содержащих неравносторонние треугольники, укладывающиеся в промежуток от 32 до 23 калиброванных тыс. л.н., более древние, чем хронологические характеристики индустрий с геометрическими микролитами Среднего и Ближнего Востока. Наиболее ранние комплексы на территории Ближнего Востока, содержащие геометрические микролиты, датируются в пределах 22,5–23,5 калиброванных тыс. л.н. [Yaroshovich et al., 2013; Nadel, 2003]. Это свидетельствует в пользу локального происхождения технологии изготовления и геометрических микролитов и техники притупления и позволяет отказаться от ранее выдвинутой гипотезы о миграции населения с территории Ближнего Востока. Также не исключена возможность передачи этой инновационной технологии в верхнепалеолитические комплексы сопредельных территорий.

Библиографический список

- Колобова К.А., Шнайдер С.В., Кривошапкин А.И. Преемственность развития верхнепалеолитических индустрий в западной части Центральной Азии // *Stratum Plus*. 2016. №1. С. 51–63.
- Ранов В.А., Каримова Г.Р. Каменный век афгано-таджикской депрессии. Душанбе : Деваштич, 2005. 252 с.
- Ранов В.А., Никонов А.А., Пахомов М.М. Люди каменного века на подступах к Памиру (палеолитическая стоянка Шугноу и ее место среди окружающих памятников) // *Acta Archaeologica Garpatica*. 1976. Т. XVI. С. 5–18.

Davis R.S., Ranov V.A. Recent work on the paleolithic of Central Asia // *Evolutionary Anthropology*. 1999. Vol. 8. С. 186–193.

Flas D., Kolobova K., Pavlenok K., Vandenberghe D., De Dapper M., Leschinsky S., Viola B., Islamov U., Derevianko A.P., Cauwe N. (2010) Preliminary results of new excavations at the Palaeolithic site of Kulbulak (Uzbekistan). *Antiquity* 84, 325. URL: <http://antiquity.ac.uk/projgall/flas325/>. Accessed 25 Feb 2018.

Kolobova K.A., Flas D., Derevianko A.P., Pavlenok K.K., Islamov U.I., Krivoschapkin A.I. The Kulbulak Bladelet Tradition in the Upper Paleolithic of Central Asia // *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 2013. №2. Pp. 2-25. DOI:10.1016/j.aeae.2013.11.002.

Kolobova K.A., Krivoschapkin A.I., Pavlenok K.K. Carinated Pieces in Paleolithic Assemblages of Central Asia // *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 2014. №4 (42). Pp. 13–29. DOI:10.1016/j.aeae.2015.06.003

Kolobova K.A., Krivoschapkin A.I., Derevianko A.P., Islamov U.I. The upper Paleolithic site of Dodekatym-2 in Uzbekistan // *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 2011. Vol. 39. Pp. 2–21. URL: <https://doi.org/10.1016/j.aeae.2012.02.002>

Nadel D. The Ohalo II flint assemblage and the beginning of the Epipalaeolithic in the Jordan Valley // *More than meet the eyes: studies on upper Paleolithic diversity in the near east*. Oxford : The Short Run Press, 2003. Pp. 216–230.

Ranov V.A., Davis R. Toward a new outline of Soviet Central Asian Paleolithic // *Current Archeology*. 1979. V. 20, №2. Pp. 249–262.

Ranov V.A., Kolobova K.A., Krivoschapkin A.I. The Upper Paleolithic Assemblages of Shugnou, Tajikistan // *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 2012. №2. Pp. 2–24. DOI:10.1016/j.aeae.2012.08.002

Tixier J. Typologie de l'Épipaléolithique du Maghreb. Mémoires du centre de recherches anthropologiques, préhistoriques et ethnographiques. Argelia-Paris, A. M. G. 1963. Vol. 2. 42 p.

Vandenberghe D.A.G., Flas D., De Dapper M., Van Nieuland J., Kolobova K., Pavlenok K., Islamov U., De Pelsmaeker E., Debeer A.-E., Buylaert J.-P. Revisiting the Palaeolithic site of Kulbulak (Uzbekistan): First results from luminescence dating // *Quaternary International*. Vol. 324. 2014. Pp. 180–189.

Vishnyatsky L.B. The Paleolithic of Central Asia. *Journal of World Prehistory*. 1999. Vol. 13 (1). Pp. 69–122. DOI:10.1023/A:1022538427684.

Yaroshevich A., Nadel D., Tsatskin A. Composite projectiles and hafting technologies at Ohalo II (23 ka, Israel): analyses of impact fractures, morphometric characteristics and adhesive remains on micro-lithic tools // *Journal of Archaeological Science*. 2013. Vol. 40/11. Pp. 4009–4023. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jas.2013.05.017>

References

Kolobova K.A., Shnajder S.V., Krivoschapkin A.I. Preemstvennost' razvitiya verhnepaleoliticheskikh industriy v zapadnoj chasti Central'noj Azii [Continuity of the Development of the Upper Paleolithic Industries in the Western Part of Central Asia]. *Stratum Plus*. 2016. №1. Pp. 51–63.

Ranov V.A., Karimova G.R. Kamennyj vek afgano-tadzhikskoj depressii [Stone Age of the Afghan-Tajik Depression]. Dushanbe : Devashtich, 2005. 252 p.

Ranov V.A., Nikonov A.A., Pahomov M.M. Ljudi kamennogo veka na podstupah k Pamiru (paleoliticheskaja stojanka Shugnou i ee mesto sredi okruzhajushhih pamjatnikov) [People of the Stone Age in the Outskirts of the Pamir (Paleolithic site of Shougou and Its Place among the Surrounding Sites)]. *Acta Archaeologica Garpatica*. 1976. Vol. XVI. Pp. 5–18.

Davis R.S., Ranov V.A. Recent Work on the Paleolithic of Central Asia // *Evolutionary Anthropology*. 1999. Vol. 8. Pp. 186–193.

Flas D., Kolobova K., Pavlenok K., Vandenberghe D., De Dapper M., Leschinsky S., Viola B., Islamov U., Derevianko A.P., Cauwe N. (2010) Preliminary Results of New Excavations at the Palaeolithic Site of Kulbulak (Uzbekistan). *Antiquity* 84, 325. URL: <http://antiquity.ac.uk/projgall/flas325/>. Accessed 25 Feb 2018.

Kolobova K.A., Flas D., Derevianko A.P., Pavlenok K.K. Tradition in the Upper Paleolithic of Central Asia // *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 2013. №2. Pp. 2–25. DOI:10.1016/j.aeae.2013.11.002.

Kolobova K.A., Krivoschapkin A.I., Pavlenok K.K. Carinated Pieces in Paleolithic Assemblages of Central Asia // *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 2014. №4 (42). Pp. 13–29. DOI:10.1016/j.aeae.2015.06.003

Kolobova K.A., Krivoschapkin A.I., Derevianko A.P., Islamov U.I. The Upper Paleolithic Site of Dodekatym-2 in Uzbekistan // *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 2011. Vol. 39. Pp. 2–21. URL: <https://doi.org/10.1016/j.aeae.2012.02.002>

Nadel D. The Ohalo II Flint Assemblage and the Beginning of the Epipalaeolithic in the Jordan Valley // *More Than Meet the Eyes: Studies on Upper Paleolithic Diversity in the Near East*. Oxford : The Short Run Press, 2003. Pp. 216–230.

Ranov V.A., Davis R. Toward a New Outline of Soviet Central Asian Paleolithic // *Current Archeology*. 1979. V. 20, №2. Pp. 249–262.

Ranov V.A., Kolobova K.A., Krivoschapkin A.I. The Upper Paleolithic Assemblages of Shugnou, Tajikistan // *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 2012. №2. Pp. 2–24. DOI:10.1016/j.aeae.2012.08.002

Tixier J. Typologie de l'Épipaléolithique du Maghreb. Mémoires du centre de recherches anthropologiques, préhistoriques et ethnographiques. Algérie-Paris, A. M. G. 1963. Vol. 2. 42 p.

Vandenberghe D.A.G., Flas D., De Dapper M., Van Nieuland J., Kolobova K., Pavlenok K., Islamov U., De Pelsmaeker E., Debeer A.-E., Buylaert J.-P. Revisiting the Palaeolithic Site of Kulbulak (Uzbekistan): First Results from Luminescence Dating // *Quaternary International*. Vol. 324. 2014. Pp. 180–189.

Vishnyatsky L.B. The Paleolithic of Central Asia. *Journal of World Prehistory*. 1999. Vol. 13 (1). Pp. 69–122. DOI:10.1023/A:1022538427684.

Yaroshevich A., Nadel D., Tsatskin A. Composite Projectiles and Hafting Technologies at Ohalo II (23 ka, Israel): Analyses of Impact Fractures, Morphometric Characteristics and Adhesive Remains on Microlithic Tools // *Journal of Archaeological Science*. 2013. Vol. 40/11. Pp. 4009–4023. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jas.2013.05.017>

K.A. Kolobova, A.I. Krivoschapkin, S.V. Shnaider, A.V. Shalagina

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk, Russia

THE JUSTIFICATIONS FOR THE EARLY GEOMETRIC MICROLITHS AGE IN WESTERN CENTRAL ASIA

At the current stage of archaeological science development, geometric microliths are regarded as important economic, cultural and chronological markers, the appearance of which indicates the use of composite tools, the increase in the mobility of ancient humans, migrations and the exchange of technological ideas. The proposed article is devoted to justification of the early age of scalene triangles appearance. Formerly, researchers of the Central Asian Upper Paleolithic had stressed the sheer absence of not only the backing technique and geometric microliths but also of the technology for bladelet production in the region. Archeological studies that have been carried out in that region since 1998 provide new information about the local Upper Paleolithic and prove the early appearance of geometric microliths and the backing technique in Central Asian Upper Paleolithic. Research results over the last decade have made it possible to refute this assumption and prove the comparatively early appearance of bladelet technologies in the context of the Upper Paleolithic Kulbulakian culture. In the Kulbulakian assemblages, we can trace some of the main trends of the development of Upper Paleolithic in western Central Asia, including the trend towards the backing type of microlithization. This trend has a strong connection to the spread of carinated pieces and its further replacement by prismatic cores. On the basis of the available absolute dates, the time span of the Kulbulakian culture is estimated at 39–23 kyr BP.

Key words: Central Asia, geometric microliths, non-geometric microliths, absolute age, salene triangles.

НЕОЛИТ ОСТРОВНОЙ ЧАСТИ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ: ОСОБЕННОСТИ, ГИПОТЕЗЫ, ДИСКУССИИ*

В статье рассматриваются современное состояние изученности и основная проблематика исследований памятников периода неолита (4–2,5 тыс. л.н.) в островной части Юго-Восточной Азии (Филиппины, Индонезия, Малайзия, Восточный Тимор). До настоящего времени данная тематика в работах отечественных археологов практически отсутствовала, на территории островной части Юго-Восточной Азии российские археологи никогда не работали, совместных раскопок не производилось. Основными гипотезами о маршрутах и времени появления неолита в регионе являются «Из Тайваня» (П. Беллвуд) и «Нусантао» (В. Сольхейм II), обе они предполагают морские миграции с континентальной части, перенос новых технологий (гончарство, земледелие, скотоводство) и изменение этнической картины. Анализ археологических материалов позволяет говорить о существенных особенностях неолита в регионе, которые определяются географией и климатом и выражаются в продолжительности, одновременности проявления новых технологий, специфике памятников и характера взаимоотношений мигрантов и местного субстрата.

Ключевые слова: Юго-Восточная Азия, островная часть, неолит, керамика, миграции, датировки.

DOI: 10.14258/tpai(2018)1(21).-12

Введение

Одной из заметных тенденций современной археологической науки при изучении крупных регионов является стремление не только четко обозначить особенности культурогенеза в определенных географических рамках, но и продемонстрировать их значение (практическое, теоретическое) и в более широком, *глобальном* дискурсе. Именно этот термин все чаще звучит в названии статей, международных конференций и обобщающих монографий. Один из ярких примеров – «The Routledge Handbook of Archaeology and Globalization» [The Routledge Handbook..., 2016] – солидный том, с подборкой материалов по самым разным регионам мира.

Весьма показательным озаглавлено в нем и введение к разделу о древних культурах Юго-Восточной Азии: «Globalizing Early Southeast Asia» [Stark, p. 707]. И это вполне закономерно, поскольку речь идет о специфическом регионе, связующем звене между Евразией и Океанией, Индийским и Тихим океанами, перекрестке миграций, мозаике культур и мировых религий.

Именно с этих позиций в настоящей статье рассматривается современное состояние изученности и основная проблематика исследований памятников *периода неолита* в Юго-Восточной Азии и, в первую очередь, в ее *островной части*. Данный акцент потребует некоторого географического введения и краткого историографического экскурса.

Итак, Юго-Восточная Азия** – это обширный регион***, включающий территории между Индией, Китаем и Австралией. В публикациях по археологии этот регион

* Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ №18-09-00010 «Древние культуры островной части Юго-Восточной Азии: происхождение, особенности и региональное значение».

** Сам термин «Юго-Восточная Азия» (Southeast Asia) впервые появился в 1839 г. в книге американского пастора Говарда Малкольма «Путешествия в Юго-Восточной Азии» [Malcolm, 1839].

*** В ряде географических справочников Юго-Восточную Азию определяют как «макрорегион», площадью почти 4,5 млн. км², который протянулся на 3,2 тыс. км с севера на юг, на 5,6 тыс. км с запада на восток и в котором проживают около 600 млн человек.

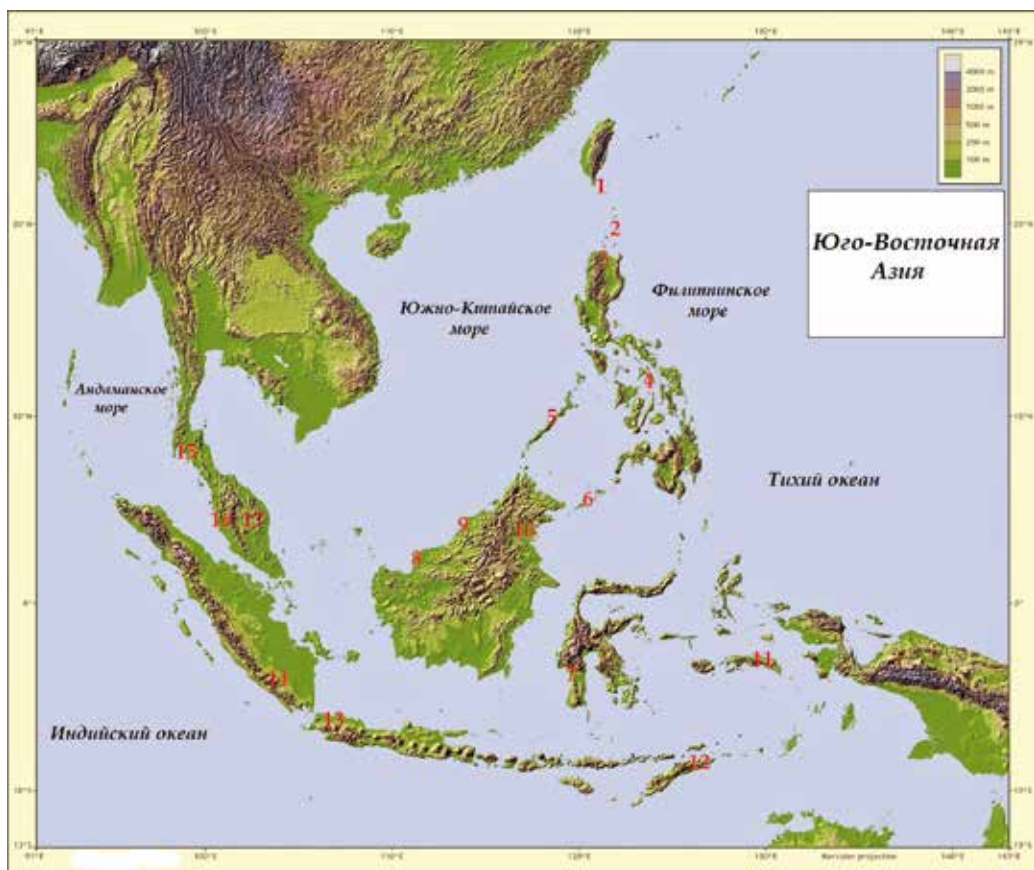

Рис. 1. Основные памятники неолита островной части Юго-Восточной Азии, упоминаемые в тексте: 1 – Чаолайцяо (остров Тайвань); 2 – Торонган (Баганские острова); 3 – Андараян, Магапит, Нагсабаран, Пеньябланка (Северный Лусон, Филиппины); 4 – Каланай, Бамумбаян, Эдхек (Висайские острова, Филиппины); 5 – Табон, Нгипе Далдаг, Лета Лета (остров Палаван, Филиппины); 6 – Балобок (острова Сулу, Филиппины); 7 – Минанга Сипакко (остров Сулавеси, Индонезия); 8 – Гуа Сире (остров Борнео, Малайзия); 9 – Ниа (остров Борнео, Малайзия); 10 – Лианг Абу, Лоянг Мендале (остров Борнео, Индонезия); 11 – Лиан Буа (остров Флорес, Индонезия); 12 – Уаи Бодо 1–2, Буи Сери Уато, Маджа Куру 1–2 (Восточный Тимор); 13 – Буни (остров Ява, Индонезия); 14 – Силабе, Харимау (остров Суматра, Индонезия); 15 – Там Суа, Мо Кью, Ланг Ронгриен (Малайский полуостров, Таиланд); 16 – Гуар Кепа (Малайский полуостров, Малайзия); 17 – Гуа Пералинг, Гуа Наримау, Гуа Ча (Малайский полуостров, Малайзия)

подразделяется на континентальную (MSEA)* и островную (ISEA)** части. На островной части сегодня располагаются территории Филиппин, Индонезии, Сингапура, Восточной Малайзии, Брунея, Восточного Тимора и нескольких мелких архипелагов (рис. 1).

* Mainland Southeast Asia – MSEA.

** Island Southeast Asia – ISEA. Реже используется термин «Морская часть Юго-Восточной Азии» – Maritime Southeast Asia – MSEA.

Исторически эти острова называли Ист-Индией, а также Малайским архипелагом, ареалом расселения австронезийских народов*.

Археология континентальной части Юго-Восточной Азии известна российским специалистам, в первую очередь, по серии работ П.И. Борисковского, который в начале 1960-х гг. в ходе продолжительных командировок** производил раскопки во Вьетнаме, читал лекции для вьетнамских студентов в Ханойском университете и обобщил практически весь доступный для того времени материал по каменному веку (палеолит-неолит) по региону в целом [Борисковский, 1966, 1971; Boriskovsky, 1966 и др.]. В последующее время контакты российских и вьетнамских археологов продолжались в формате обмена визитами и публикаций по материалам памятников палеолита (например, [Анисюткин, Тимофеев, 2004, 2006]), а с 2010 г. – в рамках ежегодной российско-вьетнамской археологической экспедиции под эгидой Института археологии и этнографии СО РАН (г. Новосибирск) [Деревянко и др., 2016, 2017а, 2017б].

Островная часть Юго-Восточной Азии в публикациях российских специалистов фигурировала в основном в связи с дискуссией относительно возраста находок питекантропа на о-ве Ява (Индонезия), а также комплексов, иллюстрирующих наиболее ранние этапы заселения территории и их аналогий с известными ранне- и среднепалеолитическими индустриями на континенте, а также с этнографическими параллелями [Борисковский, 1971, с. 147–162; Деревянко, 2015; Чебоксаров, 1962; Чеснов, 1965]***, тогда как для периода неолита упоминались лишь единичные памятники. Так, например, в первой главе книги О.Ю. Левтоновой [1979] «История Филиппин» неолиту Филиппинского архипелага отведено всего три абзаца. До настоящего времени российские археологи на территории островной части Юго-Восточной Азии никогда не работали, совместных раскопок не производилось.

Ситуация начала меняться только в последние годы. Интерес к различным моделям неолитизации в тихоокеанском бассейне, расширение географии российских археологических экспедиций в тропическом поясе Пасифики, прямые контакты с заинтересованными в сотрудничестве коллегами на Филиппинах, в Индонезии и в Малайзии создают благоприятную перспективу для непосредственного участия российских специалистов в изучении древних культур региона [Табарев, Иванова, Патрушева, 2017]. Тем более что современный этап изучения неолита островной части Юго-Восточной Азии отличается именно международным характером (десятки совместных экспедиций специалистов нескольких стран и полевые школы для студентов), мультидисциплинарным подходом, активной дискуссией и оперативным введением в научный оборот новых материалов. Для этого существует целая сеть археологических ассоциаций и периодических симпо-

* В изначальной версии немецкого натуралиста Фридриха Блюменбаха (1752–1840 гг.) – «малайской расы».

** Борисковский Павел Иосифович (1911–1991 гг.) – выдающийся российский археолог, специалист по палеолиту Восточной Европы, Южной, Восточной, Юго-Восточной Азии и Австралии. Внес существенный вклад в формирование археологической науки во Вьетнаме [Фам Куанг Шон, 1994].

*** В то же время следует подчеркнуть, что интерес к археологии островной части Юго-Восточной Азии у отечественных специалистов всегда присутствовал. Они использовали редкие возможности познакомиться с коллекциями в зарубежных музеях (Университет Бордо и Музей Человека в Париже в середине 1960-х), а также в общении с коллегами на международных научных форумах, например, на Тихоокеанских научных конгрессах (Токио, 1966), на конференциях Ассоциации Индо-Пасифик (ИРРА) на Филиппинах (1985, 2006), на Тайване (2002), во Вьетнаме (2009) и Камбодже (2014).

зиумов (Society for East Asian Archaeology, Indo-Pacific Prehistory Association, Asian Studies Association of Australia, International Conference on Southeast Asian Archaeology и др.), а также богатая подборка тематических журналов*. Регулярно выходят из печати работы обобщающего характера. Обратим внимание заинтересованного читателя на большие разделы, посвященные неолиту в таких недавних изданиях, как «Кембриджская преистория мира. Т. 1», «Оксфордская книга по археологии и антропологии охотников-собирателей», «Археология Восточной и Юго-Восточной Азии» [Handbook..., 2017; The Cambridge World Prehistory..., 2014; The Oxford Handbook..., 2014].

Рассмотреть детально материалы неолитических памятников на Филиппинах, в Индонезии и Малайзии в рамках одной статьи нереально, каждая из территорий заслуживает отдельной публикации. Таким образом, настоящая работа – это первая полноценная статья по проблематике неолита в островной части Юго-Восточной Азии в отечественной археологии, которая не только знакомит читателя с основными гипотезами о происхождении и особенностях неолитического периода на столь обширной территории, но и поможет сориентироваться в непривычной терминологии и литературе. Мы обращаемся преимущественно к археологическим материалам, оставляя данные генетики, физической антропологии, лингвистики и мифологии для последующих публикаций.

Основные гипотезы и концепции

При определении неолитической эпохи и ее отличий от предыдущего периода археологи оперируют целым набором признаков в материальной культуре (в первую очередь, иллюстрирующих появление новых технологий), погребальной практике, социальных отношениях и мировоззрении. Полнота их проявлений, локальные и региональные особенности, значение и иерархия являются предметом дискуссии. Так, например, М. Сприггс в ряде публикаций отмечал, что процесс неолитизации в островной части Юго-Восточной Азии «...совершенно необязательно включал земледелие, но обязательно включал керамическую посуду; многообразие ее форм и декора предопределили новые социальные отношения...» [Spriggs, 2011, p. 523]. Несколько иначе определяет неолит островной части Юго-Восточной Азии Д. Булбек**: «...комплексы с керамикой или шлифованными каменными орудиями, которые датируются ранее 2,5 тыс. л.н...»*** [Bulbeck, 2008, p. 32].

Весьма существенным в этой формулировке является слово «или». На этом моменте мы остановимся ниже, а сначала обратимся к керамической посуде – понятному и практически общепризнанному для российского читателя критерию неолита на территории Сибири и Дальнего Востока.

В дискуссии о происхождении и распространении неолитических культур по территории островной части Юго-Восточной Азии выделяются две доминирующие (классические) гипотезы – «Тайваньская» гипотеза Питера Беллвуда**** и «Нусантао»

* Впечатляет разнообразием тематики и фундаментальностью серия из 47 выпусков под общим названием «Teiga Australis», выходящая с 1971 г. в издательстве Австралийского национального университета.

** Австралийский национальный университет, г. Канберра.

*** Имеется в виду календарный возраст.

**** Питер Беллвуд (Peter Bellwood) (р. 1943 г.) – профессор Австралийского национального университета, известнейший специалист археологии Юго-Восточной Азии и Тихоокеанского бассейна. «Out of Taiwan» (OOT) – дословно: «Из Тайваня».

Вильгельма Сольхейма II*. Оба специалиста в своих построениях активно оперируют временем появления, типами, комплексами и традициями керамической посуды.

Основой гипотезы П. Беллвуда является понятие «австронезийский», применяемое к семье языков, на которых говорят в Юго-Восточной Азии и Океании**. По Беллвуду, пре-австронезийцы достигли острова Тайвань с материковой части Китая около 6,5–6 тыс. л.н., о чем свидетельствуют сходства в керамическом комплексе тайваньской культуры дабэнькэнь и ряда культур в провинциях Фуцзянь и Гуандун. Впоследствии культура дабэнькэнь распадается на несколько локальных вариантов, один из которых (культура яншань, 4,5–3 тыс. л.н.) характеризуется крашеными (красными или коричневыми) сосудами сферической формы с *прочерченным* или штампованным орнаментом в виде треугольников, линий и кружков***. Эти признаки, по мнению автора гипотезы, характеризуют также и ранние керамические комплексы на Филиппинах, и в Индонезии. В промежутке 4,5–3,5 тыс. л.н. происходит миграция носителей «неолитической традиции» с Тайваня на юг, они достаточно быстро**** достигают района между островом Борнео и Молуккскими островами, маркируя присутствие памятниками с красно-крашеной керамикой с устойчивым набором вышеуказанных орнаментальных мотивов, к которым, в ряде случаев, добавляются отпечатки «рисовой шелухи». Австронезийцы принесли с собой земледелие (рис, просо), одомашненных кур, собак и свиней, инструменты для обработки коры и древесных волокон****, грузила для сетей, различные изделия из раковин (рыболовные крючки, браслеты, подвески, бусы). В районе 3,5 тыс. л.н. миграционные потоки расходятся на запад – в сторону острова Ява и на континентальную часть Юго-Восточной Азии, а также на восток – в Меланезию и Полинезию. Вскоре в этих районах на базе новых технологий мигрантов и традиций местного населения формируется культурный комплекс (культура) лапита со специфической керамикой [Bellwood, 1997, 2011, 2017].

В гипотезе «Нусантао» основное место отводится не миграциям, а морской торговле и контактам, благодаря которым технологические инновации быстро распространяются по обширному региону [Solheim, 1970]. Сам термин применяется ко всем народам Юго-Восточной Азии (и прибрежной, и островной), у которых прослеживаются навыки мореплавания и морской торговли. В последней версии В. Сольхейм даже включил в их число «мореплавателей не-австронезийцев» и исключил «австронезийцев не-мореплавателей» [Solheim, 2006]. Истоки феномена находятся в прибреж-

* Вильгельм Джерард Солхейм II (Wilhelm G. Solheim II) (1924–2014 гг.) – американский антрополог и археолог, посвятивший основную часть своей научной карьеры изучению древних культур Филиппин и Вьетнама. «Nusantao Maritime Trading and Communication Network» (NMTCN) – дословно: «Система морской торговли и коммуникации Нусантао». Нусантао – от австронезийских корней слов *nusa* (юг) и *tau/tao* (человек, люди), что переводится как «люди южных островов».

** Австронезийский – от латинского слова *auster* («южный ветер») и греческого *nêsos* («остров»). Чаще всего переводится как «южный островитянин». В ряде публикаций П. Беллвуд (как лингвист по базовому образованию) относит к австронезийцам не только «говорящих» на австронезийских языках, но тех, чьи предки «говорили» на них.

*** О культуре дабэнькэнь на русском языке см.: Азаренко, Лаптев, Комиссаров, 2016; История Китая..., 2016.

**** В совместной статье П. Беллвуда и Дж. Даймонда этот процесс получил эффектное название – «Скорый поезд» или «Быстрый корабль в Полинезию» [Dimond, Bellwood, 2003].

***** В английском варианте – Bark beaters.

ной части Вьетнама и датируются возрастом 10–9 тыс. л.н. Последующая эволюция «Нусантао», по модели Сольхейма, происходит в формате «ареалов» или «лепестков»:

– центрального (раннего и позднего), который включает прибрежные территории Вьетнама, Камбоджи, Восточной Малайзии, Южного Китая и Тайваня, а также часть западных островов Индонезии;

– северного, к которому относятся части восточного побережья Китая, Корейского полуострова и Японского архипелага (острова Рюкю, Кюсю, Сикоку и Хонсю)*;

– восточного (раннего и позднего), охватывающего островные части от Молуккского архипелага вплоть до острова Пасхи;

– и западного, простирающегося от Малайзии и Западной Индонезии к побережьям Индии, Шри Ланки, Мадагаскара и Африки.

Согласно этой красивой модели, навыки гончарства могли быть переданы из прибрежных районов Вьетнама на Филиппины и Борнео уже около 7 тыс. л.н. Красно-крашенная керамика с прочерченным орнаментом – явление более позднее (около 4 тыс. л.н.), она также связана своим происхождением с районами между Вьетнамом и Центральными Филиппинами.

Именно с территории Филиппинского архипелага мы и начнем краткий обзор современного состояния проблемы появления и особенностей неолита в островной части Юго-Восточной Азии.

Памятники и материалы

Безусловно, особое значение имеют археологические материалы, обнаруженные на Батанских островах в Лусонском проливе, разделяющем Тайвань и Филиппинский архипелаг**. Керамический комплекс разделен на четыре условные фазы. Фаза 1 (4,5–3 тыс. л.н.) выделена по находкам в пещере Торонган и представлена красно-крашеной керамикой, которую сторонники гипотезы П. Беллвуда напрямую сравнивают с керамикой на восточном побережье Тайваня. Другие высказываются более осторожно, датируют фазу не ранее 4 тыс. л.н. и прямых аналогий с тайваньской керамикой не проводят [Anderson A., 2005]. К этой же фазе, несмотря на дату в 3 тыс. л., некоторые специалисты относят и незначительное количество керамики с «веревочным» орнаментом из смешанного горизонта в пещере Реранум***.

Фаза 2 (3–2 тыс. л.н.) характеризуется красно-крашеной керамикой с орнаментом в виде кружков, организованных в прямоугольный меандр. Среди специалистов нет единого мнения – одни считают, что аналогии этому комплексу обнаруживаются в северной части Филиппин, другие полагают, что это лишь внешние сходства, обусловленные субъективной выборкой.

В северной части острова Лусон (Филиппины) наиболее ранние следы неолитических культур (керамика и присутствие риса) представлены серией открытых стоянок, пещерных комплексов и раковинных куч в среднем и нижнем течении р. Кагаян – Андараян, Магапит, Нагсабаран, пещера Пеньябланка и др. Дата по нагару на фрагменте красно-крашеной керамики на стоянке Андараян (3,7 тыс. л.н.) позволяет значительной части специалистов говорить о том, что интродукция гончарства в се-

* В некоторых публикациях В. Сольхейма, вплоть до побережья Американского континента.

** Острова Батанес, входят в состав одноименной провинции Филиппин.

*** При этом они ссылаются на материалы Тайваня, где керамика с «веревочным» орнаментом найдена в более ранних комплексах, чем красно-крашенная.

верной части Филиппин произошла около 4 тыс. л.н. и источник находится на Тайване (культура яншань). Вместе с тем, детальное рассмотрение материалов показывает, что картина не столь однозначна. Во-первых, керамический комплекс в долине р. Кагаян делится на два типа: красно-крашенная керамика и черная. Во-вторых, пока не до конца понятна связь между этими двумя типами и их последовательность. В ряде случаев (Магапит, Нагсабаран) красно-крашенная керамика стратиграфически залегает чуть ниже, чем черная – в илистых горизонтах под раковинными кучами или в их основании, а черная – в толще раковинной кучи. В то же время в пещере Пеньябланка и на памятнике Пинту процент красно-крашеной керамики в наиболее ранних слоях крайне низок, а доминирует керамика черного и темно-коричневого цветов [Mijares, 2006]. Мнения специалистов по этому поводу различаются: одни усматривают прямую культурную и технологическую связь между красно-крашеной и черной керамикой, а изменения объясняют сменой акцентов в хозяйстве; другие считают, что два типа керамики принадлежат разным в культурном отношении группам (пришлым австронезийцам и местным). После краткого периода пребывания в северной части Филиппин австронезийцы двинулись на юг и на восток (на Марианские острова) [Handbook of East and Southeast Asian Archaeology, 2017, pp. 404–405].

Отметим также и еще один важный дискуссионный момент – возрастающий у части археологов скепсис по поводу прямого переноса технологии гончарства с Тайвана на Филиппины. Основано это, в частности, на сравнении датировок культуры яншань и стоянок на р. Кагаян. Дело в том, что подавляющее число стоянок культуры яншань (за исключением одной-двух)* на Тайване датируется возрастом не 4,5–3 тыс. л.н., а 3,5–3 тыс. л.н., что не старше, а в целом ряде случаев и моложе стоянок на севере Филиппин. Безусловно, что здесь потребуются дополнительные исследования и, в частности, прямое датирование керамики (нагар, органические добавки в тесте и т.д.).

В центральной части Филиппин (Висайские острова и остров Палаван) археологами выделены несколько локальных керамических традиций – Каланай, Бау, Новаличес и Лобок. Традиция Каланай (с присутствием красно-крашеной керамики) выделена еще в 1-й половине XX в. по серии стоянок и пещерного комплекса Каланай на острове Масбате. Датируется временем не ранее 2,8–2,7 тыс. л.н. и относится к позднему неолиту. Там же, на Масбате есть находки и более примитивной керамики – комплекс Бамумбаян – хрупкой, пористой, изготовленной при более низких температурах, с датами в районе 3,6–3,5 тыс. л.н. Наиболее ранние образцы красно-крашеной керамики зафиксированы на острове Негрос на памятнике Эдхек – с радиоуглеродными датами 4–3,5 тыс. л.н. Большая погрешность датировок не позволяет оценивать их однозначно.

На острове Палаван наиболее яркие находки связаны с комплексами пещер Табон (на юге) и районом Эль-Нидо (на севере). В керамической коллекции Табонских пещер (например, Манунггал) присутствует красно-крашенная керамика, а в соседних с ними пещерах Нгипе Далдаг и Лета Лета – керамика с «веревочным» орнаментом, которая датируется более ранним возрастом – как минимум 3,5–3 тыс. л.н.** На севере острова в пещере Илье зафиксирован разнообразный керамический комплекс, который на настоящий момент подразделяется лишь предварительно – по цвету – на серые, красные и черные сосуды с орнаментом в виде геометрических оттисков, веревки, прочерченных линий и т.д.

* В первую очередь, Чаолайцяо – ок. 4 тыс. л.н.

** Есть две радиоуглеродные даты, полученные по изделиям из раковин: 3450±80 л.н. и 3580±70 л.н.

В южной части Филиппин интересные результаты получены по памятникам на западе острова Минданао и на островах Сулу. В частности, выделены три типа керамики: с песчаным отощителем, с незначительной добавкой песка и/или мелкого гравия или без него, а также красно-крашенная керамика (как ангобированная, так и просто крашенная). Имеется весьма ранняя (около 6,5 тыс. л.н.)* дата по комплексу с красно-крашенной керамикой с декором в виде оттиска кружков из грота Балобок (один из самых южных островов Сулу). Есть даже острожная гипотеза, что подобная керамика является местным изобретением, традицией, которая распространилась впоследствии по территории Филиппин вплоть до северных районов [Shutler, 1999].

Не менее запутанной и требующей дополнительных исследований представляется и ситуация с началом неолита для территории Индонезии. Один из наиболее авторитетных специалистов по этой проблематике – Т. Симанджунтак** – предлагает модель, которая предусматривает два пути миграции носителей неолитической традиции на острова Индонезии – «Восточный путь» и «Западный путь» [Simanjuntak, 2017].

«Восточный путь» – это вариант гипотезы П. Беллвуда («Из Тайваня») о миграции через Батанские острова и Филиппины. Первым индонезийским островом на пути мигрантов в таком случае был Сулавеси. Опорным памятником неолита с наиболее ранними датами считается стоянка Минанга Сипакко в бассейне горной р. Карам (западная часть острова) – его нижние горизонты, в которых доминирует красно-крашенная керамика, датируются по углю временем около 3,5 тыс. л.н.*** С территории Сулавеси австронезийцы проникли на другие острова и около 2,5 тыс. л.н. заселили всю территорию Индонезийского архипелага (в том числе и западную часть Индонезии с «востока»).

«Западный путь» – альтернативная модель, в рамках которой проникновение ранне-неолитической традиции в Индонезию происходило с континентальной части Юго-Восточной Азии через территории Вьетнама и Малайзии на острова Суматра, Борнео и Ява. Возможно, что один из маршрутов напрямую связывал прибрежную часть Вьетнама и Борнео. Археологическим маркером этой традиции является специфическая керамика с оттисками веревки («веревочный орнамент») или текстиля****. Подобная керамика встречается, в основном, в западной части Индонезии: пещеры Силабе и Харимау на юге Суматры, Буни на западе Явы, а также широко известные пещерные комплексы Гуа Сире и Ниа***** на западе Борнео (Саравак, малазийская часть острова)*****.

Примечательно, что в восточной части Индонезии керамики с «веревочным» орнаментом практически нет, зато ее аналогии широко представлены во Вьетнаме, Гонконге, Южном Китае и на Тайване. В свою очередь, красно-крашенная керамика

* Дата по углю – 6450 л.н.

** Национальный центр археологии и австронезийских исследований. Г. Джакарта.

*** Дата по углю: 3 446±51 (Wk-14651) л.н.

**** Нанесение орнамента лопаткой, обмотанной текстилем. В английском варианте «cord-marked».

***** Ниа (Niah) – пещерный комплекс (более 20 пещер), «Национальный пещерный парк Ниа», опорный археологический памятник для всей островной части Юго-Восточной Азии с горизонтами периодов палеолита (40–35 тыс. л.н.), мезолита (ранний голоцен), неолита и палеометалла. Впервые посещалась европейскими путешественниками и натуралистами еще в 1870-х гг. Археологические раскопки в Ниа начались в 1954 г. под руководством американского археолога Тома Харрисона и продолжаются, с перерывами, по сегодняшний день. К опубликованным материалам Ниа в своих работах обращался П.И. Борисковский.

***** Остров имеет два названия: по-индонезийски – Калимантан, в малазийском варианте – Борнео.

доминирует в восточной части Индонезии и присутствует на некоторых памятниках в западной части Индонезии, но все они датируются более поздним временем – рубежом эр, периодом палеометалла. Специалисты отмечают и случаи, когда керамика с «веревочным» орнаментом и красно-крашенная керамика встречаются в одном контексте, например, на востоке Борнео на памятниках Лианг Абу и Лоянг Мендале [Arifin, 2017], что может указывать на контакт двух разных неолитических традиций.

Если красно-крашенная керамика с прочерченным орнаментом связывается с движением носителей прото-австронезийских и австронезийских языков, то керамика с «веревочным» орнаментом принадлежит носителям другой языковой семьи – австроазиатской*. По уточненным датировкам неолитических горизонтов в пещере Гуа Сире (Борнео) и стоянки Такендон (север Суматры) керамика с «веревочным» орнаментом чуть древнее (более 4 тыс. л.н.), чем красно-крашенная (менее 4 тыс. л.н.). Таким образом, возможно, что австронезийцы появились в Индонезии чуть позже австроазиатов, вступили в контакт и постепенно полностью их заменили. Во всяком случае, сегодня население всех этих районов говорит на австронезийских языках.

Сходную модель из двух одновременных неолитических миграций предлагает и А. Андерсон [Anderson A., 2005] – он называет их «Неолит I» (керамика с «веревочным» орнаментом) австроазиатских и «Неолит II» (красно-крашенная керамика) австронезийских групп.

Данные о времени появления керамики в крайней восточной части Индонезии, а также на Восточном Тиморе противоречивы. Радиоуглеродные датировки демонстрируют неожиданно древний возраст – от 6,4–4,1 тыс. л.н. для стоянки Лиан Буа (Флорес) и 5–4 тыс. л.н. для пещер Уаи Бодо 1–2, Буи Сери Уато и Маджа Куру 1–2. Однако большинство специалистов относятся к ним осторожно, указывают на возможную переотложенность материала и относят время появления керамической посуды в этом районе к периоду 3,4–3,3 тыс. л.н. [O'Connor, 2015].

Кратко остановимся на данных о времени появления керамики в южной части Малайского полуострова (территория Малайзии и Таиланда). Неолитический период здесь начинается около 6,5 тыс. л.н. и условно подразделяется на ранний (6,5–4 тыс. л.н.) и поздний (4–2,5 тыс. л.н.). К наиболее ранним комплексам с керамической посудой и шлифованными каменными орудиями относятся, например, раковинные кучи Там Суа (7,5–6,5 тыс. л.н.), Мо Кью (7–5,5 тыс. л.н.), Гуар Кепа на западном побережье (6,5–6 тыс. л.н.) и Гуа Пералинг (6 тыс. л.н.) в континентальной части [Bulbeck, 2014, p. 135–136]. По сравнению с предыдущим периодом существенно уменьшается количество памятников в пещерных комплексах и увеличивается число открытого типа и промысловых стоянок (раковинных куч). Возможно, что пещеры в это время рассматриваются в основном как место для погребений или кратковременных мест обитания [Anderson D., 2005]. Погребальные комплексы позднего неолита свидетельствуют о возрастающей социальной дифференциации. Становится более разнообразным и богатым сопровождающий инвентарь, например, на памятниках Ланг Ронгриен (3,2–2,5 тыс. л.н.), Гуа Наримау (3,4–3 тыс. л.н.) погребения насыщены сосудами изящной формы (на подставках) и сложной орнаментации, украшениями из раковин, браслетами из нефрита и мрамора, полированными каменными теслами. Весьма показательным является погребение трех младенцев на памятнике Гуа Ча (3–2,7 тыс. л.н.) [Bulbeck,

* Континентальная часть Юго-Восточной Азии, более 160 языков, около 120 млн. носителей.

2011], инвентарь которого по своему богатству не уступает погребениям взрослых мужчин, что свидетельствует об иерархическом порядке, в рамках которого высокий социальный статус присваивается с рождением*, а не приобретается с возрастом.

Заключение

Итак, подведем некоторые итоги нашего обзора и обозначим особенности неолита островной части Юго-Восточной Азии.

Это неолит *тропический*, неолит экваториального и субэкваториального поясов, влажный и жаркий климат которого оказывал существенное влияние на хозяйство, структуру промыслов, пищевой рацион, конструкцию жилищ, одежду и т.д. Это неолит *островной*, предполагающий, с одной стороны, активные контакты, а с другой, вариативность культурных проявлений, многообразие локальных стилей и традиций в материальной культуре, а также неравномерность во времени проявления технологических инноваций.

По сравнению с континентальной частью Юго-Восточной Азии (и, тем более, с Восточной Азией), период неолита на островах носил *кратковременный* характер – в промежутке от 4 до 2,5 тыс. л.н. [Табарев, Попов, 2017]. Вполне возможно, что это предварительная оценка, она отражает лишь современный уровень изученности региона. Не исключено, что в будущем эти хронологические рамки будут скорректированы в сторону удревнения начала неолита.

Особенностью неолита на данной территории является и то, что подавляющее число материалов происходит из *нещерных комплексов и раковинных куч*, памятники открытого типа единичны. Стратиграфия комплексов в большинстве случаев неоднозначна и не позволяет со стопроцентной уверенностью разделить докерамические слои от раннекерамических (неолитических) или неолитические от слоев периода палеометалла.

Неолит островной части Юго-Восточной Азии носит (независимо от исходной территории) *импортный* характер. Вопрос состоит в том, был ли он интродуцирован «пакетом» (керамика, земледелие, одомашненные животные, новый орудийный набор и т.д.) или для разных частей региона справедливо говорить о разной комбинации этих признаков [Barker, Richards, 2013; Bellwood, Oxenham, 2008]. Другой важный аспект этой проблемы заключается в том, что многие технологии (обработка раковин, подшлифовка каменных орудий, первоначальные навыки земледелия) уже существовали в ряде районов, и восприятие инноваций происходило легче и быстрее.

На сегодняшний день основным маркером начала неолита в регионе является *керамическая посуда*. Будучи ценнейшим источником информации по развитию технологий, направлению миграционных потоков и хронологии, она, тем не менее, не является достаточным критерием для выделения *неолитических культур* на территории островной части Юго-Восточной Азии. Не стоит, на наш взгляд, категорично отказываться и от возможности того, что гончарство в островной части Юго-Восточной Азии может иметь и импортные, и *местные корни*. Некоторые намеки на данный сценарий есть, но они нуждаются в дальнейшем аргументировании на уровне оригинальных археологических комплексов (памятников, горизонтов) и серии датировок, в первую очередь, по органическим остаткам на керамике.

* Это признак племенной элиты, характерной для «ранних вождеств».

Весьма перспективным, по нашему мнению, является изучение ранне- и среднеголоценового времени (10–4,5 тыс. л.н.) в островной части Юго-Восточной Азии, а также возможности выделения и обоснования *докерамического* или *бескерамического* неолита. В отсутствие керамики признаками выделения этого периода могут стать особенности обработки каменного инструментария*, декоративные технологии (раковины, кость), а также эволюция погребальной практики.

И, наконец, большинство специалистов сходятся на том, что, вне зависимости от направления и времени начала неолитических миграционных волн (австронезийской или австроазиатской) с континентальной части Юго-Восточной Азии, их наиболее существенной особенностью было даже не земледелие, а развитые технологии прибрежного и морского *судоходства и навигации* [O'Connor, 2015; Spriggs, 2011]. Это объясняет скорость освоения архипелагов и распространение элементов новых технологий, это свидетельствует в пользу подготовленности к дальним плаваниям в открытом океане и подтверждает, в частности, возможность миграции по маршруту от Северных Филиппин (остров Лусон) на Марианские острова и далее в Полинезию и формирования на этой основе культуры лапита [Carson et al., 2013; Matisoo-Smith, 2015].

Благодарности

Мы выражаем искреннюю признательность нашим зарубежным коллегам Н. Кузвас (Национальный музей Филиппин, Манила), Б. Селлато (Французский национальный центр научных исследований, Париж), М. Сприггсу (Австралийский национальный университет, Канберра), И. Кокрену (Университет Оклэнда), М. Сайдину (Центр глобальных археологических исследований, Малайзия) за советы и комментарии по различным сюжетам данной работы.

Библиографический список

- Азаренко Ю.А., Лаптев С.В., Комиссаров С.А. Неолитические памятники Тайваня: культура Дабэнькэн // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2016. Т. 15. №4: Востоковедение. С. 22–32.
- Анисюткин Н.К., Тимофеев В.И. Каменные изделия из пещеры Тхамкуэн на севере Вьетнама // Археологические вести. 2004. №11. С. 13–21.
- Анисюткин Н.К., Тимофеев В.И. Палеолитическая индустрия на отщепях на территории Вьетнама // Археология, этнография и антропология Евразии. 2006. Т. 3. №27. С. 16–24.
- Борисковский П.И. Первобытное прошлое Вьетнама. М. ; Л. : Наука, 1966. 184 с.
- Борисковский П.И. Древний каменный век Южной и Юго-Восточной Азии. Л. : Наука, 1971. 174 с.
- Деревянко А.П. Три глобальные миграции человека в Евразии. Т. 1: Происхождение человека и заселение им Юго-Западной, Южной, Восточной, Юго-Восточной Азии и Кавказа. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2015. 612 с.
- Деревянко А.П., Шу Н.Х., Цыбанков А.А., Дой Н.З. Возникновение бифасиальной индустрии в Восточной и Юго-Восточной Азии. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2016. 74 с.
- Деревянко А.П., Гладышев С.А., Нгуен Зианг Хай, Нгуен За Дой, Нгуен Кхак Шу, Кандыба А.В., Чеха А.М., Цыбанков А.А., Нгуен Ань Тоан, Фань Тхан Туан. Раскопки стоянки раннего палеолита с бифасиальной индустрией Роктынг-4 во Вьетнаме в 2017 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXIII. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2017а. С. 79–83.

* Напомним об определении неолита в версии Д. Булбека – керамика или шлифованные каменные орудия.

Деревянко А.П., Гладышев С.А., Нгуен Зианг Хай, Нгуен За Дой, Нгуен Кхак Шу, Кандыба А.В., Чеха А.М., Цыбанков А.А., Нгуен Ань Тоан, Фань Тхан Туан. Новые данные в изучении раннего палеолита с бифасиальной индустрией Вьетнама. Раскопки стоянки Роктынг-7 в 2017 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXIII. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2017б. С. 84–88.

История Китая с древнейших времен до начала XXI века. Т. I. Древнейшая и древняя история (по археологическим данным): от палеолита до V в. до н.э. М. : Наука Вост. лит., 2016. 974 с.

Левтонова Ю.О. История Филиппин. Краткий очерк. М. : Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1979. 295 с.

Табарев А.В., Попов А.Н. Особенности процессов неолитизации в тихоокеанском бассейне // V (XXI) Всероссийский археологический съезд : сб. науч. тр. / отв. ред. А.П. Деревянко, А.А. Тишкин. Барнаул, 2017. С. 1009–1010 [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29999675>.

Табарев А.В., Иванова Д.А., Патрушева А.Е. Древние культуры Филиппинского архипелага: ключевые сюжеты и проблематика исследований // Гуманитарные науки в Сибири. 2017. №2. С. 54–57.

Фам Куанг Шон. Роль П.И. Борисковского в формировании и развитии археологии во Вьетнаме // Археологические вести. 1994. Вып. 3. С. 264–265.

Чебоксаров Н.Н. Сорок дней в Индонезии // Вестник Академии наук СССР. 1962. №10. С. 78–83.

Чеснов Я.В. О специфике свайных жилищ в Юго-Восточной Азии // Советская этнография. 1965. №5. С. 59–69.

Anderson A. Crossing the Luzon Strait: Archaeological Chronology in the Batanes Islands, Philippines and the Regional Sequence of Neolithic Dispersal // Journal of Austronesian Studies. 2005. V. 1. №2. Pp. 25–45.

Anderson D. The Use of Caves in Peninsular Thailand in the Late Pleistocene and Early and Middle Holocene // Asian Perspective. 2005. V. 44. №1. Pp. 137–153.

Arifin K. Terminal Pleistocene and Early Holocene Human Occupation in the Rainforests of East Kalimantan // New Perspectives in Southeast Asian and Pacific Prehistory. Canberra : ANU Press, 2017. Pp. 97–124.

Barker G., Richards M. Foraging–Farming Transitions in Island Southeast Asia // Journal of Archaeological Method and Theory. 2013. V. 20. Pp. 256–280.

Bellwood P. Prehistory of the Indo-Malaysian Archipelago. Honolulu : University of Hawaii Press, 1997. 385 p.

Bellwood P. Holocene Population History in the Pacific Region as a Model for Worldwide Food Producer Dispersals // Current Anthropology. 2011. V. 52. №4. Pp. 363–378.

Bellwood P. First Islanders: Prehistory and Human Migration in Island Southeast Asia. Victoria : Wiley-Blackwell, 2017. 384 p.

Bellwood P., Oxenham M. The Expansions of Farming Societies and the Role of the Neolithic Demographic Transition // The Neolithic Demographic Transition and its Consequences. New York : Springer, 2008. Pp. 13–34.

Boriskovsky P.I. Basic Problems of the Prehistoric Archaeology of Vietnam // Asian Perspectives. 1966. V. IX. Pp. 83–85.

Bulbeck D. An Integrated Perspective On The Austronesian Diaspora: The Switch from Cereal Agriculture to Maritime Foraging in the Colonization of Island Southeast Asia // Australian Archaeology. 2008. №67. Pp. 31–51.

Bulbeck D. Biological and Cultural Evolution in the Population and Culture History of Homo sapiens in Malaya // Pacific Linguistics. 2011. №627. Pp. 207–255.

Bulbeck D. The Chronometric Holocene Archaeological Record of the Southern Thai-Malay Peninsula // International Journal of Asia Pacific Studies. 2014. V. 10. №1. Pp. 111–162.

Carson M.T., Hung H., Summerhayes G., Bellwood P. The Pottery Trail From Southeast Asia to Remote Oceania // The Journal of Island and Coastal Archaeology. 2013. V. 8. №1. Pp. 17–36.

Diamond J., Bellwood P. Farmers and Their Languages: The first expansions. Science. 2003. 300. Pp. 597–603.

- Handbook of East and Southeast Asian Archaeology. New York : Springer-Verlag, 2017. 771 p.
- Matisoo-Smith E. Ancient DNA and the Human Settlement of the Pacific: A Review // *Journal of Human Evolution*. 2015. V. 79. Pp. 93–104.
- Malkolm H. *Travels in South-eastern Asia: embracing Hindustan, Malaya, Siam, and China; with notices of numerous missionary stations, and a full account of the Burman empire*. Boston : Gould, Kendall and Lincoln, 1839. 432 p.
- Mijares A.S.B. The early Austronesian Migration to Luzon: Perspectives from the Peñablanca Cave sites // *Bulletin of the Indo-Pacific Prehistory Association*. 2006. V. 26. Pp. 72–78.
- O'Connor S. Rethinking the Neolithic in Island Southeast Asia, with Particular Reference to the Archaeology of Timor-Leste and Sulawesi // *Archipel*. 2015. №90. Pp. 15–47.
- Shutler R.J. The Relationship of Red-slipped and Lime-impressed Pottery of the Southern Philippines to that of Micronesia and the Lapita of Oceania // *Le Pacifique de 5000 à 2000 avant le présent: suppléments à l'histoire d'une colonisation*. Paris : Institut de recherche pour le développement. 1999. Pp. 521–529.
- Simanjuntak T. The Western Route Migration: A Second Probable Neolithic Diffusion to Indonesia // *New Perspectives in Southeast Asian and Pacific Prehistory*. Canberra : ANU Press, 2017. Pp. 201–211.
- Solheim W.G. II Prehistoric Archaeology in Eastern Mainland Southeast Asia and the Philippines // *Asian Perspectives*. 1970. V. XIII. Pp. 47–58.
- Solheim W.G. II *Archaeology and Culture in Southeast Asia: Unraveling the Nusantao*. Quezon City : The University of the Philippines Press, 2006. 316 p.
- Spriggs M. Archaeology and the Austronesian Expansion: Where are we now? // *Antiquity*. 2011. V. 85. Pp. 510–528.
- Stark M.T. *Globalizing Early Southeast Asia // The Routledge Handbook of Archaeology and Globalization*. Oxford : Taylor and Francis, 2016. Pp. 707–710.
- The Cambridge World Prehistory. V. I. Africa, South and Southeast Asia and the Pacific. New York : Cambridge University Press, 2014. 690 p.
- The Oxford Handbook of the Archaeology and Anthropology of Hunter-Gatherers. Oxford : Oxford University Press, 2014. 1330 p.
- The Routledge Handbook of Archaeology and Globalization. Oxford : Taylor and Francis, 2016. 994 p.

References

- Azarenko Ju.F., Laptev S.V., Komissarov S.A. Neoliticheskie pamjatniki Tajvanja: kul'tura Dabjen'kjen [Neolithic Sites of Taiwan: Dabengkeng Culture]. *Vestnik NGU. Serija: Istorija, filologija*. [Newsletters of the NSU]. 2016. Vol. T. 15. №4: Vostokovedenie. Pp. 22–32.
- Anisjutkin N.K., Timofeev V.I. Kamennye izdelija iz peshery Thamkujen na severe V'etnama [Stone Artifacts from the Thamkuen Cave, Northern Vietnam]. *Arheologicheskie vesti*. [Archaeological News]. 2004. №11. Pp. 13–21.
- Anisjutkin N.K., Timofeev V.I. Paleoliticheskaja industrija na otshhepah na territorii V'etnama [Paleolithic Flake Industry in Vietnam]. *Arheologija, jetnografija i antropologija Evrazii* [Archaeology, Ethnography, Anthropology of Eurasia]. 2006. T. 3. №27. Pp. 16–24.
- Boriskovskij P.I. *Pervobytnoe proshloe V'etnama* [Prehistory of Vietnam]. M. ; L. : Nauka, 1966. 184 p.
- Boriskovskij P.I. *Drevnij kamennyj vek Juzhnoj i Jugo-Vostochnoj Azii* [Early Stone Age of the South and the Southeast Asia]. L. : Nauka, 1971. 174 p.
- Derevjanko A.P. *Tri global'nye migracii cheloveka v Evrazii*. T. 1: Proishozhdenie cheloveka i zaselenie im Jugo-Zapadnoj, Juzhnoj, Vostochnoj, Jugo-Vostochnoj Azii i Kavkaza [Three Global Human Migrations in Eurasia. V. 1. Human's Origin and the Peopling of the Southwest, the South, the East, and the Southeast Asia and Caucasian]. Novosibirsk : Izd-vo Inst-ta SO RAN, 2015. 612 p.
- Derevjanko A.P., Shu N.H., Cybankov A.A., Doj N.Z. *Vozniknovenie bifasial'noj industrii v Vostochnoj i Jugo-Vostochnoj Azii* [Origin of Bifacial Industry in the East and the Southeast Asia]. Novosibirsk : Izd-vo Ins-ta SO RAN, 2016. 74 p.
- Derevjanko A.P., Gladyshev S.A., Nguen Ziang Haj, Nguen Za Doj, Nguen Khak Shu, Kandyba A.V., Cheha A.M., Cybankov A.A., Nguen An' Toan, Fan' Than Tuan. *Raskopki stojanki rannego paleolita s bifasial'noj industrij Roktyng-4 vo V'etname v 2017 godu* [Excavations of the Early Paleolithic Roktyng-4 Site with Bifacial Industry in Vietnam, 2017]. *Problemy arheologii, jetnografii, antropologii Sibiri*

i sopredel'nyh territorij [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia, and Neighboring Territories]. Vol. XXIII. Novosibirsk : Izd-vo Ins-ta SO RAN, 2017a. Pp. 79–83.

Derevjanko A.P., Gladyshev S.A., Nguen Ziang Haj, Nguen Za Doj, Nguen Khak Shu, Kandyba A.V., Cheha A.M., Cybankov A.A., Nguen An' Toan, Fan' Than Tuan. Novye dannye v izuchenii rannego paleolita s bifasial'noj industrijej V'etnama. Raskopki stojanki Roktyng-7 v 2017 godu [New Data in the Studies of the Early Paleolithic Roktyng-7 Site with Bifacial Industry]. Problemy arheologii, jetnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia, and Neighboring Territories]. T. XXIII. Novosibirsk : Izd-vo Ins-ta SO RAN, 2017b. Pp. 84–88.

Istorija Kitaja s drevnejshih vremen do nachala XXI veka. T. I. Drevnejshaja i drevnjaja istorija (po arheologicheskim dannym): ot paleolita do V v. do n.je. [The Most Ancient and Ancient History by Archaeological Data]. M. : Nauka Vost. lit., 2016. 974 p.

Levtonova Ju. O. Istorija Filippin. Kratkij ocherk [History of the Philippines. Short Overview]. M. : Glavnaja redakcija vostochnoj literatury izd-va «Nauka», 1979. 295 p.

Tabarev A.V., Popov A.N. Osobennosti processov neolitizacii v tihookeanskom bassejne [The Peculiarities of the Neolithization in the Pacific Basin]. V (XXI) Vserossijskij arheologicheskij s'ezd : sb. nauch. tr. / otv. red. A.P. Derevjanko, A.A. Tishkin [V(XXI) [Russian Archaeological Congress. Collection of Proceedings]. Barnaul, 2017. S. 1009–1010 [Electronic Resource]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29999675>.

Tabarev A.V., Ivanova D.A., Patrusheva A.E. Drevnie kul'tury Filippinskogo arhipelaga: kljuchevye sjuzhety i problematika issledovanij [Ancient Cultures of the Philippines: Key Topics and Problematic of the Research]. Gumanitarnye nauki v Sibiri [Humanities in Siberia]. 2017. №2. Pp. 54–57.

Fam Kuang Shon. Rol' P.I. Boriskovskogo v formirovanii i razvitii arheologii vo V'etname [The Role of P.I. Boriskovsky in the Organization and development of Archaeology in Vietnam]. Arheologicheskie vesti [Archaeological News]. 1994. Vyp 3. Pp. 264–265.

Cheboksarov N.N. Sorok dnej v Indonezii [Forty Days in Indonesia]. Vestnik Akademii nauk SSSR [News of the Soviet Academy of Sciences]. 1962. №10. Pp. 78–83.

Chesnov Ja.V. O specifikie svajnyh zhilishh v Jugo-Vostochnoj Azii [On the Specific of the Pile Dwellings in the Southeast Asia]. Sovetskaja jetnografija [Soviet Ethnography]. 1965. №5. Pp. 59–69.

Anderson A. Crossing the Luzon Strait: Archaeological Chronology in the Batanes Islands, Philippines and the Regional Sequence of Neolithic Dispersal. Journal of Austronesian Studies. 2005. V. 1. №2. Pp. 25–45.

Anderson D. The Use of Caves in Peninsular Thailand in the Late Pleistocene and Early and Middle Holocene. Asian Perspective. 2005. V. 44. №1. Pp. 137–153.

Arifin K. Terminal Pleistocene and Early Holocene Human Occupation in the Rainforests of East Kalimantan. New Perspectives in Southeast Asian and Pacific Prehistory. Canberra : ANU Press, 2017. Pp. 97–124.

Barker G., Richards M. Foraging–Farming Transitions in Island Southeast Asia // Journal of Archaeological Method and Theory. 2013. V. 20. Pp. 256–280.

Bellwood P. Prehistory of the Indo-Malaysian Archipelago. Honolulu : University of Hawaii Press, 1997. 385 p.

Bellwood P. Holocene Population History in the Pacific Region as a Model for Worldwide Food Producer Dispersals. Current Anthropology. 2011. V. 52. №4. Pp. 363–378.

Bellwood P. First Islanders: Prehistory and Human Migration in Island Southeast Asia. Victoria : Wiley-Blackwell, 2017. 384 p.

Bellwood P., Oxenham M. The Expansions of Farming Societies and the Role of the Neolithic Demographic Transition. The Neolithic Demographic Transition and its Consequences. New York : Springer, 2008. Pp. 13–34.

Boriskovsky P.I. Basic Problems of the Prehistoric Archaeology of Vietnam. Asian Perspectives. 1966. V. IX. Pp. 83–85.

Bulbeck D. An Integrated Perspective On the Austronesian Diaspora: The Switch from Cereal Agriculture to Maritime Foraging in the Colonization of Island Southeast Asia. Australian Archaeology. 2008. №67. Pp. 31–51.

Bulbeck D. Biological and Cultural Evolution in the Population and Culture History of Homo sapiens in Malaya. Pacific Linguistics. 2011. №627. Pp. 207–255.

Bulbeck D. The Chronometric Holocene Archaeological Record of the Southern Thai-Malay Peninsula. International Journal of Asia Pacific Studies. 2014. V. 10. №1. Pp. 111–162.

Carson M.T., Hung H., Summerhayes G., Bellwood P. The Pottery Trail From Southeast Asia to Remote Oceania. *The Journal of Island and Coastal Archaeology*. 2013. V. 8. №1. Pp. 17–36.

Diamond J., Bellwood P. *Farmers and Their Languages: The First Expansions*. Science. 2003. 300. Pp. 597–603.

Handbook of East and Southeast Asian Archaeology. New York : Springer-Verlag, 2017. 771 p.

Matisoo-Smith E. Ancient DNA and the Human Settlement of the Pacific: A Review. *Journal of Human Evolution*. 2015. V. 79. Pp. 93–104.

Malkolm H. *Travels in South-Eastern Asia: Embracing Hindustan, Malaya, Siam, and China; with Notices of Numerous Missionary Stations, and a Full Account of the Burman Empire*. Boston : Gould, Kendall and Lincoln, 1839. 432 p.

Mijares A.S.B. The Early Austronesian Migration to Luzon: Perspectives from the Peñablanca Cave Sites. *Bulletin of the Indo-Pacific Prehistory Association*. 2006. V. 26. Pp. 72–78.

O'Connor S. Rethinking the Neolithic in Island Southeast Asia, with Particular Reference to the Archaeology of Timor-Leste and Sulawesi. *Archipel*. 2015. №90. Pp. 15–47.

Shutler R.J. The Relationship of Red-slipped and Lime-impressed Pottery of the Southern Philippines to that of Micronesia and the Lapita of Oceania. *Le Pacifique de 5000 à 2000 avant le présent: suppléments à l'histoire d'une colonisation*. Paris : Institut de recherche pour le développement. 1999. Pp. 521–529.

Simanjuntak T. The Western Route Migration: A Second Probable Neolithic Diffusion to Indonesia. *New Perspectives in Southeast Asian and Pacific Prehistory*. Canberra : ANU Press, 2017. Pp. 201–211.

Solheim W.G. II Prehistoric Archaeology in Eastern Mainland Southeast Asia and the Philippines. *Asian Perspectives*. 1970. V. XIII. Pp. 47–58.

Solheim W.G. II *Archaeology and Culture in Southeast Asia: Unraveling the Nusantao*. Quezon City : The University of the Philippines Press, 2006. 316 p.

Spriggs M. Archaeology and the Austronesian Expansion: Where are we now? *Antiquity*. 2011. V. 85. Pp. 510–528.

Stark M.T. *Globalizing Early Southeast Asia*. The Routledge Handbook of Archaeology and Globalization. Oxford : Taylor and Francis, 2016. Pp. 707–710.

The Cambridge World Prehistory. V. I. Africa, South and Southeast Asia and the Pacific. New York : Cambridge University Press, 2014. 690 p.

The Oxford Handbook of the Archaeology and Anthropology of Hunter-Gatherers. Oxford : Oxford University Press, 2014. 1330 p.

The Routledge Handbook of Archaeology and Globalization. Oxford : Taylor and Francis, 2016. 994 p.

A.V. Tabarev, A.E. Patrusheva

*Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS, Novosibirsk, Russia;
Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia*

NEOLITHIC OF THE INSULAR SOUTHEAST ASIA: PECULIARITIES, HYPOTHESIS, DISCUSSIONS

The article considers the current stage of the research and the principle problematic of the Neolithic period (4–2, 500 BP) sites in the Insular Southeast Asia (Philippines, Indonesia, Malaysia, and East Timor). Until recently these topics were practically missed in publications of Russian archaeologists; they never worked in the territory of the Insular Southeast Asia, and joint excavations never took place. The dominating hypotheses about the routes and time-frames of the appearance on the Neolithic in the region are “Out of Taiwan” (by P. Bellwood) and “Nusantao” (by W. Solheim II). Both are pointing on the maritime-type migrations from the continent, on the introduction of new technologies (pottery-making, agriculture, cattle-breeding) and on the changes in the ethnical context. Analysis of the archaeological materials allows confirming the significant peculiarities of the Neolithic in the region which are determined by the geography and climate, and are expressed in duration, multi-temporal manifestations of new technologies, specific character of the sites and the migrants-locals relationships.

Key words: Southeast Asia, insular part, Neolithic, pottery, migrations, dating.

ИЗ МУЗЕЙНЫХ КОЛЛЕКЦИЙ

УДК 902«653»(571.150):069.15

Н.Н. Серегин, А.С. Леонов

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

ТЮРКСКИЕ ИЗВАЯНИЯ ИЗ МУЗЕЯ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ АЛТАЯ АЛТАЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА *

В статье представлена характеристика каменных изваяний, находящихся в собрании Музея археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета. Установлено, что в документации данного учреждения какая-либо информация о скульптурах отсутствует. Анализ значительного объема публикаций, посвященных введению в научный оборот и интерпретации каменных изваяний раннего средневековья, позволил атрибутировать две фигуры. Подробное описание двух других изваяний приведено в данной статье. Все каменные изваяния из музея демонстрируют различные этапы формирования и эволюции традиции создания скульптур раннесредневековыми тюрками Алтая. Менее однозначной представляется датировка фигур, которая потребовала дополнительного обоснования. Анализ контекста обнаружения, а также зафиксированных характеристик объектов позволил установить хронологию скульптуры из урочища Тадила, а также лицевого изваяния, найденного неподалеку от с. Чепош, в рамках VI–VII вв. н.э. Две другие фигуры, судя по изображенным реалиям (сосуд, пояс, клинковое оружие), могут быть отнесены ко второй половине VII–VIII вв. н.э. Очевидными представляются значительные перспективы дальнейшей целенаправленной работы по изучению музейных коллекций и введению в научный оборот тюркских изваяний. Оптимальным вариантом презентации результатов таких исследований является издание иллюстрированных каталогов, включающих подробное описание скульптур, а также их культурно-хронологическую интерпретацию.

Ключевые слова: изваяния, тюрки, раннее средневековье, музейные коллекции, Алтай, культурно-хронологическая интерпретация.

DOI: 10.14258/tpai(2018)1(21).-13

Введение

Тюркские каменные изваяния представляют собой одну из наиболее ярких групп памятников раннего средневековья. Скульптуры, в большинстве случаев изображавшие мужчин-воинов, во 2-й половине I тыс. н.э. получили распространение во всех частях Центрально-Азиатского региона. Различным аспектам анализа таких объектов посвящено значительное количество публикаций, среди которых серия монографий [Евтюхова, 1952; Грач, 1961; Шер, 1966; Кубарев, 1984, 1997; Кубарев В.Д., Кубарев Г.В., 2013; и др.]. В настоящее время отдельным направлением в рамках данной тематики является введение в научный оборот новых находок, а также качественная публикация уже известных изваяний. Большие перспективы в этом плане имеет изучение музейных коллекций, которые зачастую до сих пор не обработаны и известны лишь ограниченному числу специалистов. В настоящей статье представлена характеристика тюркских изваяний, хранящихся в Музее археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета (МАЭА АлтГУ).

МАЭА АлтГУ основан в 1985 г. [Кирюшин, Шамшин, Нехведавичюс, 1994; Нехведавичюс, Ведянин, 1995; Горбунов, Чудилин, 2000; Горбунов, 2009; и др.]. Материалы, тогда составившие его коллекции, были получены в ходе полевых исследований, ко-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект «Элита древних тюрков Центральной Азии (комплексный анализ археологических и письменных источников)» (№16-31-01029a2).

торые осуществлялись с 1975 г. сотрудниками, преподавателями и студентами АлтГУ в основном на территории Алтайского края, в состав которого входила Горно-Алтайская автономная область (ныне – Республика Алтай). В 1986 г. приказом министра высшего и среднего специального образования РСФСР музей получил официальный статус. В фондах и экспозиции музея представлена значительная коллекция предметов, демонстрирующих различные стороны материальной культуры раннесредневековых народов Алтая. Особую группу находок составляют каменные тюркские изваяния.

Характеристика изваяний

В настоящее время в экспозиции МАЭА АлтГУ находятся четыре каменные скульптуры (рис. 1). Попытка уточнить атрибуцию фигур позволила установить, что они не имеют инвентарных номеров, следовательно, и в документации музея отсутствуют какие-либо записи [Леонов, 2018, с. 697–698]. Согласно устной информации, полученной от сотрудников, каменные изваяния попали в музей в конце 1970-х – начале 1980-х годов из Горного Алтая. Таким образом, скульптуры поступили в данное учреждение еще до его официального открытия, что является одним из основных объяснений отсутствия какой-либо документации. К сожалению, подобная ситуация характерна и для многих других музейных центров, что подчеркивает актуальность исследований по обработке коллекций и введению их в научный оборот на современном уровне.

Рис. 1. Тюркские изваяния в экспозиции МАЭА АлтГУ (фотоснимок Н.Н. Серегина)

Анализ значительного объема материалов, посвященных публикации каменных изваяний раннего средневековья с территории Алтая, а также различным аспектам их интерпретации позволил атрибутировать две скульптуры из МАЭА АлтГУ. Установлено, что данные фигуры опубликованы в обобщающей монографии В.Д. Кубарева [1984]. Первое из изваяний (рис. 2) обозначено как «Тадила» (Таджилу) по одноименному урочищу в Курайской степи (Кош-Агачский район Республики Алтай), где оно было обнаружено [Кубарев,

Рис. 2. Изваяние №1 из МАЭА АлтГУ
(фотоснимок Н.Н. Серегина)

1984, табл. XVIII.-113; Кубарев, 1997, с. 76–77]. В ходе консультаций с сотрудниками кафедры археологии, этнографии и музеологии АлтГУ предположительно установлено, что скульптура могла поступить в университет в 1981 г.* По сведениям В.Д. Кубарева [1984, с. 129–130], данное изваяние, поваленное в ходе сельскохозяйственных работ, лежало у восточной стенки тюркской оградки, впоследствии раскопанной. В 1980 г. фигура была сначала вывезена в с. Курай, а затем перемещена в АлтГУ.

Вторая скульптура, экспонируемая в МАЭА АлтГУ (рис. 3), обнаружена в урочище Карасу в Усть-Канском районе Республики

Рис. 3. Изваяние №2 из МАЭА АлтГУ
(фотоснимок Н.Н. Серегина)

* Выражаем благодарность заведующему кафедрой археологии, этнографии и музеологии АлтГУ А.А. Тишкину и профессору кафедры А.Л. Кунгурову за предоставленную информацию.

Алтай, в связи с чем и получила свое название [Кубарев, 1984, с. 106–107, табл. II.-17]. По воспоминаниям сотрудников кафедры археологии, этнографии и музеологии АлтГУ, изваяние, скорее всего, попало в университет после экспедиции В.А. Посредникова в 1978 г. В монографии В.Д. Кубарева указано, что эту фигуру, которая в момент обнаружения лежала с восточной стороны от небольшой каменной оградки, привез В.Н. Владимиров. Сам Владимир Николаевич уже не помнит обстоятельств обнаружения данной скульптуры. Первоначально изваяние хранилось в Лаборатории археологии, этнографии и истории Алтая (об этом пишет и В.Д. Кубарев), откуда впоследствии было перенесено в музей.

Каких-либо сведений о двух других изваяниях из собрания МАЭА АлтГУ в имеющихся публикациях не обнаружено. В связи с этим имеет смысл представить описание скульптур.

Третье тюркское изваяние из собрания МАЭА АлтГУ (рис. 4) выполнено на подпрямоугольной плите. Получены замеры верхней части фигуры, не помещенной в установочный подиум: высота – 87 см, ширина – 33 см, толщина – 11 см. Хорошо проработаны голова и черты лица. Глаза круглые, узко посаженные, над ними изображены дуговидные брови. Под прямоугольным носом двумя узкими линиями выбиты усы. Рот изображен прямым нешироким углублением. Голова закруглена сверху и по бокам, отделена от тела широким углублением. Детали, выполненные на туловище, сохранились хуже. Из реалий явно выражен сосуд, который, судя по расположению и форме, находится в правой руке. Прорисовка самих рук практически не видна. В нижней части изваяния линиями показан пояс, к которому слева прикреплен удлиненный прямоугольный предмет. Исходя из изобразительных канонов тюркских изваяний, можно с высокой долей вероятности предположить, что этим предметом является клинковое оружие (меч, кинжал). Согласно устной информации, полученной от сотрудников кафедры археологии, этнографии и музеологии АлтГУ, данная скульптура могла быть обнаружена в окрестностях с. Шибе (Онгудайский район Республики Алтай) и привезена в университет Ю.Т. Мамадаковым во второй половине 1980-х годов.

Рис. 4. Изваяние №3 из МАЭА АлтГУ
(фотоснимок Н.Н. Серегина)

Рис. 5. Изваяние №4 из МАЭА АлтГУ
(фотоснимок Н.Н. Серегина)

Следующее изваяние отличается от трех остальных (рис. 5). Оно является «лицевым», т.е. на широкой тонкой каменной плите изображены только черты лица, без прорисовки других реалий. Размеры плиты 44×33×9 см. Описать скульптуру можно следующим образом: круглое лицо, заостренная у подбородка, проработано тонким неглубоким рельефом; узкие брови плавно переходят в нос, под которым в виде овала выполнен рот. Плита не имеет антропоморфной формы. Она была обнаружена в 2001 г. в долине р. Катунь за с. Чепош (Чемальский район Республики Алтай) во время проведения разведочных работ экспедицией АлтГУ под руководством А.А. Тишкина. Заметив «личину», археологи решили забрать данную плиту в музей. Отметим, что в окрестностях с. Чепош известно и другое «лицевое» изваяние, зафиксированное А.П. Бородовским [2001, рис. 1.-2] у восточного края небольшой каменной оградки.

Культурно-хронологическая принадлежность изваяний

Культурная принадлежность каменных изваяний, представленных в экспозиции МАЭА АлтГУ, не вызывает сомнений – все они отражают существование на Алтае традиции создания скульптур тюрками раннего средневековья. Менее однозначной представляется датировка фигур, которая требует дополнительного обоснования.

Несмотря на отсутствие изображенных реалий, на рассмотрении которых зачастую основывается определение времени создания каменных изваяний, имеются возможности для уточнения датировки скульптуры из урочища Тадила (№1). Они связаны с анализом материалов раскопок оградки, рядом с которой была установлена фигура [Кубарев, 1984, с. 129, табл. XVIII]. Наиболее существенной характеристикой данной конструкции является сама ограда, которая была сооружена из 25 плит. По мнению В.Е. Войтова [1996, с. 61, 70], которое находит подтверждение в материалах раскопок памятников Алтая и Монголии, многоплитовые ограды являются признаком ранних комплексов, характерных для эпохи Первого Тюркского каганата. На основании данного показателя представляется возможным датировать изваяние из урочища Тадила в рамках VI–VII вв. н.э.

Имеются также основания для определения датировки фигуры №4. Данная находка относится к «лицевым» изваяниям. К настоящему времени на территории рассматриваемого региона известна представительная серия подобных фигур, которые выделены В.Д. Кубаревым [1984, с. 21–22] в отдельную группу. По заключению Г.В. Кубарева [2017, с. 97], такие скульптуры, на которых не изображены усы и борода, могли воспроизводить женщин. При этом, по мнению целого ряда исследователей, особенности изобразительной традиции, реализованные при создании данной группы изваяний, обусловлены тем, что они характерны для раннего периода в развитии культуры тюрков. Имеются основания для предположения о том, что «лицевые» изваяния предшествовали реалистичным скульптурам, получившим распространение со 2-й половины VII в. н.э. [Гаврилова, 1965, с. 99–102; Савинов, 2005, с. 239; Горбунов, Тишкин, 2013, с. 97; и др.]. Именно к этой, более поздней группе фигур относятся изваяния №2 и 3, которые, судя по изображенным реалиям (сосуд, пояс, клинковое оружие), могут быть датированы в широких рамках 2-й половины VII–VIII вв. н.э.

Таким образом, рассмотренные изваяния из собрания МАЭА АлтГУ демонстрируют различные этапы формирования и эволюции традиции создания скульптур раннесредневековыми тюрками Алтая. В заключение следует подчеркнуть перспективность дальнейших целенаправленных исследований, связанных с обработкой музейных коллекций и введением в научный оборот каменных изваяний. Оптимальным вариантом презентации результатов таких исследований является издание иллюстрированных каталогов, включающих подробное описание скульптур, а также их культурно-хронологическую интерпретацию.

Библиографический список

- Бородовский А.П. Позднетюркский поминальник на нижней Катунь // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2001. Вып. XII. С. 176–179.
- Войтов В.Е. Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных памятниках Монголии VI–VIII вв. М. : Изд-во ГМВ, 1996. 152 с.
- Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М. ; Л. : Наука, 1965. 146 с.
- Горбунов В.В. 25 лет со времени основания Музея археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета // Алтайский край, 2010 г. : календарь знаменательных и памятных дат. Барнаул : Принт-Экспресс, 2009. С. 28–30.
- Горбунов В.В., Тишкин А.А. Тюркские оградки памятника Яломан-VII (Центральный Алтай) // Теория и практика археологических исследований. 2013. №2 (8). С. 82–99.
- Горбунов В.В., Чудилин И.А. Новая экспозиция музея археологии Алтая Алтайского государственного университета: возможности и перспективы использования в культурно-образовательной деятельности // Культурное наследие Сибири. Вып. 2. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2000. С. 113–117.
- Грач А.Д. Древнетюркские изваяния Тувы. М. : Изд-во вост. лит-ры, 1961. 94 с.
- Евтохова Л.А. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1952. С. 72–120. (МИА, №24).
- Кирюшин Ю.Ф., Шамшин А.Б., Нехведавичюс Г.Л. Музей археологии Алтая как учебно-научное и культурно-просветительное подразделение Алтайского государственного университета // Культурное наследие Сибири. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1994. С. 99–114.
- Кубарев В.Д. Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск : Наука, 1984. 230 с.
- Кубарев В.Д. Каменные изваяния Алтая. Краткий каталог. Горно-Алтайск : Ак-Чечек, 1997. 184 с.
- Кубарев В.Д., Кубарев Г.В. Каменные изваяния древних тюрков Южной Сибири : каталог коллекции Музея истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока и Историко-архитектурного музея под открытым небом ИАЭТ СО РАН. Новосибирск : ИАЭТ СО РАН, 2013. 79 с.

Кубарев Г.В. Древнетюркские изваяния из Апшияхты в Центральном Алтае (к проблеме выделения женских статуарных памятников у древних тюрков) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2017. №1. С. 93–103.

Леонов А.С. Тюркские каменные изваяния Алтая из музеев Барнаула // Молодежь – Барнаулу : материалы XVIII–XIX городской научно-практической конференции молодых ученых. Ч. XIX. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2018. С. 697–700.

Нехведавичюс Г.Л., Ведянин С.Д. Музей археологии Алтайского государственного университета // Алтайский сборник. 1995. Вып. XVI. С. 239–244.

Савинов Д.Г. Древнетюркские племена в зеркале археологии / Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2005. С. 180–343.

Шер Я.А. Каменные изваяния Семиречья. М. : Изд-во АН СССР, 1966. 139 с.

References

Borodovskij A.P. Pozdnetjurkskij pominal'nik na nizhnej Katuni [Late Türkic Burial on the Lower Katun]. Sohranenie i izuchenie kul'turnogo nasledija Altajskogo kraja [Preservation and Study of the Cultural Heritage of the Altai Territory]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2001. Vyp. XII. Pp. 176–179.

Vojtov V.E. Drevnetjurkskij panteon i model' mirozdanija v kul'tovo-pominal'nyh pamjatnikah Mongolii VI–VIII vv. [Stone Sculptures of Southern Siberia and Mongolia]. Moscow : Izd-vo GMV, 1996. 152 p.

Gavrilova A.A. Mogil'nik Kudyrgje kak istochnik po istorii altajskikh plemen [The Kudyrgje Burial Ground as a Source on the History of Altai Tribes]. M. ; L. : Nauka, 1965. 146 p.

Gorbunov V.V. 25 let so vremeni osnovanija Muzeja arheologii i jetnografii Altaja Altajskogo gosudarstvennogo universiteta [25 Years Since the Founding of the Altai Museum of Archaeology and Ethnography of Altai State University]. Altajskij kraj, 2010 g.: kalendar' znamenatel'nyh i pamjatnyh dat [Altai Territory, 2010: a Calendar of Significant and Memorable Dates]. Barnaul : Print-Jekspress, 2009. Pp. 28–30.

Gorbunov V.V., Tishkin A.A. Tjurkskie ogradki pamjatnika Jaloman-VII (Central'nyj Altaj) [Türkic Fences of the Yaloman-VII Site (Central Altai)]. Teorija i praktika arheologičeskikh issledovanij [Theory and Practice of Archaeological Research] 2013. Issue 2 (8). Pp. 82–99.

Gorbunov V.V., Chudilin I.A. Novaja jekspozicija muzeja arheologii Altaja Altajskogo gosudarstvennogo universiteta: vozmožnosti i perspektivy ispol'zovanija v kul'turno-obrazovatel'noj dejatel'nosti [A New Exposition of the Altai Museum of Altai Archaeology: Opportunities and Prospects for Use in Cultural and Educational Activities]. Kul'turnoe nasledie Sibiri [Cultural Heritage of Siberia. Issue 2]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2000. Issue 2. Pp. 113–117.

Grach A.D. Drevnetjurkskie izvajanija Tuvy [Ancient Turkic Sculptures of Tuva]. M. : Izd-vo vost. lit-ry, 1961. 94 p.

Evtjuhova L.A. Kamennye izvajanija Juzhnoj Sibiri i Mongolii [Stone Sculptures of Southern Siberia and Mongolia]. M. ; L. : Izd-vo AN SSSR, 1952. Pp. 72–120. (MIA, №24).

Kirjushin Ju.F., Shamshin A.B., Nehvedavichjus G.L. Muzej arheologii Altaja kak uchebno-nauchnoe i kul'turno-prosvetitel'noe podrazdelenie Altajskogo gosudarstvennogo universiteta [Altai Museum of Archaeology as an Educational, Scientific and Cultural-Educational Unit of Altai State University]. Kul'turnoe nasledie Sibiri [Cultural Heritage of Siberia]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1994. Pp. 99–114.

Kubarev V.D. Drevnetjurkskie izvajanija Altaja [Ancient Turkic Sculptures of Altai]. Novosibirsk : Nauka, 1984. 230 p.

Kubarev V.D. Kamennye izvajanija Altaja. Kratkij katalog [Stone Statues of Altai. Short Catalog]. Gorno-Altajsk : Ak-Chechek, 1997. 184 p.

Kubarev V.D., Kubarev G.V. Kamennye izvajanija drevnih tjurok Juzhnoj Sibiri: katalog kollekcii Muzeja istorii i kul'tury narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka i Istoriko-arhitekturnogo muzeja pod otkrytym nebom IAJeT SO RAN [Stone Sculptures of Ancient Turks of South Siberia: Catalog of the Collection of the Museum of History and Culture of the Peoples of Siberia and the Far East and the Historical and Architectural Museum in the Open Air]. Novosibirsk : IAJeT SO RAN, 2013. 79 p.

Kubarev G.V. Drevnetjurkskie izvajanija iz Apshijahy v Central'nom Altae (k probleme vydelenija zhenskikh statuarnykh pamjatnikov u drevnih tjurok) [Ancient Turkic Sculptures from Apshiyakhta in Central Altai (to the Problem of the Allocation of Female Statues of Ancient Turks)]. Arheologija, jetnografija i antropologija Evrazii [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia]. 2017. №1. Pp. 93–103.

Leonov A.S. Tyurkskie kamennye izvayaniya Altaya iz muzeev Barnaula [Türkic Stone Sculptures of Altai from the Museums of Barnaul]. Molodezh' – Barnaulu : materialy XVIII–XIX gorodskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii molodykh uchenykh. Ch. XIX [Youth to Barnaul: Materials of the XVIII–XIX City Scientific-Practical Conference of Young Scientists. Part XIX. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2018. Pp. 697–700.

Nehvedavichjus G.L., Vedjanin S.D. Muzej arheologii Altajskogo gosudarstvennogo universiteta [Museum of Archaeology of Altai State University]. Altajskij sbornik. 1995. Vyp. XVI [Altai Collection. 1995. Issue. XVI]. Pp. 239–244.

Savinov D.G. Drevnetjurkskie plemena v zerkale arheologii [Ancient Turkic Tribes in the Mirror of Archaeology] / Kljashtornyj S.G., Savinov D.G. Stepnye imperii drevnej Evrazii [Steppe Empires of Ancient Eurasia]. SPb. : Izd-vo SPbGU, 2005. Pp. 180–343.

Sher Ja.A. Kamennye izvajaniya Semirech'ja [Stone Sculptures of the Seven Rivers]. M. : Izd-vo AN SSSR, 1966. 139 p.

N.N. Seregin, A.S. Leonov

Altai State University, Barnaul, Russia

TURKIC STATUES FROM THE MUSEUM OF ARCHAEOLOGY AND ETHNOGRAPHY OF ALTAI OF ALTAI STATE UNIVERSITY

The article presents a description of stone statues from the collection of Museum of Archaeology and Ethnography of Altai in Altai State University. It is established that there is no information about sculptures in the documentation of this organization. Analysis of a significant amount of publications devoted to the introduction into the scientific circulation and interpretation of stone sculptures of the early Middle Ages allowed attributing two figures. A detailed description of the two other sculptures is given in the publication. All stone sculptures from the museum show different stages in the formation and evolution of the tradition of sculpture creation by early medieval Turks in Altai. Less definitive is the dating of figures, which required additional justification. Analysis of the context of detection and the fixed characteristics of objects allowed establishing the chronology of the sculpture from Tadila place, as well as the facial sculpture found near the Cheposh village in the 6th – 7th centuries AD. Two other figures, judging by the depicted realities (vessel, belt, blade weapon), can be attributed to the second half of the 7th – 8th centuries AD. Significant prospects for further focused work on the study of museum collections and the introduction of Turkic sculptures into scientific circulation are obvious. The optimal variant of the presentation of such studies is the publication of illustrated catalogs, including a detailed description of the sculptures along with as their cultural and chronological interpretation.

Key words: statues, Turks, early Middle Ages, museum collections, Altai, cultural-chronological interpretation.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АлтГУ – Алтайский государственный университет.
АН – Академия наук.
АО – Археологические открытия.
ГАНИИИЯЛ – Горно-Алтайский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы.
ГЭ – Государственный Эрмитаж.
ИА – Институт археологии.
ИИМК – Институт истории материальной культуры.
КемГУ – Кемеровский государственный университет.
КСИА – Краткие сообщения Института археологии.
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры.
КузГТУ – Кузбасский государственный технический университет.
ЛКП – лакокрасочное покрытие.
ЛО – Ленинградское отделение.
ЛЭП – Линия электропередач.
МАЭ РАН – Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) (Санкт-Петербург).
МАЭ – Музей археологии и этнографии (Омск).
МАЭС – Музей археологии и этнографии Сибири (Томск).
МАЭЭС – Музей археологии, этнографии и экологии Сибири (Кемерово).
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР.
НГУ – Новосибирский государственный университет.
ОмГУ – Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского.
ОНТЭ – Отдел научно-технической экспертизы.
РАН – Российская Академия наук.
РК – Республика Казахстан.
РФ – Российская Федерация.
РФА – рентгенофлюоресцентный анализ.
РФФИ – Российский фонд фундаментальных исследований.
СО РАН – Сибирское отделение Российской Академии наук.
СССР – Союз Советских Социалистических Республик.
ТГУ – Томский государственный университет.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Боманн Мальвина, Phd преистории, этнологии, антропологии, внештатный сотрудник Лаборатории PACEA, Университет Бордо; UMR 5199 PACEA, Université Bordeaux, UMR 5199 Bâtiment B8, Allée Geoffroy St Hilaire, CS 50023, 33615 Pessac cedex.

Грушин Сергей Петрович, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета, ведущий научный сотрудник Лаборатории междисциплинарного изучения археологии Западной Сибири и Алтая Алтайского государственного университета; 656049, Барнаул, пр-т Ленина, 61, каб. 321а; gsp142@mail.ru

Дмитриев Евгений Анатольевич, магистр гуманитарных наук, младший научный сотрудник Сарыаркинского археологического института при Карагандинском государственном университете имени академика Е.А. Букетова; 100028, Казахстан, ул. Университетская, 28, Караганда; yevgenii1992@mail.ru, dmitriev1992@gmail.com

Жусупов Даурен Сеитович, магистр гуманитарных наук, научный сотрудник Областного историко-краеведческого музея г. Караганда; 100000, Казахстан, Караганда, ул. Ерубаяева, 38; donya_1986@mail.ru

Киришин Кирилл Юрьевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН; 630090, Россия, Новосибирск, пр-т ак. Лаврентьева, 17; доцент кафедры рекреационной географии, туризма и регионального маркетинга Алтайского государственного университета, старший научный сотрудник Лаборатории междисциплинарного изучения археологии Западной Сибири и Алтая Алтайского государственного университета; kirill-kirushin@mail.ru

Ковалевский Сергей Алексеевич, доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории, философии и социальных наук Кузбасского государственного технического университета имени Т.Ф. Горбачёва; 650000, Кемерово, ул. Весенняя, 28; koval71@mail.ru

Колобова Ксения Анатольевна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН; 630090, Новосибирск, пр-т ак. Лаврентьева, 17; kolobovak@yandex.ru

Кривошапкин Андрей Иннокентьевич, доктор исторических наук, зам. директора, ведущий научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН; 630090, Новосибирск, пр-т ак. Лаврентьева, 17; krivoshapkin@mail.ru

Кунгуров Артур Леонидович, кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета; 656049, Барнаул, пр-т Ленина, 61, каб. 211; artur.kungurov@mail.ru

Леонов Антон Сергеевич, магистрант исторического факультета Алтайского государственного университета; 656049, Барнаул, пр-т Ленина, 61; leonov0309@gmail.com

Марсадолов Леонид Сергеевич, доктор культурологии, ведущий научный сотрудник Отдела археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа; 190000, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 34; marsadolov@hermitage.ru

Миклашевич Елена Александровна, инженер I категории Научно-инновационного управления Кемеровского государственного университета; научный сотрудник Кузбасской лаборатории Института археологии и этнографии СО РАН; старший научный сотрудник Музея-заповедника «Томская Писаница»; 650000, Кемерово, ул. Мичурина, 15–16; elena-miklashevich@yandex.ru

Новикова Ольга Геннадьевна, кандидат технических наук, старший научный сотрудник Отдела научно-технической экспертизы Государственного Эрмитажа; 190000, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 34; novikova@hermitage.ru

Папин Дмитрий Валентинович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории междисциплинарного изучения археологии Западной Сибири и Алтая Алтайского государственного университета, научный сотрудник Барнаульской лаборатории археологии и этнографии Южной Сибири Института археологии и этнографии СО РАН; 656049, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61; papindv@mail.ru

Патрушева Анна Евгеньевна, студентка Новосибирского государственного университета; 630090, Новосибирск, ул. Пирогова, 2; annaraft@yandex.ru

Подобед Вячеслав Анатольевич, старший научный сотрудник Отдела охраны памятников археологии областного краеведческого музея, г. Донецк, Украина; 83048, Украина, г. Донецк, ул. Челюскинцев, 189-А, Донецкий областной краеведческий музей; archaeodon@front.ru

Серегин Николай Николаевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Лаборатории междисциплинарного изучения археологии Западной Сибири и Алтая Алтайского государственного университета; докторант кафедры археологии, этнографии и музеологии АлтГУ; 656049, Барнаул, пр-т Ленина, 61, каб. 211; nikolay-seregin@mail.ru

Сосновский Илья Андреевич, магистрант исторического факультета Алтайского государственного университета; 656049, Барнаул, пр-т Ленина, 61, каб. 211; oroartus@ya.ru

Сотникова Светлана Владимировна, кандидат исторических наук, доцент, научный консультант ООО «Центр археологических исследований», г. Надым; 629730, Тюменская область, Надым, ул. Зверева, 29/1; svetlanasotnik@mail.ru

Табарев Андрей Владимирович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий сектором зарубежной археологии Института археологии и этнографии СО РАН; 630090, Новосибирск, пр-т ак. Лаврентьева, 17; olmec@yandex.ru

Тишкин Алексей Алексеевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета, главный научный сотрудник Лаборатории междисциплинарного изучения археологии Западной Сибири и Алтая Алтайского государственного университета; 656049, Барнаул, пр-т Ленина, 61, каб. 211; tishkin210@mail.ru

Усачук Анатолий Николаевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела охраны памятников археологии областного краеведческого музея,

г. Донецк, Украина; 83048, Украина, г. Донецк, ул. Челюскинцев, 189-А, Донецкий областной краеведческий музей; dood@mail.ru

Федорук Александр Сергеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник лаборатории междисциплинарного изучения археологии Западной Сибири и Алтая Алтайского государственного университета, научный сотрудник Барнаульской лаборатории археологии и этнографии Южной Сибири Института археологии и этнографии СО РАН; 656049, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61; fedorukas@mail.ru

Цимиданов Виталий Владиславович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела охраны памятников археологии областного краеведческого музея, г. Донецк, Украина; 83048, Украина, г. Донецк, ул. Челюскинцев, 189-А, Донецкий областной краеведческий музей; archaeodon@front.ru

Шалагина Алена Владимировна, младший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН; 630090, Новосибирск, пр-т ак. Лаврентьева, 17; aliona.shalagina@yandex.ru

Шмидт Александр Викторович, кандидат исторических наук, заведующий отделом археологии БУ «Музей Природы и Человека»; 628011, Ханты-Мансийск, ул. Мира, 14а; tison172@mail.ru

Шнайдер Светлана Владимировна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН; 630090, Новосибирск, пр-т ак. Лаврентьева, 17; sveta.shnayder@gmail.com

Научное издание

**ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

№1 (21) • 2018

Редактор: Е.Б. Семьянова

Перевод и редактирование текстов на английском языке, References: Е.А. Воронцова

Подготовка оригинал-макета: М.Ю. Кузеванова

Журнал распространяется по подписке ФГУП «Почта России»

Подписной индекс П4317

Подписано в печать 19.03.2018. Печать офсетная

Бумага офсетная. Формат 70x100/16. Гарнитура Times New Roman

Усл. печ. л. 15,1. Тираж 500 экз. Заказ №84.

Отпечатано в типографии Алтайского государственного университета
656049, Барнаул, ул. Димитрова, 66